

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Батаршев С.В., Попов А.Н.** Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья 2

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Дервянко А.П., Медведев В.Е.** К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) 14
- Черных Е.Н.** Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии 36
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С.** Этапы заселения городища Чича-1 (по результатам анализа керамического комплекса) 54
- Мандрыка П.В.** Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири 68
- Кузьмин Н.Ю.** Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая 77
- Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А.** Роль миграций в развитии андроновской общности 88

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Ковтун И.В.** Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н.э. 97

ЭТНОГРАФИЯ

- Фролова Е.Л.** Этнокультурные функции имени в традиционном японском обществе 105
- Еркинова Р.М., Маточкин Е.П.** Археологические и этнографические зарисовки Г.И. Чорос-Гуркина в фондах Национального музея Республики Алтай 113
- Кимеев В.М.** Экомузеи Сибири как центры сохранения этнокультурного наследия в природной среде 119

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

- Казахи Северо-Западной Монголии.** Будни и праздники летних кочевий 129

АНТРОПОЛОГИЯ

- Ходжайов Т.К.** Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время 143

ПЕРСОНАЛИИ

- Вячеслав Иванович Молодин** 157

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

УДК 903.3

С.В. Батаршев, А.Н. Попов

Дальневосточный государственный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690950, Россия

E-mail: batar@museum.dvgu.ru

popov@museum.dvgu.ru

ПАМЯТНИК СЕРГЕЕВКА-1 НА ПРИХАНКАЙСКОЙ РАВНИНЕ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ СРЕДНЕГО НЕОЛИТА ПРИМОРЬЯ*

Исследования, проводившиеся в последние годы археологами Приморского края, актуализировали ряд проблем в изучении руднинской археологической культуры среднего неолита (7,5 – 6,0 тыс. л.н.). Наиболее активно обсуждаемая среди них – проблема культурной типологии. Авторы на основании изучения материалов памятника Сергеевка-1 разработали внутреннюю периодизацию руднинской культуры, выделили два ее этапа – ранний руднинский (7,5–7,0 тыс. л.н.) и поздний сергеевский (7–6 тыс. л.н.). Названия этапов соответствуют названиям опорных памятников, из материалов которых составлены эталонные коллекции археологического инвентаря: Рудная Пристань в Восточном Приморье и Сергеевка-1 в Западном Приморье. Различия между этапами четко проявились в керамике, в меньшей степени – в каменном инвентаре и практически не отразились в конструктивном устройстве жилищ.

Введение

Представления о наиболее раннем этапе неолита Приморья (руднинская археологическая культура) до недавнего времени базировались в основном на материалах двух изученных в 1950–1980-х гг. памятников – поселения Рудная Пристань (Тетюхе) и пещерной стоянки Чертовы Ворота. В последние годы исследованы новые археологические объекты, содержащие руднинский или хронологически и типологически близкий к нему инвентарь, проводился анализ и публиковались коллекции ранее изученных памятников. Активный ввод в научный оборот новых источников актуализировал ряд проблем в изучении руднинской культуры. Наиболее дискуссионная и активно обсуждаемая среди них – проблема культурной типологии, подразумевающей группировку археологического ма-

териала по трехранговой схеме «провинция – культура – вариант» [Клейн, 1991, с. 193].

Впервые к проблеме неоднородности инвентаря памятников руднинской культуры обратился Д.А. Сапфиров. По его мнению, «формирование руднинской культуры происходило в пределах ханкайского бассейна»: ее памятники, обнаруженные здесь, по археологическому материалу существенно отличаются от таких же объектов в Восточном Приморье. С точки зрения Д.А. Сапфинова, эти памятники представляют особую ханкайскую неолитическую культуру, с дальнейшим развитием и распространением которой и «связано появление руднинских комплексов в III тыс. до н.э.» на восточном побережье Приморского края [1985, с. 70]. Чуть позже данную идею поддержал В.А. Лынша. В 1988 г. на Приханкайской равнине (Западное Приморье) он открыл новый неолитический памятник Сергеевка-1. На основании разведочных материалов В.А. Лынша определил объект как однослойный и отнес его к «приханкайской

*Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ № 06-01-00543а и 07-01-00496а.

группе памятников раннего неолита». Для керамики этих памятников В.А. Лынша предложил определение «сергеевский тип» [1989, с. 43]. Недавно Н.А. Клюев, опираясь на результаты исследований серии памятников с керамикой сергеевского типа в Центральном (Шекляево-7, ЛПЗ-3-6, Новотроицкое-2) и Западном (Дворянка-1) Приморье, предложил выделить шекляевскую культуру, или шекляевскую культурную группу, которая в основных чертах дублирует ханкайскую неолитическую культуру [Клюев и др., 2005; Клюев, Гарковик, 2006; Клюев, Пантюхина, 2006].

В 2001–2004 гг. совместными экспедициями Музея археологии и этнографии Дальневосточного государственного университета и Дальневосточной лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН на Приханкайской равнине (Западное Приморье) проводились поиск и стационарное изучение памятников эпохи неолита. В результате было раскопано три памятника – Лузанова Сопка-2, Лузанова Сопка-5 и Сергеевка-1. При исследовании данных объектов получены однородные коллекции инвентаря, позволившие не только охарактеризовать руднинские комплексы Приханкайской равнины, но и провести сравнительный анализ материалов памятников культуры из разных районов Приморья [Батаршев, 2005]. Результаты исследований памятников Лузанова Сопка-2 и -5 представлены в ряде работ [Батаршев, Морева, Попов, 2003; Попов и др., 2003; Попов, Батаршев, 2007]; в настоящей статье внимание акцентируется на характеристике и интерпретации материалов, полученных в 2004 г. при изучении многослойного памятника Сергеевка-1 [Попов и др., 2004].

Археологические материалы

Памятник Сергеевка-1 находится в 3 км к северо-западу от с. Сергеевка Пограничного р-на Приморского края, на поверхности увала, мысовидно выдвинутого в сторону русла р. Нестеровки (рис. 1). Раскоп общей площадью 245 м² охватил практически всю территорию локализации культуросодержащих отложений.

Структура культуросодержащих отложений. Стратиграфические разрезы памятника отражают достаточно сложный процесс формирования литологических подразделений элювиально-делювиального

Рис. 1. Карта распространения памятников руднинской культуры. Памятники с керамикой: 1 – руднинского типа; 2 – сергеевского типа; 3 – руднинского и сергеевского типов.

1 – Чертовы Ворота; 2 – Рудная Пристань; 3 – Устиновка-8; 4 – Шекляево-7, Новотроицкое-2; 5 – ЛПЗ-3-6; 6 – Синий Гай-4; 7 – Черниговка-1; 8 – Лузанова Сопка-2, -5; 9 – Сиротинка; 10 – Петровицы; 11 – Сергеевка-1; 12 – Дворянка-1; 13 – Осиновка; 14 – Бойсмана-2; 15 – Синькайлю.

генезиса и содержащихся в них культурно-хронологических комплексов [Попов и др., 2004]. Наиболее показателен стратиграфический разрез по линии 8–8 (вид с востока) (рис. 2). В нем представлены: 1) дерн (5–13 см); 2) поддерновая темно-коричневая гумусированная супесь (5–21 см); 3) желто-коричневая плотная супесь с включениями дресвы между пикетами Д–П (7–65 см); 4) темно-коричневая гумусированная супесь с примесью дресвы между пикетами Б`–Ж (24–65 см); 5) желто-красно-коричневая плотная щебнистая супесь с включениями дресвы между пикетами Г`–А и Л–П (12–32 см); 6) черно-коричневая щебнистая супесь с включениями дресвы между пикета-

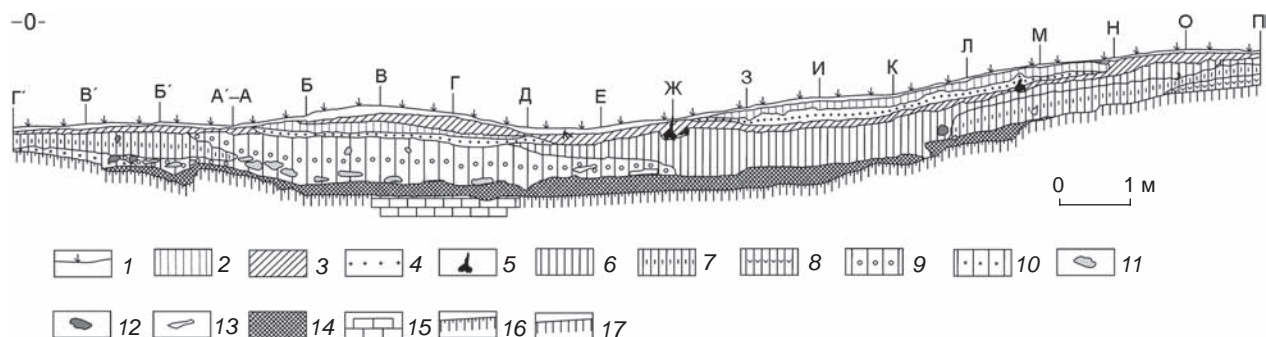

Рис. 2. Стратиграфический разрез. Сергеевка-1.

1 – дерн; 2 – ярко-желтая дресва; 3 – поддерновая темно-коричневая гумусированная супесь; 4 – погребенный дерн; 5 – корни; 6 – желто-коричневая плотная супесь; 7 – желто-красно-коричневая плотная щебнистая супесь; 8 – красно-коричневый легкий суглинок; 9 – темно-коричневая гумусированная супесь; 10 – рыже-коричневая супесь; 11 – светло-коричневый заполнитель нор и корнеходов; 12 – темно-коричневый заполнитель нор и корнеходов; 13 – камни; 14 – черно-коричневая щебнистая супесь; 15 – скальник; 16 – рыхлый полуразложившийся цоколь; 17 – плотная дресва.

ми В`–М (10–26 см). Слой насыщен органогенными частицами гумуса и углисто-сажистого вещества; 7) рыже-коричневая супесь с незначительным содержанием дресвы между пикетами Г`–Б` (4–18 см); 8) красно-коричневый легкий суглинок с примесью дресвы между пикетами О–П (до 14 см); 9) материк – рыхлый полуразложившийся цоколь, скальник и плотная дресва.

Стратиграфическое изучение, а также анализ планиграфии распространения артефактов позволяют реконструировать последовательность культурно-хронологических комплексов. На гривке северной оконечности памятника в поддерновой темно-коричневой гумусированной супеси, желто-коричневой плотной супеси и красно-коричневом легком суглинке обнаружены немногочисленные позднепалеолитические артефакты, выполненные в пластинчатой и микропластинчатой технике. Залегание этих находок в слоях, содержащих материал эпох неолита и палеометалла, указывает на их переотложенный характер.

Основной культурно-хронологический комплекс памятника принадлежит среднему неолиту и представлен артефактами руднинской культуры. Эти материалы обнаружены в толще слоя желто-красно-коричневой щебнистой супеси, кровле красно-коричневого легкого суглинка и в заполнении жилища.

Котлован жилища, зафиксированный на дневной поверхности раскопа в виде обширной западины округлой формы, занимает основную часть территории памятника. Древние обитатели поселения при строительстве котлована жилища выбрали рыхлые отложения до скального цоколя или продуктов его выветривания. В результате жизнедеятельности человека на полу жилища образовался слой черно-коричневой щебнистой супеси. В ее формировании определенную роль сыграли обильные углисто-сажистые включения от сгоревшей кровли жилища.

После прекращения функционирования жилища в образовавшуюся западину, перекрывая северную часть слоя черно-коричневой щебнистой супеси, сполз слой желто-красно-коричневой щебнистой супеси. На остальной части западины при активном участии плоскостного смыва сформировались толщи темно-коричневой гумусированной и желто-коричневой плотной супесей, на которые последовательно селились люди трех эпох – позднего неолита, бронзы и раннего железа. Активные антропогенные нарушения, появление корнеходов и многочисленных нор животных обусловили переотложение материалов позднего неолита и палеометалла. Кроме того, произошла компрессия подошвы слоев темно-коричневой гумусированной и желто-коричневой плотной супесей с кровлей черно-коричневой щебнистой супеси. В результате был полностью разрушен и включен в вышележащие слои верх заполнения руднинского жилища, а руднинский материал смешан с более поздними артефактами. Однако следует отметить, что поздние нарушения не затронули основной толщи черно-коричневой щебнистой супеси и красно-коричневого легкого суглинка, что обеспечило хорошую сохранность раннего неолитического комплекса на полу жилища и за его пределами в северной части памятника.

Жилой комплекс. Котлован жилища имеет неправильные, близкие к квадрату очертания, пологие плечики с внешним и внутренним контурами. По внутреннему контуру площадь жилища составляет ок. 68 м², по внешнему – ок. 144 м². В северной и западной частях котлована жилища имеются две боковые ниши. Особый интерес представляет западная ниша длиной 4 м и шириной 2,5–3,0 м. В ней или вблизи нее сосредоточено 54,5 % фрагментов керамики и 46,0 % изделий из камня от всего количества керамики и каменного инвентаря, найденного на полу жилища. Данный участок являлся, вероятно, специализированной хозяйственно-бытовой

зоной. На северо-восточном участке плеча жилища отмечен искусственный шлейф из камней, который, по всей видимости, является частью конструкции жилища. В центре жилища расположен очаг, сложенный из камней. Вдоль внутреннего контура котлована жилища

прослежена 71 яма (в т.ч. пять ям с каменной забутовкой); одни из них могли быть столбовыми, другие – остатками нор и корнеходов (рис. 3, 4).

Ритуальный комплекс. В непосредственной близости от очага изучен уникальный для неолита Приморья ри-

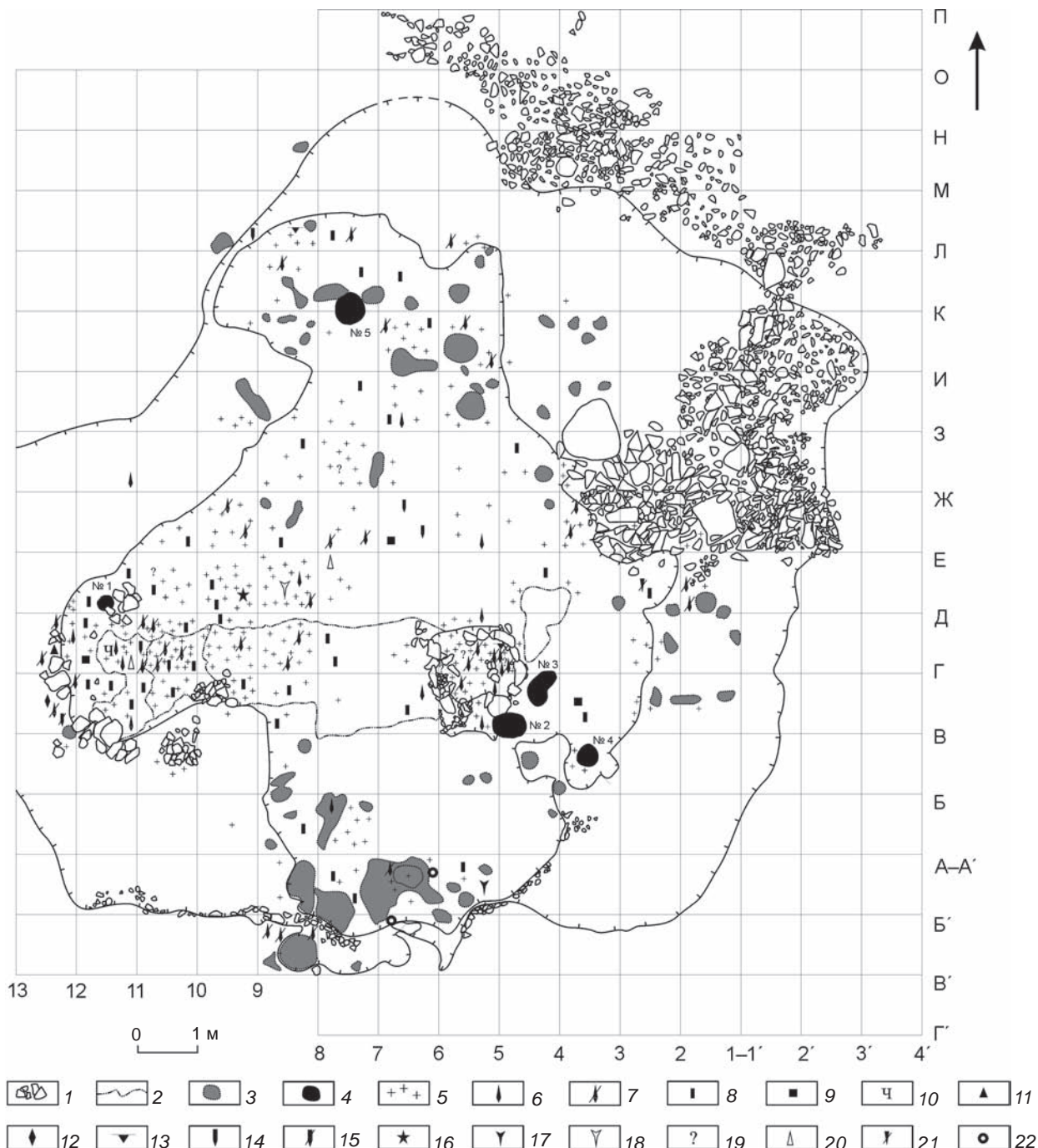

Рис. 3. План жилища. Памятник Сергеевка-1.

1 – камни; 2 – граница скального выхода; 3 – яма; 4 – яма с каменной забутовкой; 5 – фрагменты керамики; 6 – шлифованный наконечник стрелы; 7 – обломок шлифованного наконечника стрелы; 8 – плитка сланца; 9 – абразив; 10 – челюсть животного; 11 – ретушированный отщеп; 12 – бифас; 13 – скребок; 14 – рубящее орудие; 15 – обломок рубящего орудия; 16 – обломок ретушированного орудия; 17 – проколка; 18 – сверло; 19 – заготовка каменного орудия; 20 – обломок шлифованного ножа; 21 – обломок ретушированного наконечника стрелы; 22 – бусина.

Рис. 4. Котлован жилища. Памятник Сергеевка-1.

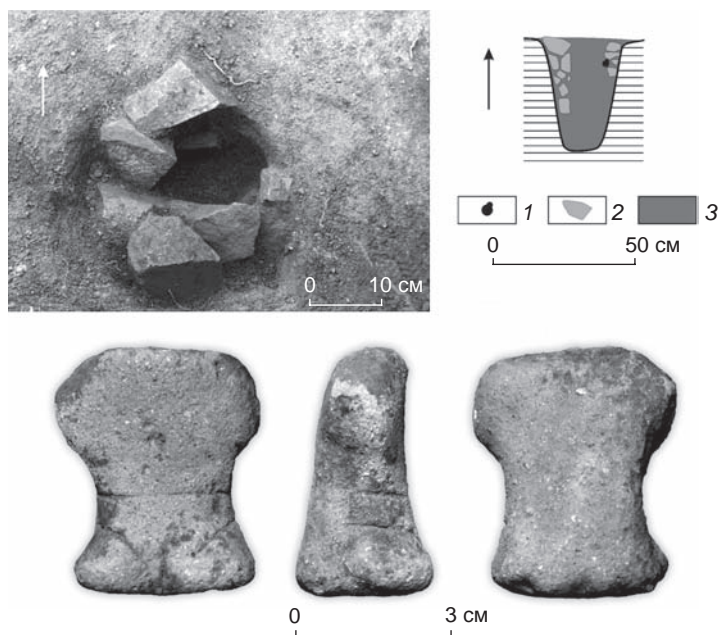

Рис. 5. Столбовая яма с каменной забутовкой и керамическая фигурка из нее. Памятник Сергеевка-1.
1 – керамическая фигурка; 2 – камни забутовки; 3 – рыхлое заполнение ямы.

туальный комплекс [Попов, Батаршев, 2006]. Он состоит из столбовой ямы с каменной забутовкой (яма № 4), в верхней части которой находилась глиняная антропоморфная фигурка. Фигурка изображает сидящую на коленях женщину (?) со схематично переданными животом и женскими половыми органами (высота 4,9 см, максимальная ширина 3,6 см, максимальная толщина 2,7 см). Голова отсутствует; возможно, она преднамеренно отломана или вообще не была оформлена. Учитывая, что фигурка находилась между камнями

забутовки одного из центральных опорных столбов, имевших, по-видимому, особое значение для конструкции кровли, данный комплекс можно рассматривать как отражение ритуала строительной жертвы (рис. 5).

Каменный инвентарь. Характеристика каменного инвентаря руднинского комплекса составлена на основе коллекции изделий из слоя черно-коричневой щебнистой супеси [Дорофеева, Батаршев, 2006]. Коллекция немногочисленна (113 изделий, включая отходы производства); в ней отсутствует комплекс первичного расщепления и незначительна доля ретушированных орудий (11,2 %). Изделия иллюстрируют отщеповую технику получения заготовок, конечным продуктом которой были отщепы и пластинчатые отщепы. Вторичная обработка осуществлялась приемами бифасиальной, унифасиальной и краевой ретуши. Морфологически выраженные орудия включают: бифас ромбовидной в плане формы и линзовидный в сечении (рис. 6, 3), скребок концевое типа с высоким полукруглым лезвием (рис. 6, 1), проколку-провертку на четырехгранной удлиненной заготовке (рис. 6, 2), фрагмент наконечника стрелы с выемкой в основании, оформленный краевой двухсторонней ретушью (рис. 6, 4).

Более разнообразна информация по комплексу шлифованных изделий. Сырьем для их изготовления служили метаморфизованные сланцы различной окраски, разной степени осланцованности и твердости. Наиболее массовой группой орудий, обработанных шлифовкой, являются наконечники стрел – 52 экз. (33 фрагмента, 14 целых и пять незаконченных изделий). Они достаточно близки, соответствуют определенным стандартам и, вероятно, изготовлены по определенным «шаблонам». Узкий «шаблон» представляют наконечники иволистной формы длиной ок. 3,5 см, шириной 1,0–1,1 см, толщиной 1,5–2,0 мм, с ромбическим в сечении острием и линзовидным в сечении телом (четыре целых, восемь фрагментированных и три незаконченных изделия; рис. 6, 6). Широкий «шаблон» – наконечники лавролистной формы длиной ок. 4 см, шириной 1,2–1,3 см, толщиной 2–3 мм, с ромбическим в сечении острием и линзовидным или шестигранным в сечении телом (10 целых, 19 фрагментированных и два незаконченных орудия; рис. 6, 7).

Большинство наконечников стрел имеет прямой насад (16 экз.; рис. 6, 6, 8), но есть орудия с выпуклым (2 экз.), слабоогнутым (3 экз.; рис. 6, 7) и во-

гнутом (3 экз.) основанием. Два орудия отражают попытку сформировать жальца (рис. 6, 9).

Следующая группа шлифованных орудий – тесло-видные инструменты небольших размеров (5 экз.). Изделия удлиненно-треугольной формы со слабо-впуклым рабочим лезвием, обработаны двухсторонней шлифовкой. Орудия плоские в сечении, толщиной 1,5–2,0 мм; лишь один образец овальный в сечении, толщиной 6 мм (рис. 6, 10–12).

Кроме того, в коллекции с пола жилища имеются фрагменты крупных шлифованных орудий (два фрагмента двулезвийных ножей (рис. 6, 5), фрагмент насада рубящего орудия), две шлифованные бусины (шаровидная и цилиндрическая) и три небольших абразива.

Керамика. Керамическая коллекция, относящаяся к руднинскому комплексу памятника, включает 795 орнаментированных фрагментов керамики примерно 300 сосудов. Археологически целых сосудов в керамической коллекции нет; шесть емкостей удалось восстановить на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$.

Сырье. По данным петрографического анализа (определения канд. геол.-минерал. наук Б.Л. Залищак, Дальневосточный геологический институт ДВО РАН), керамическое тесто посуды приготовлено по трем рецептурам. Наиболее распространена формовочная композиция «глина+песок+дресва». В качестве минерального отощителя использованы, по-видимому, продукты выветривания, из которых сложены увалы левого берега р. Нестеровки. Рыхлая порода, добавлявшаяся в глину, предварительно дробилась, но не просеивалась, о чем свидетельствует значительный разброс размерных показателей зерен отощителя. Менее распространены рецептуры «глина+песок» и «глина+песок+шамот». В качестве шамота, судя по небольшой величине и округлости зерен, использовалась необожженная, высушенная на солнце глина.

Формовка. Посуда изготавливалась кольцевым жгутовым налепом. Спаи жгутов при распаде прямые либо с небольшим скосом. Швы конструктивных элементов на поверхности сосудов не фиксируются. Дно изготавливалось из тонкой глиняной лепешки, в торец которой крепился нижний жгут тулова. Соединение дна с туловом снаружи плавное, без уступа или закраины, под углом примерно в 100° . Внутри стык тулова и дна дополнительно не укреплялся. Венчики сосудов оформлялись путем простого моделирования верхнего жгута тулова (уплощение, утолщение, отгиб).

Обработка поверхностей. Стенки и дно сосудов тщательно заглаживались. На внутренней поверхности некоторых образцов имеются следы обработки гладким инструментом (возможно, галькой) – параллельные, горизонтально ориентированные трассы шириной до 0,6 см. На завершающей стадии обработки поверхности стенки и дно сосудов покрывались с

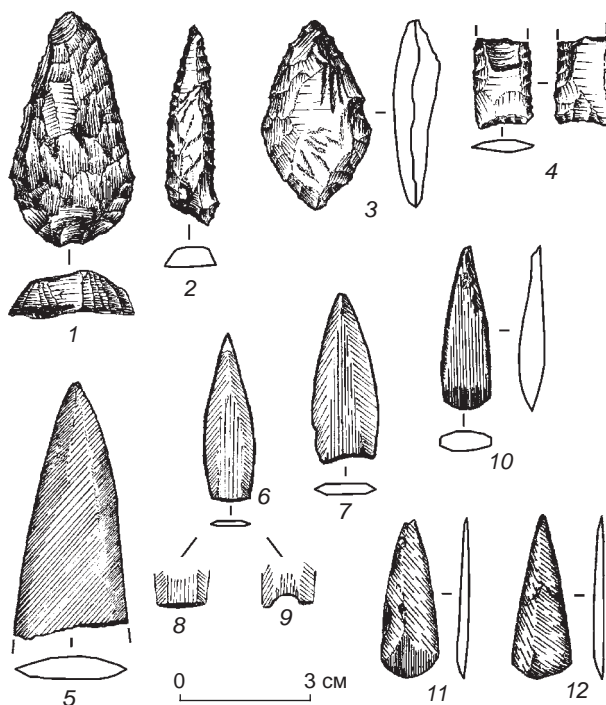

Рис. 6. Каменный инвентарь. Памятник Сергеевка-1.

внешней, реже с внешней и внутренней сторон слоем жидкой тонкодисперсной глины.

Обжиг. Керамика в изломе преимущественно коричневого, светло-коричневого и красновато-оранжевого цвета, одноцветная либо с постепенным переходом тонов. По цвету излом и поверхность черепка, как правило, совпадают или несколько различаются. У некоторых черепков со светлыми тонами окраски поверхностей в изломе фиксируется темная полоса. Судя по цветовой гамме черепков, керамика обжигалась как в окислительной, так и восстановительной среде при температуре 600–700 °С.

Морфологическая характеристика. Вся посуда плоскодонная, простой открытой формы. Наибольший диаметр соответствует центру или нижней трети сосуда. Венчики сосудов в профиле прямые, слегка или сильно отогнутые наружу. Форма кромки венчиков различная: приостренная симметричная, приостренная несимметричная (кромка скошена наружу или вовнутрь), плоская и округлая. У некоторых сосудов, особенно с венчиками со скошенной наружу или вовнутрь кромкой, внешний край кромки утолщен.

Основным дифференцирующим признаком формы посуды является горловина. По наличию или отсутствию горловины, а также по степени ее профилировки различаются емкости без горловины, с намеченной горловиной и выделенной горловиной. У сосудов с выделенной горловиной четко прослеживается граница между ее основанием и туловом. Сосуды с намеченной горловиной

имеют незначительное сужение между туловом и устьем и невыраженную границу у основания горловины. Контуры горловин у всех сосудов плавный, постепенно расширяющийся от своего основания до устья.

Орнаментация. Орнамент керамики относится к классу негативного (99,8 %) и позитивного (0,2 %) рельефа. Доминирующий прием нанесения декора – штампование (98,9 %); второстепенные – прочерчивание (0,6 %), отступление (0,4 %) и налеп (0,2 %). Основные типы орнамента образованы оттисками гребенки (40,4 %), штампа V-образной формы с различным углом сопряжения сторон прямого или изогнутого контура («птички»; 22,6 %), овально-округлого (17,3 %), ромбического (8,2 %), в виде скобки (5,4 %) и треугольного (3,4 %).

Орнамент наносился по кромке венчика и в приустьевой части тулова. Украшались, как правило, только стенки (67,7 %), реже – кромки венчика и стенки (29,5 %), в единичных случаях – только кромки венчиков (2,8 %). Орнамент на кромках сосудов состоял из овально-округлых оттисков, сгруппированных в горизонтальную линию. Венчик орнаментировался чаще всего по внешней грани кромки, реже по кромке; на одном образце – по внешнему и внутреннему краям кромки. Декор в приустьевой части сосуда наносился под внешним краем кромки венчика или чуть ниже. Ширина орнаментального поля на стенках сосуда составляет 2–10 см.

Стенки сосудов украшались орнаментом, состоящим из простых и сложных мотивов. Группа простых мотивов (79,4 %) включает горизонтальные (54,7 %), вертикальные (16,7 %), наклонные (6,7 %) и зигзагообразные (1,4 %) ряды/линии, которые выполнялись при помощи орнамента десяти типов: ромбического, овально-округлого, гребенчатого, прямоугольного и веревочного, в виде скобки, «птички», оттиска ногтя, лопаточки, налепного валика. К сложным мотивам отнесена сетка (20,6 %), которую составлял орнамент из пяти типов – ромбического, треугольного, гребенчатого, в виде скобки и прочерченных линий. Оттиски штампа располагались в шахматном или близком к нему порядке («амурская плетенка»).

Орнамент в виде сплошной полосы с параллельными краями опоясывал сосуд. По количеству типов и мотивов выделяются простые и сложные композиции.

Простые композиции (35,8 %) сформированы на основе одного типа и одного мотива:

1-й вариант – сетка из оттисков гребенчатого, ромбического и треугольного штампов, скобок («амурская плетенка») или прочерченных линий. По вертикали включает два – пять оттисков.

2-й вариант – вертикальные ряды из оттисков скобок и ногтя. В ряду три – семь оттисков. На одном сосуде – вертикальный зигзаг, нанесенный гребенчатым штампом.

3-й вариант – горизонтальные ряды/линии из треугольных, овально-округлых оттисков, оттисков горизонтальной и наклонной гребенки, веревки, отступающей лопаточки. По вертикали включает одну (для сосудов, украшенных только по кромке венчика) – семь рядов/линий и более.

Для сложных композиций (64,2 %) характерно использование нескольких типов орнамента (как правило, двух), одного или двух мотивов:

1-й вариант – основу композиции составляет горизонтальная полоса из близко поставленных оттисков горизонтального, вертикального или наклонного гребенчатого штампов. Полоса включает от одной (для вертикальной и наклонной гребенки) до шести (для горизонтальной гребенки) рядов. В отдельных случаях ряды гребенки группируются в зигзагообразные фигуры. Сверху и снизу, реже только сверху, полоса гребенчатого штампа оконтурена одним-двумя горизонтальными рядами из оттисков «птичек» или вертикальными рядами из тех же «птичек», иногда скобок и прямоугольного штампа (рис. 7, 1–6).

2-й вариант – горизонтальная полоса из трех – семи линий близко поставленных оттисков горизонтальной гребенки, расчлененная в центральной части одним-двумя горизонтальными рядами оттисков «птичек» или вертикальными рядами из двух-трех оттисков того же штампа.

В описанных вариантах композиций внимание акцентируется на полосе из оттисков гребенчатого штампа; «птички» выступают как второстепенные детали, окаймляющие или расчленяющие основной пояс декора.

3-й вариант – орнаментальная композиция строится посредством чередования двух-трех полос из горизонтальных рядов оттисков гребенчатого штампа и «птичек». Начинается композиция полосой из «птичек», сгруппированных в один-два горизонтальных ряда или в вертикальные ряды по два-три оттиска. Затем идет полоса из одного – пяти рядов оттисков горизонтальной, вертикальной или наклонной гребенки. Ниже – опять ряды «птичек», за ними – ряды оттисков гребенчатого штампа. На некоторых сосудах орнаментальное поле заканчивается еще одной полосой «птичек» (рис. 7, 7–10). Характерной чертой композиции являются чередующиеся полосы отпечатков разных видов гребенчатого штампа (горизонтального, вертикального и наклонного) (рис. 7, 10).

В данном варианте композиции оттиски «птичек» и гребенки, как правило, равны по значимости. В ряде случаев на первый план выступает гребенчатый штамп.

4-й вариант – основную часть композиции составляет полоса «амурской плетенки», выполненная оттисками ромбического и треугольного штампов. Сверху и снизу, в редких случаях только сверху, полоса «амур-

ской плетенки» оконтурена одним рядом оттисков наклонной гребенки, в единичных случаях – горизонтальной гребенки и «птичками». Особенность данного варианта композиции – оттиски гребенчатого штампа с двумя-тремя зубчиками (рис. 7, 11; 8). В этом варианте композиции доминирует полоса «амурской плетенки», оттиски гребенчатого штампа лишь окаймляют основную часть декора.

Помимо посуды на памятнике найдено керамическое кольцо с конусообразным профилем и тремя сквозными отверстиями в основании [Попов, Батаршев, 2006].

В целом керамика нижнего неолитического горизонта памятника характеризуется стандартными признаками, которые позволяют рассматривать анализируемый материал как однокультурный и хронологически дискретный. Отмечается разнообразие приемов нанесения декора и типов орнамента в рамках одних принципов композиционного строения. Некоторые различия выявлены в составе рецептуры формовочной массы керамики. При этом разница в технико-технологическом цикле производства, морфологии и орнаментации сосудов, изготовленных из теста с разным минеральным отощителем, не зафиксирована, что свидетельствует об использовании разных типов формовочных масс в рамках одной традиции гончарного производства.

Культурно-хронологическая интерпретация неолитического комплекса

Итогом полевых и камеральных исследований памятника Сергеевка-1 стало выделение однородного комплекса руднинской культуры. Культурно-хронологическая интерпретация неолитического комплекса объекта основывается на сравнительной характеристике технико-технологических и морфологических показателей керамики всех известных к настоящему времени памятников руднинской культуры.

Керамику большинства памятников, относимых к руднинской культуре, объединяют устойчивые признаки в технике и технологии производства (способы конструирования тулова, лепки начина и венчиков, обработка стенок, температурный режим обжига). Некоторые различия были лишь в подготовке глиняного теста. На памятниках Центрального, Западного и Южного Приморья распространена керамика, приготовленная по рецептурам «глина+песок», «глина+песок+дресва» и «глина+песок+шамот»,

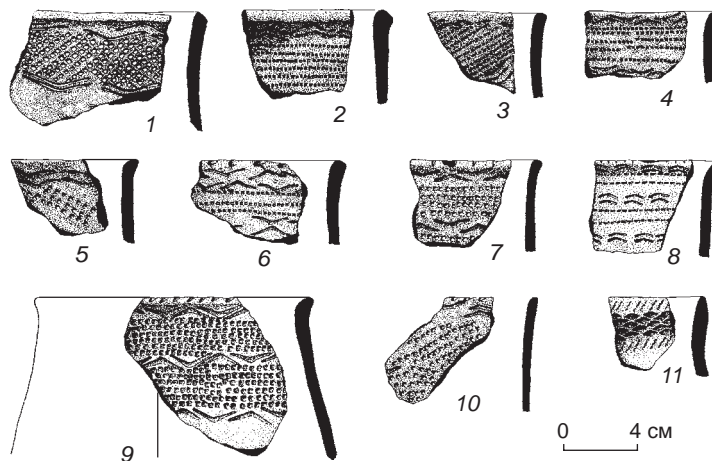

Рис. 7. Керамика. Памятник Сергеевка-1.

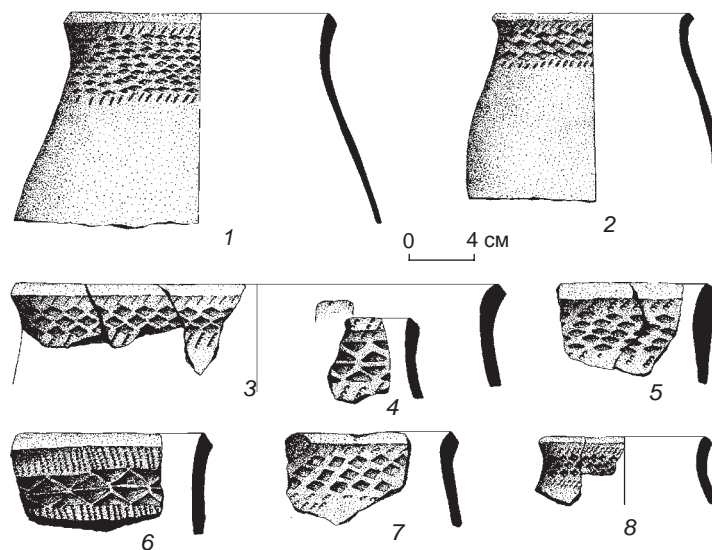

Рис. 8. Керамика. Памятник Сергеевка-1.

а на памятниках Восточного Приморья – только «глина+песок» и «глина+песок+дресва». Таким образом, объекты, расположенные на Приханкайской равнине или вблизи нее, демонстрируют устойчивую традицию отощения глиняного теста шамотом, в качестве которого могли использовать как высушенную на солнце глину, так и дробленый черепок сосуда.

Иная ситуация наблюдается при сопоставлении морфологии и орнаментации сосудов. По сочетанию морфологических и орнаментальных признаков в руднинской керамике выделяются два комплекса:

Первый комплекс. Сосуды плоскодонные, простой ситупообразной формы. Максимальное расширение сосуда соответствует обрезу устья или приустьевой части. Венчики прямые, иногда слегка вогнутые вовнутрь или отогнутые наружу. Кромки вен-

чиков плоские и округлые, часто с Г- и Т-образным утолщением. Орнамент наносился в двух зонах – по кромке венчика и в приустьевой части тулова, между которыми, как правило, оставлялась узкая неорнаментированная полоса. Основными типами декора являются оттиски ромбического, треугольного и овально-округлого штампов, украшением кромки служили чаще всего отпечатки веревки. Среди мотивов орнамента доминирует «амурская плетенка». Композиция состояла из опоясывающего сосуд узкого бордюра с параллельными краями, который иногда прерывался по вертикали неорнаментированным участком, вставкой другого орнамента или прочерченной линией. Встречаются сосуды, украшенные треугольными фигурами (шевронами), составленными из оттисков штампа. Характерной чертой комплекса являются прочерченные линии, оконтуривающие нижний край орнаментальной полосы.

Второй комплекс. Посуда плоскодонная, по степени профилировки выделяются сосуды без горловины, с намеченной горловиной и выделенной горловиной. Максимальный диаметр тулова емкости соответствует центру или нижней трети сосуда. Венчики прямые или отогнуты наружу, кромки венчиков приостренные симметричные, приостренные несимметричные (кромка скошена наружу или вовнутрь), плоские и округлые. Орнамент наносился сплошной полосой с параллельными нижними и верхними краями в приустьевой части сосуда. Декор состоит из комбинаций оттисков ромбического и треугольного штампа («амурская плетенка»), горизонтальных полос «птичек», скобок, оттисков гребенки, прямоугольников, отпечат-

ков веревки и отступающей лопаточки. Характерным приемом построения декора является оформление орнаментального бордюра снизу и сверху оттисками гребенки, веревки или горизонтальными рядами «птичек». Внешний край кромки венчика мог украшаться овально-округлыми оттисками. В рамках комплекса выделяется орнамент, составленный из прямых или волнистых наlepных валиков и зашипов.

Первый комплекс керамики в «чистом» виде представлен на Лузановой Сопке-2 [Попов, Батаршев, 2007; Попов и др., 2003] и в девяти из десяти раскопанных жилищах Рудной Пристани [Дьяков, 1992], второй комплекс – в Бойсмани-2 [Морева, Попов, Батаршев, 2002], Дворянке-1 [Клюев, Гарковик, 2006; Клюев и др., 2005], ЛПЗ-3-6 [Клюев, Пантюхина, 2006], Лузановой Сопке-5 [Батаршев, Морева, Попов, 2003], Новотроицком-2 [Анучинский район..., 2006], жилище № 9 (комплексе № 24) Рудной Пристани [Дьяков, 1992], Сергеевке-1, Синем Гае-4 [Морева, Попов, Батаршев, 2002], Устиновке-8 [Report..., 2005], Чертовых Воротах [Неолит юга..., 1991] и Шекляеве-7 [Кононенко, Яншина, Клюев, 2003] (рис. 9). На трех памятниках с разрушенным культурным слоем (Петровичи, Сиротинка и Черниговка-1) представлена керамика обоих комплексов [Морева, Попов, Батаршев, 2002]. Обращает на себя внимание локализация руднинской керамики в Осиновке: в юго-западной части поселения (раскопки А.П. Окладникова) – керамика первого и второго комплексов [Батаршев, Морева, Попов, 2003], в северо-восточной части (раскопки российско-японской экспедиции 2003 г.) – только первого [Report..., 2004]. Таким образом, можно считать

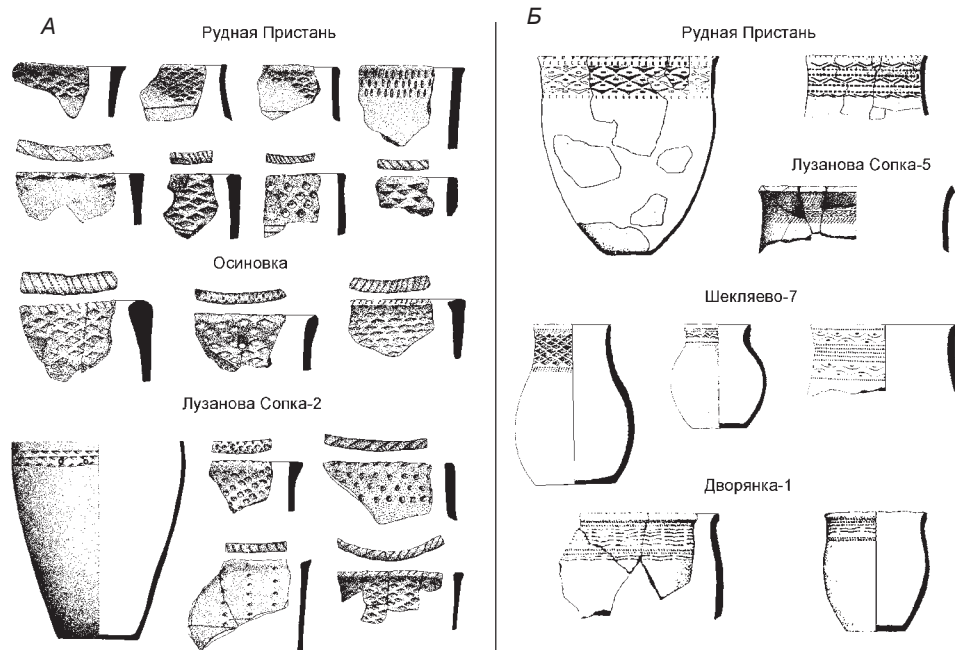

Рис. 9. Керамика руднинского (А) и сергеевского (Б) типов.

вполне обоснованным не только типологическую, но и пространственную дискретность двух комплексов керамики в рамках руднинской археологической культуры (даже в пределах одного археологического памятника – Рудная Пристань, Осиновка) (см. рис. 1).

Керамика первого комплекса впервые встречена на памятнике Рудная Пристань в Восточном Приморье, поэтому вполне логично обозначить данную керамику руднинской (руднинского типа), имея в виду керамику не всей культуры, а только ее определенную часть. Керамика второго комплекса в публикациях последних лет фигурирует как ханкайская, приханкайская, сергеевская или петровици-сиротинская. В настоящей работе вслед за В.А. Лыншей [1989] подобную керамику по памятнику Сергеевка-1 предлагается именовать сергеевской (сергеевского типа) (см. рис. 9, 10).

Хронологические позиции руднинской и сергеевской керамики определяются серией радиоуглеродных дат (см. таблицу). Согласно им, руднинская керамика укладывается в пределы 7,5–7,0 тыс. л.н., сергеевская – 7–6 тыс. л.н. Безусловно, без дальнейшего пополнения списка радиоуглеродных дат предложенные хронологические определения следует считать предварительными, однако уже сейчас можно говорить, что руднинская керамика старше сергеевской. Не противоречит этому предположению и то, что по облику сергеевская керамика моложе руднинской: сосуды более разнообразные по форме, типам и

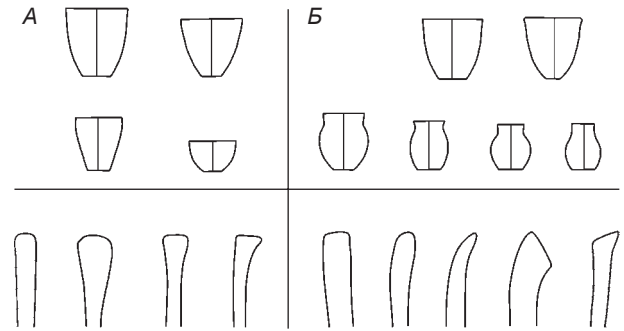

Рис. 10. Морфология сосудов руднинского (А) и сергеевского (Б) типов.

композиционному строению орнамента, с наклепными украшениями (см. рис. 9, 10).

Соответствующие руднинской и сергеевской керамике комплексы каменного инвентаря не демонстрируют ярких технологических различий. Для памятников с сергеевской керамикой характерно разнообразие шлифованных изделий (топоры, тесла, ножи, наконечники стрел, украшения), отмечается применение шлифовки при изготовлении небольших орудий. На памятниках с руднинской керамикой шлифовка применялась лишь при изготовлении сравнительно узкой категории рубящих орудий (топоры, тесла), основная часть изделий обрабатывалась приемами бифасиаль-

Радиоуглеродные даты руднинской культуры

Тип керамики	Памятник	Дата, л.н.	Индекс	Материал	Литература
Руднинский	Рудная Пристань	7 390 ± 100	ГИН-5984	Древесный уголь	Дьяков, 1992, с. 119
		7 550 ± 60	ГИН-5631	То же	
		7 690 ± 80	ГИН-5983	»	
	Лузанова Сопка-2	7 320 ± 40	IAAA-32076	Пищевой нагар на керамике	Попов, Батаршев, 2007, с. 107
Сергеевский	Чертовы Ворота	5 890 ± 45	ЛЕ-4181	Кость животного	Радиоуглеродная хронология..., 1998, с. 15
		6 380 ± 70	МГУ-504	Древесный уголь	
		6 575 ± 45	СОАН-1083	То же	
		6 710 ± 105	ЛЕ-4182	»	
		6 825 ± 45	СОАН-1212	»	
		7 010 ± 95	TERRA-b011300a36	Кость человека	Kuzmin, Richards, Yoneda, 2002, p. 56
		7 110 ± 95	TERRA-b011300a37	То же	
	Сергеевка-1	6 700 ± 80	АА-60608	Пищевой нагар на керамике	Попов, Батаршев, 2007, с. 109
	Устиновка-8	6 770 ± 50	ТКа-13433	То же (даты по одному сосуду)	Archaeological..., 2006, p. 176
		6 830 ± 50	ТКа-13432		
		6 890 ± 50	ТКа-13430		
		7 020 ± 90	ТКа-13431		

ной и краевой ретуши. Некоторые изделия, характерные для памятников с руднинской керамикой (например, т.н. скребки руднинского типа), перестают играть ведущую роль или вообще исчезают в инвентарных комплексах памятников с керамикой сергеевского типа. Данные особенности обусловлены, скорее всего, причинами хронологического порядка и отражают смену приоритетов в использовании разных техник обработки камня.

Представительна информация о долговременных жилых конструкциях, сопровождающих оба комплекса керамики. Раскопано (полностью или частично) 15 жилищ: Рудная Пристань – десять, Дворянка-1, Новотроицкое-2, Сергеевка-1, Чертовы Ворота и Шекляево-7 – по одному. Для них характерны котлованы квадратной (подквадратной) или прямоугольной формы. По площади выделяются три группы жилищ – до 10, 20–35 и 70–140 м². В центре жилищ или близко к ним расположен очаг. Конструкции очагов разнообразны – очаги без специального устройства очажного места, в земляных углублениях, деревянном ящике с подсыпкой песка, на глиняной площадке и в яме с каменной обкладкой. Дно котлованов, как правило, ровное без специальной подсыпки или обмазки. Для некоторых жилищ (Рудная Пристань, Сергеевка-1) характерны ступенчатые выходы (ниши), примыкающие к стенкам, и каменные площадки (кладки/шлейфы), которые оформляют котлован по периметру или пространство вокруг него. Столбовая конструкция кровли укреплялась в ямах, расположенных по периметру и в центре котлована; среди них отмечены ямы с каменной забутовкой. Таким образом, конструкции жилищ, содержащих керамику руднинского и сергеевского комплексов, сходны, подобие проявляется даже в таких специфических деталях оформления котлованов, как боковые выходы (ниши) и каменные площадки/шлейфы.

Обсуждение результатов

Накопленная к настоящему времени информация позволяет сделать вывод о существовании в рамках руднинской культуры двух комплексов керамики – руднинского и сергеевского (см. рис. 9, 10). Их хронологическая последовательность и сходство в чертах, отражающих прежде всего технико-технологический цикл производства, приемы и принципы орнаментации сосудов, позволяют интерпретировать комплексы как культурно-хронологические типы, соответствующие двум этапам (хронологическим вариантам по Л.С. Клейну [1991, с. 392–393]) руднинской культуры [Батаршев, 2005]. Различия между руднинским (7,5–7,0 тыс. л.н.) и сергеевским (7–6 тыс. л.н.) этапами четко проявились в керамике, как наиболее динамич-

ной археологической структуре, в меньшей степени – в каменном инвентаре и практически не отразились в конструктивном устройстве жилищ. На наш взгляд, пока нет оснований выделять сергеевский этап в отдельную культуру, как это предлагают Д.А. Сапфиров, В.А. Лынша и Н.А. Ключев.

Ареал памятников руднинского и сергеевского этапов включает Западное, Центральное и Восточное Приморье (см. рис. 1). В Южном Приморье материал руднинской культуры (керамика сергеевского типа) встречен пока только на Бойсмани-2. Кроме того, судя по публикациям, памятники с керамикой сергеевского типа представлены в Северо-Восточном Китае: Ванлихотун [Алкин, 1992], Даобэйшань [У Вэйкэ, Лю Хуаньсинь, Чан Чжицян, 1987], памятник в районе г. Дуннин [Алкин, 1992], Синькайлю [Ян Ху, Тань Инцзе, 1979]. Руднинские памятники, по всей видимости, широко распространены в Северо-Восточном Китае, поэтому с особым вниманием следует отнестись к факту использования носителями руднинской культуры шамота для отощения керамического теста. Шамотная керамика встречается на руднинских памятниках в Центральном, Западном и Южном Приморье, но отсутствует на аналогичных объектах в Восточном Приморье. По сведениям С.В. Алкина, сергеевская керамика, представленная в китайских памятниках, изготовлена из глины с примесью песка или дробленой породы [1992]. Таким образом, традиция отощения керамики шамотом территориально связана с Приханкайским ареалом руднинской культуры, причем здесь она прослеживается на обоих ее этапах. Причины этого пока не совсем понятны; возможно, что в пределах Приханкайской равнины руднинская культура испытывала влияние иных культур и в этих условиях происходило формирование технологических инноваций.

Заключение

На основе результатов исследований памятника Сергеевка-1 разработана внутренняя периодизация руднинской культуры. Выделены два этапа – ранний руднинский (7,5–7,0 тыс. л.н.) и поздний сергеевский (7–6 тыс. л.н.). Названия этапов соответствуют названиям опорных памятников, из материалов которых составлены эталонные коллекции археологического инвентаря: Рудная Пристань в Восточном Приморье и Сергеевка-1 в Западном Приморье. Различия между этапами наиболее отчетливо проявились в соответствующих керамических комплексах. Для керамического комплекса руднинского этапа характерна посуда простой формы, с непрофилированными туловом и горловиной и однообразным декором. Керамика сергеевского этапа отличается более развитой морфоструктурой и многообразием техник нанесения

декора, типов и композиций орнамента. По технико-технологическим признакам керамика обоих комплексов идентична, что подтверждает их принадлежность одной археологической культуре.

Предложенная концепция, безусловно, не претендует на законченность и нуждается в дополнительной аргументации, которая может быть получена в ходе дальнейших исследований как известных, так и новых памятников. Наиболее важной остается задача создания комплексной и детальной характеристики каменной индустрии руднинской культуры, изученной гораздо слабее керамического производства.

Список литературы

- Алкин С.В.** «Кондонская» культурная общность: новые материалы и перспективы исследования // VI Арсеньевские чтения: Тез. докл. Регион. науч. конф. – Уссурийск, 1992. – С. 150–153.
- Анучинский район** Приморского края в древности и средневековье: Учеб. пособие. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2006. – 120 с.
- Батаршев С.В.** Руднинская археологическая культура в Приморье: Хронологические варианты и межкультурные связи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2005. – 24 с.
- Батаршев С.В., Морева О.Л., Попов А.Н.** Керамический комплекс поселения Осиновка и проблема раннего неолита Приханкайской низменности // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 66–72.
- Дорофеева Н.А., Батаршев С.В.** Каменный инвентарь нижнего неолитического слоя памятника Сергеевка-1 (Приморье) // Пятые Гродековские чтения. – Хабаровск: Хабаров. краевой краевед. музей, 2006. – Ч. 1. – С. 54–60.
- Дьяков В.И.** Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.
- Клейн Л.С.** Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленингр. филиал Центра науч.-технич. деят., исследований и социал. инициатив АН СССР, 1991. – 448 с.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В.** К вопросу о культурной принадлежности неолитического комплекса памятника Дворянка-1 в Приморье // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 82–88.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В., Слепцов И.Ю., Гладченков А.П.** Эпоха камня и палеометалла Западного Приморья: открытия и находки 2004 года // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. – Магадан: Изд-во Север. междунар. ун-та, 2005. – С. 81–83.
- Клюев Н.А., Пантюхина И.Е.** Новые памятники раннего неолита Приморья (стоянка ЛЗП-3-6) // Пятые Гродековские чтения. – Хабаровск: Хабар. краевой краевед. музей, 2006. – Ч. 1. – С. 84–87.
- Кононенко Н.А., Яншина О.В., Клюев Н.А.** Поселение Шекляево-7 – новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. – 2003. – № 4. – С. 5–15.
- Лыньша В.А.** Сергеевка-1 – новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения: Тез. докл. конф. – Уссурийск, 1989. – С. 41–43.
- Морева О.Л., Попов А.Н., Батаршев С.В.** Взаимовлияние ранненеолитических культур Приморского края (по керамическим материалам) // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 31–49.
- Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота.** – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Попов А.Н., Батаршев С.В.** Ритуальный комплекс памятника Сергеевка-1 (руднинская культура) // Пятые Гродековские чтения. – Хабаровск: Хабар. краевой краевед. музей, 2006. – Ч. 1. – С. 95–98.
- Попов А.Н., Батаршев С.В.** Материалы руднинской культуры на памятнике Лузанова Сопка-2 в Западном Приморье // Северная Евразия в антропогене: Человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 2. – С. 101–111.
- Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С.** Памятник Сергеевка-1 в Юго-Западном Приморье: стратиграфия и общая характеристика культурно-хронологических комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 161–167.
- Попов А.Н., Морева О.Л., Крутых Е.Б., Батаршев С.В.** Новые исследования на памятнике Лузанова Сопка-2 в Юго-Западном Приморье в 2003 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 208–213.
- Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века северо-востока Азии.** – Владивосток: Тихоокеан. ин-т географии ДВО РАН, 1998. – 127 с.
- Сапфиров Д.А.** Проблема руднинской культуры Приморья // Арсеньевские чтения: Тез. докл. Регион. конф. – Уссурийск, 1985. – С. 68–70.
- У Вэйкэ, Лю Хуаньсинь, Чан Чжицян.** Неолитический комплекс Даобэйшань, г. Цзиси // Бэйфан вэньу. – 1987. – № 3. – С. 2–5 (на кит. яз.).
- Ян Ху, Тань Инцзе.** Памятник Синькайлун в уезде Мишань // Каогу сюэбао. – 1979. – № 4. – С. 491–518 (на кит. яз.).
- Archaeological Elucidation of the Japanese Fundamental Culture in East Asia.** – Tokyo: Kokugakuin University, 2006. – 212 p.
- Kuzmin Y.V., Richards M.P., Yoneda M.** Palaeodietary Patterning and Radiocarbon Dating of Neolithic Populations in the Primorye Province, Russian Far East // Ancient Biomolecules. – 2002. – Vol. 4 (2). – P. 53–58.
- Report on the Archaeological Research in Russian Primorye // Comparative Study on the Neolithic Culture between East Asia and Japan.** – 2004. – Vol. 1. – P. 15–114.
- Report on the Archaeological Research in Russian Primorye II – Ustinovka 8 Site // Comparative Study on the Neolithic Culture between East Asia and Japan.** – Tokyo: Kokugakuin University, 2005. – Vol. 2. – P. 11–181.

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КУЛЬТУР ПОЗДНЕЙШЕЙ ФАЗЫ ДРЕВНОСТИ НА ЮГЕ ПРИМОРЬЯ (по материалам исследований поселения Булочка)*

На основе материалов раскопок многослойного поселения Булочка – одного из крупных памятников на юге Приморья России, относящегося к позднему этапу раннего железного века (последние века до нашей эры – первые века нашей эры), и других источников рассматривается проблема культурогенеза, трансформации польцевской и кроуновской археологических культур. Культуры (первая – в Приамурье, вторая – в Южном Приморье) развивались в значительной степени синхронно и независимо друг от друга. В результате продвижения носителей польцевской культуры далеко на юг и смешения их с кроуновцами образовалась синкретическая культурная общность. В работе анализируется характер взаимодействия различных элементов двух культур, сформировавших единую общность (жилища, керамика, орудия труда, предметы вооружения, быта, украшения и др.), прослеживается их связь с культурами соседних территорий.

Введение

Культурно-хронологически финал древности на юге российского Дальнего Востока, как и на многих других территориях, соответствует позднему этапу раннего железного века, который датируется последними веками до нашей эры – первыми веками нашей эры. Этот весьма важный период – время расцвета обработки железа накануне сложения раннесредневековой государственности – связан в Приамурье, включая, видимо, бассейн Уссури, с польцевской, а на юге Приморья – с кроуновской археологическими культурами, которые на ранних стадиях развивались в значительной степени синхронно (преимущественно в третьей четверти I тыс. до н.э.) и независимо друг от друга. Кроуновская культура была распространена не только в южной части Приморья, где в

последние 50 лет изучено большое количество памятников [Окладников, 1959а, с. 154–158; 1959б; Окладников, Бродянский, 1984; Окладников, Деревянко А.П., 1973, с. 255–263; Андреева, 1977, с. 100–113; Бродянский, 1974; 1987, с. 174–180; 1995, с. 23–25; 2003, с. 36–45; Вострецов, 1987; Жушиховская, 2004, с. 204–212; Krounovka 1..., р. 7–22], но и на северо-восточной территории современного Китая, в районах к юго-западу от оз. Ханка, р. Раздольной (Суйфэн) [Кучера, 1977, рис. 40, 41; Чжан Тайсян, 1982] (там она названа культурой туаньцзе), а также на северо-восточной оконечности Корейского полуострова [То Юхо, 1956; Хван Ги Док, 1975]. К югу от среднего Амура – в местах сосредоточения наиболее изученных опорных памятников польцевской культуры, главным образом в бассейне Сунгари, – китайскими археологами выделены культуры фэнлинь и гуньтулин [Тан Инцзе, Ли Яньте, Цзинь Тайшунь, 1997], по ряду элементов сходные с польцевской. Эти две культуры сформировались и функционировали, вероятно, не изолированно от польцевской культуры, тем не менее их нельзя считать ее аналогами.

*Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 21.2.2).

Для понимания пока еще недостаточно изученных этнокультурных процессов, проходивших на юге Приморья и соседних территориях на позднем этапе раннего железного века и приведших к созданию Бохайского, а затем Чжурчжэньского (Цзинь) государств, большое значение имеет определение механизма взаимодействия польцевской и кроуновской культур. Значительная часть носителей первой из них в силу ряда причин во второй половине I тыс. до н.э. продвинулась из Приамурья далеко на юг и смешалась с популяциями кроуновской культуры. В результате образовалась синкретическая польцевская культурная общность. Сфера влияния польцевцев не ограничивалась Приамурьем; компоненты их культуры прослежены на памятниках Японии (культура яёй) и Кореи.

Первые вещественные материалы польцевской культуры, главным образом керамика, были собраны в 1910 г. Л.Я. Штернбергом у стойбища Кальма в низовьях Амура (МАЭ РАН, кол. № 1754) [Окладников, 1979, с. 73–76]. В 1926–1927 гг. во время работ в окрестностях г. Хабаровска М.М. Герасимов обнаружил керамику и некоторые другие предметы этой культуры [Ветров, Шаврина, Шергин, 2007, с. 28–30]. Многочисленные памятники с наборами вещей из различных материалов польцевской культуры были открыты и изучены А.П. Окладниковым на нижнем Амуре в 1935 г. [1980, с. 47–51], а затем в 1950-е – начале 1960-х гг. Особенно важен раскопанный им у Хабаровска разновременный и разнокультурный памятник Амурский Санаторий с остатками жилищ и вещей различного назначения рассматриваемой культуры [1963, с. 258–278, 281–282]. В 1950 – 1960-е гг. под руководством А.П. Окладникова исследовались памятники с польцевскими культурными остатками в Приморье. Наиболее известное среди них – поселение Сенькина Шапка в районе г. Уссурийска. А.П. Окладников проследил аналогии между обнаруженными здесь предметами раннего железного века и комплексами вещей с Амура, обозначив при этом ряд черт, присущих кругу приамурско-приморских памятников позднего этапа раннего железа [1959а, с. 158–167].

Основные исследования польцевской культуры (проведение раскопок на больших по площади поселениях, появление значительного количества публикаций, в т.ч. фундаментальных монографических) приходится на 1960-е – начало 1970-х гг. Открытие в 1962 г. на территории Еврейской автономной области погибшего в древности в огне пожара поселения Польце-1, давшего название культуре, и многих других поселений позволило исследователям сделать вывод, что племена польцевской культуры, обитавшие на территории от р. Буреи (левый приток Амура) до Татарского пролива, оставили огромное количество памятников материальной и духовной культуры, главным образом поселений с многочисленными жилищами и хорошо

сохранившимися изделиями [Окладников, Деревянко А.П., 1970; 1973, с. 269–282]. Благодаря широкому исследованию польцевских поселений удалось всесторонне осветить не только производственную деятельность, включая хозяйственную, домостроительство, ремесла, быт, но и социальные отношения и этническую принадлежность создателей польцевской культуры, ее происхождение и место в кругу древностей Северо-Восточной Азии. По мнению специалистов, польцевская культура палеоазиатов, существовавшая в VII в. до н.э. – начале IV в. н.э., сформировалась на Амуре на основе более ранней урильской культуры. Подчеркивается, что в III–I вв. до н.э. польцевцы проникли в северную часть Приморья, а в I–III вв. н.э. – в Центральное и Южное Приморье (здесь они ассимилировали часть местного населения – кроуновцев), а также на Японский архипелаг и Корейский полуостров [Деревянко А.П., 1966; 1969, с. 105–108; 1972; 1975; 1976; 2000].

В последние полтора-два десятилетия изучались и другие стороны польцевской культуры [Деревянко Е.И., 1998, с. 238–239], открыто и проанализировано значительное количество польцевских памятников, в т.ч. ранее неизвестные в Приамурье городища, особенно в долине р. Усури и ее окрестностях. Многие из них частично раскопаны [Медведев, 1989; 1990, с. 74–76; Коломиец, 2005; Коломиец, Афремов, Крутых, 2003, с. 274–278; Краминцев, 2002]. Во второй половине 1980-х гг. у с. Петропавловка на нижнем Амуре проводились раскопки редчайшего для данной культуры могильника с группой захоронений [Копытько, 1988]. Еще раньше (1971 г.) в с. Кондон было обнаружено польцевское погребение с инструментами из железа и украшениями [Окладников, 1983, с. 28–29]. В настоящее время в Приамурье (включая Среднее и Нижнее Приуссурье) известно более 150 польцевских памятников.

Характерно, что чем дальше на юг мигрировали польцевцы, тем более бедной и менее самобытной становилась их культура. В ней, особенно на юге Приморья, появились новые черты: жилища стали меньше (амурские жилища были большие), в них появились оригинальные отопительные системы – каналы. В керамике приморских польцевцев получили некоторое распространение единичные, не характерные для Приморья, типы сосудов. Все эти проявления многие исследователи считают подражанием и заимствованием, обусловленными непосредственными контактами носителей польцевской и кроуновской культур [Бродянский, 1987, с. 180–193; 2003, с. 45–50; Деревянко А.П., 2000, с. 11; Окладников, Деревянко А.П., 1973, с. 269–282]. Есть и другие точки зрения на ситуацию, сложившуюся в Южном и на определенной части Юго-Восточного и Центрального Приморья после прихода туда носителей польцев-

ской культуры. Например, поселения Синие Скалы, Мал. Подушечка, городища Рудановское, Новогордеевское и др., содержащие материалы, характерные для польцевской культуры, а также вещественные остатки других культур (главным образом кроуновской, частично мохэской) предлагается относить к ольгинской культуре [Андреева, 1977, с. 30–34; 1986, с. 32–35; 2002а, с. 69–74; 2002б, с. 16–17, 20; Ключев, 2002, с. 30–40]. Высказывается также мнение о необходимости разделить все приамурско-приморские памятники польцевского облика на локальные группы, принадлежавшие единой польцевской культурной общности. При этом памятники Центрального и Юго-Восточного Приморья (Глазовка-городище, поселение Синие Скалы и некоторые др.) связываются с более ранним временем (нижняя дата IV–III вв. до н.э.). Синие Скалы, наделенные чертами локального своеобразия, признаются ольгинскими. Археологические объекты Южного Приморья (Рудановское, Новогордеевское, Мал. Подушечка, Сенькина Шапка, Булочка и др.) включаются во вторую приморскую группу памятников польцевской культурной общности [Колмоица, 2001, с. 14–17; 2005, с. 383–386].

К настоящему времени успешно изучены многие темы археологии раннего железного века рассматриваемого региона, в т.ч. взаимодействия кроуновской и польцевской культур. Вместе с тем остается немало дискуссионных, недостаточно раскрытых проблем, особенно касающихся происхождения, определения границ ареала, хронологии, а также продолжительности и характера взаимовлияния культур.

Большое значение для решения этих проблем имеют результаты недавно завершившихся многолетних раскопок поселения Булочка – одного из крупных памятников анализируемого культурно-исторического периода в Южном Приморье. Памятник отличается от других объектов обилием материалов, прежде всего хорошо сохранившихся жилищ. Особую ценность этому поселению придает наличие на нем как «чисто» кроуновских, так и польцевско-кроуновских жилищ, архитектурно оформившихся в процессе контактов племен или симбиоза двух культур.

Поселение на сопке Булочка: общие сведения, основные раскопочные данные

Сопка Булочка находится в 7 км к северо-западу от с. Владимиро-Александровского Партизанского р-на Приморского края, вблизи дельты р. Партизанской, впадающей в бухту Находка (рис. 1). Сопка представляет собой далеко отступающий в долину реки мыс-останец с обрывистыми скалистыми склонами, сложенными преимущественно песчаником коренной породы. На юго-востоке нижний участок сопки через пологую узкую седловину соединяется с грядой более высоких возвышенностей левого борта долины. Возвышенная часть сопки (до седловины) вытянута преимущественно по линии северо-запад – юго-восток почти на 160 м. Ее ширина на наиболее высоком (до 20–25 м над равниной) северо-западном отрезке

Рис. 1. Вид на сопку Булочка с северо-востока (в центре).

не превышает 50–60 м, а на юго-восточном достигает 80–85 м. Ниже по склону перед седловиной она вновь сужается, здесь ее ширина составляет 70 м. Сопку Булочка (исключая седловину) окружает низкая луговая равнина. На юге и юго-западе от Булочки после отступления моря осталось мелководное соленое оз. Лебяжье, соединяющееся узким протоком с заливом Находка. В низину и озеро из распадков стекают ручьи и небольшие речки; самая крупная из них – р. Мананкина. В сухое время года в окрестностях Булочки вода сохраняется лишь в этой речке.

Разновременные поселения на сопке Булочка в 1966 г. открыл А.П. Окладников, а в 1970 г. здесь под его руководством экспедицией ИИФФ СО АН СССР проводились первые раскопки. Было установлено, что на юго-восточном пологом склоне сопки имеется ряд концентрических террас. Две из них вершиной дуги направлены к седловине, а концами упираются в обрывистые склоны сопки. На северо-восточном участке просматриваются еще пять-шесть террас. Обследования показали, что склон сопки был террасирован при строительстве древних жилищ. Предполагалось, что площадь искусственно террасированной, обжитой в древности территории памятника составляет не менее 2 тыс. м². В ходе работ на раскопе I площадью 100 м² получен различный вещественный материал, в т.ч. целые сосуды польцевского типа. Была установлена многослойность памятника и с учетом перемешанности слоев предварительно определена последовательность выявленных древних культур. В некоторых местах раскопа в нижнем слое на скальной основе залегали предметы зайсановской неолитической, выше – кроуновской, а над ней – польцевской культур. Неолитические материалы залегали и в других культурных горизонтах; земля на поселении перекапывалась людьми различных культурно-исторических периодов. В жилище польцевской культуры зафиксированы плиты известняка – разрозненные остатки отопительной системы типа кана. По собранному здесь углю получены три радиоуглеродные даты, позволяющие отнести жилище к I в. до н.э. – IV–V вв. н.э. В раскопе встречена также керамика янковской культуры раннего железного века, которая предшествовала кроуновской. Результаты раскопок на части памятника предварительно подтвердили высказанные ранее предположения о том, что польцевская культура была распространена на юге Приморья в сравнительно позднее время (I–IV вв. н.э.) и ее носители пришли в Приморье с Амура после населения, создавшего кроуновскую культуру. В первой публикации, посвященной некоторым результатам раскопок на Булочке в 1970 г., отмечалось, что сопка, имеющая в значительной части крутые и отвесные края, представляет собой по сути естественную «крепость»; чтобы сделать ее непреступной, достаточно было возвести

оборонительное сооружение с пологой стороны [Окладников, Глинский, Медведев, 1972, с. 66, 68, 71].

В 2003–2005 гг. раскопы II–IV Булочки изучались совместными экспедициями ИАЭТ СО РАН и Государственного исследовательского института культурного наследия Республики Кореи. В 2003 г. на памятнике проводилась топографическая съемка, составлен его подробный план (рис. 2). На сопке выявлено ок. 10 искусственных углублений или ям. Три небольших углубления размещаются у северо-западного обрывистого края Булочки. Вблизи от юго-западной кромки сопки зафиксированы две отчетливо выраженные почти незадернованные ямы площадью 5–7 м²; вероятно, это следы сравнительно недавних шурфов. Несколько небольших шурфов, сделанных в недалеком прошлом, отмечено у краев террас вдоль северного склона сопки.

Раскоп II площадью 276 м² находится к северо-востоку от раскопа I (рис. 3). Оба связаны хорошо выделяющейся на поверхности памятника второй сверху террасой. Следы явных западин на месте древних жилищ в пределах этой и других террас не прослеживаются. Едва заметные выемки, отдаленно напоминающие западины, отмечены лишь в отдельных ее местах на участках с горизонтальной поверхностью террас.

Стратиграфия раскопа II, как и других раскопов на поселении Булочка, отмеченного несколькими периодами заселения, сравнительно проста. Это объясняется в основном небольшой мощностью культурных отложений, компактностью памятника, также активным перемешиванием культурного слоя при сооружении многих польцевских жилищ и, возможно, террас (или при расширении) на последнем этапе функционирования поселения. Поэтому более ранние вещи, прежде всего неолитические, а также эпохи палеометалла, часто находятся в верхнем дерновом покрове раскопа. Заброшенные жилища польцевской общности в результате эрозии постепенно заполнялись и уравнивались перемешанным грунтом. В целом вне пределов жилищ выделяются три основные фракции: 1) дерн; 2) темная гумусированная ощебенная супесь, местами с большим содержанием обломочного материала (включая линзы и прослойки); 3) монолитный либо сильно разрушенный рыхлый скальный массив сопки.

Материал, полученный в ходе раскопок, был разделен на четыре группы: а) из слоя дерна; б) из верхнего слоя заполнения жилищ (в основном из слоя 2 – темной гумусированной ощебенной супеси). Литологически верхний слой заполнения жилищных котлованов или террасовидных углублений (слой 2) практически не отличался от верхне- и нижележащего слоев, поэтому границы верхнего заполнения фиксировались в определенной мере условно; в) из слоя, непосредственно перекрывавшего пол в жилищах (находки на полу); г) из слоя за пределами жилищных уг-

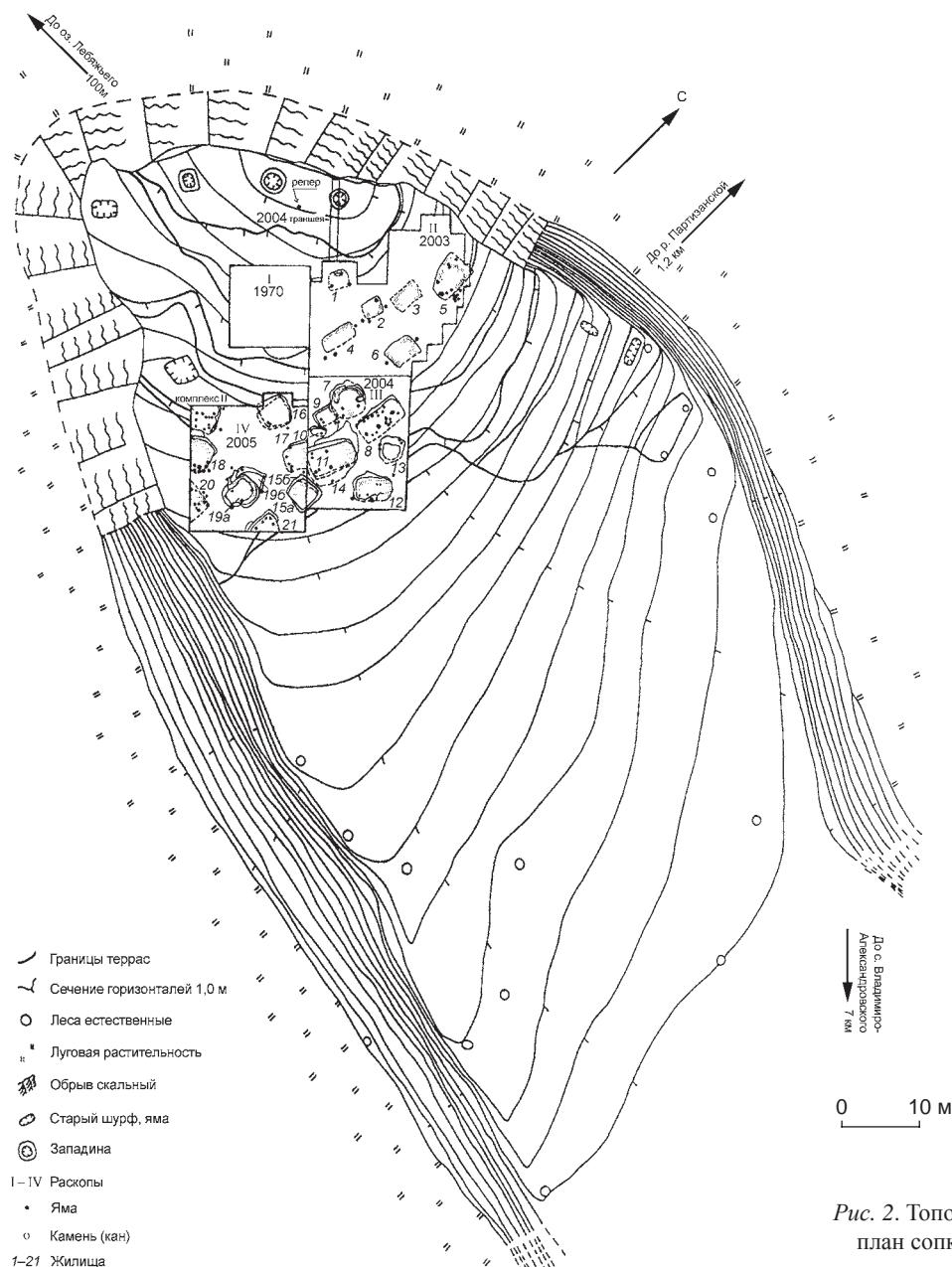

Рис. 2. Топографический план сопки Булочка.

Рис. 3. Раскоп II на сопке Булочка. Вид с северо-востока.

лублений (межжилищное пространство) – в литологическом отношении это преимущественно слой 2.

Начиная с дерна в толще культурного слоя на данном раскопе и на других раскопанных участках поселения залегали многочисленные фрагменты керамических изделий, орудия и украшения из камня. Значительная часть ретушированных наконечников стрел, вкладышей, скребков, шлифованных тесел и других каменных изделий и обломков глиняной посуды оставлена первыми обитателями поселения эпохи среднего и позднего неолита (соответственно бойсманская и зайсановская культуры), а также носителями лидовской и янковской культур (эпоха палеометалла). К янковской культуре периода раннего железа

можно отнести группу каменных шлифованных жатвенных ножей с отверстием в клинке. Зафиксировано также небольшое количество керамики и металлических предметов раннего средневековья (бохайско-чжурчжэньский период). В раскопе II исследованы шесть жилищ: одно кроуновской культуры (1) и пять польцевской культурной общности (2–6).

В 2004 г. в раскопе III (площадь 208 м²) были вскрыты остатки восьми жилищ, из которых три (9, 10, 13) принадлежат зайсановской культуре, два (8, 14) – кроуновской и три (7, 11, 12) – польцевской культурной общности. Для жилищ в скальном монолите были вырублены котлованы или террасовидные площадки наподобие экзарпов.

Неолитические, вероятно сезонные, жилища имели неглубокие подземные основания в виде подпрямоугольных площадок-экзарпов площадью 2,2–8,6 м². В двух жилищах отмечены следы очагов. В составе каменного инвентаря жилищ – мотыги, топоры, точила, ножи, отбойники, наконечники стрел. Керамика подразделяется на две группы: части сосудов типа банок и ситул, декорированные прочерченными желобками или оттисками зубчатого шпателя; фрагменты горшковидной утвари с налепными валиками и резными желобками. Неолитические жилища, кроме описанных, на Булочке не зафиксированы. Их немногочисленность объясняется, возможно, тем, что какое-то количество жилищ, сооруженных в эпоху позднего неолита, было разрушено при возведении аналогичных сооружений кроуновцами и особенно польцевцами. В периоды бытования их культур плотность застройки на Булочке была максимальной; польцевцы даже вторично использовали жилищные котлованы или углубления более раннего времени. В раскопе зафиксированы артефакты, видимо, временных стоянок бойсманской культуры, однако признаки жилищных комплексов ее на поселении не выявлены. Отмечены также культурные остатки янковско-лидовского и средневекового времени.

В 2004 г. была заложена поисковая траншея размерами 10,5 × 1 м на вершине сопки к северо-западу от раскопов II и III. Было установлено, что названное место людьми не заселялось.

В пределах раскопа IV площадью 216 м² в 2005 г. исследованы семь жилищ полностью или почти полностью и два частично. В их числе жилища кроуновской культуры (15б и 19б) и польцевской культурной общности (15а, 16–19а, 20, 21). Было установлено, что первые искусственные террасы на Булочке созданы в позднем неолите (примерно в середине II тыс. до н.э.) носителями зайсановской культуры. В раскопе вблизи жилищ найдены четыре комплекса в виде скоплений разнообразных вещей и элементов небольших конструкций из плит известняка. Среди них – весьма редкий комплекс II на врезанной в склон сопки террасо-

видной площадке. Сохранившиеся в нем культурные остатки (керамика, каменные изделия, украшения, в т.ч. просверленная подвеска из клыка кабана, полустлевшие кости и черепа животных), относящиеся к зайсановской и кроуновской культурам, польцевской культурной общности, залегали в непотревоженном состоянии в трех различных слоях грунта. Комплекс был создан зайсановцами, вероятно, как жилище или в форме жилища, часть которого предназначалась для святилища; позже в качестве святилища конструкция использовалась кроуновцами и представителями польцевской общности.

Итак, за время работ (включая 1970 г.) на Булочке вскрыто 810,5 м² площади памятника. Исследованы 24 жилища, из которых три зайсановской и пять кроуновской культур и 16 (из них три частично) польцевской культурной общности. Сделаны важные стратиграфические и планиграфические наблюдения; к числу наиболее принципиальных относятся данные об относительном и абсолютном хронологическом соотношении этих двух культурных подразделений. Собран большой вещественный, фаунистический и палеоботанический материал, находившийся не только в жилищных комплексах, но и рядом, а также между ними. При раскопках в 2003–2005 гг. найдено ок. 41,5 тыс. находок: почти 40 тыс. керамических сосудов и их фрагментов, 65 других изделий из глины, 1 365 каменных артефактов, 11 вещей из дерева и 10 предметов из железа. По многочисленным образцам древесного угля, как правило, с пола жилищ кроуновской культуры и польцевской культурной общности в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН, а также в лаборатории Сеульского национального университета было получено несколько радиоуглеродных дат (см. таблицу).

Все материалы работ Российско-корейской экспедиции на сопке Булочке полностью опубликованы в трех трехтомных монографиях на русском и корейском языках, а также в статьях [Деревянко А.П. и др., 2003; Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев, Шин Чан Су, Ю Ын Сик и др., 2004; Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев, Шин Чан Су и др., 2004; Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев, Шин Чан Су, Хон Хён У и др., 2005; Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев, Ким Ён Мин и др., 2005, 2006; Медведев, 2004, 2005, 2007].

Жилища на сопке Булочке и их инвентарь

Сказанное выше позволяет рассматривать исследуемый памятник как разновременный и разнокультурный поселенческий объект, на котором люди селились не менее шести-семи раз со среднего неолита и

Радиоуглеродные даты для поселения Булочка, установленные по углю

Объект	Индекс лаборатории	Дата, л.н.	Калиброванная дата	Культура
Жилище в раскопе 1970 г.	COAH-310	1 570 ± 55	350–606 н.э.	Польцевская общность
То же	COAH-311	1 820 ± 30	120–250 н.э.	То же
»	COAH-312	2 005 ± 40	104 до н.э. – 70 н.э.	»
Жилище 1, пол	COAH-5265	2 490 ± 40	–	Кроуновская
То же	COAH-5268	2 010 ± 35	–	То же
»	SNU 03-549	2 050 ± 50	60 до н.э.	»
Жилище 2, пол	SNU 03-550	2 070 ± 40	80 до н.э.	Польцевская общность
» заполнение	SNU 03-551	1 850 ± 40	180 н.э.	То же
Жилище 3, пол	COAH-5266	1 800 ± 70	–	»
Жилище 5 »	COAH-5267	1 970 ± 90	–	»
Жилище 7 »	COAH-5668	1 460 ± 40	–	»
То же	SNU 04-605	2 170 ± 60	320 или 210 до н.э.	»
Жилище 7, заполнение	SNU 04-606	2 040 ± 60	50 до н.э.	»
Участок между жилищами 7 и 9	SNU 04-608	2 260 ± 40	370 или 270 до н.э.	?
Кострище на террасе	COAH-5269	3 240 ± 50	–	Зайсановская
Жилище 8, пол	SNU 04-607	2 280 ± 40	380 или 260 до н.э.	Кроуновская
Жилище 11 »	SNU 04-609	1 680 ± 50	270 или 380 н.э.	Польцевская общность
То же	COAH-5669	2 120 ± 45	–	То же
»	COAH-5670	2 200 ± 90	–	»
Жилище 15б, пол	COAH-6132	2 100 ± 170	–	Кроуновская
То же	COAH-6133	2 070 ± 60	–	То же
»	COAH-6134	2 125 ± 170	–	»
»	COAH-6221	1 690 ± 75	210–540 н.э.	Кроуновская (?)
»	COAH-6222	2 110 ± 60	360 до н.э. – 20 н.э.	Кроуновская
»	COAH-6223	2 410 ± 90	790–260 до н.э.	То же
Жилище 15а, пол	COAH-6224	1 710 ± 40	240–410 н.э.	Польцевская общность
То же	COAH-6225	2 150 ± 60	370–50 до н.э.	То же
»	COAH-6226	2 150 ± 80	390–1 до н.э.	»
Жилище 16, пол	COAH-6135	1 530 ± 50	–	»
Жилище 18 »	COAH-6136	2 080 ± 80	–	»
Жилище 21	COAH-6227	2 460 ± 55	760–410 до н.э.	Польцевская общность (?)

до раннего средневековья. Следовательно, на Булочке в разное время было не одно, а, как минимум, три поселения. Если памятник подобного типа воспринимать как объединение нескольких жилищ, то жилища кроуновской культуры, и особенно польцевской культурной общности, во много раз превосходящие все материальные остатки других культур, зарегистрированные на объекте, несомненно, следует считать элементами самостоятельных поселений.

Жилища кроуновской культуры. Из пяти исследованных на памятнике жилищ кроуновской культуры четыре (8, 14, 15б и 19б) располагались довольно компактно в непосредственной близости друг от друга. Они

образуют как бы цепочку, вытянутую по линии северо-северо-восток – юг-юго-запад, и занимают в основном четвертую и пятую террасы сверху. Любопытно, что большая часть котлованов трех из них позже использовалась (жилища 14 и 15б частично засыпаны грунтом, в жилище 19б прорезан пол) при строительстве жилищных сооружений представителями польцевской культурной общности. Кроуновское жилище 1 располагалось выше польцевского по сопке на первой террасе (см. рис. 2). Для всех жилищ в песчанике были вырублены прямоугольные или подпрямоугольные котлованы (или площадки-эскарпы). Жилища представляли собой каркасно-столбовые сооружения

полуподземного типа с входом с восточной или юго-восточной подгорной стороны. Внутри вдоль стен и в углах отмечены ямы для столбов, служивших опорами для кровли, а также укрепления стеновых конструкций. Площадь первых четырех строений от 10,2 до 19,2–33 м², пятого (жилище 1) – 5,4 м². Пол в некоторых жилищах был перекрыт тонким слоем малощебенистой супеси; при строительстве его покрывали, очевидно, жидким глинистым раствором.

В трех, перекрытых польцевскими сооружениями жилищах имелись отопительные сооружения – одноканальные каналы. В жилищах 156 и 196 они П-образной формы: секции (колена) слева, справа и напротив входа. Наружные стенки дымоходных каналов – пес-

чаниковые стены котлованов (площадок) жилищ, а внутренние были сделаны из глины. Подобное оформление каналов в канах отмечено и на некоторых других памятниках кроуновской культуры в Приморье [Вострецов, Жушиховская, 1990, с. 76]. В жилище 156 в торцевых частях кана выявлены остатки очагов-топок (рис. 4, В). В отдельных местах на дымоходных каналах сохранились песчаниковые и известняковые плиты-перекрытия. На полу указанного жилища отмечено много жженой древесины и других органических материалов, в т.ч. остатки сгоревшей, видимо, циновки или другого аналогичного плетеного изделия. Другой тип кана отмечен в жилище 14. Он был в значительной мере разрушен жилищем 11 польцев-

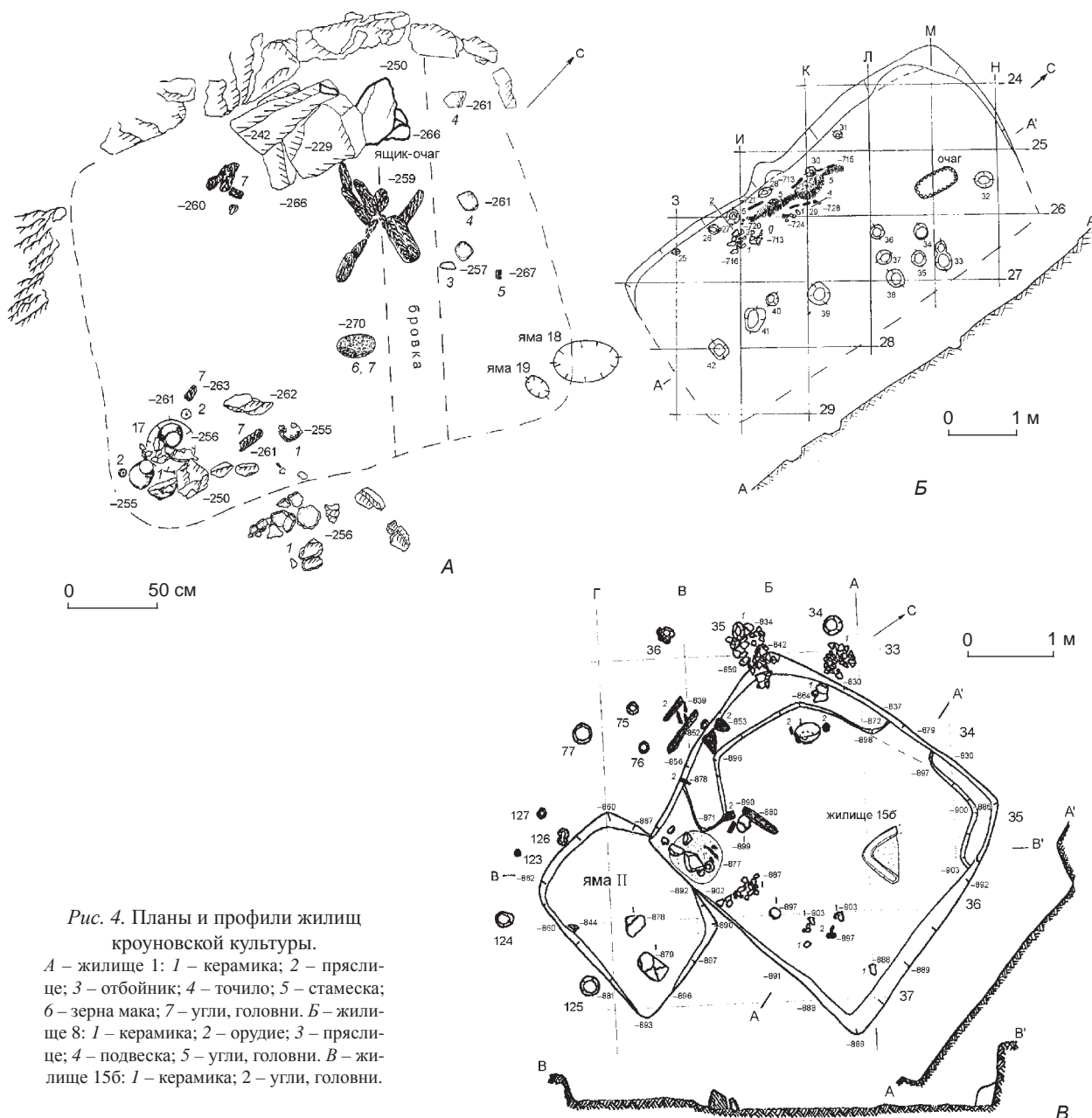

Рис. 5. Ящик-очаг в жилище 1.

ской общности, поэтому сохранился не полностью – в виде прокаленного глиняного массива с включениями обломков гранитоидных, песчаниковых и известняковых плит. Большая часть кана располагалась у восточной подгорной стены жилищного котлована. Вблизи южной оконечности глиняного кана, возможно, находился его очаг-топка, куполообразный свод которого диаметром до 0,8 м, по всей видимости, был укреплен глиной, камнями и древесиной. Места сооружения вытяжных труб кановых систем прослеживаются с трудом и определяются предположительно.

В жилище 1 вдоль северо-западной нагорной стены напротив входа располагался ящик-очаг в виде подпрямоугольника, сложенный из поставленных на ребро крупных плит песчаника и известняка и перекрытый сверху мощной плитой. Топка находилась с юго-западной стороны ящика, дымоход – с северо-восточной. Там же прямо на пол выгребалась горячая зола – у северо-восточной стены жилища скопился мощный зольно-прокаленный слой. На полу вблизи ящика-очага зафиксированы обугленные жерди – остатки какой-то крестообразной деревянной конструкции (возможно, рухнувшей кровли), ориентированной внешними концами по странам света. Фрагменты сгоревшего дерева отмечены и в других местах жилища, в т.ч. у его входа (рис. 4, А; 5).

Что касается жилища 8, то в нем не было ни кана, ни ящика-очага. В северной его части зарегистрировано лишь подпрямоугольное очажное пятно, а около западной стены котлована – подпрямоугольная в плане деревянная конструкция длиной до 1,9 м, представленная скоплением обугленных тонких дощечек и жердочек, похо-

жим на плотную решетку или плетеную фашину, которая служила, вероятно, обшивкой стены жилища (см. рис. 4, Б). В западных, нагорных, стенах жилищ 8 и 14 имеются ниши – своего рода полки.

На полу жилищ, канов и среди его плит обнаружены различные вещи. Наиболее представительную коллекцию составляет керамика. Кроуновская керамика в раскопах II–IV представлена 14 сосудами, девятью верхними, 13 нижними частями и многими другими их обломками. Керамика плотная, с примесью дресвы, почти вся гладкостенная. (В Корее керамику раннего железного века, сопоставимую с кроуновской, называют твердой неорнаментированной.) Образцы, декорированные налепными валиками и прочерченными желобками, единичны. Преобладают сосуды: 1) усеченно-конические (вазовидные) с загнутым, как правило, внутрь венчиком, их высота, часто превышает диаметр тулова, на котором весьма часто имеются ручки-пеньки (рис. 6, 1–5; 7, 1, 2, 7); 2) чаши на коническом поддоне различной высоты (см. рис. 6,

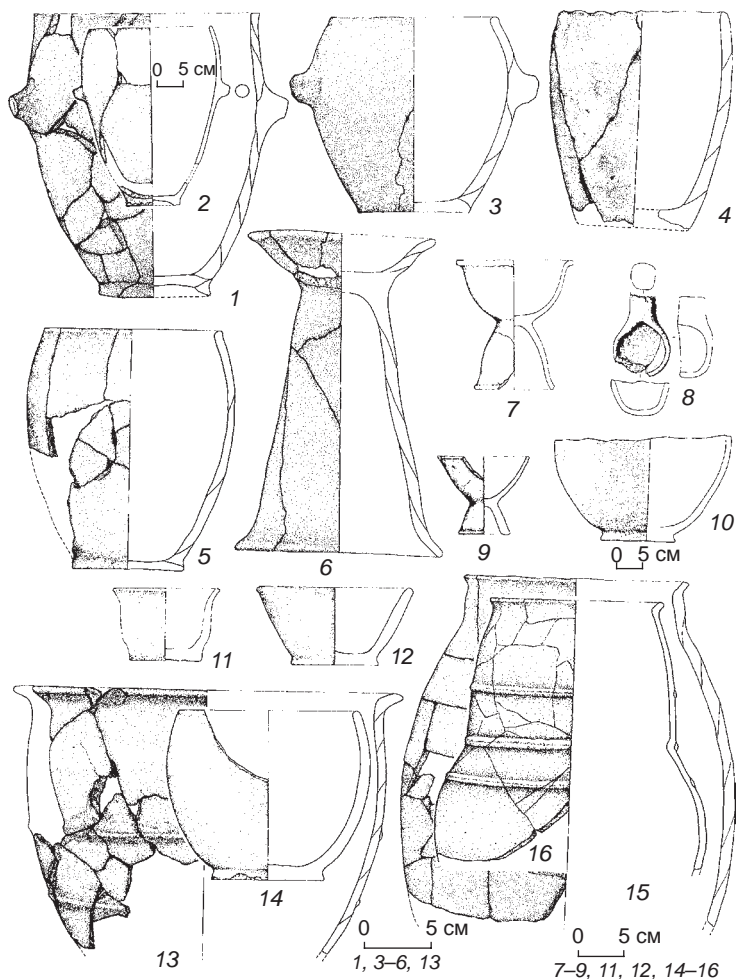

Рис. 6. Керамика кроуновской культуры.

1, 6, 15 – жилище 14; 2, 10, 14 – жилище 15; 3, 5 – жилище 1; 4, 13 – жилище 8; 7, 8, 9 – жилище 18; 11, 16 – межжилищное пространство; 12 – жилище 21.

Рис. 7. Керамика кроуновской культуры.
1, 3 – жилище 14; 2 – жилище 1; 4, 5 – жилище 18; 6, 7 – жилище 156.

6, 7, 9; 7, 3, 4); 3) чаши с округлым туловом и прямым или слегка загнутым внутрь венчиком (см. рис. 6, 10, 14; 7, 6); 4) чаши-пиалы (см. рис. 6, 12). Редко встречаются: 5) чаши (корчаги) с резко отогнутым наружу венчиком; диаметр их округлого тулова превосходит высоту (см. рис. 6, 13); 6) ситуюлообразные (см. рис. 6, 11); 7) вазовидные с высокой и очень высокой горловиной и зауженным устьем (см. рис. 6, 15, 16); 8) в виде льячки с ручкой (см. рис. 6, 8; 7, 5). Поверхность сосудов ложили, заглаживали, иногда обрабатывали дымом. Изделия формовались вручную кольцевым налепом. Донца некоторых фрагментированных сосудов намеренно пробиты. Среди редких форм есть нижняя часть сосуда с не пробитым, а просверленным отверстием. Имеется несколько образцов керамики с тампообразными знаками в виде прямых и сделанных под углом друг к другу насечек.

Среди других изделий из глины выделяются многочисленные пряслица различных типов; ведущими среди них являются уплощенно-дисковидные и усеченно-конические (рис. 8, 1–3, 5). Обитатели кроуновского поселения изготавливали также пряслица грибовидной, шаровидной, крестовидной, колоколовидной (рис. 8, 4, 6–8) и других форм.

Находки из жилищ свидетельствуют о том, что кроуновцы довольно широко использовали для про-

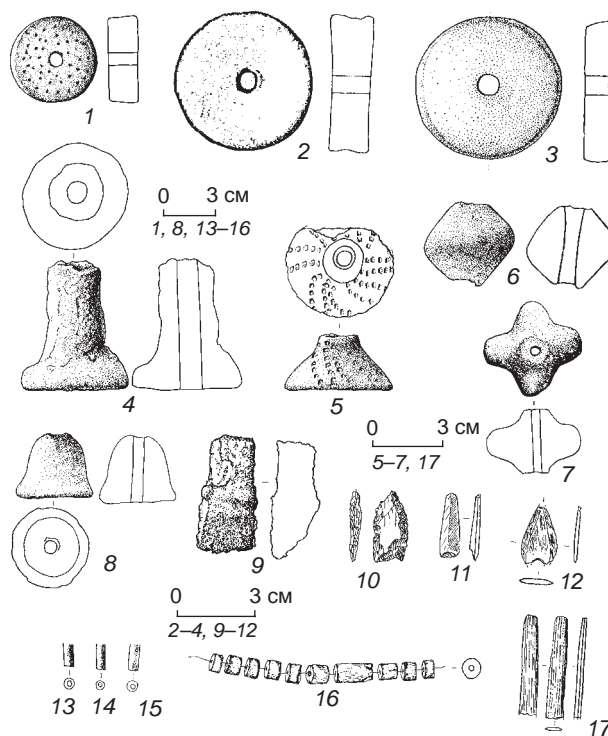

Рис. 8. Находки из жилищ кроуновской культуры.
1–8 – пряслица; 9 – стамеска; 10–12 – наконечники стрел;
13–16 – бусины; 17 – пластинка.
1–8 глина; 9 – железо; 10–15, 17 – камень; 16 – дерево.

изводственно-хозяйственных и военных целей камень осадочного (песчаник, алевролит, сланец), вулканического (обсидиан, туф) происхождения, а также кремь и др. Для деревообработки делали топоры, в т.ч. плечиковые (рис. 9, 1), прямоугольные в плане тесла (рис. 9, 2, 4). Одно обломанное тесло привлекает к себе особое внимание выбитым на его шлифованной поверхности небольшим кругом, возможно знаком мастера (рис. 9, 3). Из метательных орудий назовем шлифованные, а также ретушированные наконечники стрел (см. рис. 8, 10–12), оббитые и шлифованные наконечники дротиков (см. рис. 9, 7, 8). Большими сериями представлены точила и точильные плиты (на одном из них желобковой выбивкой изображена, очевидно, змея с открытой пастью (см. рис. 9, 10)), землеройные орудия (см. рис. 9, 6), ложила, отбойники. Зафиксированы шлифованные полулунные жатвенные ножи или их обломки, рукоять кинжала из алевролита (см. рис. 9, 5, 9). Среди каменного инвентаря кроуновцев на Булочке имеются скребки, проколки, галечные

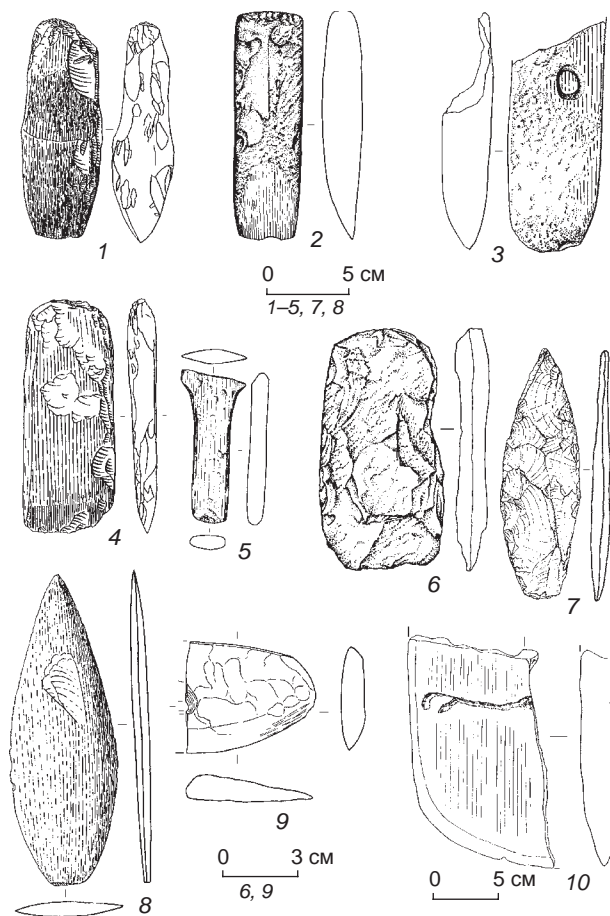

Рис. 9. Каменные орудия кроуновской культуры.

1 – топор; 2–4 – тесла; 5 – рукоять кинжала; 6 – мотыга; 7, 8 – наконечники копий; 9 – обломок ножа; 10 – точило с желобчатым изображением змеи (?).

1, 3, 10 – межжилищное пространство; 2 – жилище 19б; 4, 5, 7, 8 – комплекс II; 6 – жилище 14; 9 – жилище 8.

грузила для сетей, наковальня, курант и другие орудия [Деревянко А.П. и др., 2006, т. 1, с. 315]. К загадочным отнесем значительную серию сланцевых очень тонких шлифованных пластинок преимущественно удлиненно-прямоугольной формы, с заостренными боковыми краями (см. рис. 8, 17).

Из украшений следует назвать изящно выполненные из белокаменной породы цилиндрические бусины (см. рис. 8, 13–15). Для изготовления бус кроуновцы, жившие на Булочке, использовали дерево. В жилище 19б сохранились десять целых (рис. 8, 16), одна обломанная и 21 фрагмент цилиндрических обугленных деревянных бусин.

Целая железная стамеска (или тесло) зафиксирована на полу жилища 1. Инструмент подтрапециевидной в плане формы с асимметрично заточенным лезвием (см. рис. 8, 9). Какие-либо другие предметы из металла в кроуновских жилищах не выявлены. На полу того же жилища находилось редчайшее скопление зерен семейства *Rapaveraceae* (маковые), рода *Rapaver somniferum* (мак снотворный) [Бурмакина, 2004]. Слой зерна мощностью до 7 см залегал компактно, вероятнее всего, в какой-то сгоревшей емкости в виде деревянной коробочки или в мешочке. В жилище 15б стоявшая рядом с каном у западной стены практически целая зачищенная чаша крупных размеров была заполнена раковинами морских моллюсков, часть которых сохранила следы воздействия огня.

Кроуновские вещи, обнаруженные на Булочке, во многом сходны с материалами этой культуры с ранее исследованных памятников в Южном Приморье, а порой идентичны им. Жилища по конструктивным особенностям аналогичны полуподземным строениям, созданным на искусственных террасах. Сходство проявляется в размерах, форме, расположении входа, наличии ящиков-очагов и каменных канов в жилищах [Окладников, Бродянский, 1984, с. 101–103; Бродянский, Дьяков, 1984, с. 8–24; История..., 1989, с. 113–114]. До раскопок на Булочке в Приморье были исследованы более 40 кроуновских жилищ; в 12 из них имелись каны [Бродянский, 2003, с. 38–40], а в каждом из девяти жилищ полностью раскопанного поселения Олений А обнаружен ящик-очаг. На о-ве Петрова в четырех исследованных жилищах выявлены как одно-, так и многоканальные каны [Там же; Окладников, Бродянский, 1979].

Керамика Булочки во многом (форма сосудов, размеры, почти полное отсутствие декора, особенности технологии изготовления, наличие на изделиях ручек-пеньков, тамгообразных знаков и отверстий в доньях и др.) близка или идентична кроуновской керамике ряда поселений в Южном Приморье [Андреева, 1977, с. 104, рис. 2, 3, 8, 9, 14; Болдин, Ивлиев, 2002, рис. 6, 2, 3; Жущиховская, 2004, fig. 72, 74; Окладников, Бродянский, 1984, с. 104, 105].

Существенное сходство демонстрируют и обнаруженные на Булочке и других объектах в Южном Приморье кроуновские плечиковые топоры, шлифованные жатвенные ножи, прямоугольные в плане тесла, сделанные из камня [Андреева, 1977, с. 106, рис. 5, 10, 11; Жушиховская, Кононенко, 1987, с. 5–11; Бродянский, Дьяков, 1984, с. 36, рис. 10], а также пряслица [Андреева, 1977, с. 106, рис. 6–8; Бродянский, Дьяков, 1984, рис. 11, 1–4, 6, 7, 11, 12]. Аналогичны булочкинским и каменные цилиндрические бусы с поселения Кроуновка-1 [Krounovka 1..., 2004, fig. 11, 3]. Единственное найденное на Булочке (жилище 1) железное изделие – стамеска (теслецо) – также имеет сходство с таким же предметом с поселения Кроуновка, расположенного в западной части кроуновского культурного ареала [Бродянский, Дьяков, 1984, с. 33, рис. 9, 4].

Среди культурных остатков, зафиксированных в жилищах рассматриваемого памятника, имеются не встречавшиеся прежде на других объектах кроуновской культуры материалы, например скопление зерен мака снотворного (опийного). Кроуновцы наряду со скотоводством, рыболовством и собирательством (в т.ч. морским) занимались земледелием; есть сведения, что они возделывали просо, чумизу, карликовую пшеницу, ячмень. Теперь можно говорить о том, что носители рассматриваемой культуры знали и такое обладающее целебными свойствами растение, как мак.

Возраст жилищ кроуновской культуры определяется десятью радиоуглеродными датами, полученными по трем жилищам (см. *таблицу*). Если из этих, в целом довольно близких, дат одну ($2\,490 \pm 40$ л.н. (СОАН-5265)) считать удрежденной, а другую ($1\,690 \pm 75$ л.н. (СОАН-6221)) – омоложенной, то жилища 1, 8 и 15б можно отнести к диапазону – начало III – первая половина I в. до н.э., что в целом соответствует зрелому, позднему, периоду кроуновской культуры.

Жилища польцевской культурной общности

Представители польцевской культурной общности при строительстве жилищ фактически использовали топографические и архитектурно-планировочные знания, которые нашли воплощение в более ранних постройках на Булочке, особенно кроуновцев. Польцевцы, как и их предшественники, возводили строения на вырубленных террасах, экономно используя сравнительно ограниченный удобный для жизнедеятельности восточный склон сопки. Расстояние между жилищами зачастую не превышает 1–2 м. В центральной части четвертой и пятой террас, где они вследствие смягченного рельефа более широкие и менее доступные ветрам, три жилища польцевской общности были построены, как указывалось, на месте существовавших

ранее жилищ кроуновской культуры. В зоне раскопок на месте польцевских стационарные полуземляночные строения после них не возводились, поэтому археологическая сохранность жилищ хорошая.

Жилища в плане преимущественно прямоугольные или подпрямоугольные, есть подквадратные с закругленными углами. Стены их ориентированы по линиям север – юг и запад – восток, иногда с некоторым отклонением. Конструкция, как и у кроуновцев, каркасно-столбовая. Обращает на себя внимание архитектурная особенность жилища 5. Снаружи у его входа отмечена площадка (ширина до 1,3 м), на которой зафиксировано шесть ям, образующих квадрат. Очевидно, рядом с жилищем находился своего рода тамбур или навес, который поддерживали столбы [Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев, Шин Чан Су, Ю Ын Сик и др., 2004, т. 1, рис. 59]. Жилища, как правило, небольшие по площади – от 8 до 12 м²; три жилища площадью 15–20 м². Глубина котлованов (или высота нагорных стен площадок-экзарпов) достигает 0,8 м. Вход в жилище – с подгорной (восточной), реже юго-восточной стороны. По внутреннему устройству эти жилища подобны кроуновским. Полы каменные, грубообколотые, с торчащими острыми углами; для выравнивания поверхности они покрывались небольшим слоем мелкой дресвы и толченой глины; местами прослежена глиняная обмазка. Отопительная система – каны – практически в каждом жилище представлена одноканальной каменной, т.н. земляной (глиняной) и комбинированной (каменно-глиняной), конструкцией Г-, П- или С-образной формы. При сооружении канов обязательно использовались плиты бело-молочного известняка (чаще для перекрытий дымоходов), а также песчаника, гранитоида и скальные стены жилищ. Один или два очага-топки в начале секций канов сооружались в виде каменных ящиков.

У Г-образных канов каменные секции-дымоходы возводились вдоль двух стен жилища. Например, в жилище 2 секции располагались справа от входа и частично у подгорной стороны (рис. 10, Г; 11), в жилище 4 – напротив входа и справа от него (рис. 12), а в жилище 18 – напротив и слева от входа [Деревянко А.П. и др., 2006, т. 1, рис. 38]. Секции П-образных канов делали у трех стен жилищных котлованов, обычно напротив, слева и справа от входа (см. рис. 10, Б, Д; 13; 14). Подобное расположение секций дымоходных каналов было и у С-образных канов (см. рис. 10, А, Б).

На отдельных площадках между жилищами зарегистрированы значительные скопления округлых углублений – ям для столбов. Местами ямы образуют одну или несколько прямых линий. Эти ямы были сделаны, вероятно, для столбов-опор хозяйственных свайных построек-навесов или сушил. Рядом с некоторыми столбовыми ямами находятся крупные ямы, в которых, возможно, хранились хозяйственные запасы.

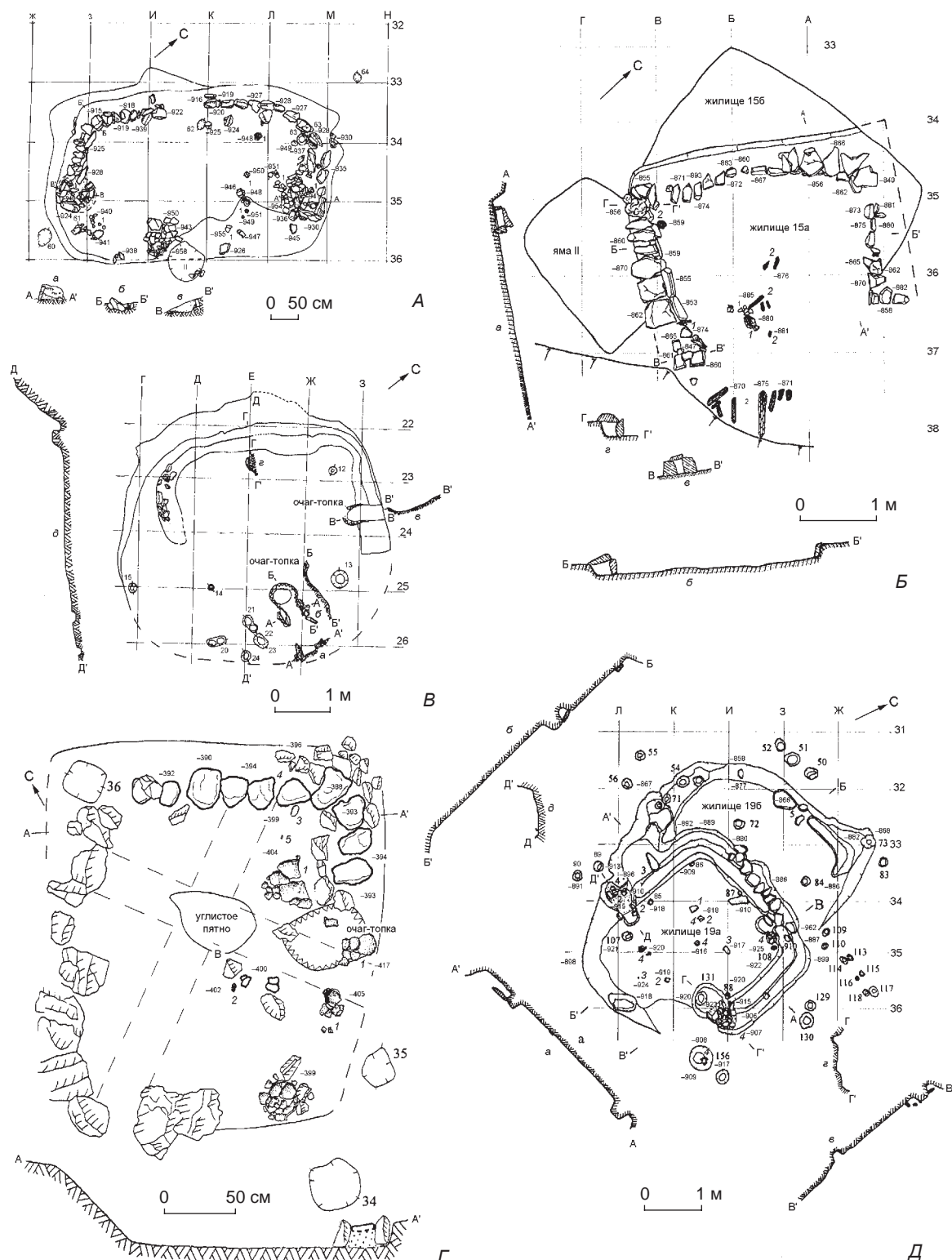

Рис. 10. Планы и профили жилищ польцевской культурной общности (А, В, Г), кроуновской культуры и польцевской культурной общности (Б, Д).

А – жилище 12: 1 – керамика; 2 – косточки; а, б, в – разрезы кана. Б – жилища 15а и 15б: 1 – керамика; 2 – угли, головни; а, б – профили котлована; разрезы очага-топки (в) и дымоходного канала (г). В – жилище 7: профили очагов-топок (а–в); кана (г) и котлована-площадки (д). Г – жилища 2: 1 – керамика; 2 – тесло; 3 – отбойник; 4 – орудие; 5 – бусина. Д – жилища 19а и 19б: 1 – точило-подставка; 2 – точило; 3 – бусина; 4 – керамика; 5 – прокол; профили очагов-топок (г, д) и котлована с профилями дымоходного канала кана жилища 19а (а–в).

Рис. 11 Жилище 2 польцевской культурной общности с Г-образным каном.

Польцевские жилища по архитектурным особенностям, внутреннему устройству аналогичны или во многом близки жилищам других памятников польцевской общности на юге Приморья. Сходство проявляется в плотности застройки, топографии, планировке, форме, размерах (жилища небольшие), наличии канов. Вместе с тем есть различия. Например, на поселении Мал. Подушечка и городище Рудановском имеются каны (в последнем одноканальные Г-образные, в одну линию и П-образный во всех 13 раскопанных жилищах), а на поселении Синие Скалы каны не зафиксированы [Андреева, 1977, с. 147–156; Бродянский, 2003, с. 46–47]. Приморские жилища отличаются от приамурских, которые, как правило, большой площади (80–100 м² и более), хотя отмечены жилища и небольшие, как в Приморье, до 7–8 м² (Амурский Санаторий). В жилищах польцевской культуры в Приамурье отсутствуют каны [Деревянко А.П., 1976, с. 10–97].

В жилищах на полу, на канах, среди плит и под ними залежали различные остатки продуктов жизнедеятельности представителей польцевской культурной общности. Найдены челюсти, зубы лошади, кости козули, марала, клыки дикого кабана. Однако большую часть материалов, обнаруженных в жилищах и рядом с ними, составляют предметы широкого функционального диапазона, изготовленные из обожженной глины, камня, железа и др.

Наиболее представительная категория находок – керамика. Во многих жилищах находились не только многочисленные фрагменты сосудов, но и целые изделия, крупные их обломки. Учтены 26 целых сосудов, 20 их верхних и 31 нижняя части. Почти вся керамика, залежавшая на уровне пола жилищ, напрямую не связана с кроуновской культурой, хотя отмечено некоторое влияние последней на технологию изготовления польцевской утвари (состав теста, лощение поверхности сосудов, трансформация отдельных их форм).

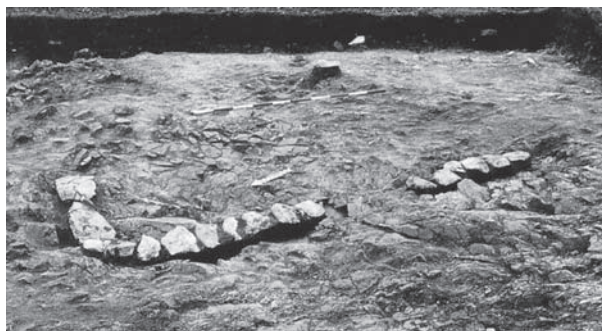

Рис. 12. Жилище 4 польцевской культурной общности с Г-образным каном.

Рис. 13. Жилище 5 польцевской культурной общности с П-образным каном вдоль стен.

Рис. 14. Жилища: 15а – польцевской культурной общности с П-образным каном (в центре справа); 15б – кроуновской культуры (в центре слева, перекрыто жилищем 15а); 17 – польцевской культурной общности (слева сверху).

При изготовлении отдельных форм сосудов использовался поворотный круг.

Среди реконструированных сосудов можно выделить следующие типы:

1-й – с шаровидно-сферическим туловом, узкой горловиной, которая резко переходит в круто ото-

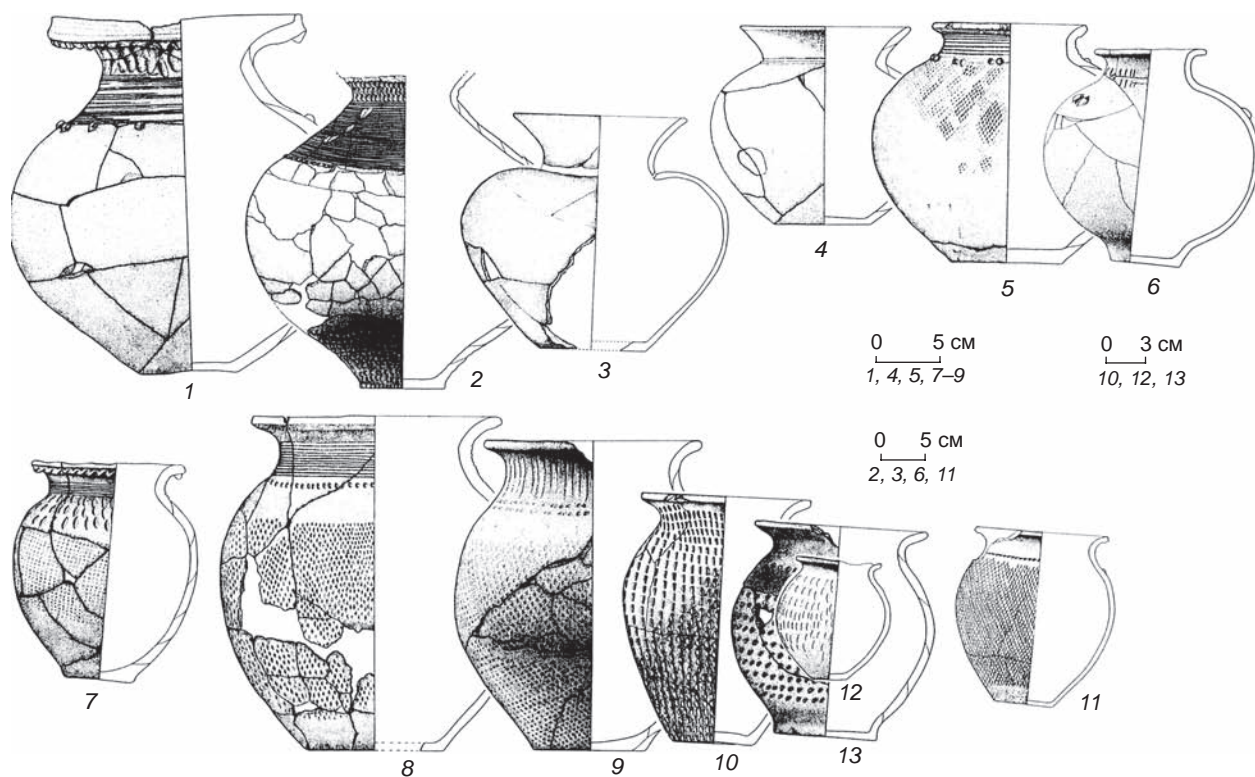

Рис. 15. Керамика из жилищ польцевской культурной общности.
 1 – жилище 12; 2 – комплекс II; 3 – жилище 21; 4, 5, 7, 9 – жилище 11; 6 – жилище 16; 8 – жилище 2;
 10, 12 – жилище 15а; 11 – жилище 17; 13 – жилище 7.

Рис. 16. Керамика польцевской культурной общности.
 1 – жилище 12; 2-4 – жилище 11; 5 – жилище 15а; 6 – жилище 12а; 7 – жилище 7; 8 – жилище 6.

гнутый венчик, имеющий чаще форму блюда. Высота изделий почти всегда равна диаметру тулова. Некоторые образцы немного с оттянутой придонной частью. Диаметр дна этой утвари более чем в 1,5–2 раза меньше диаметра венчика (устья) (рис. 15, 1–4; 16, 1, 2). Основные зоны орнамента – венчик, горловина, плечики, иногда придонная часть. Основные технико-декоративные элементы – вдавления пальцев и ногтей (скобки), горизонтально прочерченные линии, иногда наlepные шишечки-«жемчужины» и волнистые валики. Есть гладкостенные изделия с венчиком упрощенной формы, преимущественно крупных размеров; наибольшая высота изделий до 50 см. В Приамурье подобные сосуды называют польцевскими или типа яйё;

2-й – с округлым туловом, диаметр которого превышает высоту сосуда, с невысокой прямой горловиной и резко отогнутым наружу венчиком. Плечики нередко украшены «жемчужинами», горловина – прорезными желобками или скобковидными насечками, здесь же и в верхней части тулова иногда рельефной лопаточкой выбит ромбовидный ложнотекстильный (вафельный) декор, который мог быть техническим. Высота изделий 18–26 см (см. рис. 15, 5, 6; 16, 3);

3-й – с яйцевидным туловом (горшковидные). Высота сосудов несколько превышает диаметр тулова. Орнамент – вафельные оттиски, ногтевые (в форме полудуг) вдавления, прочерченные линии (на горловине), иногда вертикальные полосы, округлые вдавления. Сосуды малые и средние (высота до 25 см). Найдены во многих жилищах и рядом с ними (см. рис. 15, 7–13; 16, 4, 5; 17, 1, 4);

4-й – с яйцевидно вытянутым туловом и зауженным дном. Высота изделий превышает наибольший диаметр тулова, который приходится на его нижнюю часть. Тулово порой орнаментировано выбивкой в виде оригинальной вафли (шахматно-шашечный узор). Высота до 33 см. В жилищах встречаются редко (см. рис. 16, 7; 17, 6);

5-й – с усеченно-коническим туловом и круто отогнутым наружу венчиком. Грубой лепки, без орнамента. Предполагаемая высота до 18 см (целые сосуды не найдены) (см. рис. 17, 5);

6-й – вазовидные с высокой горловиной и округло-яйцевидным туловом. Гладкостенные, черепок плотный, большая примесь дресвы. Демонстрируют влияние кроуновских гончарных традиций (форма, состав теста, способ обработки поверхности). Целые образцы не обнаружены. Предполагаемая высота ок. 28 см (см. рис. 17, 7).

Зарегистрированы также единичные глиняные изделия кроуновских форм, заимствованных обитателями жилищ польцевской общности: миниатюрный сосудик, возможно игрушка, в виде чаши на коническом поддоне (см. рис. 16, 6; 17, 2); обломанная

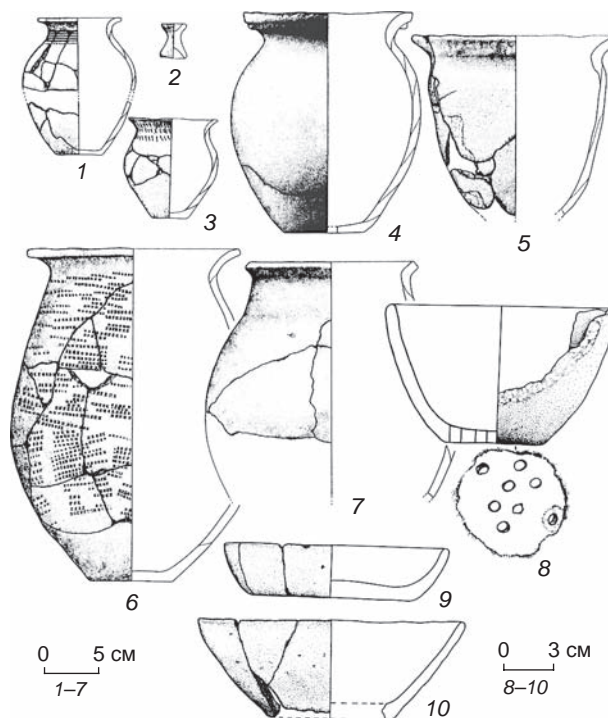

Рис. 17. Керамика из жилищ польцевской культурной общности.

1–5 – жилище 12; 6, 7 – жилище 7; 8–10 – жилище 6.

чаши с решетчатым дном (пароварка) (см. рис. 16, 8; 17, 8). Примечательно, что кроуновских изделий, подобных названным, на полу жилищ польцевской общности найдено немного. Из редких сосудов в некоторых жилищах этой общности представлены блюдце и чаша-пиала (см. рис. 17, 9, 10). На двух сосудах из жилищ 19а и 21 сохранились остатки темно-красной краски.

Керамика польцевской культуры в Приамурье отличается большим типолого-морфологическим разнообразием. Выделено, по меньшей мере, восемь основных типов, а также их вариантов [Там же, с. 101–106, табл. LXXIII]. Изделия некоторых ведущих типов из жилищ на сопке Булочка проявляют сходство в форме и орнаментации (сосуды с шаровидно-сферическим туловом и венчиком в виде блюда или раструба, с округлым туловом и горшковидные чаши-пиалы, блюдца; декор в виде вафли, вдавлений пальцев, ногтей, наlepных «жемчужин», волнистых (рассеченных) валиков, прочерченных линий и др.). Амурская керамика типологически более разнообразная, чем приморская. Объясняется это прежде всего не столько отказом пришедших на юг Приморья польцевцев от своей традиционной утвари и заимствованием кроуновских керамических традиций, сколько тем, что амурская ископаемая керамика иллюстрирует от начала до конца свой полный спектр

на протяжении всех многовековых этапов культуры, а приморская – в основном на позднем ее этапе.

Более скудная формально-типологически керамика польцевского типа по сравнению с Приамурьем представлена и на других памятниках юга и юго-востока Приморья. Тем не менее сосуды из основного типологического польцевского ряда, например, шаровидно-сферические с венчиком в виде блюда, округлые с невысокой прямой горловиной и отогнутым наружу венчиком, горшковидные с яйцевидным туловом, некоторые виды чаш, а также набор технико-декоративных элементов на них, выявлены на памятниках указанных районов [Андреева, 1970, рис. 29; 31, 5, 6, 8–13; 1977, с. 176, рис. 2, 6; с. 177, рис. 5, 7; с. 178, рис. 7, 8, 10, 11, 16, 20; Бродянский, 1987, рис. 95, 1, 2, 5, 6, 8, 9, 12, 13; Окладников, 1959а, рис. 57, 58 (изображение сверху и внизу)].

Если судить по некоторым публикациям материалов частично раскопанных памятников, на памятниках Северного и Центрального Приморья польцевская керамика с чертами своеобразия представлена беднее, чем на Амуре. Однако польцевская керамика, в частности с памятника Глазовка-городища, хотя и несколько старше основной группы польцевских жилищ на Булочке, но в большинстве своем аналогична подобным материалам рассматриваемого памятника [Коломиец, 2005, с. 383, табл. 95, типы 1, 2А, 3, 4А, 4В, 6].

Довольно многочисленную группу других глиняных изделий представляют пряслица. Пряслица из жилищ польцевской культурной общности преимущественно сделаны в виде плоского диска, прямоугольные в сечении, с закругленными углами. Есть единичные образцы с зубчатым краем и колечками-

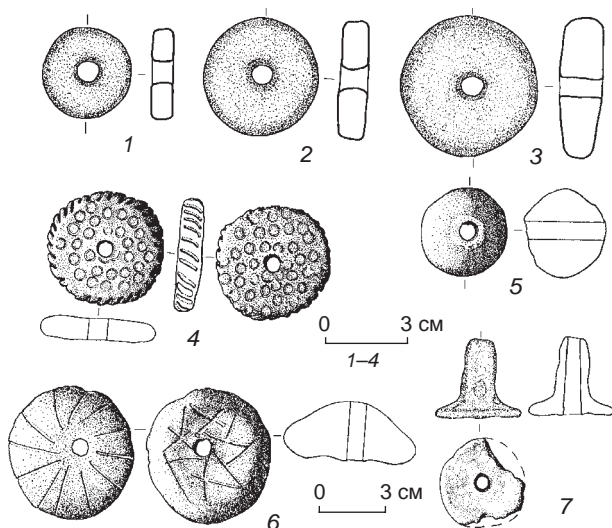

Рис. 18. Глиняные пряслица польцевской культурной общности.

1–3, 5 – жилище 6; 4 – жилище 15а; 6 – жилище 19а; 7 – жилище 3.

оттисками на обеих плоскостях (рис. 18, 1–4). Зафиксированы два пряслица в форме дисков односторонне выпуклого сечения (жилище 19а). Поверхности одного из них орнаментированы радиально направленными прорезными линиями и короткими штрихами, скомпонованными крестообразно и под углом друг к другу (рис. 18, 6). Рядом с жилищем 6 и в жилище 3 обнаружены соответственно шаровидное и грибовидное пряслица (рис. 18, 5, 7). Прямоугольные в сечении изделия найдены в жилищах польцевской общности на Рудановском городище [Бродянский, 1987, рис. 98, 22, 24], поселении Синие Скалы, где наряду с пряслицами без декора отмечены образцы с кружковыми оттисками, а также шаровидные и односторонне выпуклые принадлежности для прядения [Андреева, 1977, с. 181, рис. 1, 7, 8, 10, 11, 13, 17]. В Приамурье самым распространенным типом пряслиц в жилищах польцевской культуры являются изделия прямоугольного сечения, есть и односторонне выпуклого сечения. Приамурские предметы в отличие от большинства южно-приморских меньше по толщине [Деревянко А.П., 1976, табл. I, 3, 4, 7, 8; XVI, 10; XXX, 8, 10]. Шаровидное и грибовидное пряслица, характерные для кроуновской культуры, можно считать, были заимствованы у кроуновцев и использовались по назначению.

В жилищах рассматриваемой культурной общности найдено 249 изделий из камня. Использовался камень различных пород, прежде всего песчаник, алевролит, сланец, кремь, обсидиан. Применялась техника не только шлифовки, но и оббивки, скалывания, ретуши. Больше всего найдено орудий, связанных с рыболовством (54 галечных грузила для сетей), обработкой и изготовлением различных предметов (51 шт. сработанных точил (многие сильно сработанные) и точильных плит, восемь отбойников, пять наковален) (рис. 19, 12, 13). Большую группу (18 шт.) образуют землеройные (большой частью сланцевые) плечиковые и подпрямоугольные с закругленным обухом мотыжки (рис. 19, 10, 11).

Инструменты деревообработки – 15 тесел и два топора – шлифованные, прямоугольные или со слегка расширенным и немного выпуклым лезвием. Тесла с асимметричной заточкой, топоры – с симметричной (рис. 19, 1, 2). Подобные орудия найдены, например, на поселении Синие Скалы [Андреева, 1977, с. 172, рис. 3, 4, 7]. Они очень похожи на тесла и топоры из жилищ польцевской культуры в Приамурье [Деревянко А.П., 1976, табл. XXIII, 6, 9, 14; XXXIX, 1; LV, 1, 14; LXV, 7]. Жатвенные ножи (7 шт.) подпрямоугольной или овальной формы, с ровным, выпуклым, изредка со слегка вогнутым сработанным лезвием, как правило, с одним или двумя отверстиями для шнура или ремешка (рис. 19, 3–6). В материалах раскопок Синих Скал имеются весьма похожие инструменты [Андре-

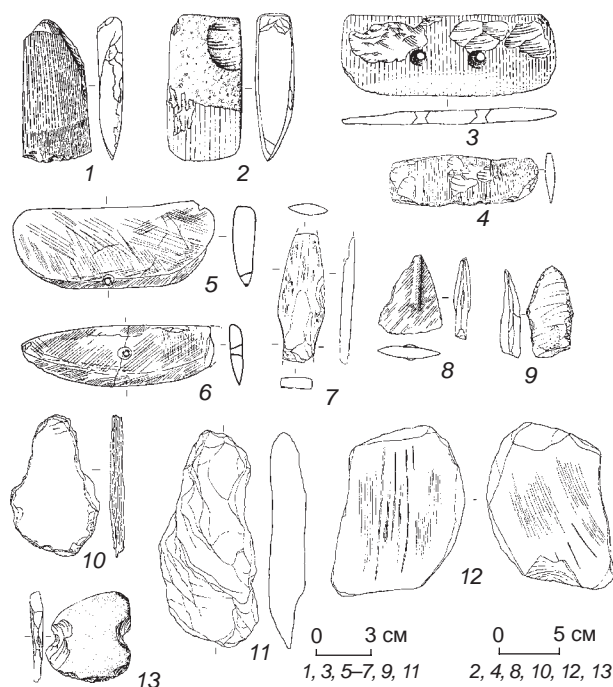

Рис. 19. Каменные орудия из жилищ польцевской культурной общности.

1, 2 – тесла; 3–6 – ножи; 7 – наконечник дротика; 8 – обломок наконечника копья; 9 – остроконечник; 10, 11 – мотыжки; 12 – точило; 13 – грузило.
1 – жилище 18; 2, 7, 8, 10 – жилище 7; 3, 4, 13 – жилище 15а; 5, 6 – жилище 6; 9 – жилище 17; 11 – жилище 12; 12 – жилище 11.

ева, 1977, с. 172, рис. 1, 6, 8]. Аналогичные изделия в приамурских памятниках не обнаружены.

Из охотничьего инвентаря и предметов вооружения польцевские обитатели Булочки изготавливали кремневые и халцедоновые ретушированные наконечники стрел (листовидные, треугольные, удлиненно-треугольные и др.), а также шиферные шлифованные (рис. 20, 6, 7), шлифованные и ретушированные наконечники дротиков (см. рис. 19, 7, 9). В жилище 8 обнаружен обломанный шлифованный сланцевый наконечник копья – копия бронзового изделия (см. рис. 19, 8). Сланцевые шлифованные наконечники стрел и фрагмент наконечника копья имеются в материалах раскопок Глазовки-городища [Коломиец, 2005, табл. 96, 5–8]. В ходе исследований польцевских памятников в Приамурье найдено большое количество метательных орудий, прежде всего ретушированных и шлифованных наконечников [Деревянко А.П., 1976, табл. XXVI, 5, 7–9, 13, 15; XLI, 7, 11, 12, 29, 36, 43].

В небольшом количестве на Булочке выявлен и другой инвентарь из камня: проколки, скребки, стамески, пластины, сколы с признаками ретуши и др. Они зафиксированы также на приамурских памятниках.

Преобладающая часть найденных в жилищах и за их пределами украшений сделана из камня: нефри-

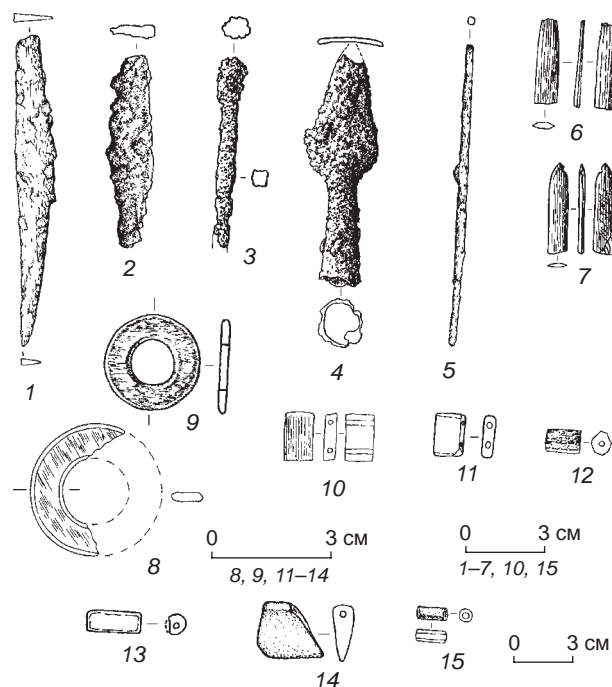

Рис. 20. Вещи, найденные в жилищах польцевской культурной общности и рядом с ними.

1, 2 – ножи; 3, 6, 7 – наконечники стрел; 4 – наконечник дротика; 5 – стержень; 8, 9 – кольца; 10–15 – бусины.
1 – жилище 19а; 2–6 – жилище 17; 7, 15 – жилище 15а; 8 – жилище 7; 9, 13, 14 – жилище 6; 10–12 – межжилищное пространство.
1–5 – железо; 6–15 – камень.

товые кольца палевого цвета (см. рис. 20, 8, 9), цилиндрические (в т.ч. граненые), сечковидные и прямоугольные с двумя отверстиями бусины чаще из зеленокаменной породы камня, а также из халцедона (см. рис. 20, 10–15). Подобные бусины отмечены на поселении Синие Скалы [Андреева, 1977, с. 174, рис. 1, 2, 10], Рудановском городище [Бродянский, 1987, рис. 98, 11–13, 15–21]. Из других украшений польцевского облика на Булочке, в т.ч. в жилище 7, выявлены обломки керамических колец, а также подвесок-магатам. Глиняные кольца, магатамы и кольца из нефрита на польцевских памятниках в Приамурье, особенно на поселении Польце-1, представлены почти во всех жилищах. Большинство из перечисленных выше типов приморских бусин отмечено и в приамурских жилищах.

Железные предметы (7 шт.) найдены лишь в двух жилищах (17 и 19а). Это два ножа, один из них с частично обломанным черешком, зауженным к острию клинком и прямой спинкой, второй – частично обломан, спинка его клинка прямая (см. рис. 20, 1, 2). Имеются наконечник стрелы, перо которого, видимо, почти обломано, черешок квадратный в сечении, и втульчатый наконечник дротика с треугольным в плане и плоским в сечении пером (см. рис. 20, 3, 4). Вы-

явлено три тонких четырехугольных в сечении стержня (шилья ?) длиной 7–11,1 см (см. рис. 20, 5). Ножи с прямой спинкой и зауженным острием обнаружены на Синих Скалах [Андреева, 1977, с. 168, рис. 25, 27]. Такие же ножи и шило найдены на Рудановском городище, там же – характерные для поселения Польце-1 пластинчатые треугольные наконечники стрел [Бродянский, 1987, рис. 96, 1, 3–5, 11]. Аналогичный нож выявлен на Глазовке-городище [Коломиец, 2005, табл. 96, 13]. Наряду с упомянутыми пластинчатыми наконечниками на поселении Польце-1 обнаружены также острия-шилья и ножи названных типов [Окладников, Деревянко А.П., 1970, с. 246, рис. 6; с. 258, рис. 1, 2; с. 284, рис. 1; с. 298, рис. 9].

Костяные изделия представлены лишь одной находкой из жилища 4: под плитой кана сохранился вытянутой формы предмет с одним заостренным концом из трубчатой кости – вероятно, заготовка наконечника стрелы.

Хронология жилищ польцевской культурной общности на сопке Булочке устанавливается вполне определенно как по относительным (они в подавляющем своем большинстве более поздние, чем перекрытые ими кроуновские), так и абсолютным (по десяти жилищам получены радиоуглеродные даты) данным (см. *таблицу*). Возраст пяти жилищ (жилище в раскопе 1970 г., а также 2, 3, 5, 16) укладывается в первую половину I тыс. н.э., охватывая, возможно, и начало VI в. Три жилища (7, 11, 15а) датируются в диапазоне III–II вв. до н.э. – III–IV вв. н.э. По остальным двум жилищам (18 и 21) получено по одной дате: соответственно II в. до н.э. и V–VI вв. до н.э.

Таким образом, основная группа жилищ польцевской общности функционировала с рубежа эр до VI в. н.э. Несколько жилищ, прежде всего 11 и 15а, могло быть построено в III–II вв. до н.э. Любопытно, что эти два жилища, а также жилище 19а (для него нет абсолютной даты) перекрывали, как сказано выше, более ранние кроуновские жилищные комплексы. Дата жилища 18 вполне соответствует возрасту ранних комплексов польцевской общности на Булочке. Что касается хронологического определения частично раскопанного жилища 21, то здесь может быть два варианта: 1) дата сильно удревнена, 2) жилище принадлежит кроуновской культуре. В жилище выявлен кроуновский кан комбинированного каменно-глиняного типа, в заполнении которого находилась характерная для этой культуры чаша с гладкой залощенной поверхностью (см. рис. 6, 12). Лишь по полураздавленному сосуду, сочетающему черты двух культур (польцевские: шаровидно-сферическая форма тулова, венчик в виде раструба и по-кроуновски гладкая лощеная поверхность (см. рис. 15, 3)), жилище условно отнесено к польцевской общности. Впрочем, правильнее, пожалуй, будет не исключать оба варианта опре-

деления, поскольку даже для кроуновского жилища такой ранний возраст (V–VI вв. до н.э.), исходя из накопленных данных по культуре как на Булочке, так и в целом в Южном и Юго-Восточном Приморье, трудно чем-либо подтвердить.

Выводы

Результаты исследований показали, что освоение польцевцами сопки Булочка, как и многих районов Приморья, происходило не стремительно в форме кратковременных или затяжных военных походов, а медленно, поэтапно. Судя по уже известным объектам польцевского круга, расположенным к югу от среднего и нижнего Амура, их создатели двигались на юг через территорию, прилегающую к Уссури не только с востока, но и с запада (крайние северо-восточные районы современного Китая). При освоении новых земель польцевцы на некоторое время закреплялись на них, вступая в не всегда мирные взаимоотношения с местным населением. Для защиты приобретенного они строили оборонительные объекты, о чем свидетельствуют городища на Уссури и в ее окрестностях. Процесс обживания нового пространства не мог происходить без вовлечения в него представителей местных этнических групп. При контактах обе стороны обычно обогащаются неизвестными ранее элементами культуры (быта, социальной организации, видов промысла, технологий и т.п.). Это в полной мере относится и к представителям польцевской культуры, которые, несколько видоизменив или утратив в ходе миграции отдельные элементы своей культуры, пришли на Булочку, как и вообще на юг и юго-восток Приморья, хотя и с бесспорно польцевскими чертами и традициями, но все-таки не такими, какими те были в Приамурье. Продвигаясь по Приморью, польцевцы научились приспосабливаться к местным условиям и, надо полагать, к образу жизни его обитателей. Поэтому встреча с кроуновцами носила скорее мирный, не конфронтационный характер. Это, в целом, подтверждают результаты раскопок Булочки.

Польцевцы переняли у кроуновцев систему строительства небольших, порой весьма компактных, рассчитанных не более чем на два человека жилищ с канами на искусственных террасах сопки – своеобразной естественной «крепости». Они заимствовали некоторые технологические приемы выделки глиняной посуды, научились делать пароварки, но при этом не утратили основные польцевские гончарные традиции. Пожалуй, в большей степени элементы польцевской культуры на юге и юго-востоке Приморья проявлялись при изготовлении каменных изделий (включая украшения), глиняных пряслиц, колец, а также железного инвентаря. (Малочисленность из-

делий из железа на Булочке (подобное отмечено и на польцевских поселениях Желтый Яр, Амурский Санаторий, Кочковатка, Польце-2, Тахта в Приамурье) объясняется, вероятнее всего, тем, что люди покидали жилища в спокойной обстановке и забирали высоко ценившиеся железные вещи.)

Вполне возможно, что поселившиеся на Булочке польцевцы какое-то время сосуществовали с частью проживавших здесь кроуновцев, не желавших объединяться. В жилище 1 весь довольно обильный инвентарь был кроуновский; на нем сохранились признаки воздействия огня. Следы пожара и разрушения выявлены также в кроуновских жилищах 14 и 15б, на месте которых были сооружены аналогичные постройки (11 и 15а соответственно) польцевской культурной общности. Эти примеры могут свидетельствовать о непокорности кроуновцев, за что они подвергались наказаниям, видимо, вплоть до сожжения жилищ.

Современный уровень изученности рассматриваемого культурно-исторического периода позволяет говорить о различиях в характере взаимоотношений польцевцев и кроуновцев на юге и юго-востоке Приморья. Так, на Рудановском городище, где в целом получен «значительный по объему польцевский материал, не смешанный с инокультурными примесями» [Бродянский, 1987, с. 181], в жилищах располагались каны. Следы пожаров на памятнике не зафиксированы. Каны в жилищах имелись на поселении Мал. Подушечка и некоторых других многослойных памятниках. На Синих Скалах польцевские (или ольгинские) жилища не выявлены. Еще менее определенными сегодня представляются взаимоотношения польцевских мигрантов с местным населением на Уссури, что объясняется отсутствием раскопанных там жилищ и вообще больших по площади памятников.

Накопленные к настоящему времени знания о степени взаимовлияния польцевцев и кроуновцев в Восточно-, Южно-Приморском регионах позволяют видеть следующее: памятники с чертами синкретизма кроуновской и польцевской культур (последние преобладают) принадлежат польцевской культурной общности (Булочка, Рудановское, Мал. Подушечка, Новогордеевское городище и, возможно, Сенькина Шапка). Объекты, не имеющие четко диагностируемых признаков польцевско-кроуновского синтеза, можно принять за локально-хронологический вариант польцевской культуры (Синие Скалы). Памятники Глазовка-городище и его круга скорее также относятся к варианту польцевской культуры с ее метрополией в районах Среднего и Нижнего Приамурья.

Польцевская культура с ее вариантами и, можно сказать, дочерними подразделениями – явление, по степени своего влияния выходящее далеко за региональные рамки. Это была действительно моно-

культура, сформировавшаяся на территории Приамурья, а затем распространившаяся в Приморье. Столь же обширны ареалы еще двух культур, следовавших за польцевской и впитавших ряд ее компонентов, – мохэской и чжурчжэньской [Медведев, 1986, с. 170–174]. Элементы польцевской известны в культурах как более северных (Якутия, Охотоморье), так и южных (Япония) от нее территорий. Некоторые исследователи миграции польцевцев из Приамурья связывают с изменением политической ситуации (активизация степных кочевников) и экологических условий. На наш взгляд, переселение польцевских племен во многом было обусловлено демографическим фактором. Отдельные районы Приамурья при них превратились в густонаселенные. Например, в Еврейской автономной области на ограниченных участках сосредоточены десять и более поселений этой культуры.

Итак, на сопке Булочка на протяжении трех-четырех тысячелетий временно или постоянно обитали носители многих культур эпох неолита и палеометалла. Наиболее плотная застройка поселения жилищами соответствует периоду существования польцевской культурной общности (III в. до н.э. – V–VI вв. н.э.). Как показали наши исследования на памятнике в 2005 г., освоенная польцевцами склоновая часть сопки была значительно обширнее, чем представлялось ранее, она составляла не менее 3 тыс. м². На ней могло быть, по меньшей мере, 80–90 жилищ только польцевской общности [Деревянко А.П. и др., 2006, т. 1, с. 318]. Накопленные к настоящему времени источники помогли узнать много нового о культурогенезе, преобразовании культур на поздней стадии раннего железного века в Южном Приморье. Продолжение раскопок на памятнике, несомненно, позволит получить дополнительный важный материал.

Список литературы

- Андреева Ж.В.** Древнее Приморье. Железный век. – М.: Наука, 1970. – 148 с.
- Андреева Ж.В.** Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
- Андреева Ж.В.** Железный век на юге Дальнего Востока СССР: (К итогам разработки некоторых проблем) // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: Мат-лы XIII Дальневост. науч. конф. по пробл. отеч. и заруб. историографии. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – С. 28–38.
- Андреева Ж.В.** Культурно-хронологические комплексы поселения Синие Скалы // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2002а. – С. 59–74. – (Тр. ИИАЭ ДВО РАН; т. 11).
- Андреева Ж.В.** Задачи исследования // Синие Скалы – археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника / отв. ред. Ж.В. Андреева. – Владивосток: Дальнаука, 2002б. – С. 11–27.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Многослойный памятник Новогордеевское городище: Материалы раскопок 1986–1987 годов // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 46–74. – (Тр. ИИАЭ ДВО РАН; т. 11).

Бродянский Д.Л. О соотношении двух культур раннего железа в Приморье // Бронзовый и железный век Сибири: Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. 4. – С. 113–119.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1987. – 276 с.

Бродянский Д.Л. Неолит и палеометалл Южного Приморья: Дис. ... д-ра ист. наук в виде научн. докл. – Новосибирск, 1995. – 49 с.

Бродянский Д.Л. Археология Приморья: Краткий очерк. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2003. – 88 с.

Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приамурье у рубежа эр. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1984. – 76 с.

Бурмакина Н.В. Остатки мака из жилища древнего поселения на сопке Булочке в Приморье // Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хон Хён У. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в Партизанском р-не Приморского края в 2003 году: в 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН; ГИИKN РК, 2004. – Т. 1. – С. 322–324 (на рус. и кор. яз.).

Ветров В.М., Шаврина А.В., Шергин Д.Л. Нижнеамурские сборы археологического материала М.М. Герасимова 1926–1927 гг. – Иркутск: Оттиск, 2007. – 104 с.

Вострецов Ю.Е. Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 20 с.

Вострецов Ю.Е., Жутиховская И.С. К вопросу о каннах на памятниках кроуновской культуры Приморья // КСИА. – 1990. – Вып. 199. – С. 74–79.

Деревянко А.П. К истории Среднего Амура в железном веке (По раскопкам поселения в местности Польце у с. Кукелево, 1963 г.) // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2: Древняя Сибирь. – С. 229–242.

Деревянко А.П. Племена Приамурья и Приморья во II–I тыс. до н.э. // Этногенез народов Северн. Азии: Мат-лы конф. – Новосибирск, 1969. – Вып. 1. – С. 95–108.

Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока: Курс лекций. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1972. – Ч. 2. – 275 с.

Деревянко А.П. Культура яёй и ее связи с материковыми культурами // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 138–149.

Деревянко А.П. Приамурье (I тыс. до н.э.). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко А.П. Польцевская культура на Амуре. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 68 с.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Ким Ён Мин, Хон Хён У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хам Сан Тек. Три года раскопок на поселении Булочка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 297–303.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Ким Ён Мин, Хон Хён У, Филатова И.В., Краминцев В.А., Медведева О.С., Хам Сан Тек, Субботина А.Л. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в 2005 г.: в 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН; ГИИKN РК, 2006. – Т. 1. – 364 с.; Т. 2. – 310 с. (на кор. яз.); Т. 3. – 154 с. (на рус. и кор. яз.).

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Филатова И.В., Медведева О.С. Исследование Российско-Корейской экспедиции поселения Булочка в 2004 г. (Приморье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 244–249.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в Партизанском р-не Приморского края в 2004 году: в 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН; ГИИKN РК, 2005. – Т. 1. – 367 с.; Т. 2. – 324 с. (на кор. яз.); Т. 3. – 131 с. (на рус. и кор. яз.).

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хон Хён У. Раскопки Российско-Корейской Приморской экспедиции поселения Булочка в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 336–341.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хон Хён У. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в Партизанском р-не Приморского края в 2003 году: в 3 т. – Сеул: ИАЭТ СО РАН; ГИИKN РК, 2004. – Т. 1. – 341 с.; Т. 2. – 312 с. (на кор. яз.); Т. 3. – 158 с. (на рус. и кор. яз.).

Деревянко Е.И. Стоянка Дунсин в Хэйлунцзяне и польцевская культура на Амуре // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VI Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 235–239.

Жутиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 312 с.

Жутиховская И.С., Кононенко Н.А. Каменный инвентарь поселения кроуновской культуры Киевка // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 4–12.

История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. – М.: Наука, 1989. – 375 с.

Клюев Н.А. Многослойное поселение Синие Скалы и некоторые проблемы археологии Приморья // Синие Скалы – археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника / отв. ред. Ж.В. Андреева. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 28–44.

Колюнец С.А. Период развитого железа в Приморье (в контексте польцевской культурной общности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001. – 18 с.

Коломиец С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы / отв. ред. Ж.В. Андреева. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 381–393.

Коломиец С.А., Афремов П.Я., Крутых Е.Б. Новые памятники среднего течения р. Усури // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 271–278.

Копытько В.Н. Петропавловка – могильник раннего железного века (польцевская культура) // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1988. – С. 3–7.

Краминцев В.А. Васильевское городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 130–139.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг. Палеолит – эпоха Инь, находки, проблемы. – М.: Наука, 1977. – 269 с.

Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 206 с.

Медведев В.Е. Новый тип памятников раннего железного века и проблема зарождения государственности на юге советского Дальнего Востока // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. докл. – Кемерово, 1989. – Ч. 1. – С. 123–125.

Медведев В.Е. Культурно-хронологические соотношения городищ Среднеамурской равнины // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. – Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1990. – С. 73–79.

Медведев В.Е. Раскопки поселения Булочка // АО 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 439–441.

Медведев В.Е. Исследование поселения Булочка на юге Приморья // АО 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 468–469.

Медведев В.Е. Третий год исследований на поселении Булочка // АО 2005 года. – М.: Наука, 2007. – С. 491–493.

Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. – Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1959а. – 292 с.

Окладников А.П. Начало железного века в Приморье // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. – Саранск, 1959б. – Т. 1. – С. 13–36.

Окладников А.П. Археологические раскопки в районе Хабаровска // Вопросы географии Дальнего Востока. – Хабаровск: Дальневост. филиал им. В.Л. Комарова СО АН СССР; Приамур. (Хабаров.) филиал Геогр. об-ва СССР, 1963. – Вып. 6. – С. 255–282.

Окладников А.П. Археологические коллекции Л.Я. Штернберга с Нижнего Амура // Изв. СО РАН. Сер. обществ. наук. – 1979. – Вып. 2, № 6. – С. 70–76.

Окладников А.П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.) – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 3–52.

Окладников А.П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Древние поселения на острове Петрова // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1979. – С. 3–13.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 100–114.

Окладников А.П., Глинский С.В., Медведев В.Е. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка в Сучанской долине // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1972. – Вып. 2, № 6. – С. 66–71.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Польце – поселение раннего железного века у с. Кукелево // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1970. – Вып. 1. – С. 5–304.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

Тан Инцзе, Ли Яньте, Цзинь Тайшунь. Отчет о раскопках поселения Гуньтулин в городе Шуаньяшань провинции Хэйлунцзян // Бэйфан вэньбу. – 1997. – № 2. – С. 6–15 (на кит. яз.).

То Юхо. Отчет о раскопках древнего памятника Чходо в у. Наджин // Юджок пальгуль пого (Отчеты об археологических раскопках). – Пхеньян: Сахве квахавгон чхульпханса, 1956. – Т. 1. – 55 с., 142 табл. (на кор. яз.).

Хван Ги Док. Отчет о раскопках памятника Помый Ку-сок (в г. Мусан // Когоминсок нонмунджип (Сборник статей по археологии и этнографии). – Пхеньян: Сахве квахавгон чхульпханса, 1975. – Т. 6. – С. 124–226.

Чжан Тайсян. Предварительное изучение первобытной культуры в бассейне р. Суйфэн // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. – 1982. – № 2. – С. 181–184 (на кит. яз.).

Krounovka 1 Site – Excavations in 2002 and 2003. – Kumamoto: Departament of Archaeology, Kumamoto Univ.; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Russian Academy of Science, Far Eastern Branch, 2004. – 58 p.

Материал поступил в редколлегию 06.08.07 г.

УДК 903'14

Е.Н. ЧерныхИнститут археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: archmetal@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО «СТЕПНОГО ПОЯСА» СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ И РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ*

«Степной пояс» Евразии – своеобразный «домен» кочевых и полукочевых скотоводческих культур. С запада на восток он протянулся на 8 тыс. км (от Черного до Желтого моря), охватывая площадь до 8 млн км². Первые признаки формирования культур «степного пояса» совпадают с эпохой энеолита (V тыс. до н.э.) и с активизацией Балкано-Карпатской металлургической провинции. Зарождение мощных блоков скотоводческих культур приходится на ранний и средний периоды бронзового века (IV–III тыс. до н.э.) в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции. Наиболее ярким событием этого времени стал феномен курганной майкопской культуры на Северном Кавказе. К данному периоду относятся и безусловные свидетельства освоения лошади под верховую езду (первобытная кавалерия), а также металлического оружия (наконечники стрел и копий). В конце III тыс. до н.э. зарождаются воинственные скотоводческие общности в центре Азии (Саяно-Алтай, Монголия). Важнейшим событием на рубеже III и II тыс. до н.э. можно считать встречное движение двух «волн» культур. От Урала на восток (вплоть до Алтая и Синьцзяна) продвигались массы степных скотоводов абашево-синташтинской, а затем и андроновской общностей. Из Центральной Азии к Уралу и далее в пределы Восточной Европы устремились воинственные сейминско-турбинские группы. К середине II тыс. до н.э. формирование «степного пояса» завершилось. Этот феномен просуществовал вплоть до Нового времени. Скотоводческие культуры «степного пояса» на разных этапах очень часто играли ключевую роль в истории евразийских народов.

Введение: взгляд историка и археолога

В апогее своего развития Евразийский «степной пояс» скотоводческих культур предстает перед современными исследователями поистине необозримым по своей протяженности: с запада на восток, от бассейна Нижнего и даже Среднего Подунавья вплоть до Маньчжурии, фактически без сколько-нибудь заметных перерывов – свыше 8 тыс. км. Тогда же полностью подвластные мобильным воинственным степным народам территории могли занимать 8 млн км² (рис. 1), и это в относительно «мирные» периоды существования!

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-00075) и РГНФ (проект № 08-01-00073а).

В течение очень длительного времени степная зона служила специфичным базовым «доменом» скотоводческих культур*. Однако столь же безусловным кажется, что этот «домен» охватывал также расположенные севернее и намного более комфортные для обитания скотоводов лесостепные регионы. Кроме того, они кочевали повсеместно не только на полупустынных, но даже на малоприветливых для обитателей пустынных территориях: от Закаспийских Каракумов

*Животноводство абсолютно доминировало в хозяйственных занятиях населения «степного пояса». Земледелие, если оно и имело место у оседлых популяций, всегда характеризовалось как зачаточное и никогда не играло сколько-нибудь заметной роли в жизни этих народов [Лебедева, 2005].

и Кызылкумов вплоть до центрально-азиатской Гоби. Пастухов степных сообществ не столь уж редко можно было встретить и по южным окраинам горно-таежных регионов (к примеру, на Саяно-Алтае). По этой причине понятие «степной пояс» достаточно условное: в реальности «пояс» включал в свою орбиту существенно более обширные пространства. Именно в таком смысле и следует воспринимать те положения, которые читатель встретит в данной статье.

Не следует также думать, что от южного (оседло-земледельческого) и северного (лесного) миров изучаемый нами «пояс» был отчленен строгими демаркационными рубежами. Напротив, на всей огромной его протяженности и фактически на всех этапах его существования возникали весьма заметные по территориальному охвату регионы, где наблюдалось чересполосное сосуществование разнообразных типов культур. Так было, к примеру, на придунайском, западном его фланге [Ecsedy, 1979; Jovanović, 1979], где степняки-скотоводы, начиная с медного века и вплоть до средневековья, время от времени глубоко внедрялись в исконные области оседлых земледельческих культур. В этом отношении особую значимость ряд исследователей придает выделению на юге среднеазиатской зоны т.н. Бактрийско-Маргианского археологического комплекса [Kohl, 2007, р. 182–213], в рамках которого взаимодействовали «цивилизованные» земледельцы со степными кочевыми «варварами-пастухами». Подобного рода примеры можно без труда умножить.

В исторической реальности процесс распространения культур «степного пояса» всегда отличался волнообразным характером. В случае удач динамичные воины-скотоводы могли подчинять чуждые им популяции на воистину необозримых пространствах. Захватнические устремления степняков были нацелены, как правило, на территории к югу от их «домена» – зону оседлых земледельческих культур. Внезапно слабея, они без промедления откатывались к северу. Однако при этом за их спиной оставались лесные культуры, которые, по всей видимости, практически всегда в большей или меньшей степени зависели от степняков.

В последние шесть тысячелетий, т.е. вплоть до Нового времени или же до XVIII и даже XIX в., Евразийский «пояс» степных культур являлся, без сомнения, одним из самых поразительных феноменов в истории народов этого континента. Периоды всеограшающих, невиданных по своей стремительности

Рис. 1. Расположение «домена степного пояса» евразийских скотоводческих культур.

нашествий конных степняков – непобедимых в те исторические моменты воинов – нередко повергали в буквальный паралич волю носителей многих оседлых культур. В долгой исторической памяти тех народов, которых не только в научной литературе, но и в популярной беллетристике привычно относят к разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают картины прошлого, обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений. Подобными воспоминаниями наполнены письменные источники, изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда появились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что питаются эти дьявольские создания мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Видать, только за тяжкие грехи Господь мог наслать на наших людей эту адскую напасть». Примерно такими смятенными загадками в XIII столетии мучились многие властители христианской Европы, вплоть до Британских островов [Юрченко, Аксенов, 2002, с. 32–74]. Сходные стенания слышались тогда же и по множеству областей Азии. Связано было это с началом Чингизовых завоеваний. Всеохватная евразийская империя Чингизидов явилась, конечно же, как подлинным апогеем, так и заключительным актом степного насилия, его своеобразной «лебединой песней». Традиция резко отрицательных средневековых оценок татаро-монгольских сокрушительных завоеваний сохранилась в мировой литературе до наших дней. И пожалуй, только один из известных мне исследователей – Л.Н. Гумилев – стал энергичным и последовательным апологетом этих губительных катастроф, которые, как он полагал, катастрофами

вовсе не являлись*. Однако ужаснувшие мир монгольские завоевания лишь завершали длинную череду подобного рода бедствий. Предшественниками Чингисхана и его прямых наследников стали гунны со своим легендарным вождем Атиллой. Появились они на западе Евразийского континента опять-таки из неведомых для европейцев и устранивших их глубин Азии. Неукротимые всадники гуннов нанесли разящие удары по обеим – восточной и западной – частям некогда единой Римской империи. Как известно, в V в. гунны докатились почти до районов современного Парижа и только там удалось остановить их беспощадный бег.

В своем продвижении вниз по хронологической шкале, пересекая рубеж новой эры, мы погружаемся в степной скифо-сарматский мир. В I тыс. до н.э. он простирался от низовьев Дуная вплоть до Западной Монголии. Богатейшие и нередко насыщенные золотом курганные захоронения скифо-сарматских вождей до сих пор волнуют как исследователей-археологов, так и широкую публику. Проникали скифы и далеко на юг, переваливая Главный Кавказский хребет. В конце VI в. до н.э. Дарий, намеревавшийся с помощью своего персидского воинства наказать и сокрушить лишь крупную необъятного кочевого мира, потерпел в своих попытках полную неудачу. Об этом подробно поведал Геродот, и в его повествовании был явственно очерчен тот залог стратегической неуязвимости степных всадников, который имел место во все предшествующие и последующие исторические эпохи (едва ли не до Нового времени).

По всей вероятности, наиболее тяжкие страдания от болезненных, а порой и трагических столкновений с миром степных культур испытывал Китай. Причем борьба эта продолжалась не менее трех тысячелетий, вплоть до позднего средневековья. И если на более западных евразийских пространствах южный мир от степного, северного, отделяли могучие горные цепи – от Кавказа до Памиро-Тяньшаня, – то китайцам пришлось бесконечно долго сооружать знаменитую сте-

*Л.Н. Гумилев во множестве своих произведений воспевал монгольское иго. Он расценивал его фактически как почти не требовавшее доказательств очевидное благо, прежде всего для Древней Руси, которую монголы якобы успешно обороняли от внешних врагов. В Монголии культ Чингисхана сохраняется и доныне. Здесь следует добавить, однако, что без каких-либо просветов черная краска не всегда годна для портрета культуры степных и пустынных кочевников. Вспомним, что именно в среде мобильных скотоводов зародились некоторые идеи, сыгравшие особую роль в истории человечества. Я имею в виду, к примеру, монотеизм у древних евреев III–II тыс. до н.э., ислам у полуседлых и кочевых обитателей Аравийского п-ова. Об этом же свидетельствует ряд технологических инноваций, в частности в сфере степной археометаллургии.

ну, которая почти всегда оказывалась крайне слабым барьером для летучих отрядов «степных ковбоев»*.

Первые признаки зарождения Евразийского «степного пояса» – этого устранившего столь многих феномена – стали проявляться в самом начале эпохи раннего металла или же в медном веке, т.е. с V тыс. до н.э. К концу II тыс. до н.э. границы «степного пояса» приобрели те контуры, которые в своих главных чертах сохраняются в течение последующих трех тысячелетий. Основная задача предлагаемой статьи – выделение генеральных этапов сложения этого «пояса» в эпоху раннего металла**. Таковых этапов, как представляется в данный момент, четыре. Кроме того, в рамках второго и третьего этапов можно наметить также ряд последовательных фаз. Фундаментом настоящего исследования стали обширные базы данных по древнейшему металлу (120 тыс. артефактов из различных металлургических провинций) и радиоуглеродным датам (почти 1 700 калиброванных определений), накопленные и систематизированные в лаборатории Института археологии РАН.

Ранний (первый) этап формирования «степного пояса» культур: Балкано-Карпатская металлургическая провинция

Начало сложения «степного пояса» скотоводческих культур, по всей вероятности, следует увязывать с зарождением и взрывным, стремительным процессом формирования знаменитой Балкано-Карпатской металлургической провинции медного века (БКМП) [Chernykh, 1992, p. 35–53]. В период максимального распространения металла и металлической продукции самой провинции ее территория составляла примерно 1,3–1,4 млн км² (рис. 2). В ряду горно-металлургических и металлообрабатывающих очагов, слагающих структуру БКМП, с достаточной мерой надежности можно вычленим три основных блока культур (рис. 2). Первый – важнейший и центральный – охватывал территорию примерно в 0,75–0,8 млн км² и включал горно-металлургические про-

*Таким весьма выразительным и броским термином наградил Е.Е. Антипина и А. Моралес степных восточно-европейских воинов бронзового века [2005].

**Ограниченный объем статьи диктует крайне лапидарный стиль изложения материалов с опорой на суммарные графики распределения сумм вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат и общие – схематические географические карты. По этой же причине в данном тексте можно сосредоточить внимание лишь на ключевых проблемах и археологических общностях в ущерб многим, которые как бы невольно оказались причисленными к разряду второстепенных.

Рис. 2. Ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции.

А – центральный блок оседлых земледельческих культур Балкано-Карпатя: А-1 – Бутмир, А-2 – Винча С/Д, А-3 – Караново V – Марица, А-4 – Караново VI – Гумельница, А-5 – Варна, А-6 – Лендьел, А-7 – Тисаполгар, А-8 – Бодроккерестур; Б – блок культур Кукутень – Триполье; В – блок степных скотоводческих культур: В-1 – днепро-донецкая/мариупольская, В-2 – среднестоговская, В-3 – хвалынская.

изводящие центры, локализованные по преимуществу на севере Балкан и в Карпатском бассейне. В этих центрах производилось огромное число медных орудий и оружия, а также украшений [Todorova, 1999]. Именно к культурам данного блока относятся такие широко известные уникальные памятники, как Варненский «золотой» некрополь или же рудник Аи бунар, остающийся, в сущности, и по сей день древнейшим в мире, по крайней мере, из разряда детально обследованных.

Второй блок связан с совокупностью культур трипольской (кукутень-трипольской) общности (0,16–0,18 млн км²). Он, без сомнения, должен рассцениваться как периферийный относительно центрального. Это заключение представляется вполне справедливым, к примеру, в отношении металлопроизводства. В трипольской общности резонно различать три основных типа культур (этапа): триполье А, В и С1. В рамках этой общности отмечались исключительно очаги металлообработки. По характеру и сути они второстепенные, зависимые, поскольку в них на базе привозной меди из центров главного блока Балкано-Карпатской провинции трипольские мастера изготавливали орудия и украшения. По всей вероятности, именно второй блок стал основным передатчиком меди на восток, в среду обитания степного населения.

Третий – восточный (северо-восточный) и определенно маргинальный во всей системе БКМП – блок занимал территорию до 0,4–0,5 млн км². Его целиком слагали культуры или, точнее, археологические общности степных скотоводов. На рис. 2 представлены основные территории распространения указанных общностей. Однако их «точечное» присутствие в зоне придунайских оседло-земледельческих культур являлось также вполне очевидным (см., например: [Comşa, 1991]).

В отношении степных сообществ юга Восточной Европы следует непременно обратить внимание на ряд существенных особенностей. Исследователи бытовых и могильных памятников степного блока без каких-либо затруднений отчленяют их не только от сравнительно отдаленных селищ и некрополей, скажем, придунайских, но и соседствующих с ними – трипольских. Различия здесь очевидны во всем комплексе основных признаков культур, но так обстоит дело лишь при внешних сопоставлениях. При попытках обнаружить достаточно определенные и надежные различия во внутренних структурах общностей в работах тех же исследователей появляется целый ряд подчас взаимоисключающих выводов. Литературные и устные дискуссии по этим – в данном случае, видимо, неискоренимым – проблемам приобретают порой жестокий характер. Попытки корректного различения отдельных культур постоянно упираются в

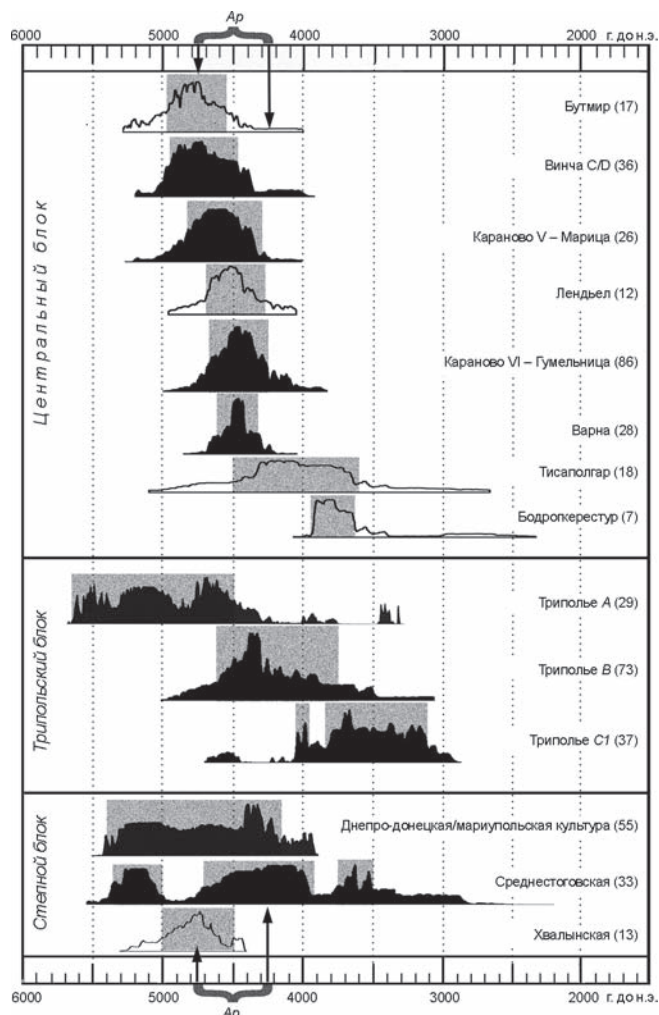

Рис. 3. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для культур и общностей, входивших в систему Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Серым выделены хронологические диапазоны с вероятностью 68,2 % (1σ); черные фигуры полигонов относятся к совокупностям, где количество дат > 25. Ар – апогей активности производительных центров центрального блока БКМП. Цифры в скобках – количество дат.

размытую, как бы «смазанную» картину ориентиров, утопающих в огромной массе накопленного ныне археологического материала. При изучении культур «степного пояса» Евразии мы постоянно сталкиваемся с ярким проявлением т.н. синдрома культурной непрерывности, столь характерного для большинства из них [Черных, 2007а, с. 35–36]*. В отношении данного блока, мне кажется, наиболее резонна ориентация преимущественно на три археологические общности – днепро-донецкую, среднестоговскую и хвалынскую (рис. 2). В литературе нередко встреча-

*Впрочем, этот «синдром» в меньшей степени присущ, к примеру, культурам лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири.

ется поразительное разнообразие их названий*. Так, некие группы могильников или селищ днепро-донецкой общности могут именоваться «памятниками неолитическими», или «памятниками новоданиловского типа», или «культурой типа Мариупольского некрополя» и т.д.

Металлообработка в рамках третьего блока на фоне основных типов металлургического и металлообрабатывающего производства в центрах обоих западных блоков отличалась весьма примитивным характером [Рындина, 1998, с. 151–179]. Она, в сущности, слабо отвечала генеральным морфолого-технологическим стандартам Балкано-Карпатской провинции. Здесь никогда не производили того великолепного металлического оружия, которым славился центральный блок. Основанием для включения степных очагов металлообработки в рамки БКМП служит только наличие меди, полученной степняками из очагов центральной зоны [Černych, 1991].

Проблемы абсолютной датировки культур и общностей всех трех блоков решались путем привлечения 470 калиброванных радиоуглеродных дат с опорой на вычисление сумм их вероятностей для каждой совокупности (рис. 3). В реальности общее количество известных в настоящее время дат существенно больше (к тому же последние связаны в основном с памятниками главного блока культур Балкано-Карпатской провинции). Однако для настоящей работы я счел возможным ограничиться указанным числом. Резон такого лимита подкрепляется тем, что почти половина обработанных здесь хронологических определений (230) сопряжена с памятниками центрального блока провинции. Кроме того, весьма существенным является установление календарного диапазона апогея активности горно-металлургического производства в основных центрах БКМП. Этот важный для нас период – между II-VIII и III вв. до н.э. Дат для памятников иных блоков заметно меньше: 139 – для трех основных культур трипольской общности, 101 – для степных сообществ.

*Диспуты, отражающие разногласия подобного рода, встречаются во множестве книг и статей (см., например: [Археология Украинской ССР, 1985, с. 204–205, 305–320; Telegin, 1991; Telegin et al., 2000; Котова, 2002, с. 5–11; и др.]). Пожалуй, наиболее любопытную и максимально полную сводку материалов из некрополей V–IV тыс. до н.э. Северного Причерноморья предложил Ю.Я. Рассмакин [Rassamakin, 2004]. На основании анализа почти 1 000 погребений он выделил четыре группы захоронений (или погребальных традиций). Однако, на мой взгляд, эти традиции как раз прекрасно подтверждают тот труднопреодолимый «синдром культурной непрерывности», который столь характерен для блока степных сообществ.

Графики распределения сумм вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат во всех трех блоках демонстрируют весьма разнообразную картину (рис. 3). Практически все частотные полигоны сумм вероятностей центрального блока отличаются выразительной компактностью и очень близки к нормальному распределению. В сравнении с ними при анализе дат трипольской общности не может не броситься в глаза расплывчатый характер фигур распределения, что отразилось на чрезвычайно растянутых диапазонах их 68%-й вероятности. Вполне очевидным предстает четкое различие указанных диапазонов для основных этапов (культур) трипольской общности – *A*, *B* и *CI*. Весьма любопытно к тому же, что время существования памятников триполья *A* в основном приходится на «дометаллический» или же, по существу, еще неолитический период. Этап *B* во многом совпадает с апогеем активности производящих центров БКМП, хотя преимущественно с его поздними столетиями. Триполье *CI* уже целиком выходит за грани упомянутого диапазона, и это соответствует периоду угасания древнейшей в Евразии металлургической провинции (к синхронизации комплексов *CI* с началом функционирования Циркумпонтийской провинции обратимся в следующем разделе статьи).

Частотные полигоны сумм вероятностей калиброванных дат для блока степных культур также существенно отличаются от прочих. Здесь доминирует во многом хаотический характер распределения, что в предельной степени выражено у среднестоговской культуры. У хвалынской частотный полигон сумм вероятностей существенно более компактный. Однако мы располагаем здесь всего 13 надежными датами, полученными для погребений двух наиболее восточных могильников степного блока.

Второй этап формирования «степного пояса»: Циркумпонтийская металлургическая провинция

На рубеже V и IV, а также в начале IV тыс. до н.э. происходила драматическая ломка устоявшихся культурно-экономических систем медного века. Центральным событием эпохи стали распад Балкано-Карпатской металлургической провинции и параллельное этому процессу формирование новой гигантской Циркумпонтийской (ЦМП), ознаменовавшей начало раннего бронзового века. Территория этой провинции в несколько раз превосходила ту, что занимала Балкано-Карпатская; она составляла 4,5–5 млн км². Система горно-металлургических и металлообрабатывающих центров ЦМП раскинулась с запада на восток от Адриатики до Южного Урала, с

юга на север – от Леванта, Месопотамии и Сузианы до лесных областей Верхнего Поволжья.

Накопление больших серий радиоуглеродных дат, их систематизация и статистическая обработка привели к необходимости внести существенные коррективы в прежние представления о характере сложения этой ключевой для всего Евразийского континента металлургической провинции. Здесь публикуются результаты системной обработки 833 калиброванных радиоуглеродных дат для многочисленных общностей, культур и отдельных памятников*. Ныне в длительной истории как сложения, так и функционирования огромной системы ЦМП представляется резонным выделять две важнейшие хронологические фазы. При этом суть и значение каждой из них будет заметно отличаться от того, что вкладывалось мной в их понимание ранее. Первая фаза – это, в сущности, стартовый этап, который предпочитают именовать «прото-ЦМП». Происходит как бы возврат к тому термину, что был введен еще в первой работе о приложении радиоуглеродной хронологии к производительным центрам Балкано-Карпатской и Циркумпонтийской провинций [Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 14–18, 37–38]. Хронологический диапазон ранней фазы вмещал в себя фактически все IV тыс. до н.э. Префикс «прото-» означает, что ареал производящих очагов провинции на этом этапе не включал в себя всех «циркумпонтийских» областей (рис. 4). Север Балканского п-ова, наряду с Карпатским бассейном (Подунавьем), а также степная и лесостепная зоны Северного Причерноморья продолжали оставаться в границах угасающей БКМП. Вторая фаза являла собой уже истинную Циркумпонтийскую провинцию: ее производящие центры полностью «взяли в кольцо» бассейн Черного моря. Распад БКМП к тому времени завершился, и ее прежние пространства оказались в зоне влияния металлургических и металлообрабатывающих очагов, где уже полностью доминировали морфолого-технологические стандарты ЦМП. Хронологический диапазон второй фазы совпадал целиком с III тыс. до н.э.

Для всей гигантской провинции на всем протяжении ее существования характерен ряд весьма примечательных особенностей. Первая и, возможно, наиболее существенная из них – вполне очевидное следование в основных производительных центрах новым технологическим стандартам, резко отличным от тех, что служили главным признаком распадающейся системы БКМП. Появились ведущие категории и формы орудий и оружия, началось широкое применение

*Естественно, что мной отобраны лишь самые необходимые для настоящей статьи серии дат. В реальности радиоуглеродных дат для всей системы ЦМП существенно больше.

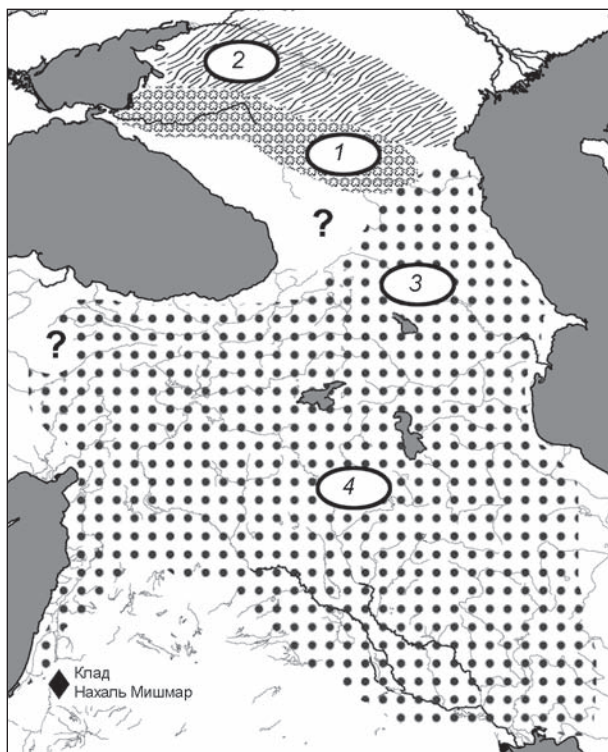

Рис. 4. Ареал Циркумпонтийской провинции на ранней фазе ее сложения (прото-ЦМП).

1 – собственно майкопская культура; 2 – памятники т.н. майкопского типа («степной майкоп»); 3 – куро-араксинская культура; 4 – поздние (северные) памятники урукской общности.

искусственных медно-мышьяковых сплавов (мышьяковых бронз). Выработанные в очагах ЦМП новые методы и приемы выплавки металла, а также его обработки послужили основой для зарождения глобальной т.н. западно-евразийской модели металлургического производства. Позднее – уже к началу II тыс. до н.э. – отличия этой модели от центрально- и восточно-азиатской будут проявляться весьма ярко. Другой важнейшей особенностью стала отчетливо выраженная структура обширного циркумпонтийского мира. Уже с первых шагов развития всей системы на этих пространствах исключительно ярко проявили себя два контрастных блока археологических культур: южный – оседло-земледельческие, северный – степные курганные. Наконец, третья особенность заключается в том, что степной мир начал играть чрезвычайно важную роль, совершенно иную, чем в рамках Балкано-Карпатской провинции. Канул в прошлое отчетливо выраженный маргинальный характер степных скотоводческих культур медного века по отношению не только к центральному, но даже к блоку трипольских сообществ БКМП.

Первая фаза ЦМП: майкопский феномен.

В связи с такого рода переменами на первый план при

сложении ЦМП выдвигается, безусловно, знаменитая майкопская культура. Ее феноменальные, а кое в чем и явно парадоксальные черты отчетливо выявляются в ряде аспектов. Металл из уже почти столетие хрестоматийно известных подкурганных погребений этой культуры, без сомнения, служит их первым и важнейшим признаком [Мунчаев, 1975, с. 211–335; Rezepkin, 2000]. По качественным и количественным характеристикам бронзовых, золотых и серебряных изделий, как представляется, мы не найдем равных майкопским «царским» комплексам во всем весьма протяженном ряду раннебронзовых культур и отдельных памятников Переднего Востока [Черных и др., 2002, с. 5–15, рис. 3] в рамках намеченной здесь первой фазы ЦМП. Все попытки увидеть в великолепии этих комплексов своеобразный местный отклик на решающий ближневосточный импульс упираются в трудноодолимый барьер отсутствия в южной зоне провинции не только превосходящего, но даже, пожалуй, равноценного майкопскому металлу.

Относясь к зарождавшемуся кругу скотоводческих курганных культур северной зоны ЦМП, майкопские надмогильные сооружения по своей сложности и масштабам выглядят, без сомнения, наиболее впечатляющими на фоне курганов прочих степных общностей Восточной Европы. Тем более что, во-первых, в обширной череде курганных культур майкопская занимала пограничный подгорный район, как бы «упиравшийся» в Большой Кавказ, за хребтами которого располагался ареал культур иной зоны ЦМП, столь несходных с курганными (рис. 4). Во-вторых, она была существенно древнее других курганных культур.

При дальнейшем анализе мы начинаем погружаться уже в сферу парадоксальных аспектов майкопского феномена. Так, совершенно невозможно, к примеру, пройти мимо резкого контраста между великолепием курганных захоронений и весьма скромным (если не сказать – порой убогим) характером поселений, связываемых с этой общностью. Даже самый примечательный в серии известных памятников данной категории – поселок Мешоко в Закубанье – с его каменной оборонительной стеной [Формозов, 1965, с. 70–105] вряд ли может быть поставлен в один иерархический ряд со знаменитыми курганами. Еще один парадокс: за весь более чем столетний период изучения древностей этого типа ни в погребальных, ни в бытовых комплексах майкопской культуры исследователи не обнаружили ни одного безупречного свидетельства занятия ее носителями горно-металлургическим производством, металлургией или хотя бы металлообработкой. Данный факт должен особенно впечатлять на фоне изумительных коллекций разнохарактерного металла из подкурганных захоронений.

В данной статье необходимо сосредоточить внимание еще на одной удивительной особенности майкоп-

ских древностей. Радиоуглеродные даты диктуют нам значительно более древний хронологический диапазон существования майкопской культуры, нежели тот, что предполагался ранее при рутинных сопоставлениях категорий и типов артефактов [Черных, Орловская, 2007]. Собственно майкопские комплексы при 68%-й вероятности обработанных 37 дат отвечают хронологическому отрезку 4050–3050 гг. до н.э. (рис. 5). Крайне важно и то, что степные памятники т.н. майкопского типа («степной майкоп»)*, с 19 датами укладываются практически в тот же временной диапазон – 4000–3000 гг. до н.э. (рис. 5). Вызывает удивление следующий факт: календарный возраст майкопской культуры оказывается заметно или даже существенно древнее по сравнению со многими общностями, культурами, а также отдельными широко известными селищами (теллями) раннебронзового века, составляющими южный блок ЦМП (рис. 5). Лишь памятники периода знаменитой урукской северной экспансии в своей большей части синхронны майкопским комплексам. При этом напомним, что сами памятники урукского типа чрезвычайно бедны металлом. Кроме того, при сопоставлении с майкопской хронологией в целом заметны календарные сдвиги в сторону более молодого возраста памятников куро-аракской культуры (рис. 5). Парадоксальность ситуации заключается прежде всего в том, что майкопская культура по отношению к урукской и куро-аракской всегда считалась как бы вторичной, по крайней мере, в сфере металлургии и металлообработки. По всей вероятности, эта кратко сформулированная здесь проблема потребует намного более детальной проработки**.

Сходную картину наблюдаем и при сопоставлении майкопской общности с блоком степных восточно-европейских культур и общностей (рис. 6): она оказывается древнее. Это лишний раз подчеркивает

*Под «степным майкопом» понимаются курганные погребальные комплексы, расположенные в основном в степной зоне к северу от бассейнов Кубани и Терека, между Азовским и Каспийским морями, т.е. уже за пределами ареала «коренной» майкопской культуры (см. рис. 4). В инвентаре этих комплексов присутствуют достаточно характерные предметы майкопского облика (преимущественно керамика).

**В рамках некоторого пояснения данной проблемы замечу, что в южной зоне почти невозможно найти что-нибудь равнозначное набору металлических изделий майкопской культуры. Определенное исключение составляет резко аномальный по набору металлических предметов и датам клад Нахаль Мишмар (см. рис. 4) из Палестины [Bar-Adon, 1971]. Однако все 13 известных мне радиоуглеродных определений, связанных с сопровождавшей клад различного вида органикой, выявили труднообъяснимый и весьма впечатляющий разброс значений: от 5000 до 3500 г. до н.э. – и это при 68%-й вероятности!

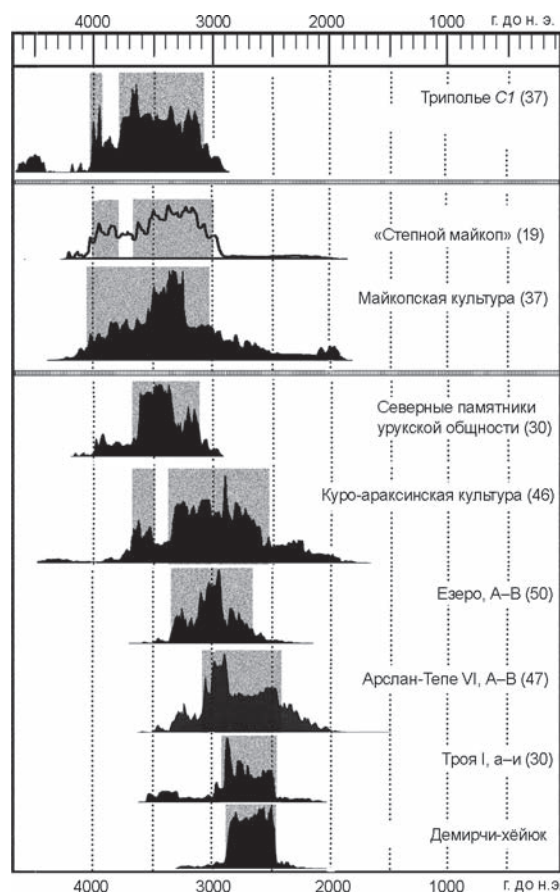

Рис. 5. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для общностей, культур и отдельных поселений (теллей), входивших в систему Циркумпонтийской металлургической провинции, в сопоставлении с данными по финальной культуре БКМП.

Усл. обозн. см. рис. 3.

непривычную аномалию возраста майкопских больших курганов, могилы которых были поистине насыщены разнообразным металлическим инвентарем – золотым, серебряным, бронзовым.

И в завершение данного раздела необходимо обратить особое внимание на фактическую синхронность хронологических диапазонов майкопских древностей зарождавшейся Циркумпонтийской провинции и памятников триполья C1 (см. рис. 5) угасавшей Балкано-Карпатской провинции. Майкопская культура и триполье C1 располагались на разных территориях, и между ними невозможно заметить также сколько-нибудь явных контактов.

Вторая фаза ЦМП: степные курганные культуры. Среди курганных культур, очаги металлургии и металлообработки которых в определенном смысле были наследниками майкопских стандартов, пристальное внимание исследователей обыкновенно привлекают две крупные археологические общнос-

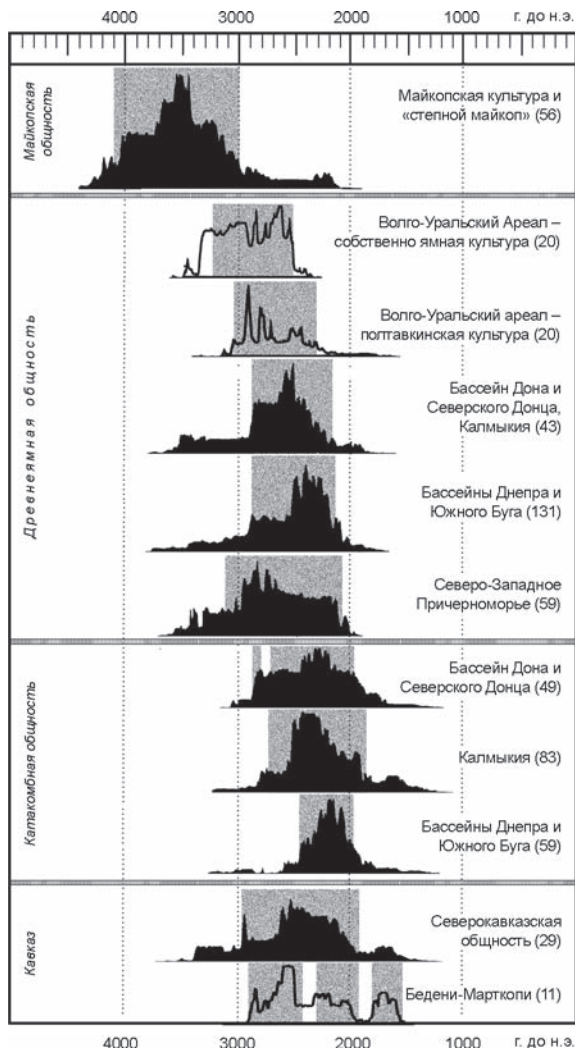

Рис. 6. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для скотоводческих общностей и культур, составлявших по преимуществу северный блок Циркумпонтийской металлургической провинции, в сопоставлении с данными по майкопской общности БКМП.

Усл. обозн. см. рис. 3.

ти: древняя (ямная) и катакомбная. Первая из них представлена, по существу, лишь материалами погребений (поселения исключительно редки). В рамках второй селища более известны, хотя и в этом случае определенно доминирует инвентарь из погребальных комплексов. Большинство исследователей по традиции считали (и считают поныне!), что катакомбная общность среднебронзового века в степной и лесостепной зонах Восточной Европы сменяет древнюю, относящуюся к эпохе ранней бронзы. Однако в последнее время гораздо чаще стали обращать внимание на весомые свидетельства синхронного существования этих комплексов на протяжении отрезка времени. Радиоуглеродная хронология решительно укрепляет данную точку зрения.

Сравнительный анализ сумм вероятностей дат для разных регионов распространения памятников обеих общностей показывает, что если календарные различия и имели место, то вряд ли можно оценивать их как значительные. Данное заключение базируется на весьма представительных сериях радиоуглеродных дат: 273 – для древнеямных комплексов, 191 – для катакомбных. Их сопоставление приводит к выводу, что, согласно 68%-й вероятности, имел место длительный период сосуществования в рамках XXVII–XXI вв. до н.э. (см. рис. 6).

Начало сложения древнеямной общности относится к самому концу IV или же первым столетиям III тыс. до н.э. При этом весьма любопытно, что наиболее ранние даты (XXXIII–XXXI вв. до н.э.) соотносятся прежде всего с памятниками географически периферийных районов ее ареала – восточного и западного. Имеются в виду Волго-Уральский ареал (включая и памятники полтавкинского типа) и Северо-Западное Причерноморье (рис. 7). Самые ранние даты (XXVIII в. до н.э.) для памятников центральной зоны – из бассейнов Днепра, Южного Буга, Дона и Северского Донца, а также Калмыкии – на три-четыре столетия моложе.

Рис. 7. Территория древнеямной археологической общности (вторая фаза ЦМП) и ее предполагаемые связи с Алтайским регионом (афанасьевская культура).

Территориальные варианты древнеямной общности: 1 – волго-уральский (собственно ямная культура); 2 – волго-уральский (полтавкинская культура); 3 – Калмыкия, бассейн Дона и Северского Донца; 4 – бассейны Днепра и Южного Буга; 5 – Северо-Западное Причерноморье.

Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для трех основных ареалов катакомбной общности демонстрируют несколько иную картину. Здесь сравнительно небольшое опережение отмечается для комплексов центральной географической группы, локализованных в бассейне Дона и Северского Донца (см. рис. 6, 8). Самые ранние даты для памятников периферийных регионов – Калмыкии и особенно бассейнов Днепра и Южного Буга – приходятся на более позднее время. В целом же в сопоставлении с хронологией древнейших культур нижняя граница календарного диапазона катакомбной общности на два-три столетия уступает первой. Финал последней также на два-три столетия необходимо сдвинуть в сторону более позднего времени: при 68%-й вероятности это XX–XIX вв. до н.э.

Приходится признать, что радиоуглеродная хронология довольно безжалостно разбивает наши прежние представления о календарной позиции основных восточно-европейских степных общностей. Кроме того, корректирует картину их соотношения с северокавказской археологической общностью, равно как и с закавказской наследницей майкопской – курганной культурой типа Бедени-Марткопи [Джапаридзе, 1998]. Графики распределения сумм вероятностей дат указывают на принципиальную одновременность этих комплексов с более северными материалами, относящимися к кругу древнейшей и катакомбной общностей.

Итак, примерно в течение 600 лет на весьма обширной (не менее 0,7 млн км²) территории юга Восточной Европы сосуществовали культуры двух огромных археологических общностей – ямной и катакомбной. Первоначально – начиная с классических работ В.А. Городцова – считалось, что катакомбные более поздние, и обосновывалось это некоторыми стратиграфическими позициями погребений в катакомбах. При последующих исследованиях в качестве едва ли не основного признака, позволявшего декларировать такую хронологическую последовательность культур, стал уровень развития металлообработки. У популяций катакомбной общности он выглядел более развитым и совершенным [Chernykh, 1992, р. 83–91, 124–132]. На базе аналогичных посылок были датированы относительно более поздним временем и памятники полтавкинского типа, распространенные в Волго-Уральском регионе [Ibid, р. 132–133].

Накопление радиоуглеродных дат и их системная обработка привели к результатам, противоречащим нашим прежним представлениям не только об абсолютном календарном диапазоне анализируемых здесь материалов, но также и об их хронологической позиции относительно друг друга. В этой связи, однако, гораздо более существенными оказываются другие последствия. Считалось бесспорным, что более совершенные с позиции формы и технологии из-

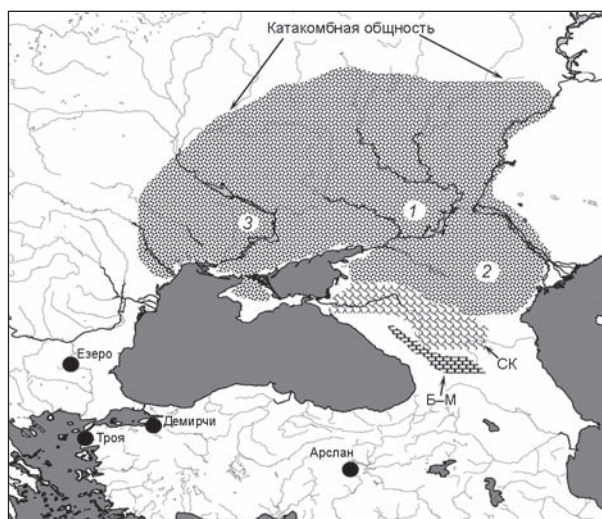

Рис. 8. Территория катакомбной археологической общности (вторая фаза ЦМП), а также ареалы иных синхронных культур и памятники в пределах Циркумпонтийской провинции.

Катакомбная общность: 1 – бассейн Дона и Северского Донца; 2 – Калмыкия; 3 – бассейны Днепра и Южного Буга. СК – северокавказская археологическая общность; Б-М – курганная культура типа Бедени-Марткопи.

делия обязательно должны относиться к более позднему времени. Судя по полученным данным, это не может быть принято ныне в качестве аксиомы. Более совершенные формы металлообработки и технологии могут сосуществовать не только со сравнительно отсталыми, но даже с примитивными. Этому есть масса подтверждений исторической действительности евразийских народов*.

Заслуживает внимания еще одно существенное различие ямной и катакомбной общностей. На рис. 7 и 8 хорошо видно, что территория распространения памятников родственной совокупности ямных культур значительно больше. При этом в качестве главного признака следует указать на гигантскую широтную протяженность: от Паннонии вплоть до Южного Зауралья, т.е. не менее 3 000 км. Катакомбная общность размещалась на гораздо более компактном пространстве – от Днестра до Среднего и Нижнего Поволжья. Протяженность ее ареала с запада на восток не превышала 1 200–1 400 км. Кроме того, исключительно важно, что воздействие ямной общности ощущалось поразительно далеко в восточном направлении – вплоть до Алтая (см. рис. 7). Там в среде афанасьевской культуры зарождалась металлургия обширной Саяно-Ал-

*Эта, затронутая здесь очень кратко, тема не может быть подробно обсуждена в рамках данной статьи. Она требует, конечно же, существенно более развернутых обоснований и системных исследований.

тайской горной области, которой предстояло сыграть во II тыс. до н.э. выдающуюся роль в формировании металлопроизводства позднебронзовых сообществ «степного пояса» и восточно-евразийской модели металлургии в целом.

Древнеямную общность от катакомбной отличает также эксплуатация «собственных» источников меди. Археологические изыскания на знаменитом Каргалинском рудном поле, расположенном на степной южно-уральской периферии ареала этой общности, предоставили исключительно яркие свидетельства горно-металлургического производства, связанного с ямной и полтавкинской культурами, локализованными в северо-восточной зоне Циркумпонтийской провинции [Каргалы, 2002, с. 128–139; 2005, с. 29–35; Черных, 2007а, с. 57–70].

Группа катакомбных культур оказалась гораздо более тесно связанной с Северным Причерноморьем, и особенно с кавказской металлургией. Как уже отмечалось выше, согласно радиоуглеродной хронологии, закат этой общности был на два-три столетия позднее древнеямной. Отсюда вытекает очень важное заключение: финал существования Циркумпонтийской провинции ознаменовался тем, что ее восточная граница как бы «откатилась» назад – в западном направлении, вплоть до Волги (см. рис. 8).

Третий этап формирования «степного пояса»: Евразийская металлургическая провинция

Третий этап формирования «степного пояса» совпал с наступлением позднего бронзового века. Данный период был ключевым в истории множества евразийских народов: тогда сложилась та структура евразийского мира, которая определила его основные черты, сохранявшиеся в принципиальных аспектах вплоть до Нового времени или же до эпохи Великих географических открытий. Территориальный охват культур палеометалла на пространствах Евразии и северной, прилегающей к Средиземному морю, периферии Африки вырос до своего максимума в 40–43 млн км². Максимального значения достигла также площадь «домена» археологических культур и общностей «степного пояса» (8 млн км²), о чем уже шла речь в начале статьи (см. рис. 1). Одно из самых важных событий этого переломного периода – распад Циркумпонтийской провинции и зарождение на ее «руинах» ряда новых образований подобного рода. ЦМП, в принципе, явилась своеобразным «прародителем» западно-евразийской модели горно-металлургического производства. Позднебронзовую эпоху ознаменовало зарождение иной модели этого производства – уже восточно-евразийской.

После распада ЦМП ее северо-восточная (восточно-европейская) зона послужила базой для формирования огромной Евразийской металлургической провинции (ЕАМП). Этот блок родственных производительных центров кроме Восточной Европы охватил гигантские пространства степной и лесной зон Северо-Западной Азии, а также большинство регионов Средней Азии вплоть до Каракумов, предгорий Памиро-Тяньшаня и даже Синьцзяна [Черных, 2007а, с. 37–109]. Максимум территориального охвата ЕАМП достигал 7,5 и даже 8 млн км². Ее хронологический диапазон равнялся примерно тысяче лет – с последних столетий III до конца II тыс. до н.э. В сравнении с иными провинциями производственные очаги ЕАМП, пожалуй, в наибольшей мере сохранили приверженность основным морфолого-технологическим стандартам распавшейся ЦМП, хотя последние и подверглись в ходе развития существенной модификации.

С Евразийской металлургической провинцией и с резко отличной от нее, также гигантской, Восточно-Азиатской оказался сопряжен финал формирования территориальных контуров «степного пояса». В настоящее время несравненно детальнее разработаны многие сферы ЕАМП, в то время как Восточно-Азиатская металлургическая провинция (ВАМП), к глубокому сожалению, остается для нас достаточно туманной.

В рамках «степного домена», связанного с границами ЕАМП, происходили существенные перемены в стратегии жизнеобеспечения и стиля хозяйствования скотоводов бронзового века. Так, уже с рубежа III и II тыс. до н.э. оседлый образ жизни начал решительно вытеснять кочевой и полукочевой. Однако, как показывают специальные археозоологические изыскания, подвижный характер животноводства сохранился [Антипина, Моралес, 2005, с. 41–42]. Во всяком случае, для указанного времени археологи фиксируют на этих обширнейших пространствах следы многих тысяч больших и малых поселков скотоводов; земледелие же по-прежнему оставалось за рамками интересов их обитателей. Не менее многочисленны также некрополи культур «степного пояса». Однако курганные захоронения постепенно начали уступать свое место грунтовым могильникам. К концу II тыс. до н.э. вновь возобладали прежние – привычные для носителей более ранних скотоводческих культур – формы кочевой и полукочевой жизни. Последние, как известно, начали полностью доминировать в скифо-сарматском мире, сменившем в начале I тыс. до н.э. общности позднебронзового века. Тогда же возобновилась как бы совершенно забытая традиция некрополей с огромными «царскими» – насыщенными драгоценным инвентарем – курганами.

С наступлением позднебронзового века и формированием Евразийской провинции отмечаются открытие и начало разработок огромного числа медно-

и оловянных месторождений, рассеянных прежде всего в азиатской части провинции (от Восточного Урала через Казахстан до Рудного Алтая). Началось широкое производство оловянных бронз. С этого времени население зоны ЕАМП полностью обеспечивало свои потребности в металле. Пресекались связи с центрами кавказской металлургии, игравшей столь значительную, а порой даже решающую, роль в предшествующие исторические периоды, когда господствовали стандарты ЦМП.

Первая фаза ЕАМП: встречные «волны» культур. В истории провинции различаются три достаточно определенные фазы. Для первой (сложение ЕАМП) самыми существенными, пожалуй даже важнейшими, явлениями стали две встречные и чрезвычайно стремительные волны продвижения популяций по пространствам Северной Евразии. Каждый из встречных потоков отличался весьма выразительным проявлением существа своей культуры.

Первая волна накатывалась с запада на восток. В ходе быстрого передвижения протекал процесс сложения крупной археологической общности – абашево-синташтинской. Ее основу составляли две широко известные культуры – абашевская и синташтинская, однако, по всей вероятности, к ним резонно присоединить и петровскую, самую восточную из названных. Совокупный ареал трех культур в конечном итоге превысил 1 млн км². Он растянулся вытянутым языком от бассейна верхнего Дона и лесного Поволжья вплоть до степей и лесостепей Западной Сибири (рис. 9). При анализе этих культур выпукло проявился тот «синдром культурной непрерыв-

ности», о котором уже шла речь выше. К примеру, с трудом можно дифференцировать материалы памятников абашевской и синташтинской культур, а также синташтинской и петровской. Металлические изделия этих культур являют собой модификацию ряда наиболее важных категорий инвентаря распавшейся Циркумпонтийской провинции.

Вторая волна, устремленная с востока на запад, была сопряжена, пожалуй, с одним из наиболее поразительных явлений в древнейшей истории евразийских народов. Данный транскультурный феномен получил широко распространенное в литературе наименование сейминско-турбинского благодаря двум весьма известным могильникам – Сейме и Турбину [Черных, Кузьминых, 1989; Chernykh, 1992, р. 215–234]. Своими корнями он обязан целой группе, к сожалению, не вполне ясных, но, по всей вероятности, относительно разнообразных культур степной, горной и даже таежной зон обширной Саяно-Алтайской горной области, а также иных регионов, прилегающих к ней по преимуществу с юга и запада. Неповторимость облика сейминско-турбинских древностей становится очевидной при анализе ряда ключевых аспектов их проявления.

Во-первых, выяснилась абсолютная внезапность появления чрезвычайно развитых форм металлического оружия. Не подлежит сомнению, что бронзовое сейминско-турбинское оружие и технология его отливки совершенно отличались от того, с чем мы сталкивались на западе, в рамках ЦМП, и, в частности, с тем, что несли с собой на восток популяции абашево-синташтинской общности. Во-вторых, сеймин-

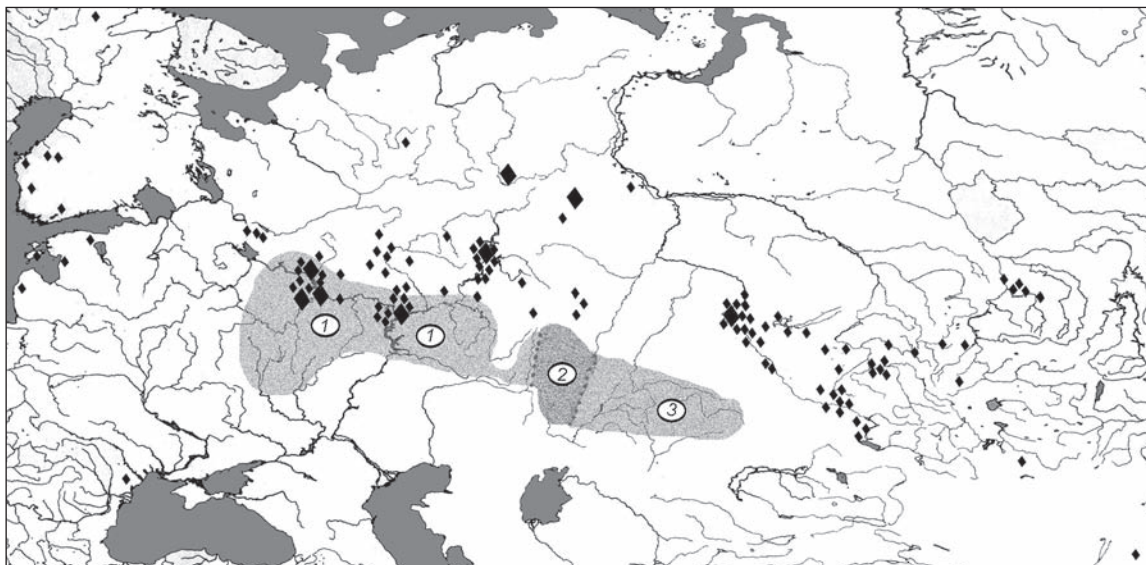

Рис. 9. Распространение памятников сейминско-турбинского типа (обозначены ромбиками), а также абашево-синташтинской общности в фазе сложения Евразийской металлургической провинции.
1 – абашевская культура; 2 – синташтинская; 3 – петровская.

ско-турбинские древности сопряжены с памятниками совершенно иного типа по сравнению с абашево-синташтинскими и петровскими. Поселения неизвестны вовсе; археологи имеют дело по преимуществу с грунтовыми могильниками. В некрополях доминируют кенотафы, где сами могилы бывают обозначены лишь наборами металлических изделий, а также каменным и кремневым инвентарем. Человеческие останки в сейминско-турбинских погребениях сравнительно редки, равно как и керамическая посуда. Весьма значительная часть металлических предметов представлена единичными случайными находками, которые, возможно, являются также следами разрушенных могил. В-третьих, нетрудно реконструировать чрезвычайно стремительное продвижение сейминско-турбинских воинских групп от ареала их консолидации на запад. Самые богатые «кусты» находок сосредоточены в пределах лесной зоны Восточной Европы,

в бассейнах верхней Волги и Камы (рис. 9). Однако отдельные изделия сейминско-турбинского типа известны вплоть до Прибалтики и даже Молдовы (знаменитый Бородинский клад). Расстояние по прямой линии между крайними точками обнаружения металлических изделий – от Центрального Китая до Фенно-Скандии – превышает 6 000 км!*

Обе волны – западная и восточная – демонстрируют нам встречные курсы своих устремлений. При этом очевидно, что продвигались они как бы параллельно. Абашево-синташтинские памятники распространены преимущественно по лесостепным регионам и крайнему югу лесной зоны (прежде всего в Восточной Европе); за Уралом – в более южных районах. Сейминско-турбинские древности свидетельствуют о том, что группы с запада предпочитали либо были вынуждены двигаться по лесной зоне. Тем не менее между двумя волнами-потоками отчетливо замечаются определенные контакты, правда, довольно специфические. На площади ряда могильников явно сейминско-турбинского типа при анализе инвентаря нетрудно вычленил – благодаря резко контрастному характеру сталкивавшихся культурных потоков – абашевские или же абашево-синташтинские захоронения. Последние, как правило, сопровождалась абашевским оружием, а порой даже керамикой. Весьма любопытно также, что погребения инкорпорантов в выявленных случаях подчиняются уже канонам сейминско-турбинского ритуала, т.е. останки людей в могилах почти всегда отсутствовали. Важность этого наблюдения становится очевидной при установлении не только относительной, но и абсолютной хронологии. Весьма примечательно, что по материалам абашево-синташтинских некрополей подобного взаимодействия проследить не удалось.

Календарный возраст абашево-синташтинской общности обосновывается анализом 75 радиоуглеродных дат (рис. 10). Распределение их числа по трем культурам объединения неоднозначно: синташтин-

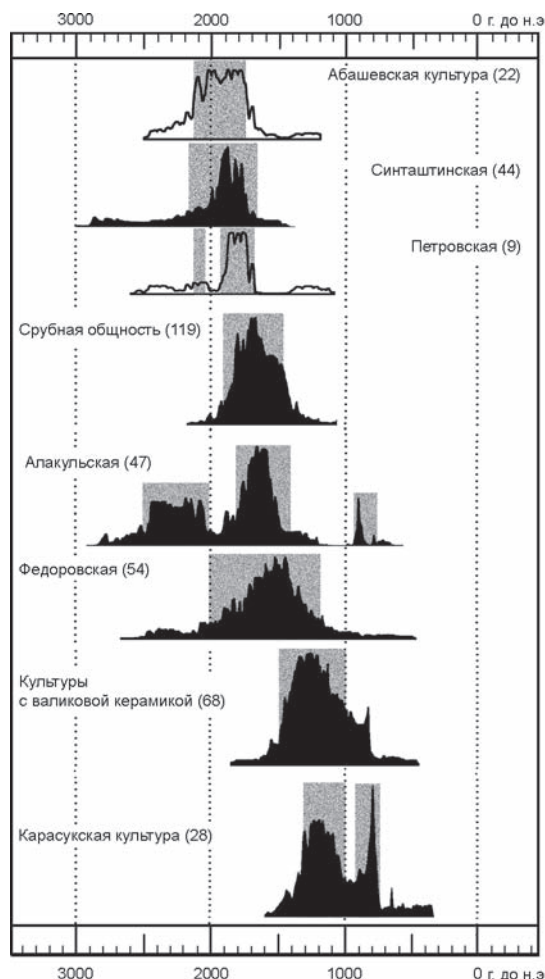

Рис. 10. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для скотоводческих общностей и культур, входивших в систему Евразийской, а также Восточно-Азиатской (карасукская культура) металлургических провинций.

*Западным соседом ЕАМП являлась Европейская металлургическая провинция. Различия между этими системами весьма впечатляют, но ограничусь лишь парой сюжетов. Так, 80–90 % неисчислимых коллекций металлических изделий из Европейской провинции происходят из кладов, а в пределах ЕАМП таких кладов очень мало. Кроме того, к примеру, все учтенные металлические предметы, относящиеся к сейминско-турбинскому транскультурному феномену, охватывавшему пространство в несколько миллионов квадратных километров, характеризуются ныне числом 583. Только один из крупнейших, а по-видимому, даже самый крупный в Европейской провинции клад Уиоара де Сус (Трансильвания) [Petrescu-Dîmbovița, 1977, s. 114–117, 280–310] содержал более 5 800 (!) предметов (кельты, серпы, наконечники копий, топоры, украшения и т.п.) общим весом более 1 100 кг.

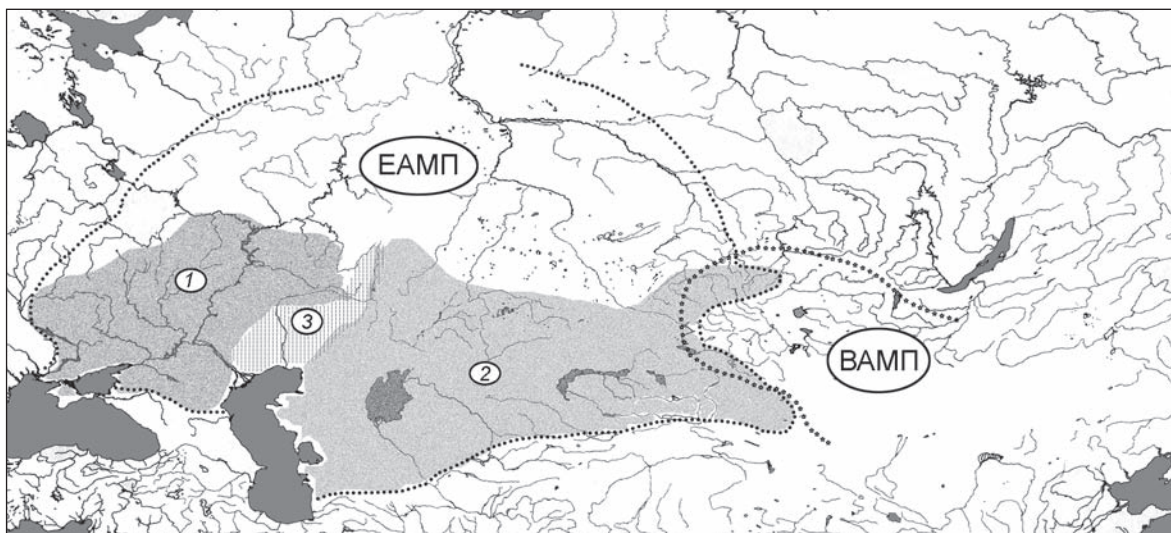

Рис. 11. Распространение основных археологических общностей в фазе стабилизации Евразийской металлургической провинции (ЕАМП), а также контуры северо-западной периферии Восточно-Азиатской металлургической провинции (ЕАМП).

1 – срубная общность; 2 – андроновская; 3 – зона взаимопроникновения срубной и андроновской общностей.

ская – 44, абашевская – 22, петровская – только 9. Однако это не повлияло на диапазоны сумм вероятностей дат (68 %); они поразительно точно совпадают друг с другом, размещаясь в достаточно ограниченном промежутке времени – между XXII и XVIII/XVII вв. до н.э. Здесь будет уместно подчеркнуть, что отсутствие сколько-нибудь заметной разницы между хронологическими диапазонами всех трех весьма удаленных друг от друга культур как раз и позволяет уверенно предполагать исключительно быстрое распространение всей абашево-синташтинской общности в восточном направлении.

Ситуация с радиоуглеродными датами для памятников сейминско-турбинского типа несравненно хуже. На сегодняшний день мне известны лишь четыре: одна – для могильника Сатыга, обнаруженного в северной тайге, восточнее невысоких Уральских хребтов, и три – для недавно выявленного и исследованного некрополя Юрьино (Усть-Ветлуга) в Верхнем Поволжье. Все четыре даты не выходят за рамки абашево-синташтинского хронологического диапазона (в связи с малочисленностью их значения в графики на рис. 10 не включены). Следовательно, с достаточной долей уверенности можно датировать сейминско-турбинский феномен также в пределах XXII–XVIII/XVII вв. до н.э.

Вторая фаза ЕАМП: стабилизация системы.

Эта фаза развития ЕАМП характеризовалась стабилизацией культур и общностей «степного пояса» и заметной унификацией важнейших черт их облика. На громадной территории «степного пояса» провинции ныне известны бесчисленные труднодифференциру-

емые из-за малой выразительности поселения. То же следует сказать и о бесконечном числе погребальных памятников, где отсутствует сколько-нибудь выразительная символика социально-иерархической позиции усопшего, столь характерная, скажем, для первой фазы Циркумпонтийской провинции раннебронзового века. Вследствие унификации характера культур очень трудно надежно определить территориальные и хронологические границы той или иной общности. Они зачастую представляются весьма «размытыми».

Среди объединений «степного пояса» чаще всего обращают внимание на две громадные общности – срубную и андроновскую, фактически определявшие лицо всей провинции (рис. 11). «Синдром культурной непрерывности» для этих объединений во второй фазе ЕАМП проявился исключительно ярко. Нетрудно наметить обширные зоны с памятниками смешанного характера; к примеру, таковая прослеживается в степях и полупустынях к северу от Каспийского моря, вплоть до южно-уральской лесостепи (рис. 11). В целом же степень унификации степных культур возросла настолько, что порой археологи предпочитают видеть здесь единую гигантскую срубно-андоновскую общность.

Западная, срубная, общность охватывала преимущественно восточно-европейские пространства площадью от 1,5 до 2 млн км². Восточная, андроновская, представленная двумя основными культурами – алакульской и федоровской, – занимала почти вдвое большую территорию (не менее 3 млн км²). В круг андроновских древностей, по всей вероятности, следует включать также ряд более мелких и локализо-

ванных южнее (среднеазиатских) культур типа кайрак-кумской, тазабагъябской и др. [Chernykh, 1992, p. 192, fig. 67], которые в той или иной мере близки алакульской. На сопредельных территориях к северу, по южной кромке лесной евразийской зоны, были распространены культуры, также сравнительно близкие степным – срубной (поздняковская, приказанская) либо андроновской (черкаскульская и др.). Северные сообщества, как правило, испытывали воздействие степных.

В том предполагаемом противостоянии сейминско-турбинской и абашево-синташтинской встречных волн проникновения контрастных культур первенство осталось за последней. Ярчайший сейминско-турбинский феномен как бы растворился. Выразительные следы его наследия сохранились лишь в таежной зоне Западной Сибири на поселениях типа Самусь-Кижирово [Черных, Кузьминых, 1989, с. 144–162]. Позднее, в третьей фазе ЕАМП его влияние проявится более заметно. Однако на данном этапе исходный западный импульс явно возобладал.

Абсолютная хронология второй фазы строится на базе 222 систематизированных калиброванных радиоуглеродных дат. Большая их часть (119) связана с материалами срубной общности. Фигура распределения сумм вероятностей этой выборки наиболее приемлемая (см. рис. 10). Хронологический диапазон (68%-я вероятность) для срубной общности укладывается в рамки XX–XV вв. до н.э. Характер распределения сумм вероятностей дат для основных культур андроновской общности существенно хуже. Особенно трудно интерпретировать графики, связанные с материалами алакульских памятников. Безусловно, в этом случае требуется ревизия всей совокупности материалов, включенных в базу данных. В сравнении с графиком для срубной общности гораздо более расплывчатым предстает характер распределения сумм вероятностей дат для федоровской культуры. Однако, скорее всего, именно на эти материалы очень сильно влиял «синдром культурной непрерывности».

Третья фаза ЕАМП: распад системы. Во второй половине II тыс. до н.э. на месте срубной и андроновской общностей возникла крайне расплывчатая и аморфная общность культур с т.н. валиковой керамикой. Ее признаком служит налепной валик по венчику или горлу глиняного сосуда. Он встречается на посуде самых разнообразных культур от Северных Балкан и Подунавья до Алтая. Распространение этого декоративного элемента, по всей вероятности, следует связывать с западным импульсом: в Балкано-Карпатском регионе он присутствует на глиняных сосудах постоянно и еще с раннебронзового века.

Памятников (как поселений, так и могильников) третьей фазы, по сравнению со второй, в «степном поясе» ЕАМП известно существенно меньше. Вероятно,

сказался повсеместный переход к мобильным – кочевым и полукочевым – стратегиям жизнеобеспечения. Формы металлургического и металлообрабатывающего производств в значительной мере утратили исходные черты, известные нам по предшествующему периоду [Chernykh, 1992, p. 235–252]. Географические рамки ЕАМП стали весьма размытыми как на западе, так и на востоке. Западное влияние из регионов Северных Балкан, Карпат и бассейна Дуная, где к тому времени сформировались производящие центры могучей и яркой Европейской металлургической провинции, сказывалось особенно сильно [Ibid, p. 252–263]. Об этом свидетельствуют наличие импортных металлических предметов, а также производство изделий по ряду западных образцов, что наблюдалось во второй половине II тыс. до н.э. далеко на востоке – вплоть до нижней и средней Волги (к примеру, яркий клад Сосновая Маза и др.). Граница Евразийской провинции в области Алтая также оказывается в существенной мере неопределенной. Там зафиксировано немалое число однолезвийных ножей, принципиально чуждых стереотипам ЕАМП, но являющихся отчетливым признаком производственных центров Восточно-Азиатской металлургической провинции.

Сравнительно слабая изученность памятников заключительной фазы ЕАМП обусловила незначительное число радиоуглеродных дат – всего 68. Тем не менее диапазон их 68%-й вероятности достаточно уверенно указывает на вторую половину II тыс. до н.э. (см. рис. 10). Этот временной отрезок, по-видимому, и можно принять за близкий к истинному, что следует из сопоставления его с датами для общностей и культур предшествующей фазы.

Четвертый этап формирования «степного пояса»: Восточно-Азиатская металлургическая провинция

Восточно-Азиатская металлургическая провинция зарождается в достаточной мере синхронно Евразийской. Однако в сравнении с последней ее важнейшие черты изучены значительно хуже. В настоящем разделе речь пойдет в основном о северо-западной зоне ВАМП, локализованной преимущественно в пределах Саяно-Алтайской горной области, а также на окружающих ее территориях (см. рис. 11).

Зарождение Восточно-Азиатской металлургической провинции было сопряжено с исключительно ярким транскультурным сейминско-турбинским феноменом. Другой ее этап характеризовался как бы продолжением сейминско-турбинских традиций металлургии и металлообработки. Важнейшие материалы этого этапа представлены по преимущест-

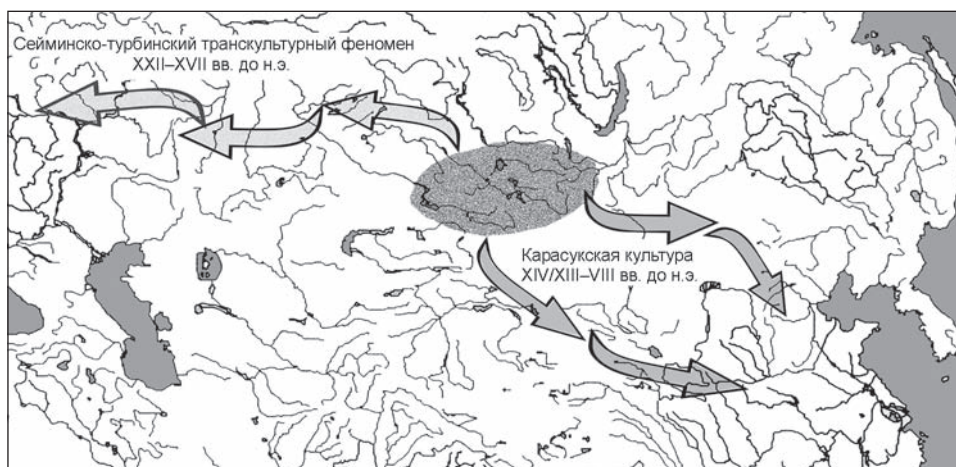

Рис. 12. Основные пути распространения форм металлургического производства сейминско-турбинского и карасукского типов.

ву инвентарем из погребений широко известной карасукской культуры [Членова, 1972; Chernykh, 1992, р. 264–271]*. Многочисленные металлические предметы, найденные на поверхности земли, также происходили из могил, правда разрушенных по большей части в процессе пахоты.

Между ранним, сейминско-турбинским, и более поздним, карасукским, типами металлургии обнаруживается достаточно очевидная взаимосвязь. Однако весьма досадные лакуны в изученных и доступных материалах не позволяют реконструировать динамику развития металлургического производства в Саяно-Алтайском регионе. Как установлено, сейминско-турбинская волна воинственных популяций была вполне определенно устремлена в западном направлении. Ее хронологический диапазон, согласно выявленным контактам этих популяций с абашево-синташтинской общностью, определен в интервале с XXII по XVIII/XVII вв. до н.э. Карасукские комплексы на основании, правда, не очень представительной серии радиоуглеродных определений возраста должны датироваться также в пределах примерно пяти столетий – от последней трети II до первой трети I тыс. до н.э. (см. рис. 10). Трехсотлетний разрыв между сейминско-турбинским и карасукским диапазонами пока что трудно объяснить. Видимо, следует ожидать появления новых материалов.

Еще более показательно стремительное распространение карасукских форм металлических изделий по преимуществу в восточном направлении, диаметрально противоположном сейминско-турбинскому устремлению на запад (рис. 12). Весьма значитель-

ное число подражаний им известно на территории Древнего Китая. В частности, они хорошо представлены в царских комплексах Аньяна, датированных на базе письменных источников по преимуществу XIII–XI вв. до н.э., или периодом поздней династии Шан [The Formation..., 2005, р. 150–176]. Возможно, именно с этого времени началось активное противостояние древнейших китайских цивилизаций и степного мира. Ведь карасукские древности были, безусловно, оставлены кочевыми скотоводами. Поселения же этой культуры практически неизвестны. Карасукские металлические изделия в морфологическом отношении резко отличались от древнекитайских эпохи Шан и Западного Чжоу [Черных, 2007б]. У обитателей Саяно-Алтая на первом плане всегда было оружие: знаменитые карасукские коленчатые однолезвийные ножи с фигурными рукоятями, а также более редкие кинжалы. Северные «степные» (точнее, «таежно-степные») формы, скорее всего подражания им, присутствуют и в богатейших погребальных комплексах Шан, обнаруженных по преимуществу в Царском некрополе Аньяна.

Достаточно очевидно, что прерывистая почти в 3 500 км по прямой линии цепь карасукских или же весьма сходных с карасукскими прототипами находок протянулась далеко на восток: от Саяно-Алтайского региона, через Синьцзян [Mei Jianjun, 2000; 2004], Монголию [Erdenebataar, 2004], Северный Китай (включая Внутреннюю Монголию) вплоть до бассейна Ляохэ и едва ли не до Ляодунского залива [Wagner, 2006, S. 101–276]. Другая линия распространения «степных» форм указывает на более южное и юго-восточное направления. Аналогичные изделия известны в полупустынных и пустынных предгорьях Алтун-Шан и на плато Шанси-Шаанси (рис. 12). Они подступают уже вплотную к территории в бас-

*В указанной работе Восточно-Азиатская провинция именуется еще Центрально-Азиатской. Ныне считаю, что термин «Восточно-Азиатская» точнее.

сейне Хуанхэ, подчиненной правителям династии Шан [Chinese Archaeology, 2003, p. 585–590].

Необходимо отметить еще одно весьма существенное отличие сопоставляемых моделей. Металлургическое производство эпохи Шан и Западного Чжоу львиную долю своих бронз, безусловно, направляло на сакральные цели, связанные прежде всего с многообразными ритуально-магическими обрядами. Карасукская металлургия несравненно рациональнее. По всей видимости, в первую очередь, она служила созданию металлического оружия. Украшение коленчатых ножей фигурками животных или узорами не меняло основного характера северного ремесла. Бляшки, подвески и даже загадочные предметы типа «конского ярма» имели в производственном цикле степных литейщиков и кузнецов, безусловно, подчиненный характер.

Заключительные замечания

Вновь возвратимся к высказанной ранее мысли: ко второй половине II тыс. до н.э. завершилось формирование гигантского Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур. Процесс этот протекал сложно и долго. Его отличали как удивительные по своей мощи «прыжки», так и внезапное резкое торможение. С того времени сложилась относительно стабильная «вертикальная», или «широтная», структура основных типов евразийских культур. И вплоть до Нового времени она являлась определяющей для многих важнейших исторических процессов. «Степной пояс» как раз и послужил водоразделом между мирами южных и северных общностей нашего континента.

Сами исторические процессы оказывались зачастую решающими в зарождении, существовании и гибели множества сообществ и популяций. С периода завершения формирования «степного пояса», связавшего во II тыс. до н.э. поражающие своими масштабами пространства от Черного до Желтого моря, появилась возможность различать также «горизонтальный», или «меридиональный», разрез евразийского мира. Вполне вероятно, что отчетливее всего такой водораздел отразился на формировании двух моделей металлургии – западно- и восточно-евразийской. За этими моделями к тому же явственно проглядывало формирование двух различных миров. И великий «пояс» степных культур нередко служил своеобразным мостом между ними.

И, наконец, последнее. Приведение в целостную систему статистически обработанной огромной серии калиброванных радиоуглеродных дат подталкивает нас к ревизии и весьма серьезным изменениям в общей картине не только абсолютной, но даже

относительной хронологии множества культур и общностей Евразии. Сомнению отныне могут быть подвергнуты многие археологические постулаты, касающиеся базовых аспектов построения релятивных хронологических шкал. Однако ясно, что обсуждение этих сложнейших проблем не может ограничиться краткими замечаниями. Успех подобных дискуссий, безусловно, связан со специальными и широкими исследованиями.

Список литературы

- Антипина Е.Е., Моралес А.** «Ковбои» восточно-европейской степи в позднем бронзовом веке // *ÖPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. – М.: ИА РАН, 2005. – Вып. 4. – С. 29–49 (на рус. и англ. яз.).
- Археология** Украинской ССР. – Киев: Наук. думка, 1985. – Т. 1.
- Джапаридзе О.М.** К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н.э.: (Раннекурганская культура). – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1998. – 251 с. (на груз. яз.).
- Каргалы** / под ред. Е.Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2. – 182 с.
- Каргалы** / под ред. Е.Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. 4. – 239 с.
- Котова Н.С.** Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – 267 с.
- Лебедева Е.Ю.** Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы Восточной Европы // *ÖPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. – М.: ИА РАН, 2005. – Вып. 4. – С. 50–68 (на рус. и англ. яз.).
- Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 415 с.
- Рындина Н.В.** Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 287 с.
- Формозов А.А.** Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.: Наука, 1965. – 160 с.
- Черных Е.Н.** Каргалы: Феномен и парадоксы развития. – М.: Языки славянской культуры, 2007а. – 200 с. – (Каргалы; т. 5).
- Черных Е.Н.** Древняя металлургия евразийских степей и Китая: проблема взаимодействий // *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология*. – Иркутск: Оттиск, 2007б. – Т. 2. – С. 276–284.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.** Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: ИА РАН, 2000. – 95 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.** Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // *РА*. – 2002. – № 1. – С. 5–23.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.** Радиоуглеродная хронология майкопской археологической общности // *Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Мат-лы*

Междунар. науч. конф. – Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2007. – С. 10–28.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Юрченко А.Г., Аксенов С.В. Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 г. – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.

Bar-Adon P. The Cave of the Treasure: The Finds from the Caves in Nahal Mishmar. – Jerusalem: The Bialik Institute and the Israel Exploration Society, 1971. – 252 p. (in Hebrew).

Černych E.N. Frühestes Kupfer in der Steppen- und Waldsteppenkulturen Osteuropas // Die Kupferzeit als historische Epoche / Hrsg. J. Lichardus. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1991. – S. 581–592.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 416 p.

Chinese Archaeology: Xia and Shang / ed. by The Institute of Archaeology Chinese Academy of Social Sciences. – Beijing: China Social Sciences Press, 2003. – 668 p. – (Archaeological monographs series; Type A; N 29).

Comşa E. Cucuteni und Nordpontische Verbindungen // Die Kupferzeit als historische Epoche / Hrsg. J. Lichardus. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1991. – S. 85–88.

Ecsedy I. The people of the Pit Grave cultures in Eastern Hungary. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1979. – 148 p. – (Fontes Archaeologica Hungaricae; N 10).

Erdenebataar D. Burial Materials Related to the History of the Bronze Age in the Territory of Mongolia // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River / ed. by K. Linduff. – N.Y.: The Edwin Mellen Press Ltd., 2004. – P. 173–188.

Jovanović B. Stepska kultura u enolitskom periodu Jugoslavije // Praistorija Jugoslavenskih zemalja: Eneolit. – Sarajevo: Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine, 1979. – S. 381–396.

Kohl Ph. The Making of Bronze Age Eurasia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 296 p.

Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its cultural context and relationship with

neighbouring regions. – Oxford: Archaeopress, 2000. – 187 p. – (British Archaeological Report, International Series; N 865).

Mei Jianjun. Metallurgy in Bronze Age Xinjiang and its Cultural Context // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River / ed. by K. Linduff. – N.Y.: The Edwin Mellen Press Ltd., 2004. – P. 173–188.

Rassamakin Ju. Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. // Archäologie in Eurasien. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – Bd. 17, T. 1: Text. – 254 S; T. 2: Katalog und Tafeln. – 278 S.

Petrescu-Dîmbovița M. Depozitele de Bronzuri din România. – București: Editura Academiei RSR, 1977. – 390 s.

Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000. – Bd. 10. – 73 S., 85 Taf.

Telegin D.J. Gräberfeld des Mariupoler Typs und der Srednij Stog-Kytlur in der Ukraine (mit Fundortkatalog) // Die Kupferzeit als historische Epoche / Hrsg. J. Lichardus. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1991. – S. 55–84.

Telegin D.Ya., Kovaliukh N.N., Potekhina I.D., Lillie M. Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic–Copper Age Cultures into periods for Ukraine // Radiocarbon and Archaeology. – St Petersburg: Thesa, 2000. – Vol. 1. – P. 59–74.

The Formation of Chinese Civilization: An Archaeological Perspective / eds. Chang Kwang-chih, Xu Pingfang. – Yale: Yale University Press and New World Press, 2005. – 363 p.

Todorova H. Die Anfänge der Metallurgie an der westlichen Schwarzmeerküste: The Beginning of Metallurgy // Der Anschnitt. – 1999. – Bd. 9. – S. 237–246.

Wagner M. Neolithikum und Frühe Bronzezeit in Nordchina vor 8000 bis 3500 Jahren. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2006. – 355 S. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 21).

Материал поступил в редколлегию 10.10.07 г.

УДК 903.666.37

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, Л.С. Кобелева*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: liundmilamy@mail.ru*

ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1 (по результатам анализа керамического комплекса)*

Статья обобщает результаты исследований стратиграфического распределения керамических комплексов в отложениях самого раннего сооружения на городище Чича-1 – рва А. Она базируется на материалах раскопов 8 и 16. Представлено несколько типов керамики, связанных с носителями гончарных традиций разных культур. На основе анализа выделенных типов керамики предложены схема движения населения в Барабинскую лесостепь в переходное время от бронзового к железному веку, а также схема поэтапного заселения городища Чича-1.

Введение

Широкомасштабные археологические исследования, проведенные российско-германской экспедицией на городище Чича-1 (Здвинский р-он Новосибирской обл.) на юге Западно-Сибирской равнины (рис. 1), предоставили в распоряжение специалистов большой массив источников, многоплановое изучение которых ведется в настоящее время. Получены уже и определенные результаты, позволяющие осветить ряд важных культурно-исторических и этнических проблем [Молодин, Парцингер, 2006].

Одна из главных задач, стоящих перед исследователями, – разработка внутренней хронологии памятника. Попытка решить ее была предпринята на основе планиграфического анализа этапов застройки городища [Молодин и др., 2004, с. 262–266], однако она не помогла установить периодичность появления на поселении носителей различных этнокультурных традиций, фиксируемых по специфике изделий

из глины. Планиграфической оценки залегания различных керамических комплексов, которая уже была дана [Молодин и др., 2003; Молодин, Мыльникова, 2004], для этого явно недостаточно. Возможность решения задачи связана с анализом стратиграфических наблюдений, полученных при изучении наиболее древнего на городище рва, использовавшегося древним населением для захоронения в нем отходов хозяйственной деятельности, в т.ч. керамики. Исследование стратиграфической ситуации залегания керамики позволяет разработать шкалу относительной хронологии различных культурных новаций, отмеченных на памятнике.

Сравнительно небольшая выборка, которой мы оперируем, хотя и накладывает определенные ограничения на наши суждения, но позволяет достаточно четко проследить закономерности.

Обсуждение результатов

Анализ наглядно показал вариабельность керамического комплекса городища Чича-1. Были выделены традиции составления формовочных масс, в ходе изучения целых форм и крупных фрагментов керамики опреде-

*Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект «Лесостепное Обь-Иртышье: взаимодействие пришлых и аборигенных культур бронзового века – средневековья».

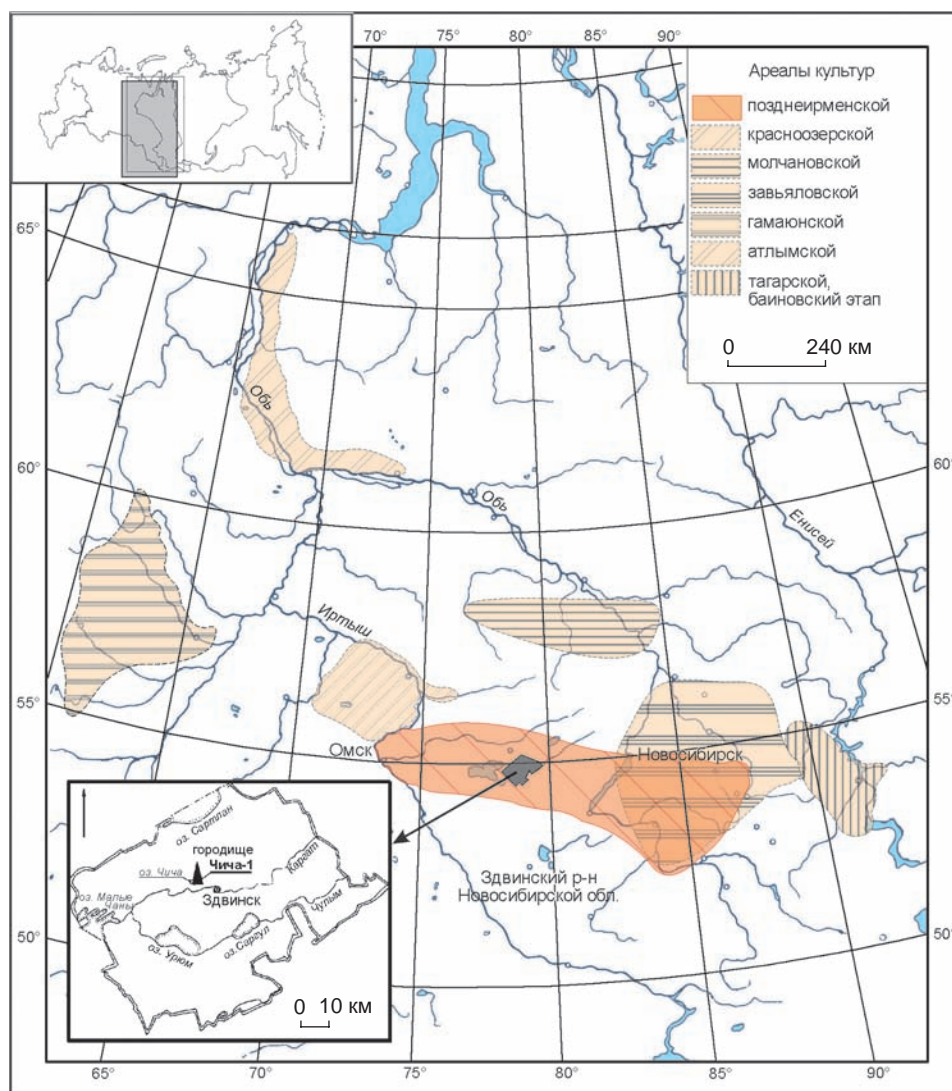

Рис. 1. Месторасположение памятника Чича-1.

лены ее основные морфологические типы [Молодин и др., 2004, с. 266–275]. Визуальный осмотр коллекции показывает наличие плоскодонных и круглодонных форм при преобладании первых. Корреляция морфологических типов с орнаментальными схемами позволяет выделить в рассматриваемой коллекции несколько групп керамики [Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Ефремова, Чемякина и др., 2001, с. 145–154, рис. 41–58; Молодин, Мыльникова, 2003, с. 147–151; Молодин и др., 2004, с. 266–275, рис. 49–54, табл. 1–12; Молодин и др., 2003].

Напомним, что к первому типу классификации комплекса позднеирменской посуды были отнесены небольшие сосуды с профилированной горловиной и «воротничком». Шейка, как правило, украшена рядом «жемчужин», иногда валиком или «каннелюрами». Горловина орнаментирована штрихованными треугольниками или ромбами, крупной сеткой или на-

сечками. Эта керамика близка, а порой тождественна, ирменской. Она встречается на всех, без исключения, известных сегодня позднеирменских памятниках [Молодин, Колонцов, 1984, с. 70–71; Молодин, 1985].

Позднеирменская керамика второго типа представлена крупными профилированными плоскодонными горшками с резко утолщенной шейкой, прямым или загнутым вовнутрь венчиком. Характерно наличие на горловине двойного ряда «жемчужин», разделенных рядами насечек. Доминируют крупная сетка, «елочка», штрихованные наклонные «лесенки», длинные горизонтальные линии. Этот тип посуды является ведущим в позднеирменском керамическом комплексе [Молодин, Колонцов, 1984, с. 72–75].

Третий тип керамики включает преимущественно круглодонные, шаровидной формы горшки, резко профилированные, с низкой горловиной. Орнамент покрывает в основном горловину и плечики сосудов.

Рис. 2. Магнитограмма городища Чичи-1. Контуры раскопов 1979, 2000–2003 гг.

Это чаще всего «елочный» узор, ряды вертикальных насечек, каплевидных вдавлений, штрихованных треугольников. Нередко орнаментировалась шейка: рядами «жемчужин», разделенных вертикальными насечками (типичное оформление для позднеирменской посуды второго типа), или валиком. Еще одна особенность сосудов данного типа – лощеная наружная поверхность [Там же, с. 75–77; Молодин, 1985].

Дробная классификационная схема позднеирменской керамики (с учетом четвертого и пятого типов, выделенных в комплексе поселения Туруновка-4 [Молодин, Колонцов, с. 75–77]) отражает развитие гончарства на новой стадии существования культуры и зарождение в ее недрах новейших, раннесаргатских элементов (последнее было подмечено еще Н.В. Полосьмак [1982]), а также широкий спектр хозяйственного и ритуального применения посуды (хранение и приготовление пищи, плавка металла, участие в погребальном обряде и т.д.).

Для определения внутренней хронологии комплекса Чичи-1, а также момента проникновения в среду аборигенного населения носителей культур, синхронных с позднеирменской, проведен анализ послойного распределения керамики в раннем сооружении городища (ров А). Ров А изучался в раскопах 8 и 16 (рис. 2); их характеристику см., напр.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша, Шнеевайс, Гришин, Новикова, Ефремова, Марченко и др., 2001, с. 316–322; Молодин и др., 2004, с. 17–50].

В раскопе 8 (кв. I-N/53) высота стен рва в разных местах в зависимости от уровня поверхности не одинакова: восточная стенка – 1,45 м, западная – 0,45 м. Дно рва ровное; здесь исследованы четыре ямы, две из них полностью. Заполнение рва А в данном раскопе представляло собой зольник. Культурные слои различаются по физическим свойствам грунта, цветности, характеру залегания и составу находок.

Для анализа керамического материала, обнаруженного в данном раскопе (табл. 1), были отобраны фрагменты, отражающие культурную принадлежность комплекса, а следовательно, и всего культурного слоя. По орнаментации выделены группы с ирменскими, позднеирменскими, красноозерскими, атлымскими мотивами, керамика барабинского варианта сузгун-

Таблица 1. Распределение керамического материала по слоям во рву А в раскопе 8, шт.

№ слоя	Всего находок	В том числе		
		венчики	орнаментированные фрагменты	придонные части, фрагменты дна
1 (дерн)	561	65	28	2
2	546	58	195	21
4	26	2	1	–
5	661	77	177	30
6	80	7	10	2
7	82	4	9	1
8	140	29	41	14
9	17	3	5	–
10	137	23	64	8
11	176	18	39	13
13	46	1	2	2
14	23	–	6	1
15	183	22	28	13
16	1	–	–	–
17	–	–	–	–
18	74	6	2	–
19	44	3	11	2
20	–	–	–	–
Всего	2 797	318	618	109

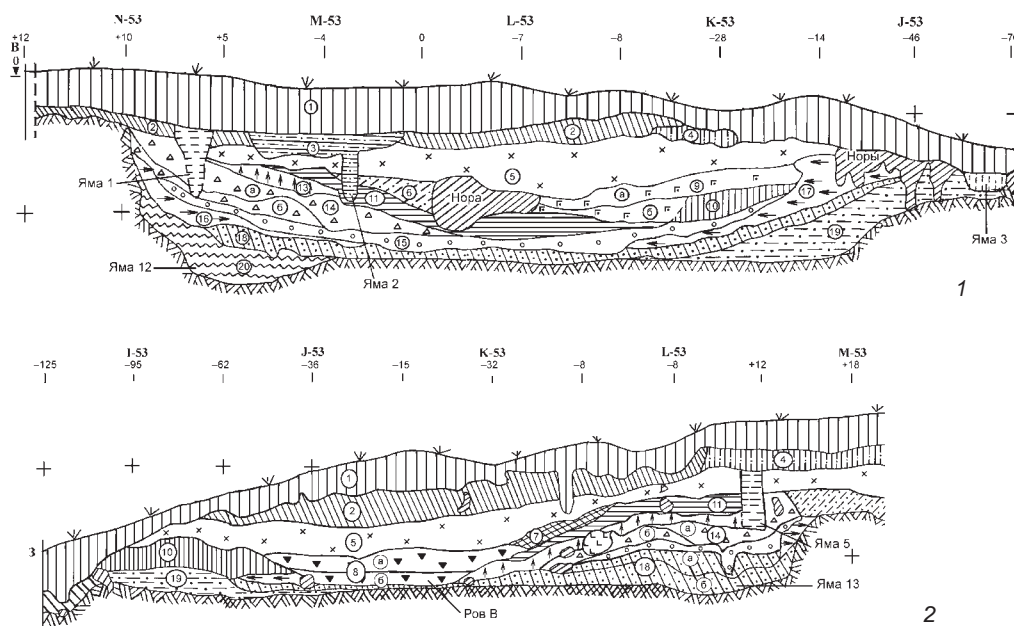

Рис. 3. Южный (1) и северный (2) профили раскопа 8, Чича-1.

ской культуры, саргатского облика, а также керамика берликовского типа*, доминирование которой отмечено на территории, примыкающей к «цитадели» [Молодин и др., 2004, с. 275].

Характеристика слоев (рис. 3, 4) и их керамического содержания (начиная с наиболее древнего, нижнего) следующая:

слой 20 – плотная серая супесь с желто-серыми пятнами и темно-коричневыми прослойками – является также заполнением ямы 12. Не содержал керамического материала;

слой 19 – плотная суглинистая желто-серая почва с мелкими серыми прослойками. Содержал 44 фрагмента керамики, из них три венчика и 11 орнаментированных стенок. Несмотря на фрагментированность и малочисленность данного комплекса, можно говорить о принадлежности слоя к ирменской культуре (рис. 5);

слой 18 – плотная мешаная супесь. Зафиксирован на всей площади рва А, на его дне. Обнаружены 74 фрагмента керамики (большая часть – без орнамента), шесть венчиков и две орнаментированные стенки (рис. 6). Несмотря на незначительность диагностирующей части комплекса, можно констатировать его принадлежность к ирменской культуре. Материал идентичен керамике из слоя 19. Очевидно, что оба этих слоя формировались во рву синхронно;

*В первых публикациях этот тип керамики обозначался как «неатрибутированная в культурном отношении группа». В настоящее время одним из авторов данной работы для него предложен термин, связанный с эпонимом памятника, – «берликовский» [Молодин, 2008].

Рис. 4. Стратиграфический разрез отложений по линии М-Н/53 в раскопе 8, Чича-1.

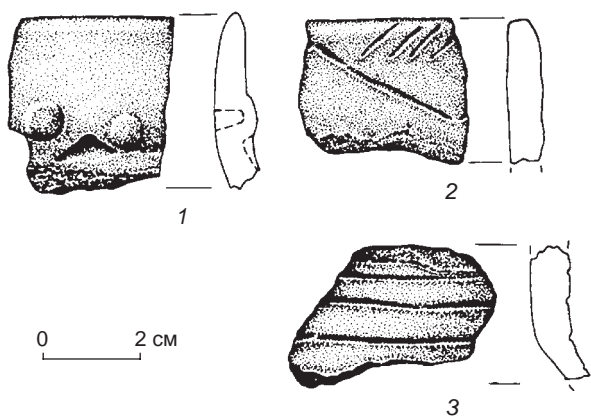

Рис. 5. Керамика из слоя 19 в раскопе 8, Чича-1.

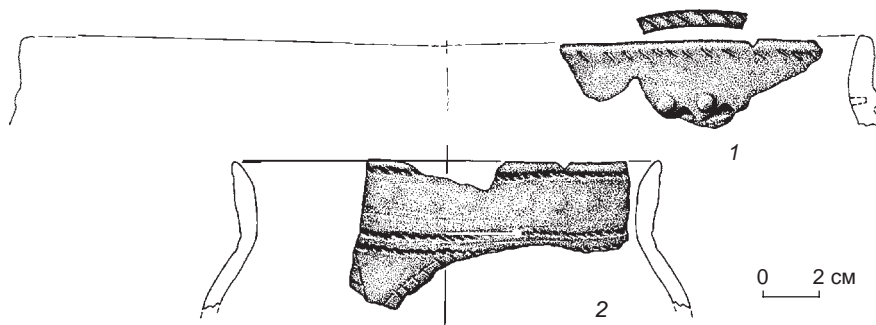

Рис. 6. Керамика из слоя 18 в раскопе 8, Чича-1.

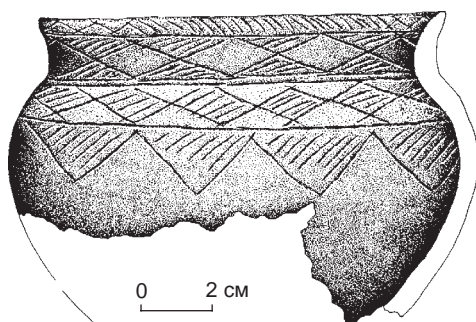

Рис. 7. Керамика из слоя 15 в раскопе 8, Чича-1.

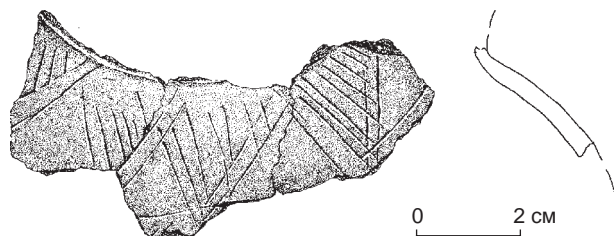
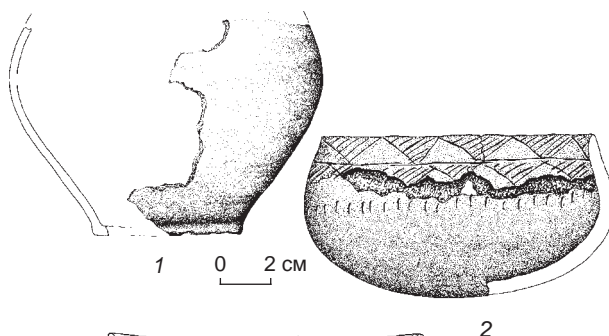

Рис. 8. Керамика из слоя 13 в раскопе 8, Чича-1.

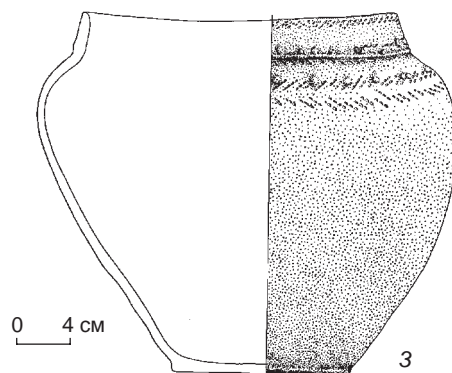

Рис. 9. Керамика из слоя 11 в раскопе 8, Чича-1.

слой 17 – плотная суглинистая почва желтого цвета со светло-серыми пятнами. Зафиксирован небольшой фрагмент венчика без орнамента;

слой 16 – серо-коричневая супесь. Находки отсутствуют;

слой 15 – темно-серо-коричневая гумусированная супесь. Среди массового материала имеются, в частности, 183 фрагмента керамики. Диагностирующие фрагменты посуды свидетельствуют о принадлежности слоя к ирменской культуре (рис. 7);

слой 14 – сильно перемешанная супесь. Найдены 23 фрагмента керамики с ирменской орнаментацией, что позволяет отнести слой к ирменской культуре;

слой 13 – серая супесь с небольшим количеством мелких желтых пятен. Из 46 фрагментов, обнаруженных в слое, три орнаментированных, представляю-

щих ирменскую орнаментальную традицию (рис. 8). Важно, что они являются частью крупного плоскодонного кувшинообразного сосуда, которые часто встречаются на классических ирменских поселениях (см., напр.: [Матвеев, 1993, табл. 12, с. 166; табл. 15, с. 169; табл. 18, с. 172; табл. 24, с. 178]).

Таким образом, культурные слои 19, 18, 15, 14 и 13 содержат исключительно ирменскую посуду. Это позволяет предположить, что площадка, окуптуренная рвом А, принадлежит ирменской культуре эпохи поздней бронзы. С этой площадки при ее функционировании заполняли нижнюю часть рва;

слой 12 – плотная однородная желтая супесь (перетолженный материк). Находки отсутствуют;

слой 11 – золистая супесь. Содержал 176 фрагментов керамики (18 венчиков и 39 орнаментирован-

ных стенок). Слой включал позднеирменские сосуды первого (рис. 9, 3) и второго (рис. 9, 1, 2) типов (по классификации В.И. Молодина и С.В. Колонцова). Доминирование посуды первого типа свидетельствует об эволюции ирменской культуры в позднеирменскую. Слой 11 можно уверенно отнести к переходному этапу от бронзового к железному веку, поэтому керамику ирменского типа здесь следует считать составляющей позднеирменского комплекса первого типа;

слой 10 – бурая рыхлая супесь с мелкими желтыми прослойками. Содержал 237 фрагментов (23 венчика, 64 орнаментированные стенки). Большую часть керамического комплекса составляют позднеирменские сосуды, среди них по-прежнему господствуют образцы первого (автохтонного) ирменского типа (рис. 10, 3, 4). Представлена позднеирменская посуда второго типа, для которой характерен срез венчика с внешней стороны (рис. 10, 6). Обнаружен также развал позднеирменского сосуда третьего типа (рис. 10, 2). Именно в слое 10 впервые фиксируются элементы инокультурных новаций в виде посуды сузгунского типа, точнее – барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984], с синкретичной ирменско-сузгунской орнаментикой (рис. 10, 8). Ее доля составляет 33 %, что в сравнении с позднеирменской выглядит довольно внушительно (рис. 11, 1). В слое 10 зафиксирован также фрагмент раннесаргатского облика (рис. 10, 9). Таким образом, очевидно, что появление на данной территории мигрантов – носителей барабинского варианта сузгунской культуры – из предтаежной зоны Западной Сибири следует связывать с переходным от бронзы к железу временем, а учитывая преобладание в слое 10 позднеирменской посуды первого типа, – вероятно, с самой начальной стадией этого периода. Вышележащие слои 9 и 8 отражают тенденцию, отмеченную для слоя 10;

слой 9 – очень плотная супесь с белесыми вкраплениями. Содержал всего 17 фрагментов керамики позднеирменского типа;

слой 8 (не представлен в данном разрезе) – плотная серая супесь. Основной массив находок приурочен к его верхней толще, на границе со слоем 5. Обнаружены 140 фрагментов (29 венчиков, 41 орнаментированная стенка, 14 донышек), относя-

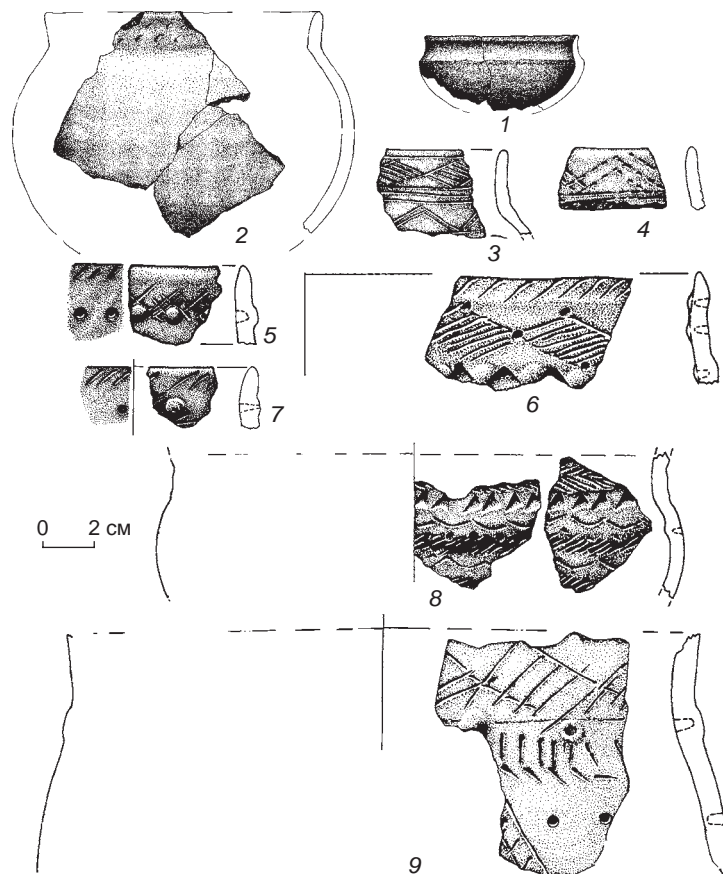

Рис. 10. Керамика из слоя 10 раскопа 8 рва А ирменской (1, 3, 4), позднеирменской (2, 5–7), барабинского варианта сузгунской (8) культур, фрагмент раннесаргатского облика (9).

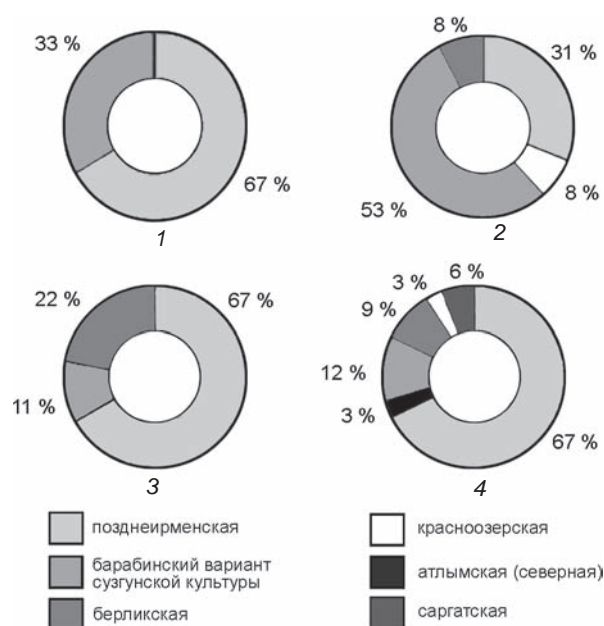

Рис. 11. Распределение керамических материалов культурных групп по слоям отложений во рву А в раскопе 8, Чича-1.
1 – слой 10; 2 – слой 5; 3 – слой 4; 4 – слой 2.

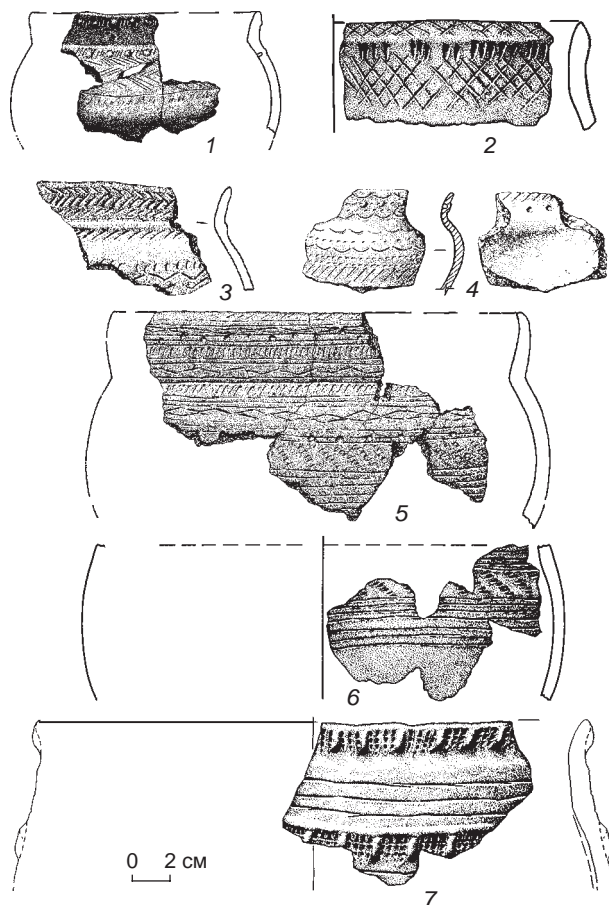

Рис. 12. Керамика позднеирменской (1, 2), барабинского варианта сузгунской (3, 4), красноозерской (5, 6) культур и берликовской группы (7).

щихся к позднеирменской культуре и барабинскому варианту сузгунской культуры;

слой 7 – рыхлая, сильно перемешанная супесь с сажистыми, серыми и желтыми пятнами и красно-коричневыми участками прокаленной почвы на рис. 3 не представлен. Его керамический материал (82 фрагмента) по орнаментации относится к позднеирменской группе и барабинскому варианту сузгунской культуры;

слой 6 – плотная светло-серая супесь с мелкими желтыми материковыми включениями. Содержал 80 фрагментов керамики, в т.ч. семь венчиков и восемь стенок позднеирменских сосудов и два фрагмента стенок от сосудов барабинского варианта сузгунской культуры;

слой 5 – суглинистая серо-коричневая почва – распространялся по всей площади рва. В нем было сосредоточено наибольшее количество фрагментов керамики – 661 шт. (из них 77 венчиков, 177 орнаментированных стенок, 30 придонных частей и доннышек). По орнаментальным композициям керамика

относится к позднеирменской первого – третьего типов (рис. 12, 1, 2), барабинскому варианту сузгунской (рис. 12, 3, 4), красноозерской (рис. 12, 5, 6) группам. Объекты 5 и 6, зафиксированные в этом слое, представлены фрагментами разных позднеирменских сосудов и небольшим фрагментом керамики сузгунской группы (рис. 12, 4). Скопление 2 включало компактно локализованные крупные фрагменты одного позднеирменского сосуда.

Для слоя 5 характерны три ранее не проявлявшиеся особенности: первая – увеличение доли посуды барабинского варианта сузгунской культуры; вторая – появление новой посуды, аналогичной красноозерской [Абрамова, Стефанов, 1985]. Наиболее близким к Чиче-1 памятником с такой керамикой является поселение Корчуган на средней Таре. Вероятно, именно отсюда, с севера, могли двигаться два потока – носителей сузгунской и красноозерской культур. Поскольку суммарная составляющая керамики этих типов на Чиче-1 не так уж велика, можно предположить, что выявленные в слое 5 рва А материалы представляют какой-то эпизод в истории поселения и не являются отражением общей для памятника тенденции; третья – фиксируемый в слое 5 берликовский комплекс керамики (см. рис. 11, 2; 12, 7), ближайшие аналоги которому имеются в материалах могильников Северного Казахстана [Хабдулина, 1986, 1994]. Появление этой посуды связано с активным освоением мигрантами с запада и юго-запада примыкающей к «цитадели» наибольшей части городища (см. рис. 2). Следы сосуществования пришлого и аборигенного, проживавшего на территории «цитадели», населения неоднократно фиксировались при исследовании жилищных комплексов [Молодин, 1985; Членова, 1997]. Таким образом, слой 5 запечатлел сложный культурный конгломерат, сформировавшийся на Чиче-1;

слой 4 – плотная однородная красно-коричневая супесь, локализованная в виде двух аморфных линз в кв. L/53 и M/53 (см. рис. 3). Содержал 26 фрагментов керамики (в т.ч. два венчика и одна орнаментированная стенка), по орнаментальным признакам соотносимых с керамикой позднеирменской, барабинского варианта сузгунской культур и берликовской группы (см. рис. 11, 3);

слой 3 – однородная, мягкая темно-серая супесь – заполнение жилища 14 эпохи раннего железа. В плане имел неправильную форму и перерезал нижележащий слой 2. К слою приурочены ямы 1, 2. Мощность слоя 0,3–0,22 м. В заполнении жилища найдены 290 фрагментов керамики, большая часть которых относится к саргатской культуре;

слой 2 – плотная светло-серая супесь, иногда с материковыми включениями. Распространялся по всей площади зольника, фактически перекрывая ров. В кв. N/53 он лежал практически на материке, что

позволяет говорить о том, что это культурный слой, формировавшийся на площади рва А. В слое найдены 546 фрагментов керамики (в т.ч. 58 венчиков, 195 орнаментированных стенок и 21 фрагмент дна или придонной части). Слой 2 отличается наибольшим разнообразием керамического материала (см. рис. 11, 4). Доминирует позднеирменская посуда первого – третьего типов (рис. 13, 1–3, 5); она составляет 67 % от числа единиц в комплексе. Керамика других культурных типов, о которых речь шла выше, значительно уступает позднеирменской: посуда барабинского варианта сузгунской культуры составляет 12 %, берликовского комплекса – 9 %, посуда красноозерской культуры – 3 %. Новая черта – посуда, аналоги которой имеются в материалах атлымской культуры таежной зоны Западной Сибири [Косарев, 1974; Глушков, Захоя, 2000]. В слое 2 отмечен довольно большой удельный вес керамики саргатской культуры из более позднего поселения, фиксируемого на памятнике. В этом же слое обнаружены объекты 3 и 4 – развалы сосудов с чертами керамики раннего железного века, которые по совокупности признаков отнесены к переходному от бронзы к железу времени;

слой 1 – дерново-гумусный. В заполнении среди массового материала зафиксирован 561 фрагмент керамики, в т.ч. 65 венчиков. Керамика преимущественно позднеирменского облика; встречены также фрагменты всех выделенных орнаментальных групп.

Таким образом, все нижние слои рва А содержат автохтонную керамику, относящуюся к ирменской культуре. Начиная со слоя 11 в отложениях фиксируется позднеирменский керамический комплекс. В слое 10 наряду с позднеирменской посудой представлена керамика северо-западного облика (сузгунская), а со слоя 5 – красноозерская. В слое 5 рва А впервые отмечен и берликовский комплекс керамики. Он связан с выходами с юго-западных от Барабы территорий; эти мигранты обосновались и проживали на поселении совместно с аборигенами (позднеирменцами) до конца его функционирования.

В рамках раскопа 16 в центральной части городища исследован 8-метровый участок рва А (см. рис. 2). Результат изучения культурных отложений здесь стало выявление более 60 слоев, описание которых опубликовано [Молодин и др., 2004, с. 17–33]. В настоящей работе дается характеристика разреза (рис. 14), включающего культурные слои саргатских сооружений 3а и 19, комплекса переходного времени 21 и нижнего слоя рва А.

Очевидно, что ров А заполнялся при строительстве и эксплуатации сооружений позднеирменской культуры. Нижняя часть рва сохранилась практически полностью; ее составляет слой 62 из последовательно расположенных линз серой супеси с включением крупных черных супесчаных комков. Слой

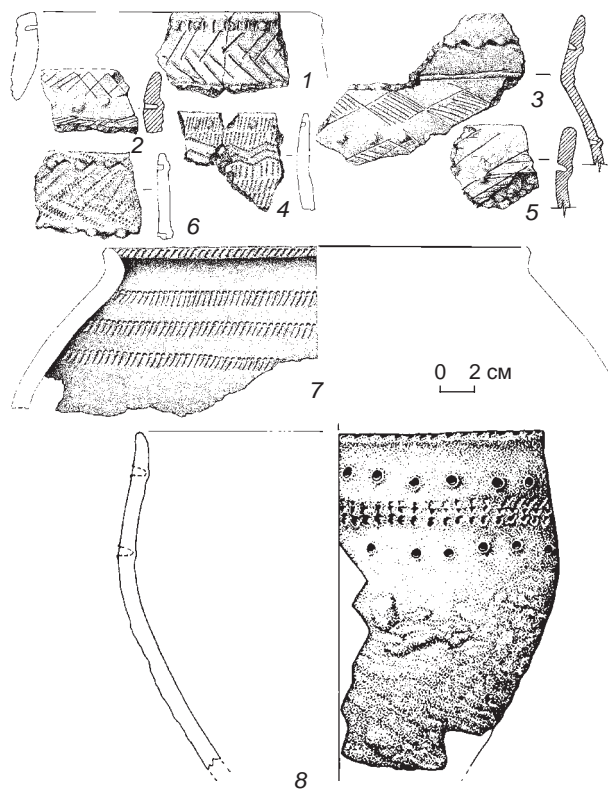

Рис. 13. Керамика позднеирменской (1–3, 5), атлымской (4, 6), красноозерской (7) культур и берликовской группы (8).

находился непосредственно на материке и отделялся от него размытой серо-желтой границей. Он содержал большое количество бытовых отходов, в т.ч. керамику. У западной стены рва зачищен объект 25, который состоял из крупных фрагментов придонной части и орнаментированной стенки сосуда (рис. 15). На материке *in situ* был обнаружен и объект 26, включающий фрагменты пяти сосудов с крупными участками придонных частей (рис. 16). Рядом находился маленький керамический сосуд ирменской культуры (объект 29) (рис. 17).

На дне рва А отмечены две большие ямы (101, 102), которые были вырыты одновременно со рвом. Они разной глубины, располагались симметрично у стен рва (табл. 2). Объект 26, очевидно, следует связывать с ямой 101.

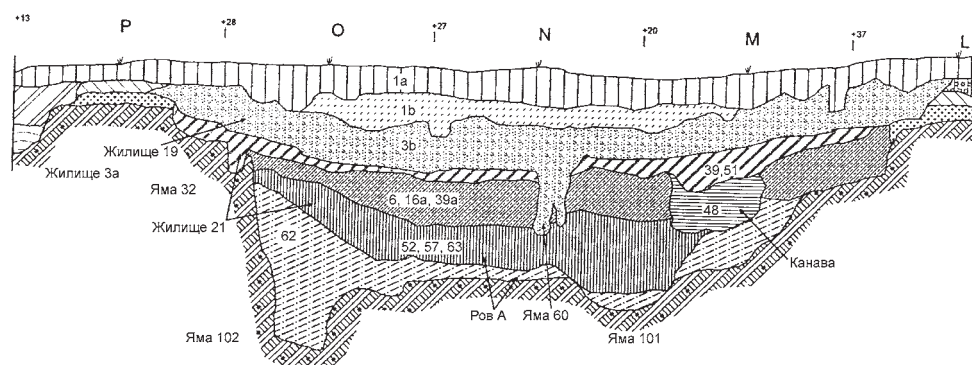
В пределах раскопа изучена южная часть котлована жилища 21. Зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация:

слой 42 (раскопочные слои 28, 43) – очень плотная серая супесь с белесыми включениями. Мощность слоя 0,3 м;

слой 56 (раскопочные слои 23, 40) – плотная коричневая супесь с темными и светлыми вкраплениями. Мощность слоя 0,05–0,2 м;

Рис. 14. Стратиграфический
разрез по линии J-P/44-45
(бровка восток – запад) в рас-
копе 16, Чича-1.

1

1

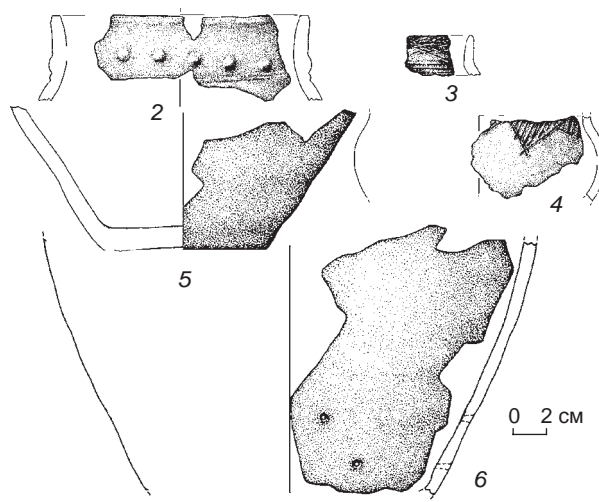
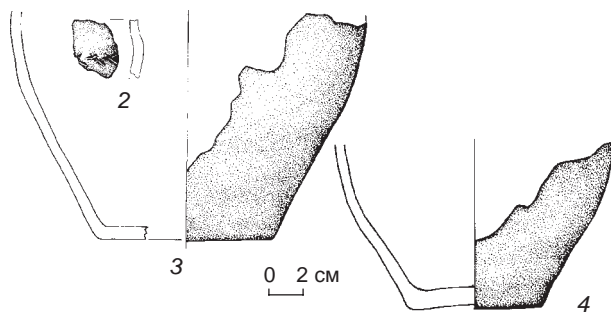
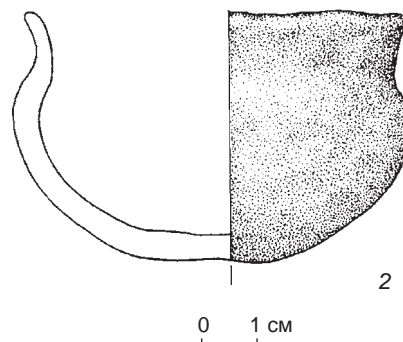

Рис. 15. Объект 25 из слоя 62 в раскопе 16, Чича-1.

Рис. 16. Объект 26 из слоя 62 в раскопе 16, Чича-1.

1

Рис. 17. Объект 29 из слоя 62 в раскопе 16, Чича-1.

Таблица 2. Характеристика ям во рву А в раскопе 16 Чичи-1

№ ямы	Квадрат	Размеры, м			Заполнение	Фрагменты венчиков, шт.
		Длина	Ширина	Глубина		
101	М-Н/45	1,8	1,18	0,32	Плотная светло-серая супесь	7, ирменского типа
102	О/45	?	0,84	0,56	Плотная серо-желтая супесь, крупные черные включения	1 » »

слой 26 – плотная темно-серая супесь с кальцинированными включениями. Слой перерезан хозяйственными ямами саргатского времени. Среди массового материала из сооружения 21 отмечены 888 фрагментов керамики, в т.ч. 110 венчиков (рис. 18, табл. 3). Представлены ирменские и позднеирменские сосуды, посуда красноозерской и барабинского варианта сузгунской культур;

слой 48 (раскопочные слои 47, 52, 53, 58) – серо-коричневая мешаная супесь – заполнение канавообразного сооружения, которое перерезало жилище 21. Найдены 92 фрагмента керамики, в т.ч. 16 венчиков (табл. 3). Жилище 19 саргатской культуры исследовано частично. Его котлован впущен в слои позднеирменского культурного горизонта (жилище 21, ров А);

слой 3b (основной слой заполнения котлована) – однородная гумусированная серо-коричневая супесь, более светлая и плотная, чем в вышележащем слое 1b. Мощность слоя – до 0,45 м. Вдоль восточной стены отмечены тонкие прослойки черной супеси, повторяющие наклон стен котлована;

слой 1b – однородная гумусированная, рыхлая, темная серо-коричневая супесь, которая залегала над центральной частью котлована под дерновым слоем. Мощность слоя достигала

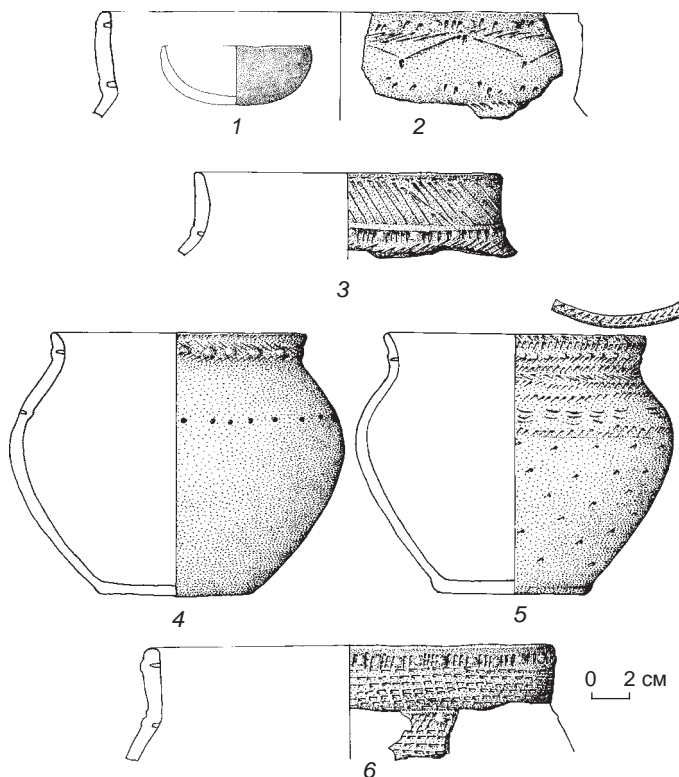

Рис. 18. Керамика позднеирменской (1–4), барабинского варианта сузгунской (5) и красноозерской (6) культур из жилища 21 раскопа 16, Чича-1.

Таблица 3. Распределение керамического материала по сооружениям и слоям в раскопе 16 Чичи-1, шт.

Место залегания	Всего находок	В том числе венчики
Ров А	692	106
Жилище 21	888	110
Канавообразное сооружение	92	16
Жилище 19	1 926	326
Слой 1	758	78

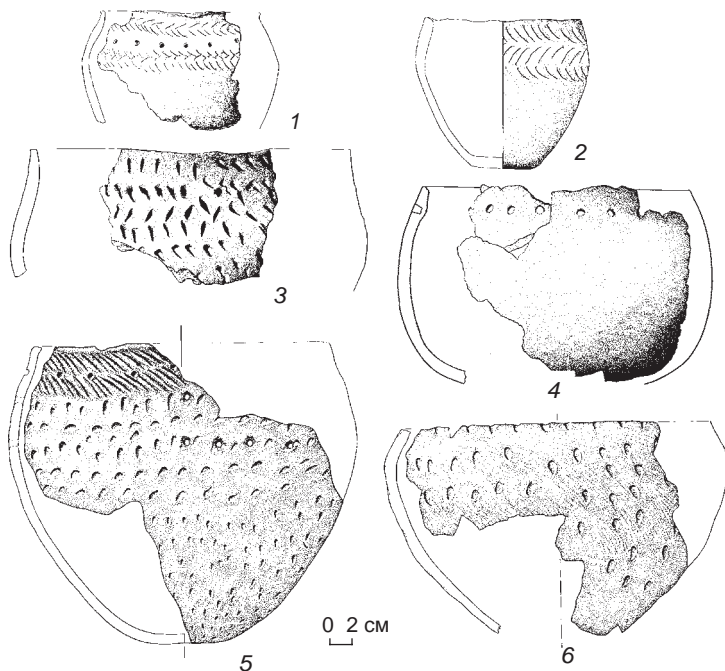

Рис. 19. Керамика из жилища 19 раскопа 16, Чича-1.

0,3 м. У западной стены котлована обнаружен объект 4, представлявший собой скопление фрагментов саргатского сосуда.

Среди массового материала в слоях жилища 19 зафиксированы 1 926 фрагментов керамики, в т.ч. 326 венчиков (рис. 19, табл. 3). В слоях саргатской культуры практически повсеместно встречены фрагменты сосудов переходного времени, что обусловлено интенсивным разрушением ранних слоев в ходе строительства и хозяйственной деятельности уже в эпоху раннего железа.

Слой 1 – фактически дерновый и почвенный, образовавшийся после окончания функционирования городища и разрушения построек. Это однородная темно-серая супесь. Слой в западной части участка разрушен грунтовой дорогой. Мощность слоя достигала 0,25 м. В нем найдены 758 фрагментов керамики, в т.ч. 72 венчика, различных периодов существования городища.

Заключение

Основываясь на анализе керамического комплекса из нижнего слоя и ям рва А, можно сделать вывод, что самая древняя часть коллекции представлена керамикой ирменской культуры эпохи поздней бронзы. Именно с этим временем следует связывать появление памятника. Ирменские гончары изготавливали сосуды ленточным налепом путем соединения лент (ширина в зависимости от размера сосуда варьирует от 2 до 5–7 см) встык или с небольшим нахлестом друг на друга. Для подавляющего большинства сосудов характерна аккуратность в обработке поверхности, для мелких форм – даже изящество. Первичная обработка включала применение твердых орудий в виде костяных или деревянных лопаток, оставляющих следы в виде нешироких, с неглубоким плоским ложом полос, сгруппированных однонаправленных, параллельных рисок, царапин. Гладкая поверхность 80 % изделий – результат лощения по кожетвердой поверхности. Лощилом выступал инструмент с узкой рабочей площадкой, оставляющий неглубокие канавки.

В коллекции керамики ирменской культуры преобладают профилированные горшки с высокой прямой или слегка отогнутой горловиной и округлым срезом венчика. Орнаментальная схема традиционна и стандартна: на горловине ведущими элементами являются горизонтальные прочерченные линии, ряды «жемчужин» с разрядкой и без нее, штрихованные треугольники и ромбы.

В орнаменте присутствуют ряды наклонных насечек, вдавлений, наклонной и горизонтальной гребенки, «елочка», сетка. На шейке в качестве разделительного пояса идут горизонтальные линии, ряды «жемчужин» с разрядкой, сформованный валик. Реже отмечены ряды ямок и насечки. Орнамент на плечиках состоит из штрихованных треугольников, горизонтальных линий; в единичных случаях присутствуют «елочка», «жемчужины» (см. рис. 5–8). Этот комплекс абсолютно аналогичен ирменскому Барабинской лесостепи [Матвеев, 1993; Молодин, 1985; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 26–33].

Позднеирменская посуда представлена тремя типами. Данный комплекс составляет основу коллекции из «цитадели». Он соответствует переходному периоду от бронзового к железному веку. Тулово формовалось ленточным налепом. Ленты соединялись друг с другом встык путем последовательного наращивания. Придание формы изделию происходи-

ло в процессе формовки. Поверхность сосуда обрабатывалась с обеих сторон при помощи: а) твердого орудия (щепа (?), деревянный нож), которое оставляло горизонтальные узкие длинные, сгруппированные риски; б) рук гончара (это один из самых широко применявшихся «инструментов») – на обеих поверхностях сосудов фиксируются отпечатки папиллярных линий, иногда хорошо видны следы расформовки лент; в) лощила. Лощение производилось либо по подсушенной поверхности, тогда эти следы изредка очень четкие, чаще – сглаженные, либо по поверхности, еще не достигшей кожетвердого состояния. В большинстве случаев лощению подвергались срез венчика и наружная поверхность.

Орнамент наносился на сосуд иногда до лощения: на некоторых образцах фиксируется «сдвинутость» уже нанесенного узора. На обеих поверхностях всегда отражен одинаковый прием лощения. В группе преобладают хорошо профилированные горшки с прямой или дугообразной горловиной (второй тип), а также керамика, присущая классической ирменской культуре (первый тип), и сосуды с короткой горловиной и туловом шаровидной формы (третий тип). Характерными элементами орнаментации сосудов являются двойные ряды «жемчужин» (с разрядкой и без нее) на горловине, шейке и плечиках, сетчатые пояса на горловине. При этом отмечается большое разнообразие других элементов (насечки, ряды вдавлений, ямок, «елочка», ряды гребенки), сочетающихся друг с другом. В целом схема орнаментации позднеирменских сосудов, по сравнению с ирменскими, выглядит несколько упрощенной.

Стратиграфическое изучение позволяет сделать вывод, что сначала на городище проживали только представители позднеирменской культуры, однако позже к ним присоединились носители барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984, с. 40–62]. Эта посуда имеет аналоги в материалах памятников переходного от бронзы к железу времени в предтаежном и таежном Прииртышье [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995; Полеводов, 2003]. Основными ее морфологическими типами являются слабопрофилированные и профилированные сосуды с невысокой горловиной. Представлены также хорошо профилированные сосуды с высокой прямой или слегка отогнутой горловиной. Своеобразие керамике придает орнамент в виде скобы, семечковидных вдавлений и рядов ямок, разделяющих орнаментальное поле, характерный для всех орнаментальных зон (горловина, шейка, тулово) (см., напр., рис. 10, 8; 11, 4).

На следующем этапе функционирования городища его население пополнилось носителями культур, которые не были представлены ранее. Керамический материал из слоя 5 может служить маркером, показывающим направление связей. К носителям традиций

сузгунской культуры – выходцам из северо-западных регионов – присоединились представители красноозерской культуры. Кроме них, совершенно очевидно, городище посещали жители северо-таежной территории (атлымская культура).

Но самый мощный миграционный поток на рассматриваемую территорию в данный период двигался с запада и юго-запада, по-видимому, из северных лесостепных районов современного Казахстана (берликская группа). Как следует из анализа планиграфии памятника, это была крупная по своей численности популяция, которая объединилась с аборигенами – позднеирменцами, создав единую поселенческую структуру, вступила с ними в определенные хозяйственные отношения и сохранила, тем не менее, свою этнокультурную специфику [Молодин, Парцингер, 2006, с. 49–55]. Судя по стратифицированному материалу, движение населения происходило приблизительно синхронно, благодаря чему городище Чича-1 стало настоящим культурно-хозяйственным центром (факторией).

Керамика красноозерской группы представлена на рассмотренном участке единичными фрагментами. Как и основная масса посуды того времени лесостепной зоны Западной Сибири, красноозерская керамика изготовлена техникой скульптурной лепки на основе жгута и ленты. Ее основными орнаментальными мотивами являются многорядные разомкнутые горизонтальные линии и парные ямки; причем на посуде Чичи-1 они часто украшают основное орнаментальное поле, а не играют роль разделителя орнаментальных зон, как на классических красноозерских сосудах.

Единичны также фрагменты керамики атлымской культуры. Ее особенность проявляется в составе формовочных масс: основная примесь – дробленые граниты и их составляющие – кварц, полевошпат, роговая обманка, пластинки биотита. Орнамент нанесен мелкозубчатым гребенчатым штампом; в композиционном построении представлены ряды «елочки» в сочетании с «жемчужинами» (см. рис. 13, 4, 6).

Своеобразие всему комплексу посуды городища Чича-1 придает берликская группа керамики (см. рис. 12, 7; 13, 8). Это крупные сосуды с очень низкой профилированной горловиной. У 43 % изделий срез венчика орнаментирован. На горловине и шейке – ряды наклонных линий, выполненные гладким прямоугольным штампом, пояски из «жемчужин», ямок, редко – вдавлений. Плечики украшены одним-двумя рядами наклонных линий, нанесенных гладким прямоугольным штампом, ямок, «жемчужин», наклонных оттисков гребенки. При этом основная часть сосудов имеет «ошершавленную» поверхность.

Таким образом, анализ распределения керамического материала по культурным отложениям свидетель-

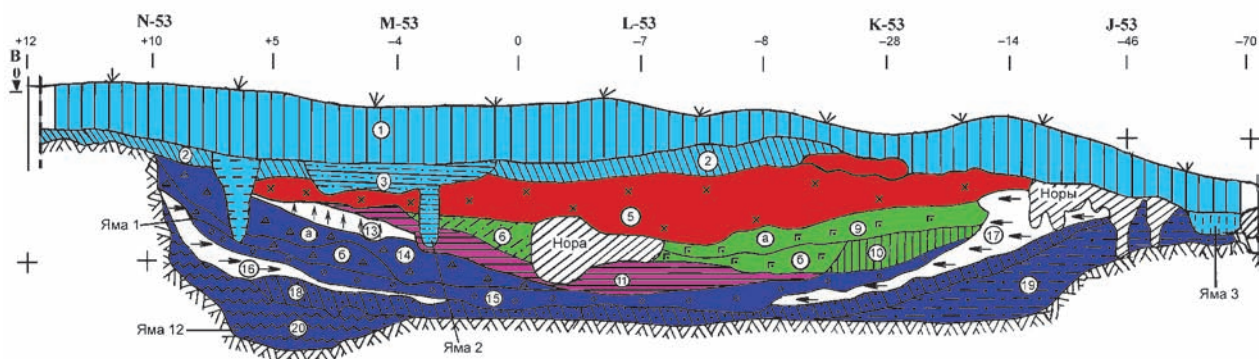

Рис. 20. Схема заполнения рва А в различные периоды существования городища Чича-1.

ствует о сосуществовании, начиная со слоя 5, отмеченных керамических традиций, а следовательно, и культивирующего их населения. Очевидно, что были две доминирующие традиции: автохтонная, позднеирменная, носители которой занимали т.н. цитадель, и принесенная мигрантами – берлисская; ее носители активно осваивали территорию к востоку и северу от «цитадели».

Стратиграфическая ситуация позволяет также предположить появление, вероятно в рамках позднеирменной традиции (это было отмечено еще при изучении памятника Туруновка-4 (см.: [Молодин, Колонцов, 1984, с. 69–86])), керамики раннесаргатского облика. В заполнении рва А фрагмент сосуда с чертами раннесаргатского облика зафиксирован в слое 10 в раскопе 8 (см. рис. 10, 9). Еще один фрагмент этого же сосуда обнаружен в культурном слое в раскопе 13. Они имеют высокую слабопрофилированную горловину, орнаментированную треугольниками и рядами вдавлений, что характерно для оформления позднеирменной керамики. Однако орнаментальные схемы на раннесаргатской посуде отличаются упрощенностью: частота элементов орнамента небольшая; сами элементы иногда выходят за пределы орнаментального ряда и не совпадают на стыках. Поверхности изделий не подвергались лощению.

Керамику раннесаргатского облика мы связываем с позднеирменной традицией. Изделия собственно саргатской культуры раннего железного века планиграфически фиксируются на отдельных участках Чичи-1 (например, раскоп 16), но представители саргатской культуры появились на городище, когда оно было оставлено предшественниками и пришло в полное запустение. Это произошло не ранее VI, а возможно и в V в. до н.э. (Радиоуглеродные даты этих конструкций связывают данный культурный горизонт с рубежом эр.)

Таким образом, анализ стратиграфических материалов из рва А позволяет предложить схему освое-

ния памятника (рис. 20). Разумеется, схема прочих его участков может выглядеть несколько иначе, однако общие тенденции накопления отложений различных периодов заселения городища сохраняются.

Список литературы

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. – Сургут: Ред.-издат. центр Сургут. гос. пед. ин-та, 2000. – 200 с.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.

Матвеев А.В. Ирменная культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 182 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича-1 (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Мат-лы XIV Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. – Томск, 2008. – С. 155–163.

Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 69–86.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Бинокулярная микроскопия керамики городища Чича-1 // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2003. – С. 147–151.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика городища Чича-1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве

(к юбилею проф. Е.И. Соловьевой): Мат-лы конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 101–106.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Парцингер Г., Шнеевайс Й. Керамика городища Чича-1 (технологические аспекты) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 299–311.

Молодин В.И., Парцингер Г. Исследование памятника Чича в Барабинской лесостепи (итоги, перспективы, проблемы) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 49–55.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 104–127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., Рыбина Е.В. Исследования городища Чича-1 в 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 382–390.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 1).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городи-

ще переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 4).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В. Результаты полевых исследований городища Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 386–395.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Полосьмак Н.В. К вопросу о нижней дате саргатской культуры // Тез. докл. к регион. конф. «Проблемы археологии и этнографии Сибири». – Иркутск, 1982. – С. 107–108.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Изд-во ПАИМС, 1995. – 208 с.

Хабдулина М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековые Урал-Иртышского междуречья. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1986. – С. 3–25.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пушин. науч. центр РАН, 1997. – 170 с.

Материал поступил в редколлегию 06.09.07 г.

УДК 903.2

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: pmandryka@yandex.ru

НОВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЮЖНО-ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

В результате широкомасштабных исследований в южно-таежной зоне Средней Сибири выявлен ряд памятников раннего железного века с оригинальной валиковой керамикой, что позволило рассматривать их в рамках одной археологической культуры, названной шилкинской по наименованию памятника, где впервые такая керамика была найдена в закрытом комплексе. В статье дается общая характеристика культуры конца VI – начала I в. до н.э., выявляются особенности городищ, селищ, жилищ и других памятников, строится типология вещей и оригинальной посуды. Определяется ареал культуры и ее истоки.

Железный век южно-таежной зоны Средней Сибири изучен неравномерно. В Северном Приангарье обнаружено значительное количество памятников разных этапов эпохи железа. Выделению на их основе цпаньской культуры и составлению периодизации посвящены работы В.И. Привалихина [1986, 1993], В.П. Леонтьева [1999], Н.И. Дроздова, В.П. Леонтьева, В.И. Привалихина [2005]. Благодаря поискам Г.И. Андреева [1971], В.И. Привалихина и В.И. Макулова [Макулов, Леонтьев, 2003; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005] немногие памятники железного века стали известны на территории Эвенкии, в бассейне Подкаменной и Нижней Тунгусок. Отдельные находки и археологические объекты эпохи железа обнаружены в таежных районах нижнего Енисея [Николаев, 1963; Баташев, Макаров, 2000] и Чуно-Ангарья [Гревцов и др., 1988; Буторин и др., 1990; Гревцов, Сергейкин, 1999]. Несмотря на то что наиболее значительные результаты были получены при исследовании памятников Енисейского Приангарья [Мандрыка, 2003б], железный век лесной полосы Средней Сибири остается во многом слабоизученным. Изучение же этих культур особенно важно, поскольку

именно с ними связаны многие вопросы этногенеза современных народов Восточной Сибири.

В результате 20-летних широкомасштабных исследований под руководством автора в южно-таежной зоне Средней Сибири выявлен ряд близких между собой памятников раннего железного века с оригинальной валиковой керамикой, что позволяет рассматривать их в рамках одной археологической культуры, названной шилкинской [Мандрыка, 2006] по наименованию памятника, где впервые в закрытом комплексе была найдена такая керамика. В Енисейском Приангарье культура представлена 14 поселениями, 3 селищами, 2 городищами и производственной площадкой. Возможно, к ней следует относить и два грунтовых погребения, выполненных по обряду труположения с сожжением в могиле [Мандрыка, Свалова, 1998], и петроглифы Островки-3 [Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000]. В других сопредельных районах таежной зоны памятники шилкинской культуры представлены пока исключительно поселениями и отдельными находками (рис. 1), а погребальный обряд остается неизвестным.

Поселения находятся на 16–20-метровых и более высоких террасах, что говорит о довольно сильной

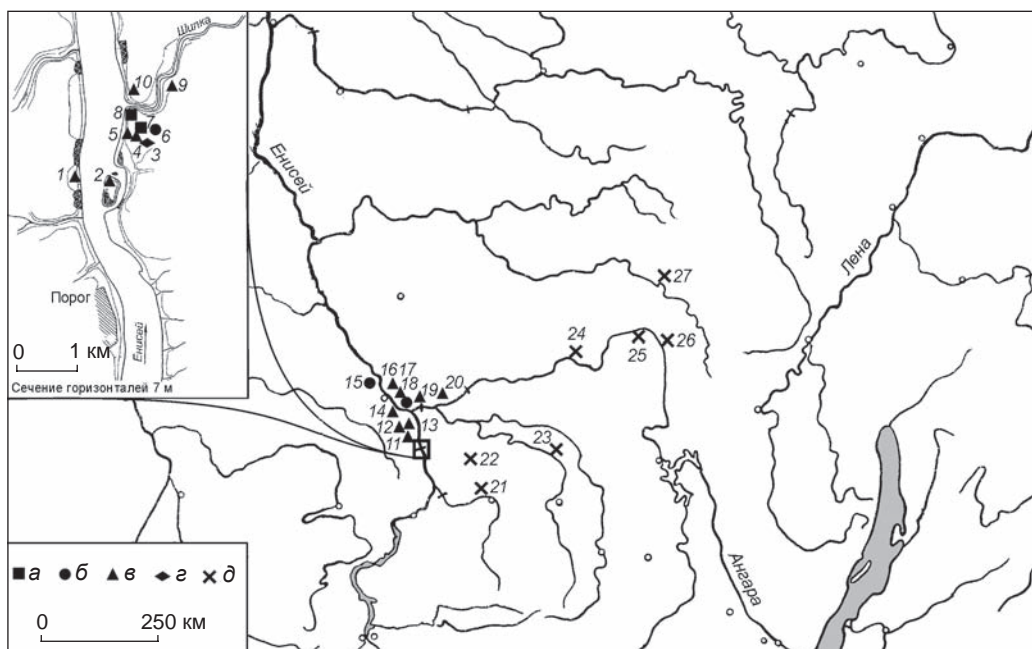

Рис. 1. Распространение памятников шилкинской культуры.

1 – Нижнепорожнское-1; 2 – Островки-1; 3 – Шилка-6; 4 – Шилка-11; 5 – Шилка-9; 6 – Шилка-10; 7 – Шилка-2; 8 – Усть-Шилка-2; 9 – Шилка-5; 10 – Усть-Шилка-1; 11 – Падерино; 12 – Усть-Нижняя; 13 – Шапкина; 14 – Бурмакинские Камни; 15 – Чермянка; 16 – Усть-Самоделка-1; 17 – Лесосибирское-3; 18 – Каменка-2; 19 – Стрелковский Порог; 20 – Черная; 21 – Казачка; 22 – Дзержинское; 23 – Хандальск; 24 – Чадобец; 25 – Нижняя Изголовь; 26 – Сергушкин; 27 – Усть-Тэтэрэ.

а – городище; б – селище; в – поселение; г – железоплавильная мастерская; д – шилкинская керамика.

увлажненности климата в период их функционирования и частых высоких паводках на Енисее. Размеры поселков обычно составляют ок. 4 тыс. м². Наиболее исследованными являются стратифицированные городища Усть-Шилка-2 и Шилка-2 (вскрыто соответственно 1 244 и 925 м²), селища Чермянка и Каменка. Большинство других памятников многослойные, где шилкинские комплексы оставлены в результате кратковременных стоянок и выделяются типологически. Культурный слой всех поселений слабо насыщен находками, имеет небольшую мощность (до 5 см) и светло-серую окраску, что говорит о незначительном по времени пребывании здесь древних людей.

Городища шилкинской культуры отмечены пока только в южной части ее распространения, в створе Казачинского порога на Енисее. Памятник Усть-Шилка-2 изучен полностью; на Шилке-2 вскрыта четверть всей площади. Оба приурочены к краю террасы, находятся на возвышенном месте. Расположение городищ в непосредственной близости друг от друга (в 300 м) предполагает не одновременное, а последовательное их существование. Изучение этих памятников позволяет проследить изменения оборонительной системы и жилищных объектов шилкинской культуры во времени.

Городище Шилка-2, представляющее ранний этап развития культуры, располагалось на мысовидной гриве, имело прямоугольную укрепленную площадку, вытянутую от края берега [Мандрыка, 2003а]. Северная оборонительная линия, проходившая по верху гривы, состояла из рва шириной 1 м, глубиной не более 40 см и вала шириной также 1 м, высотой не больше 30 см. С напольной стороны гривы и вдоль ее склонов оборонительная стена не сопровождалась рвом и валом, а устанавливалась в неглубокой траншее. Размеры укрепленной части городища: ширина до 15–18 м, длина до 50 м, следовательно, площадь составляла ок. 825 м². Вход был с северо-востока, т.е. со стороны лога, а не берега. В стену с западной стороны от входа был врезан котлован какого-то объекта, возможно оборонительного, 3,0 × 3,0 м. В 11 м к востоку от входа за пределами укрепленной площадки размещалась постройка хозяйственно-культурного назначения размерами 3,0 × 3,0 м. Внутри укрепленной части городища отмечается восемь жилищных подпрямоугольных котлованов. Они расположены по одной линии вдоль края террасы на расстоянии от 1 до 7 м друг от друга.

Неукрепленная часть городища занимает северный сектор поверхности гривы. Здесь фиксируются 16 котлованов, которые расположены двумя груп-

пами. Первая находится в северной части площадки. Здесь четыре котлована размещены в линию, а два – в стороне. Вторая группа представлена десятью котлованами, расположенными в ряд по западному склону гривы.

Аналогичное устройство укреплений наблюдается и на городище, относящемся к позднему этапу развития культуры. Оно располагалось в устье р. Шилки, на мысу 17-метрового высотного уровня, образованном правобережной енисейской и левобережной шилкинской террасами. С южной стороны поверхность мыса плавно переходит в 14-метровую террасу р. Енисей, а с восточной – ограничивается небольшим логом. Укрепленная площадка городища занимала наиболее возвышенную северную часть гривы и имела шестиугольную форму, с запада и севера обрывалась склонами террасы, а с востока и юга ограничивалась стеной (рис. 2). Ее площадь составляла ок. 900 м². С восточной стороны основание деревянной оборонительной стены закладывалось в неглубокую траншею (ширина 0,4–0,6 м, глубина 0,2–0,3 м), с напольной южной – в траншею-ров шириной до 1,0 м при глубине до 0,2 м. Как и на городище Шилка-2, выбросы из траншеи осуществлялись на внутреннюю площадку,

которая тем самым искусственно возвышалась возле стен. Основным элементом оборонительной системы – бревенчатая стена, скорее всего, типа тына. В южной ее части наблюдается разрыв, т.е. проход был со стороны пологого склона. Здесь же зафиксированы два вытянуто-овальных пятна длиной 2,6 и 1,5 м, шириной 0,4–0,6 м – скопления древесных углей мощностью не более 3 см. Возможно, это остатки обожженных бревен тына или того, что закрывало вход. За пределами укрепленной части городища в 2,5 м от стены и в 9 м к востоку от входа размещалась углубленная постройка хозяйственно-культового назначения (рис. 3). Жилища возводились только в центре внутренней площадки. Это были три углубленных жилища прямоугольной в плане формы, которые располагались по одной линии параллельно южной стене на расстоянии от 1 до 1,5 м друг от друга.

Несомненно, оба городища однотипны. Они находятся в близких топографических условиях микрорельефа, на гривах, окруженных логам или крутыми береговыми склонами, на одной высотной отметке. На обоих городищах главным элементом оборонительной системы была бревенчатая стена типа тына, основание которой размещалось во рве-

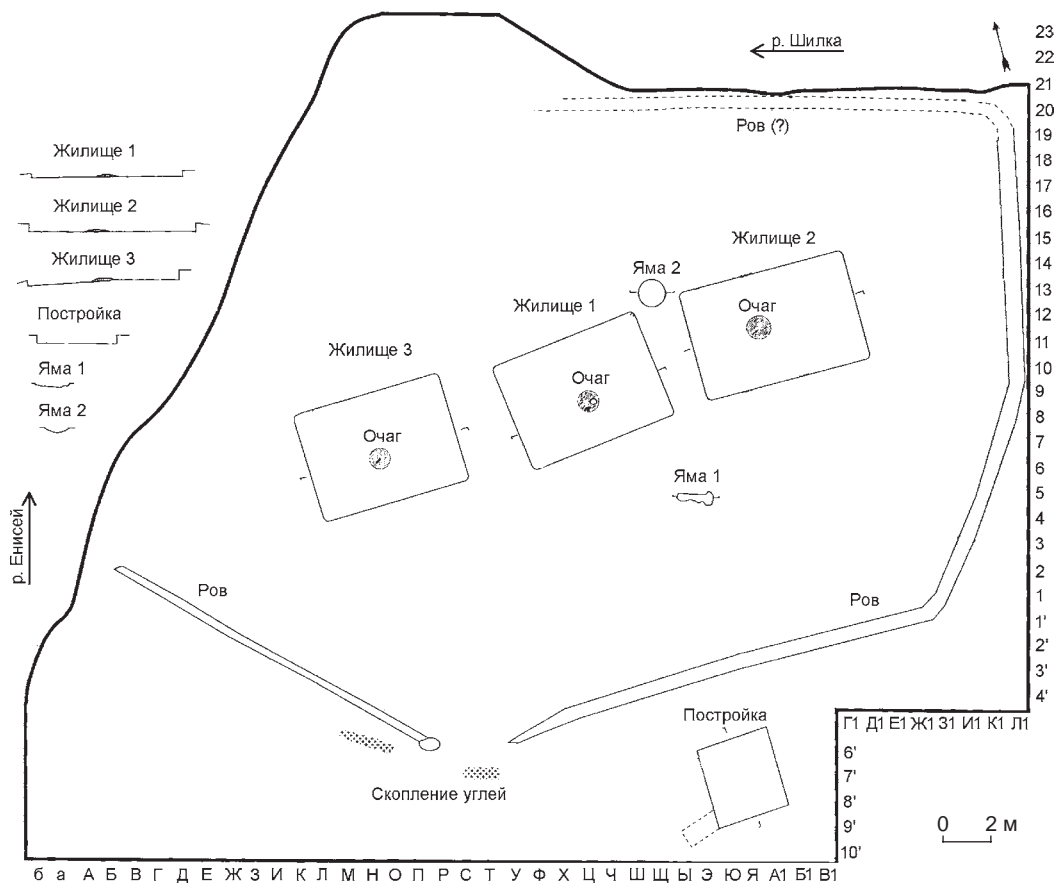

Рис. 2. План городища Усть-Шилка-2.

траншее и с внутренней стороны дополнительно укреплялось обваловкой. Каждое городище с напольной стороны имело по одному входу. Возле него за пределами укрепленной площадки располагалась хозяйственно-культовая постройка, аналогичная по конструкции углубленным жилищам. Мощность культурного слоя на обоих городищах незначительна. Пространство укрепленной площадки использовалось одинаково – для устройства жилищ, которые размещались в один ряд, ориентированный по линии 3–В.

Жилища шилкинской культуры однокамерные, углубленные, по конструктивным деталям разделяются на два типа. К первому отнесены сооружения прямоугольной формы с котлованом $4,0 \times 5,0$ м и глубиной 0,25–0,33 м [Мандрыка, 2003в, с. 80, рис. 2, 3]. Площадь жилищ составляла ок. 17 м². Стенки котлована укреплялись бревенчатой рамой. В центре одной длинной стены устраивался коридорообразный вход с укрепленным плахами основанием. Перекрытие, очевидно пирамидальной или усеченно-пирамидальной формы, опиралось на плечики котлована. Есть некоторые основания предполагать, что пол был деревянным, настилался на продольные половые балки. Очаг открытого типа диаметром до 1,0 м устраивался на земле.

Ко второму типу относятся жилища прямоугольной формы с котлованом от $6,3 \times 4,6$ м до $7,0 \times 4,6$ м при глубине от 0,10–12 до 0,20 м [Там же, рис. 1]). Площадь жилищ составляла от 29 до 32 м². Стенки котлована не укреплялись. Прямоугольный деревянный каркас четырехскатного пирамидального перекрытия опирался на плечики котлована в 50–70 см от края и закрывался кусками дерна, при этом в центре оставалось дымовое отверстие. Вход в жилище конструктивно не выделялся и, очевидно, устраивался в длинной стене. Земляной пол незначительно углублялся к центру, где располагался округлый очаг наземной конструкции диаметром до 1 м.

Очаги во всех изученных жилищах представлены «буграми» прокаленного песка мощностью 0,10–0,12 м с включением золы, углей, мелких фрагментов жженных костей. Возле них находились скопления закопченных галек с перехватом (грузила) и массивный камень с ровной поверхностью, также покрытый копотью, которые могли использоваться при приготовлении пищи. Как правило, основная масса находок отмечается вдоль одной длинной, противоположной от входа, стены жилищ. Несколько меньшая их концентрация наблюдается возле коротких

Рис. 3. Углистые остатки перекрытия хозяйственно-культовой постройки городища Усть-Шилка-2.

стен, что может косвенно указывать на расположение здесь спального места. Часто в углах котлованов на полу находились массивные камни-наковальни, использовавшиеся для заточки металлических инструментов. Остальной набор орудий из жилищ – песты, молоточки, точильные камни, скребки для выделки шкур, заготовки костяных наконечников стрел и другие предметы – указывает на характер хозяйственных занятий их обитателей.

Конструктивное сходство всех изученных построек (жилищ и хозяйственно-культовых объектов) шилкинской культуры заключается в устройстве их в неглубоких (до 0,20 м) котлованах и сооружении каркаса кровли из наклонно поставленных жердей, возможно соединенных верхушками и образующих грани пирамиды. Судя по обгоревшим остаткам рухнувших крыш, кровля состояла из плах шириной 9–12, толщиной 4–6 см, которые опирались на каркасные жерди диаметром 4–5 см. Среди плах встречены расколотые вдоль бревна диаметром до 20 см и ветки диаметром 1,5–2 см. Крыша покрывалась корой и кусками дерна.

Инвентарь шилкинских памятников включает железные выпуклообушковые ножи с петельчатым или прямым наконечником (рис. 4, 7), проколку со спиральным наконечником, шило (рис. 4, 8); бронзовые нож с прорезной рукоятью, наконечник которой оформлено в виде стилизованных грифонов (рис. 4, 1), и «кубовидные» бляшки для перекрестья ремней; костяные наконечники стрел с черешковым (рис. 4, 14–16) и расщепленным насадом, бляшку-пуговицу (рис. 4, 13) и напальчник лучника [Мандрыка, 2003а, с. 50, рис. 4–7] из рога; керамические скребки (рис. 5, 13–17); каменные песты, молоточки, точильные камни, скребки, гладилки, грузила для се-

Керамика изготовлена лепным способом из формовочной массы с примесью слюдянистого песка и мелко толченной дресвы. В некоторых черепках концентрация мелких пластинок слюды в песке значительная, что может указывать на местный его источник: все песчаные пляжи между скалистыми грядами берегов в створе порога состоят как раз из отмытого песка такого состава. Обжиг керамики проводился на костре. Как правило, черепки темно-серого цвета с коричневым оттенком. Редко встречаются светло-серые горшки. Цвет последних, скорее всего, изменился во время их использования, например, при подогреве пищи на углях костра. На внутренней поверхности многих сосудов фиксируется черный налет, оставленный как накипь от пищи (на горшках и банках), так и копотью от дыма (на сосудах-дымокурах).

По форме и орнаменту вся керамическая коллекция разделяется на семь типов.

Тип 1 (60 сосудов) – горшки, редко банки, с разным профилем венчиков, украшенные под ними налепными жгутиковыми валиками (см. рис. 5, 1–6) [Там же, с. 51, рис. 5]. Последние, как правило, с пальцевыми зажимами или насечками. Отмечаются валики с разрывом и загибом конца линии. Иногда от нижнего валика отходит аналогично оформленный наклонный отрезок. В трех случаях в зоне плечиков прочерчены антропоморфные фигуры. Соотношение формы сосудов и орнамента позволяет выделить два подтипа: А – банки (2 экз.) и горшки (50 экз.) с ярко выраженной шейкой, орнамент которых обязательно дополнен пояском ямок; Б – горшки (8 экз.) с менее выраженной шейкой и без пояса ямок.

Тип 2 (21 экз.) – сосуды-дымокуры (см. рис. 5, 8) [Там же, с. 52, рис. 6, 1–3]. Это небольшие горшочки закрытой формы с отогнутым краем венчика. Под венчиком крепилось жгутиковое ушко в форме петли, а под ним в придонной части – трубчатое, по которому с четырех сторон наклеплены жгутиковые рассеченные валики, служившие не только украшением, но и ребрами жесткости. В трубчатом ушке проделывались четыре отверстия, расположенные попарно с двух сторон. Все сосуды-дымокуры орнаментированы только в зоне венчика горизонтальными рядами накольчатых или отступающих оттисков гладких орнаментов с прямым, округлым или заостренным рабочим концом.

Тип 3 (6 экз.) – миниатюрные кубковидные сосуды без орнамента [Там же, рис. 6, 4, 5]. Чаша открытой формы имела кольцевой поддон высотой до 1 см.

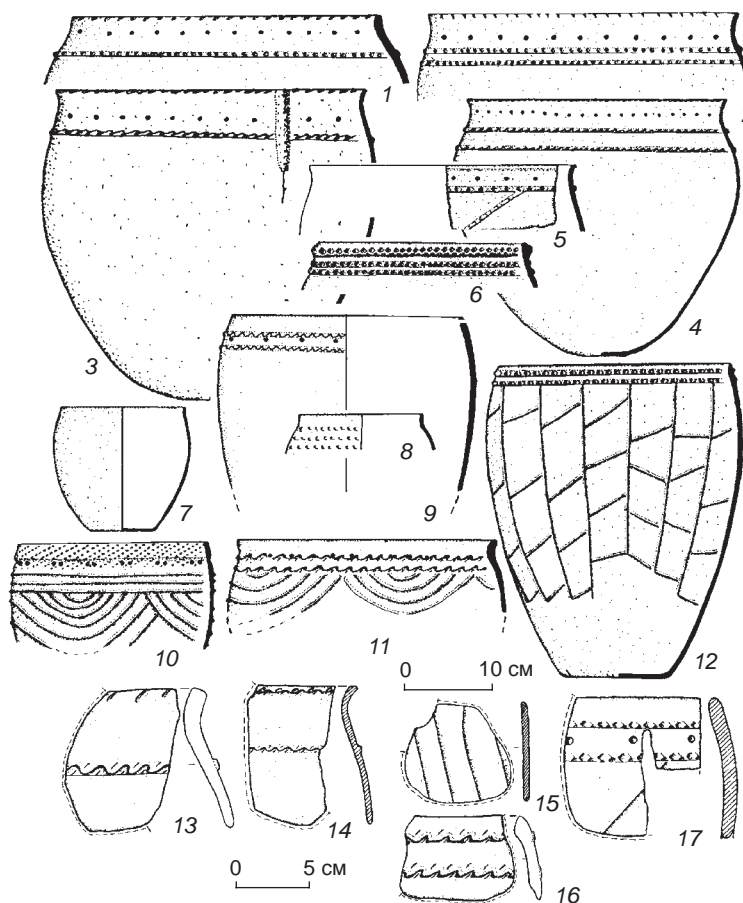

Рис. 5. Керамическая посуда (1–12) и скребки из черепков (13–17) с городища Усть-Шилка-2.

Тип 4 (6 экз.) – кубковидные сосуды с орнаментом, который нанесен только в зоне венчика [Там же, рис. 6, 6–8]. Чаша открытой формы имела кольцевой поддон высотой от 2 до 4 см. По наличию/отсутствию дополнительных налепных деталей выделено два подтипа: без таковых (5 экз.) и с одной ручкой в зоне венчика.

Тип 5 (3 экз.) – толстостенные сосуды закрытой баночной формы с роговыми ручками, прикреплявшимися с двух сторон к стенкам в их центральной части [Там же, рис. 6, 9]. Сосуды сплошь украшены рассеченными налепными жгутиковыми валиками, которые в одном случае дополнены зигзагом из отступающих оттисков гладких орнаментов с заостренным рабочим концом.

Тип 6 (6 экз.) – сосуды баночной формы с каплевидным сечением края венчика. Два из них без орнамента, остальные украшены в зоне венчика налепными жгутиковыми валиками, которые дополняются рядами наколов. У реставрированных сосудов по стенкам наклеплены гладкие жгутиковые валики, расположенные вертикально или образующие крупную сетку (см. рис. 5, 12).

Тип 7 (4 сосуда) – банки и горшки, украшенные тонкими обмазочными валиками* до придонной части. Венчики прямые или слегка профилированные с заостренным обрезом. Под краем на утолщенном венчике гладкие или рассеченные наlepные жгутиковые валики, в одном случае наколы наклонной гребенки. Зона шейки и плечиков украшена обмазочными валиками, расположенными горизонтально или концентрическими полукольцами. Орнамент дополнялся одним или двумя рядами ямок (см. рис. 5, 10, 11).

Преобладающая в комплексах по численности посуда 1-го (варианты А и Б) и 2-го (сосуды-дымокуры) типов выступает определяющим фактором в культурно-хронологической характеристике культуры. Такие горшки, как и банки 6-го и 7-го типов, были широко распространены в таежном и южно-таежном районах Средней Сибири в раннем железном веке. В пределах Казачинского археологического микрорайона, кроме представленных памятников, керамика 1-го типа отмечена на поселении Нижнепорожнское-1 и производственной площадке Шилка-6 [Мандрыка, 2001]. В южно-таежном районе Енисейского Приангарья она встречена на поселениях Каменка-2, Стрелковский Порог, Черная (разведки и раскопки автора или при его участии), на селище Чермянка (исследования Н.П. Макарова). В Северном Приангарье отдельные черепки такой керамики присутствуют в культурных поселенческих слоях на стоянках Сергушкин-3 и Нижняя Изголовь (раскопки В.И. Привалихина), Чадобец (раскопки Н.И. Дроздова) и др. Имеются фрагменты сосудов, аналогичных типу 1Б, и среди сборов на памятниках в бассейне Подкаменной Тунгуски, например, в устье р. Тэтэрэ [Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005, с. 74, рис. 4, 1, 2], а также в бассейне Лены, например, на мысе Обух [Окладников, 1946, с. 173, табл. XII, 13]. Керамика этого типа фиксируется и в бассейне Бирюсы (р. Она) на стоянке Хандальск (сборы автора 2006 г.), и в лесостепном Канском районе, в культурном слое 1 многослойного памятника Казачка (коллекция ЛАП ИГУ, Каз. 74 Р4-1-7), на стоянке Дзержинское (раскопки В.И. Привалихина). Отдельные бронзовые и железные предметы с указанных памятников позволяют отнести керамику 1-го типа к раннему железному веку.

Сосуды-дымокуры (тип 2) с трубчатым ушком в придонной части были широко распространены в таежных и южно-таежных районах Сибири с раннего

этапа эпохи железа [Мандрыка, 1994]. На территории Северного Приангарья они отмечены, например, на стоянках Усть-Илим, Бадарма-1 и др. [Васильевский, Бурилов, 1971, табл. 10]. Интересен факт нахождения аналогичного сосуда-дымокура в раннесредневековом кург. 16 Тимирязевского могильника в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 27, 1]. Шилкинские сосуды-дымокуры отличаются от ангарских и обских формой верхнего ушка и орнаментом. Последние имеют языковидное ушко и украшены тонкими обмазочными наlepными валиками. Поскольку орнамент на сосудах-дымокурах отвечал общим традициям украшения посуды, то и в шилкинских комплексах он встречается на других формах, например, на полно-размерных кубках и сосудах с роговыми ручками.

Банки, украшенные гладкими и рассеченными жгутиковыми валиками (тип 6), в районе исследования преобладают в нижнепорожнских комплексах, которые датируются серединой I тыс. до н.э. и существовали параллельно шилкинским. Идентичный орнаментальный мотив был широко распространен в глубинных таежных районах Восточной Сибири (ангаро-тунгусские водоразделы, Ленский бассейн) на всем протяжении I тыс. до н.э. и наносился на круглодонные сосуды [Эртюков, 1990]. Плоскодонная же посуда отмечена только в районе исследования. В преобладающем количестве она представлена в материалах закрытых стратифицированных нижнепорожнских комплексов, например, жилищ селища Шилка-10. Присутствие такой посуды на шилкинских памятниках может указывать на контакты с инокультурным населением, проживавшим в пределах ареала шилкинцев.

Сосуды, украшенные тонкими обмазочными валиками (тип 7), также были широко распространены в таежных районах Сибири с середины I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. Орнамент, состоящий только из таких валиков (волнистых, оформленных пальцевым защипом), в районе исследования отмечается с конца бронзового века. Сочетание же на одном сосуде жгутиковых и обмазочных наlepных валиков фиксируется здесь в начале раннего железного века. Присутствует аналогичная посуда и в материалах усть-милской культуры (Якутия) [Там же, табл. 22, 24], просуществовавшей до середины I тыс. до н.э. [Алексеев, 1996, с. 70]. В раннем железном веке подобные сосуды бытовали у населения Северного Приангарья [Леонтьев, 1999]. На Таймыре такой вид орнаментации отмечается на керамике усть-половинкинского и первого бояркинского типов, отнесенных Л.П. Хлобыстиным к средним векам [1998, с. 127, рис. 136]. Все это указывает на контакты шилкинцев с северными и восточными инкультурными соседями.

Шилкинская посуда 3–5-го типов (миниатюрные и полноразмерные кубки, сосуды с роговыми ручками) сложилась в результате слияния местных и южных,

*Обмазочные валики выполнялись нанесением тонкого дополнительного слоя на поверхность – примазкой, обмазкой, т.е. поверхность сосуда рукой обмазывалась тончайшим слоем инородной, тщательно обработанной глиняной массы. Валики получались из глины, которая проходила между пальцами мастера. Поэтому они тонкие (невysокие и неширокие), треугольные в сечении, имеют распылчатые очертания, если их несколько, то они всегда параллельны и на одном расстоянии друг от друга [Мандрыка, 1995].

степных традиций. Миниатюрные кубки без орнамента находят аналогии в материалах тагарских и таштыкских поселений и курганов степных и лесостепных районов Енисейской долины [Дэвлет, 1964]. Но они не привозные, т.к. изготовлены из местного сырья и их наружная поверхность нелощеная. С тагарской посуды, очевидно, копировалась также форма полноразмерных кубков и сосудов с роговыми ручками. Однако орнаментировались они согласно местной традиции.

Таким образом, керамический комплекс шилкинской культуры в Енисейском Приангарье возник не на местной основе; он появился здесь в готовом, сформированном виде и был дополнен местными элементами. В нем нашли отражение также традиции как северных и восточных таежных соседей, так и южных лесостепных племен.

Для определения хронологических рамок шилкинской культуры мы располагаем пока небольшим числом датирующих вещей и фактов. Относительная хронология устанавливается по серии многослойных памятников, где шилкинская керамика залегает выше слоев, содержащих посуду с «вафельным» техническим декором и относящихся к переходному времени от бронзового века к железному. Обоснованию датировки может служить и незначительная выборка вещей, находящих аналогии в материалах памятников VI в. до н.э. в саяно-алтайских степях. Среди них бронзовые выпуклообушковый нож с прорезной рукоятью и ажурным навершием в виде стилизованных голов грифонов (см. рис. 4, 1), «кубовидные» бляшки для перекрестья ремней, костяная дисковидная бляшка-пуговица (см. рис. 4, 13) и др. На время существования шилкинской культуры в пределах конца VI – I в. до н.э. указывает серия радиоуглеродных дат, определенных по древесному углю от стен городищ и перекрытия жилищных построек. Самые ранние из них – $2\,475 \pm 65$ л.н. (СОАН-4241) и $2\,450 \pm 50$ л.н. (СОАН-4242) – получены для жилища 8 городища Шилка-2, поздняя – $2\,025 \pm 65$ л.н. (СОАН-3289) – для жилища 1, находящегося за пределами укрепленной площадки того же городища. Эти жилища датируются соответственно концом VI – началом V в. до н.э. и концом II – началом I в. до н.э. Остальные шесть дат лежат в указанном интервале.

Ареал культуры занимает южно-таежную подзону Средней Сибири (см. рис. 1). На юге он доходит до Красноярско-Канской лесостепи, на севере соседствует с памятниками раннего железного века северной тайги и лесотундры, на западе граница проходит по объ-енисейскому водоразделу, на востоке рубеж четко не определяется; ареал может включать Северное Приангарье, доходя до ангаро-ленского водораздела и Прибайкалья. В пределах территории распространения культуры шилкинское население сосуществовало с иными местными племенами, носителями других

керамических традиций. В Енисейском Приангарье это были нижнепорожинцы, а в Северном – цэпаньцы.

Сложение шилкинской культуры связано с проникновением в автохтонную среду пришлого населения из районов Забайкалья и Прибайкалья, постепенно продвигавшегося на запад по долинам или водоразделам правобережных притоков Енисея – Подкаменной Тунгуски, Ангара, Чуны и Бирюсы. Об этом позволяет говорить валиковая керамика 1-го шилкинского типа, традиция изготовления которой уходит в Южное Забайкалье. Здесь гладкостенные сосуды, украшенные рассеченными или гладкими валиками, представлены уже в плиточных могилах чулутского этапа (XIII–VIII вв. до н.э.), а на ацайском (VIII–VI вв. до н.э.) они занимают ведущие позиции в керамическом комплексе [Цыбиктаров, 1998, с. 121–122]. На западном побережье Байкала в середине I тыс. до н.э. также отмечается смена керамической традиции, распространяется керамика с треугольными в сечении налепными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями. Посуда имела либо гладкую поверхность, либо «вафельный» технический декор. Такая керамика сопровождает захоронения, представляющие елгинский погребальный обряд [Горюнова, 1993], который существовал в Приольхоне с III в. до н.э. по IV в. н.э. Сосуды с налепными валиками и «вафельными» оттисками А.В. Харинский [2005, с. 207–208] предлагает называть керамикой борисовского типа, а аналогичные плоскодонные гладкостенные горшки – елгинского. Появившись на Енисее, а может быть и во время своего продвижения, шилкинцы испытали влияние со стороны кочевников Саяно-Алтая. Это проявляется в распространении отдельных бронзовых предметов, украшенных мотивами скифо-сибирского звериного стиля.

Остается открытым вопрос о судьбе шилкинского населения. В Енисейском Приангарье его сменяют носители культуры с керамикой айканского типа [Мандрыка, 1997] (сосуды с отогнутым краем венчика в виде карнизика, украшенные тонкими обмазочными налепными валиками). Они ассимилируют шилкинское население, а часть его, по-видимому, оттесняют на север, в низовья Енисея, где шилкинцы приняли участие в сложении малокоренинской и усть-чернинской культур конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

Список литературы

- Алексеев А.И.** Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 96 с.
- Андреев Г.И.** Памятники I тыс. до н.э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. – 1971. – Вып. 128. – С. 44–47.
- Баташев М.С., Макаров Н.П.** Культурогенез таежных народов нижнего Енисея. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2000. – 35 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.

Буторин В.Г., Гревцов Ю.А., Тарасов А.Ю., Ригин М.В. Исследования на р. Бирюсе // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX Регион. археол. студ. конф. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1990. – С. 102–103.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1971. – Вып. 2. – С. 202–284.

Горюнова О.И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: Тез. и мат-лы науч. конф. – Улан-Удэ, 1993. – С. 76–80.

Гревцов Ю.А., Сергейкин А.А. Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири: Докл. XXXIX Регион. археол.-этнол. студ. конф. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1999. – Ч. 1. – С. 121–122.

Гревцов Ю.А., Тарасов А.Ю., Буторин В.Г., Бокарев А.А. Археологические памятники рек Чуны и Тасеева в Северном Приангарье // Проблемы археологии Северной Азии: (Тез. докл. XXVIII Регион. археол. студ. конф.). – Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1988. – С. 77–79.

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 50–57.

Дэвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. – 1964. – № 2. – С. 205–210.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Макулов В.И., Леонтьев В.П. Новые данные по железноруку веку Эвенкии (бассейн реки Подкаменной Тунгуски) // Древности Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 2. – С. 59–62.

Мандрыка П.В. Типология сосудов-дымокуров // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 124–126.

Мандрыка П.В. Приемы описания керамики валиковогоро типа // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 114–116.

Мандрыка П.В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТУСУР, 1997. – С. 209–217.

Мандрыка П.В. Производственная площадка по выплавке железа в подтайге среднего Енисея // На стыке поколений. – Иркутск: ЦДНУТиК, 2001. – С. 16–25.

Мандрыка П.В. Городище Шилка-2 – памятник железноруку века южной тайги среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003а. – С. 32–52.

Мандрыка П.В. Датировка и периодизация памятников тагаро-таштыкского времени подтайги среднего Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003б. – Кн. 2. – С. 89–93.

Мандрыка П.В. Реконструкция жилищ железного века южной тайги среднего Енисея // Забайкалье в геополитике России: (Мат-лы Междунар. симп. «Древние культуры Азии и Америки». 26 августа – 1 сентября 2003 г., г. Чита. – Улан-Удэ, 2003в. – С. 79–81.

Мандрыка П.В. Шилкинская культура в южной тайге средней Сибири // II Северный археологический конгресс. 25–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск: Тез. докл. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 117–118.

Мандрыка П.В., Свалова Е.А. Грунтовые погребения тесинского этапа тагарской культуры в подтаежной зоне среднего Енисея // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 1998. – С. 254–259.

Мельникова Л.В., Николаев В.С., Мандрыка П.В. Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 69–70.

Николаев Р.В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 127–134.

Окладников А.П. Ленские древности. – Якутск: НИИЯЛИ ЯАССР, 1946. – Вып. 2: Отчет об археологических исследованиях на нижней Лене от Жиганска до Камах-Сурта в 1942–1943 гг. – 187 с.

Привалихин В.И. Новые материалы по бронзовому веку нижней Ангара (к постановке вопроса о выделении археологической культуры) // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 99–104.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 66–86.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.

Цыбыктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 153 с.

Материал поступил в редколлегию 02.04.07 г.

УДК 902.6

Н.Ю. Кузьмин

Берлинский университет им. Гумбольдта
 Институт истории, кафедра археологии
 Humboldt-Universität zu Berlin, Philosophische Fakultät I
 Institut für Geschichtswissenschaften
 Ur- und Frühgeschichtliche Archäologie
 Hausvogteiplatz, 5-7, 10117, Berlin, Deutschland
 E-mail: arch.kuzmin@gmx.de

ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕЛЯЦИИ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАТ ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО И ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ САЯНО-АЛТАЯ

В последнее десятилетие получена большая серия радиоуглеродных дат для погребальных комплексов Саяно-Алтая, откалиброваны измерения возраста образцов, сделанные в предшествующие годы. Наибольшую полемику вызывают радиоуглеродные даты для памятников скифской эпохи и раннехуннского времени; многие из них отличаются от археологических. Чаще всего подвергается сомнению правомерность омоложения Больших Пазырыкских курганов на Алтае до 300–250 гг. до н.э., удревления ранних уюкско-саглыньских комплексов на территории Тувы и ранних сарагашенских курганов в Минусинской котловине до VIII–VII вв. до н.э., отнесения некоторых тесинских курганов-склепов к скифскому, а не хуннскому времени, а также даты для позднейших уюкско-саглыньских и сарагашенских памятников. Вероятно, в ряде случаев ошибки отражают объективную сложность радиоуглеродного датирования комплексов, сооруженных в 800–400 гг. до н.э. Получение достоверных дат возможно при использовании комплекса методов, важно проводить сопоставление полученных результатов по отдельным культурно-историческим периодам.

Введение

Радиоуглеродный анализ занимает лидирующее положение среди других естественно-научных методов датирования археологических памятников. В связи с совершенствованием в последнее десятилетие технических возможностей расширяется сфера его применения. Появилась надежда, что определение абсолютно-го возраста археологических объектов теперь не будет составлять особых сложностей: достаточно лишь корректно взять пробы для радиоуглеродного анализа. Однако по мере публикации пересчитанных по новым методикам полученных ранее и сегодня дат стали очевидными расхождения результатов радиоуглеродного анализа с данными, основанными на традиционных

археологических методах датирования (типологический, вещевых аналогий, исторической идентификации и др.). В результате обобщения серии новых радиоуглеродных дат для археологических памятников Южной Сибири культуры эпохи бронзы и раннего железного века отнесены к более раннему периоду, чем было определено прежде [Görsdorf, Parzinger, Nagler, 2004].

Расхождения в датах потребовалось объяснить и, если возможно, устранить. М.Л. Подольский выделил философский аспект проблемы: «Археологическое моделирование (подразумевается создание археологических типологий. – Н.К.) и радиоуглеродный анализ разнородны, они лежат в разных плоскостях наших знаний. Существуют точки соприкосновения (пересечения) этих плоскостей, совокупность которых

мы условно считаем осью времени. Но было бы наивно полагать, что численные результаты, относящиеся к принципиально различным областям науки, будучи спроецированы на эту условную ось, должны обязательно совпасть». При этом М.Л. Подольский не отвергает ни принципиальной возможности этих совпадений, ни перспективности самого метода радиоуглеродного анализа, данные которого, судя по его заключению, можно использовать, конструируя «работоспособные археологические модели» [2002, с. 66]. Л.С. Марсадов, много лет занимающийся дендрохронологией курганов Саяно-Алтая и установивший абсолютную хронологию Пазырыкских курганов на основе археологических параллелей в хорошо датированных Семибратних курганах, обозначил «подводные камни» самого метода радиоуглеродного датирования, о которых обычно умалчивают специалисты. Поводом для критики послужило омоложение на 150 лет пазырыкских курганов Алтая, основанное на пересчете старых и привлечении новых радиоуглеродных дат [2002, с. 93–103]. В качестве возможных причин, влияющих на конечные результаты, названы изменения калибровочных шкал, условный характер определения полураспада ^{14}C , возможные радиоактивные аномалии в местах раскопок [Там же, с. 99]. В.А. Дергачев отметил разницу в полученных датах и признал необходимым «подстраивать» и «контролировать» те и другие методы исследований, но не объяснил, по какому принципу нужно проводить такую корректировку [1997, с. 66–67].

Сравнение приведенных работ позволяет выделить три основных вопроса: 1. Следует ли абсолютно доверять радиоуглеродным датам? 2. В чем причины расхождения радиоуглеродных и археологических датировок? 3. Можно ли провести корреляцию дат, полученных разными методами? Однозначно ответить на них одному специалисту практически невозможно, нужны дополнительные пояснения представителей разных наук. Такого рода пояснения содержатся в коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология» [2005].

Появление данной книги – несомненно, событие в евразийской скифологии. Ей нет аналогов по широте, проблеме, охвату привлекаемых для изучения археологических комплексов, значению полученных выводов. Эта работа – блестящий результат сотрудничества ведущих специалистов в области гуманитарных и естественных наук известных научных центров России, Украины, Великобритании, Нидерландов, Швеции, Шотландии. Достоинством книги является прежде всего объективность описания самого метода исследования и изучения конкретных материалов разных памятников. Не скрываются возможные погрешности радиоуглеродного датирования, не затушевываются возникающие противоречия. В монографии четко определено место радиоуглеродного метода по

сравнению с другими: типологическим, методом датирования по аналогиям и импортным материалам, методом исторических идентификаций. Ясно изложено суть дендрохронологического и радиоуглеродного методов датирования, объяснен принцип калибровки радиоуглеродных дат. На примере ряда объектов изучения показаны принципы построения дендрорядов, их корреляции, относительного датирования, использования калибровочных кривых при переводе радиоуглеродного возраста в календарную дату. Особо выделен временной отрезок с 800 по 400 г. до н.э., т.н. гальштадтское плато, где калиброванный календарный интервал радиоуглеродной даты значительно шире, чем на других участках. Для устранения этого недостатка применен метод согласования с калибровочной кривой (wiggle matching), требующий серии радиоуглеродных дат отдельных участков дерева не менее чем в десять годичных колец каждый. Применение этого метода позволило более точно определить возраст некоторых азиатских комплексов. По мнению авторов, полученные даты являются опорными при определении возраста других однотипных памятников в конкретном регионе. На основе калиброванных радиоуглеродных дат определяются возраст памятников, расположенных на обширной территории от Саяно-Алтая до Северного Кавказа. Приведены сводные таблицы радиоуглеродной хронологии скифских памятников Центральной Азии (Тува, Алтай), карасукских и тагарских Минусинской котловины, скифских на территории Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Авторами сделаны выводы о характере и последовательности развития предскифских и скифских культур Саяно-Алтая.

В силу определенных обстоятельств на археологических материалах Минусинской котловины всегда отрабатывались и уточнялись периодизации и хронологии памятников разных эпох. Эти схемы имели ключевое значение при изучении археологических комплексов в соседних регионах Центральной Азии, Южной и Западной Сибири. Среди культур скифского времени эталонной является яркая и самобытная тагарская. Поэтому вполне объяснимо, что после прочтения книги возникает желание проверить достоверность выводов в первую очередь на материалах раскопок археологических памятников в Минусинской котловине. Однако до обсуждения радиоуглеродных дат необходимо дать некоторые существенные пояснения, без которых невозможна дальнейшая дискуссия.

Метод исторических идентификаций

Наглядные примеры применения данного метода содержатся в монографии С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» [1949]. Один из наиболее пока-

зательных – историческая идентификация, сделанная для раскопанного около Абакана дворца китайской архитектуры. По мнению С.В. Киселева, в нем в первой четверти I в. до н.э. мог проживать бывший ханьский полководец, хуннский наместник Ли Лин [Там же, с. 267–272]. Однако позднее было установлено, что здание построено в 9–23 гг. н.э. и в связи с этим изменилась историческая интерпретация памятника [Вайнштейн, Крюков, 1976].

По сути, методу исторических идентификаций близка хронологическая привязка наиболее значительных изменений, происходивших на стыках археологических культур и их этапов в особенностях устройства памятников, погребальном обряде и инвентаре, к конкретным историческим событиям, зафиксированным в письменных источниках.

Наиболее ранние аналоги карасукским бронзам С.В. Киселев отметил в материале раскопок последней столицы династии Инь в Аньяне (начиная с XIV в. до н.э.), но появление и существование карасукской культуры в Минусинской котловине синхронизировал со временем раннего Чжоу (1122–722 гг. до н.э.) [1949, с. 95, 105–106]. В соответствии с этими представлениями начало тагарской культуры было отнесено к VII в. до н.э. Исследователь выделил три стадии развития культуры; финал последней, по его мнению, соответствует примерно рубежу эр [Там же, с. 108–176]. Анализируя памятники гунно-сарматского времени, С.В. Киселев отметил важнейшие исторические события конца IV – III в. до н.э., помогающие понять суть происходивших изменений: походы Александра Македонского в Среднюю Азию и образование эллинистических государств, миграцию сакских и массагетских племен, активизацию сарматов на западе, образование хуннского военного союза на востоке [Там же, с. 177]. Из больших алтайских курганов к началу раннего (хуннского) периода гунно-сарматской эпохи был отнесен Первый Пазырыкский курган (середина III в. до н.э.), как более молодые определены Катандинский, за ним – Берель и Шибе [Там же, с. 189, 216]. Из такого понимания начала новой эпохи следует, что в Минусинской котловине в раннехуннский период были сооружены поздние курганы второй стадии развития тагарской культуры, затем появились тесинские курганы-склепы и грунтовые могилы, отнесенные С.В. Киселевым к третьей стадии, в поздний период гунно-сарматской эпохи возводились памятники таштыкской культуры. Отметим, что большие курганы пазырыкской культуры С.В. Киселев, опираясь на их сходство по конструкции, погребальному обряду и некоторым вещам с курганами хуннской знати, раскопанными в Монголии в горах Ноин-Улы, относил к хуннской эпохе. Он находил параллели в конструкциях Больших Пазырыкских курганов и некоторых таштыкских склепов, например земляного кург. 1 на Уйбате. Эти параллели сейчас объяснимы. Пазырык-

ские и более поздние ноин-улинские архитектурные традиции органично сочетались (вместе с другими) в конструкциях тесинских курганов-склепов и сохранялись до таштыкского времени [Kouzmine, 2005].

Соотнести исторические события с периодизациями и хронологическими определениями для археологических памятников Саяно-Алтая исследователи пытаются и сегодня. Д.Г. Савинов сопоставил время появления новых культур (или их этапов) на территории Тувы, Минусинской котловины и Алтая с конкретными историческими событиями – концом государства Западное Чжоу (770 г. до н.э.), созданием Ахеменидской империи (550 г. до н.э.), походами Александра Македонского в Среднюю Азию (20-е гг. IV в. до н.э.), северным походом Маодуня (201 г. до н.э.), перенесением столицы хунну в Северную Монголию (120 г. до н.э.), разделением хунну на северных и южных (55 г. до н.э.), победой сяньбийцев над хуннами (93 г. н.э.), окончанием господства сяньбийцев (середина III в. н.э.), переселением тюрков Ашина на Монгольский Алтай (460 г. н.э.). Подразумевается, что между историческими событиями и изменением археологических памятников имеется причинно-следственная связь [Савинов, 1991, с. 93–96]. Д.Г. Савиновым сделаны исторические сопоставления, но только для археологических культур на территории Тувы [2002, табл. I]. Отметим, что в схемах исследователя между археологическими и историческими событиями имеется временной разрыв.

В работе В.В. Боброва, А.С. Васютина, С.А. Васютина те же даты, связанные с историей хунну, сопоставлены со временем существования конкретных археологических комплексов на территории Тувы и Алтая [2002, с. 123–130]. В предложенной авторами таблице [Там же, с. 129] удивляет однозначность трактовки появления ряда культурных комплексов на Алтае и в Туве в связи с событиями 201 г. до н.э., без учета возможных временных допусков. Жаль, что для сравнения не привлечены одновременные погребальные памятники тесинской культуры Минусинской котловины, – общая картина была бы информативно более насыщенной.

Археологический метод

Четких датирующих аналогов предметам предскифского и древнескифского времени, найденным в курганах Саяно-Алтая, пока не выявлено. Их поиски в датированных комплексах Китая, возможно, увенчаются успехом, и тогда можно будет более точно определить время распространения однотипных вещей; это направление связей кажется наиболее перспективным. Нет и опорных археологических дат, подтверждающих, что прекращение сооружения памятников раннескифского периода и появление комплексов скифского времени произошли после середины VI в. до н.э.

В Минусинской котловине в это время получили распространение курганы биджинского типа.

Исследователи пока не пришли к единому мнению об археологической дате для памятников поздне скифского и раннехуннского времени в Саяно-Алтае. Наиболее важным здесь является определение времени распространения предметов «хуннского типа», которые встречаются в позднейших комплексах скифского времени, присутствуют в смешанных памятниках, сочетающих традиционные и инновационные черты, а в полном наборе характерны для инвентаря памятников хуннской эпохи. Вещевой комплекс сюнну, по хорошо аргументированному мнению С.С. Миняева, сформировался к концу II в. до н.э. [1998, с. 70–83]. Однако это не означает, что некоторые вещи, ставшие позднее неотъемлемой частью погребений сюнну, не могли появиться ранее, в период формирования этого комплекса в конце III – II вв. до н.э. Более того, сам С.С. Миняев отмечает, что исследованные на территории Китая более ранние памятники могли быть основой для формирования материальной культуры сюнну [1998, с. 81–82].

Таким образом, археологическое датирование комплексов конца III – конца II вв. до н.э. крайне сложно, каждый из исследователей решает этот вопрос по-своему. Например, В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин появление памятников улуг-хемского типа в Туве относят к 201 г. до н.э. и связывают с северным походом Маодуня [2002, с. 129]. Д.Г. Савинов считает, что эти объекты были сооружены позднее 120 г. до н.э., после перенесения ставки сюнну в Северную Монголию и сложения материального комплекса сюнну [2002, табл. I].

В этой связи следует отметить, что при использовании исторического и археологического методов датирования могут быть получены разные результаты. Так, Д.Г. Савинов, опираясь на приведенные выше важнейшие события истории хунну, охарактеризовал последовательные культурные изменения, проявившиеся на территории Тувы в новую эпоху [Там же, с. 150–154]. При этом он отметил: «Такое понимание культурно-исторических процессов, происходивших в начальный период гунно-сарматского времени, на наш взгляд, более соответствует действительности, чем рассмотрение различного рода инноваций хуннского происхождения в одном хронологическом срезе, как это предлагается В.А. Семеновым*» [Там же, с. 154]. Критика вызвала недоумение В.А. Семенова [2003, с. 82]. И это совершенно понятно. Анализируя исследованные им комплексы озен-ала-белгского этапа (срубы, каменные ящики и склепы), В.А. Семенов выделил 13 вещей-индикаторов, большая часть которых имеет аналоги в могильниках северных хунну. Приводимая им дата (II–I вв. до н.э.) обоснована археологически [Там же, с. 76–79]. По указанным выше причинам она не может

быть более точно привязана к конкретным историческим событиям. Реконструкция Д.Г. Савинова гибка и привлекательна, но основана скорее на интуитивном понимании культурных изменений, чем на конкретных археологических датах.

Э.Б. Вадецкой разработан и применен метод археологического датирования погребальных комплексов Минусинской котловины рубежа эр по бусинам, аналогичным найденным в памятниках Северного Причерноморья [1999]. Приводимую дату уточняют выводы, основанные на результатах химического анализа бусин [Галибин, 2001].

Хронология и периодизация памятников тагарской культуры

В указанной выше коллективной монографии [Евразия..., 2005] для тагарских памятников Минусинской котловины наиболее обоснованной названа периодизация М.П. Грязнова [1979]: в ней в пределах VIII–I вв. до н.э. курганы каждого из шести последовательных этапов (баиновский, черновский, подгорновский, биджинский, сарагашенский, лепешкинский) существуют около одного века, а курганы-склепы и грунтовые могилы последнего (тесинского) этапа – два века. Сарагашенские и лепешкинские курганы М.П. Грязнов отнес к IV–III вв. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 96–97].

В 1979 г. была опубликована еще одна работа, посвященная периодизации тагарских памятников; в ней дана обобщающая характеристика погребальных комплексов каждого из трех выделяемых автором культурно-исторических периодов в тагарской культуре: раннетагарского (VIII–VI вв. до н.э., памятники первых трех этапов по М.П. Грязнову), среднетагарского (или сарагашенского, V–III вв. до н.э., памятники последующих трех этапов по М.П. Грязнову) и позднеатагарского (II–I вв. до н.э., тесинские памятники) [Кузьмин, 1979]. Данная тема нашла развитие в последующих публикациях [Кузьмин, 1984, 1987а, б]. Из контекста исследований следовало, что погребальные комплексы каждого из трех культурно-исторических периодов в принципе могут оцениваться как разнокультурные.

Позднее курганы второго (сарагашенского) периода (V–III вв. до н.э.) были изучены более подробно: выделены и охарактеризованы ранняя, средняя и поздняя (лепешкинский тип) группы памятников. Дата ранних сарагашенских курганов была удревлена до V в. до н.э. Соответственно, сооружение курганов биджинского типа, занимающих промежуточное положение между подгорновскими и сарагашенскими, следует связывать с VI в. до н.э. [Кузьмин, 1994а].

Г.Н. Курочкин в ходе анализа материалов раскопок Большого Полтаковского кургана, опираясь на наиболее ранние аналоги сарагашенским вещам в памятни-

*Речь идет о работе [Семенов, 1999].

ках, исследованных на смежных и более удаленных территориях, датировал сарагашенские могилы периодом от конца VII до рубежа V–IV вв. до н.э. [1993, с. 33]. Корректность отнесения к дальним аналогам находок из раннесакских могильников Тагискен и Уйгарак, а также савроматских памятников Южного Приуралья требует тщательной проверки; ближайшие аналоги отмечены в кургане Туэкта-2. Дата памятника дана по С.И. Руденко, который сооружение курганов Туэкта-1 и -2 связывал со второй половиной VI в. до н.э., отмечая, что кург. 2 сооружен позднее кург. 1 [1960, с. 336]. Согласно результатам радиоуглеродного датирования, курган Туэкта-1 относится примерно к середине V в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 82–83, 215].

Анализ погребальных памятников последнего (тесинского) этапа тагарской культуры позволил сделать вывод о том, что в степной части Минусинской котловины с конца III в. до н.э. до начала III в. н.э. существовала тесинская культура, сменившая тагарскую [Кузьмин, 1992, 1995; Kouzmine, 2005]. По мнению Э.Б. Вадецкой, позднесарагашенские курганы, тесинские курганы-склепы и грунтовые могильники, таштыкские грунтовые могилы и некоторые из малых таштыкских склепов сооружались одновременно в первые века нашей эры [1999].

Наиболее доказательной является археологическая дата, которая согласуется с относительной хронологией, основанной на результатах анализа данных горизонтальной и вертикальной стратиграфии памятников, раскопанных на одной небольшой территории. Подобная процедура исследования успешно применялась в первой трети XX в. С.А. Теплоуховым при выделении культур Минусинской котловины [1927, 1929], а позднее – М.П. Грязновым во время раскопок памятников у горы Тепсей [1979].

Эта методика применялась и при анализе стратиграфического соотношения сарагашенских курганов, тесинских курганов-склепов и грунтовых могил, а также таштыкских памятников, исследованных на территории Означенской оросительной системы (юг Хакасии) в 1979–1985 гг. В результате удалось определить временную последовательность сооружения здесь памятников тагарской, тесинской и таштыкской культур, а также установить относительную хронологию тесинских погребальных комплексов: сарагашенские курганы – тесинские курганы-склепы с бронзовыми миниатюрами (I этап тесинской культуры) – тесинские курганы-склепы и грунтовые могилы с железными вещами (II этап) – грунтовые могилы с железными вещами (III этап) – таштыкские памятники. Для проверки полученной относительной хронологии памятников тесинской культуры были привлечены стратиграфические материалы, полученные во время раскопок в других местах Минусинской котловины [Kouzmine, 2005].

Относительная хронология тесинских памятников стала основой для создания их периодизации. Благо-

даря этой периодизации в дальнейшем удалось провести типологический анализ погребальных конструкций, обряда и инвентаря, а также выделить значимые признаки и осуществить их корреляцию. Выделенные вещи-индикаторы позволили сделать выводы о существовании ряда позднейших сарагашенских курганов и ранних тесинских курганов-склепов I этапа, а также о принадлежности к III этапу тесинской культуры помимо грунтовых могил двух склепов. Установленное по датирующим аналогам время функционирования погребальных памятников тесинской культуры (конец III в. до н.э. – начало III в. н.э.) соответствует эпохе правления династии Хань в Китае и периодам господства в Центральной Азии сначала сюнну, а затем сяньби [Ibid].

Оценка результатов радиоуглеродного датирования

С учетом специфики радиоуглеродного анализа теоретически были возможны расхождения между археологическими и радиоуглеродными датами на временном отрезке VIII–V вв. до н.э. («галыштадтское плато»). И они обнаружились. Не вызывает вопросов удревание абсолютных дат баиновских, черновских и части подгорновских курганов в интервале с XI до начала и середины VIII в. до н.э.; этот вывод согласуется с отмеченным ранее наблюдением М.П. Грязнова о том, что аналоги аржанским вещам имеются в подгорновских комплексах [Евразия..., 2005, рис. 4, 6].

Широкая дата подгорновских курганов, начальный рубеж которой ранее VIII в. до н.э., включает VII (Казановка-3, кург. 2, мог. 2) или даже почти весь VI в. до н.э. (Казановка-2, кург. 1D, мог. 1; Казановка-3, кург. 3B, мог. 2; Летник-6), что определяет верхнюю границу времени их сооружения [Там же]. Одна могила, отнесенная к биджинскому этапу (Пригорск-1, кург. 1, мог. 2), датируется VIII–VI вв. до н.э. [Там же, с. 140, 227, рис. 4, 6]. Некоторые из сарагашенских комплексов – Медведка-II, кург. 1, мог. 1; кург. 2, мог. 1; Черемшино, кург. 1, мог. 1–3 – датированы неверно и отнесены к ранней группе ошибочно. Четко обособилась в пределах IV–III вв. до н.э. группа поздних сарагашенских курганов, исследованных в 1980-х гг. на территории Означенской оросительной системы; эти объекты можно синхронизировать с Большими Пазырыкскими курганами Алтая [Там же, рис. 4, 6]. Для более ранних сарагашенских памятников приводятся даты с VIII по V в. до н.э.; такой разброс дат обусловлен сложностями, возникающими при определении абсолютного времени на участке, называемом «галыштадтским плато». Даже принимая во внимание эти сложности, полной неожиданностью становится заключение авторов исследования «Евразия...» о сооружении ранних сара-

гашенских курганов в VIII или даже в конце IX в. до н.э. [Там же, с. 118, 223]. В этой связи необходимо сделать несколько важных для последующей дискуссии замечаний: 1) не совсем ясна сложившаяся ситуация, при которой радиоуглеродные даты для археологических комплексов Саяна-Алтая одного культурно-исторического периода, имеющих многочисленные вещевые аналоги в памятниках соседних регионов, в одном случае омолаживают эти объекты до IV–III вв. до н.э. (Алтай, пазырыкские курганы), в двух других удревняют до VI в. до н.э. (Тува, срубы могильников Суглуг-Хем-1 и -2) или даже до VIII в. до н.э. (Минусинская котловина, сарагашенские курганы), что в последнем случае выводит эти памятники за рамки данного культурно-исторического периода; 2) при «растянутой» дате для склепов с коллективными захоронениями, время функционирования которых могло быть достаточно длительным, следует, видимо, ориентироваться на верхние даты, ведь закрытые археологические комплексы датируют по самым поздним вещам. Проверить данное положение можно самим методом радиоуглеродного датирования. К настоящему времени накоплен большой антропологический материал из сарагашенских и тесинских курганов-склепов. Скелеты в этих памятниках лежали слоями. Датирование по костям скелетов из разных уровней залегания помогло бы решить вопрос о продолжительности функционирования склепов (даже по относительному соотношению дат) и усовершенствовать сам метод; 3) авторы книги отметили определенную закономерность: наиболее вероятный возраст объектов, датируемых в широких интервалах (в пределах «галыштадтского плато») находится в средних или поздних частях этих интервалов [Там же, с. 216 и далее]. Этот вывод вполне согласуется с предложением датировать склепы по поздней части временного интервала; 4) для сарагашенских погребальных комплексов характерны бронзовые бляшки в виде оленя с подогнутыми ногами; они появились в курганах Минусинской котловины не ранее V в. до н.э. (см. напр.: [Членова, 1962, 1967, 1992]). Признание новой даты сарагашенских комплексов (с VIII в. до н.э.) означало бы, что Минусинская котловина была евразийским центром распространения этого образа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такая ситуация не может быть реальной еще по одной причине: согласно стратиграфическим данным, биджинские и сарагашенские могилы перекрывают раннетагарские; фактов, подтверждающих противоположное, нет. Основным критерием проверки радиоуглеродных дат должно быть их непротиворечие стратиграфическим данным; 5) большая часть образцов для радиоуглеродного датирования тагарских курганов принадлежит погребальным комплексам, исследованным Н.А. Боковенко. Часть материалов этих раскопок опубликована; есть возможность сравнить археологические и радиоуг-

леродные даты некоторых памятников. Чтобы оценить археологическую дату для остальных курганов, материалы раскопок которых не опубликованы, приведенной в книге информации о памятниках недостаточно; при культурной идентификации объектов приходится полагаться на мнение исследователя, отражающее его сегодняшнее понимание последовательности культурных процессов, которое изменилось после раскопок Аржана-2 [Евразия..., 2005, с. 138].

Опорным памятником для удревнения начальной даты сарагашенского этапа стал кург. 1 могильника Черемшино I, центральная могила (1) которого датирована по методу wiggle matching 723 г. до н.э. [Там же, с. 76–77]. Курган описан кратко: в ограде три могилы, первой сооружена центральная, две другие, находящиеся к северу и югу от нее, – позднее. Вещевой инвентарь перечислен в едином списке для трех могил: «тагарские сосуды, оленняя бляха, бронзовая гривна, обложенная золотым листом, ножи и т.д.». По приведенному в рассматриваемой книге рисунку ясно, что оленняя бляха найдена не в первой, датированной, могиле, а во второй, сооруженной позднее [Там же, с. 117–119]. Таким образом, установить по вещам культурную принадлежность центральной могилы невозможно. На с. 73 указаны калиброванные календарные интервалы для последовательных слоев бревна из мог. 1. При $\pm 2 \sigma$ они составляют: для 1-го слоя (от центра) – 1000–790, 2-го – 810–520, 3-го – 760–390, 4-го – 520–380, внешних колец – 760–400 лет до н.э. Картина очень наглядная: даты последовательно омолаживаются от первого до четвертого слоя. Дата для внешних колец дает «сбой» и практически соответствует дате 3-го слоя. В такой ситуации логично датировать образец по 4-му слою, что соответствует периоду с конца VI по конец IV в. до н.э.

Калиброванные календарные интервалы для мог. 2 при $\pm 2 \sigma$ – 880–540 лет до н.э., для мог. 3 (два образца) – 910–520 и 770–410 лет до н.э. соответственно [Там же, с. 240]. Могилы 2 и 3 сооружены позднее мог. 1, поэтому наиболее приемлемым будет последний интервал, что соответствует VI–V вв. до н.э. Усредненная дата для кургана в целом лежит в пределах V в. до н.э.

Материалы кург. 5 могильника Кобяк опубликованы, что позволяет проверить его археологическую дату. В кургане, нарушенном строителями дороги, находились две могилы; первой была сооружена северная (мог. 1), второй – южная (мог. 2). Обе могилы отнесены к сарагашенскому этапу [Боковенко, Смирнов, 1998, с. 29–38]. К сожалению, во время раскопок не был сделан общий разрез по двум могилам, приведены отдельные разрезы. Упущена возможность установить, перекрывала ли сарагашенская могила более раннюю – подгорновскую. Бронзовый нож, украшения, глиняные сосуды, найденные на дне мог. 1 [Там же, рис. 28, 35], сходны, например, с вещами из мог. 2 кург. 1 могиль-

ника Шаман Гора, отнесенного авторами книги «Евразия...» к подгорновскому этапу [Там же, с. 15, рис. 10].

Инвентарь мог. 2 действительно типично сарагашенский, среди находок имеется «оленная бляшка» [Там же, рис. 34]. В книге Н.А. Боковенко и Ю.А. Смирнова опубликованы калиброванные даты и комментарии к ним [Там же, с. 72–73]. Согласно дате внешних колец сруба, мог. 1 была сооружена на рубеже IX–VIII вв. до н.э.; для мог. 2 названные авторы признали наиболее приемлемыми поздние интервалы, соответствующие V в. до н.э. [Там же, с. 73]. Все указанные противоречия повторены в книге «Евразия...», где, однако, сделан вывод о ранней дате кургана (конец IX в. до н.э.) и, как следствие, о раннем времени появления сарагашенских памятников [Евразия..., 2005, с. 140–144].

Для кург. 2 могильника Сарала по стратиграфическим данным определена последовательность сооружения могил: сначала появились мог. 4 и 3, затем – мог. 2 и последней – мог. 1. Согласно радиоуглеродным датам, мог. 4, 2 и 1 относятся к VIII–V вв. до н.э. Уточняет хронологическое определение кургана радиоуглеродная дата, полученная для ранней (по стратиграфическим данным) мог. 3, – от IV до III в. до н.э. [Там же, с. 173–174]. Следовательно, мог. 2 и 1 принадлежат к более позднему времени.

То, что удревнение начальной даты сарагашенских памятников является ошибочным, подтверждается анализом материалов с территории Означенской оросительной системы – курганов могильников Колок, Медведка II и Кирбинский Лог. Калиброванная дата для кург. 10 могильника Колок лежит в пределах VIII–IV вв. до н.э. Дата для кург. 3 (X–VIII вв. до н.э.) явно ошибочна; авторы книги «Евразия...» умозрительно относят объект к VIII – началу VI в. до н.э. [Там же, с. 144–145]. Между тем при публикации материалов раскопок авторы отмечали вещи, аналогичные находкам из памятников пазырыкской культуры [Пшеницына, Поляков, 1989]; это сходство, учитывая современную дату для последних, исключает возможность датирования кург. 3 в рамках VIII – начало VI в. до н.э. Устойчивые культурные связи сарагашенского населения Минусинской котловины с пазырыкскими племенами Алтая неоднократно отмечались в литературе. Удревнение возраста сарагашенских курганов разрывает эти связи и оставляет памятники в культурном «вакууме».

Могильник Медведка II состоял из трех курганов. Авторами раскопок установлена последовательность их появления: первым был сооружен кург. 3, вторым – кург. 2 и третьим – кург. 1. Археологическая дата курганов могильника лежит в пределах IV–III вв. до н.э., позднейший кург. 1 отнесен к III в. до н.э. [Боковенко, Красниенко, 1988]. Радиоуглеродная калиброванная дата для кург. 3 по бревну сруба лежит в широких пределах – с VIII по V в. до н.э., что совпадает с датой для

перекрытия мог. 1 кург. 2. Комбинированная дата по четырем образцам сруба из мог. 2 кург. 2 сужает этот диапазон до конца V – начала IV в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 177–178].

Наибольший интерес представляют пять дат для взятых послойно образцов бревна сруба из кург. 1, в насыпи которого в тесинское время была сооружена детская могила и совершено захоронение собаки. Две калиброванные даты (Ле-2007 и Ле-2007a) для 12 центральных и последующих колец (с 12-го по 24-е) укладываются приблизительно в рамки VIII–V вв. до н.э., но три последующие калиброванные даты (вероятно, для следующей серии колец: Ле-2008, Ле-2008b, Ле-2008c) дают надежную дату – приблизительно в пределах II–I вв. до н.э. [Там же, с. 178–179, 250–251]. Авторы книги «Евразия...», однако, усредняют все пять дат и относят кург. 1 к началу IV в. до н.э. [Там же, с. 178]. Более правомерной представляется дата по трем внешним кольцам, которая свидетельствует в пользу высказанного ранее положения о сооружении позднейших сарагашенских склепов в раннехуннское время.

Важна также дата, полученная для пня, который был поставлен на пол при разграблении могилы в тесинское время (конец I в. до н.э. – I в. н.э.) [Там же, с. 179–180]; она подтверждает дату памятников среднего тесинского этапа, на котором, помимо склепов, появились грунтовые могилы [Kouzmene, 2005]. Стратиграфические данные, полученные при исследовании кург. 1, согласующиеся с радиоуглеродными датами, позволяют предполагать, что позднейшие сарагашенские курганы сооружались до появления тесинских грунтовых могил.

Версия о возведении наиболее поздних сарагашенских курганов в раннехуннское время подтверждается и радиоуглеродными датами, полученными по образцам дерева из курганов могильника Кирбинский Лог. Верхняя граница калиброванных дат для кург. 5 – начало IV в. до н.э., для кург. 1, 4 – рубеж III и II вв. до н.э., для кург. 2 – II в. до н.э., для кург. 3 – начало I в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 170–172].

Как показано на примере кург. 1 могильника Медведка II, трактовать радиоуглеродные даты можно по-разному. Причем есть возможность уточнить абсолютные даты для могил этого времени не только по аналогиям с хуннскими материалами.

В ограде кургана, исследованного у д. Новомихайловки на юге Минусинской котловины, находилось три могилы. По стратиграфическим данным последней была сооружена южная мог. 3, в которой обнаружены останки не менее 35 чел. Наличие в погребении костяного и деревянного наконечников стрел с расщепленным насадом позволяет предположить, что могила была сооружена в начале хуннской эпохи. Дополнительный аргумент в пользу такого определения – сходство найденных около Новомихайловки бусин с

некоторыми типами бусин, появившимися в Северном Причерноморье не ранее II–I вв. до н.э. В 1994 г. мог. 3 была датирована мною второй половиной III в. до н.э.; тогда высказать идею о том, что позднесарагашенские памятники продолжали сооружаться и в хуннское время, без дополнительного обоснования казалось преждевременным [Кузьмин, 1994а; Kouzmine, 1994].

Предлагаемая радиоуглеродная дата для мог. 3 кургана у Новомихайловки находится в пределах – конец V – начало IV в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 173]. Согласно датам для тагарских бусин, установленным по аналогам из памятников Северного Причерноморья и их химическому составу, время появления подобных типов бусин в сарагашенских курганах – не ранее II–I вв. до н.э. [Вадецкая, 1999, с. 153; Галибин, 2001, с. 93].

Таким образом, правомерность удревнения начального этапа распространения сарагашенских памятников не подтверждается ни данными стратиграфии подгорновских, биджинских и сарагашенских могил, ни археологической хронологией по вещам, ни радиоуглеродными датами.

Удревнение сарагашенских памятников, несомненно, связано с датой раскопанного в Туве кургана Аржан-2, инвентарь которого имеет аналоги в сарагашенских комплексах [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002, 2004; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2003]. Дата сооружения мог. 5, полученная методом согласования при датировании древесных колец, укладывается при $\pm 2 \sigma$ в рамки от 671 до 609 г. до н.э., наиболее вероятным считается 659 г. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 84–88]. Для образцов дерева из этой могилы почему-то не даны калиброванные интервалы лет до новой эры; их нет ни в табл. 2.14, ни в приложении. Методом ускорительной масс-спектрометрии датированы различные органические остатки (17 образцов) из мог. 5. Календарный интервал при $\pm 2 \sigma$ составляет 690–540 лет до н.э. Иными словами, существует вероятность датирования этой могилы более поздним временем [Там же, с. 87–88].

Для подтверждения ранней радиоуглеродной даты для кургана Аржан-2 приведены широкие параллели наконечникам стрел из мог. 5 и сопроводительных могил, а также предметам конского снаряжения из захоронения лошадей и кладов, найденных среди плит ограды [Там же, с. 134–137]. Однако в мог. 5 обнаружены также вещи, аналоги которых относятся к более позднему времени, например изображения лошади и оленя с подогнутыми ногами [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004]. Прямые аналоги изображения лошади с подогнутыми ногами имеются в памятниках саглынской культуры, например Саглы-Бажи II, кург. 8, 13 [Грач, 1980, с. 178–179, рис. 40, 41]. Как отмечалось выше, бронзовые бляшки, запечатлевшие оленей с подогнутыми ногами, типичны для сарагашенских курганов. Те и другие памятники датируются не ранее V в. до н.э. Таким образом, радиоуглеродная

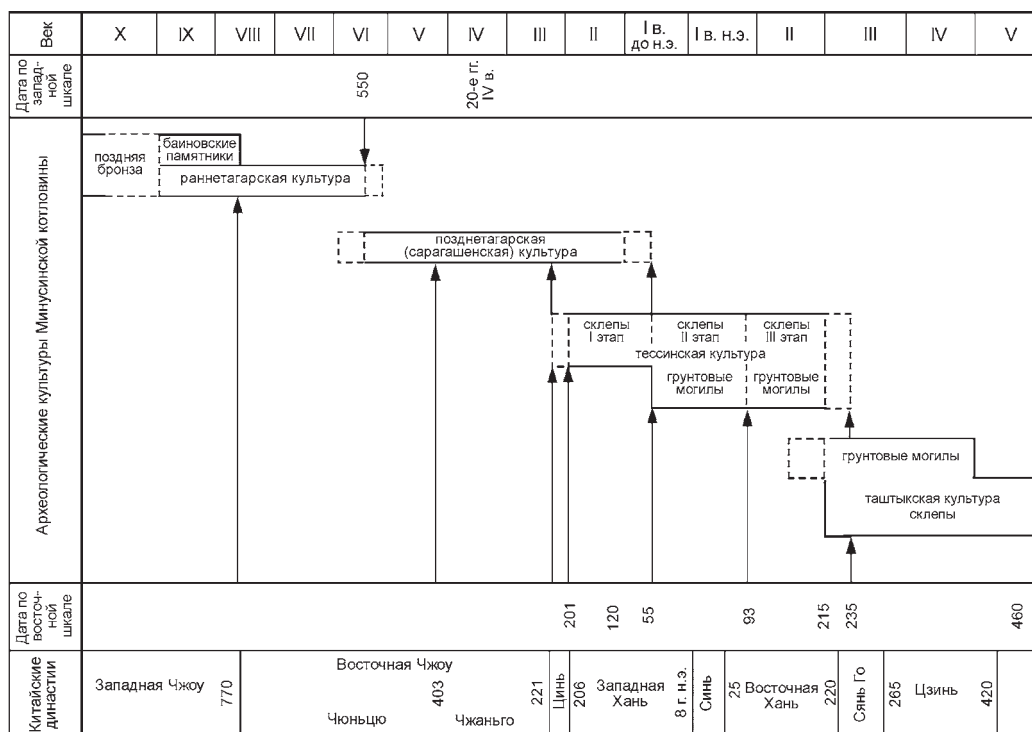
дата мог. 5 кургана Аржан-2 оказывается на 150 лет древнее, чем археологическая, определенная по поздним вещам, что связывает этот комплекс с предшествовавшей алды-бельской культурой.

Тезис о том, что в мог. 5 с парным захоронением представителей элиты общества находятся престижные вещи, которые впоследствии распространяются среди рядового населения, правомочен [Евразия..., 2005, с. 137]. Но кто когда-нибудь пытался просчитать реальную длительность этого периода? Учитывая общую культурно-историческую ситуацию того времени, можно предположить, что курган Аржан-2 появился не ранее середины VI в. до н.э.

Обратимся к вопросу о датировании царского кургана Салбык, исследованного в Минусинской котловине. Комбинированная радиоуглеродная дата для него – с середины VIII по V в. до н.э. Однако авторы книги «Евразия...», ссылаясь на конструктивное сходство данного кургана с курганами Черемшино и Тигей, склонны связывать памятник с ранней частью временного диапазона (VIII–VII вв. до н.э.) [Там же, с. 174–175]. Что касается конструктивных аналогий, то они усматриваются в позднейших сарагашенских и тесинских курганах [Кузьмин, 1994б, с. 127–138; Kouzmine, 1994; Kuzmin, 1994], а по размерам и конструкции Салбыку наиболее близки курганы с захоронениями элиты – Большой Новоселовский [Курочкин, 1993] и недавно исследованный в пункте Барсучий Лог [Parzinger, Nagler, Gotlib, 2007]. Эти параллели возвращают нас к традиционным для сарагашенских памятников датам (не ранее V в. до н.э.); три выше упомянутых кургана с захоронениями элиты можно связывать с рубежом скифского и раннехуннского времени.

Все изложенное не позволяет доверять уточненным радиоуглеродным датам, лежащим на временном участке VIII–V вв. до н.э. Видимо, сам метод требует дальнейшей доработки. В сложившейся ситуации можно предложить компромиссный выход – попытаться создать подобие стратиграфической колонки из радиоуглеродных дат для разных памятников, где *terminus ante quem* будет соответствовать верхнему значению калиброванных дат. При таком подходе выделяются курганы, сооруженные не позднее чем на рубеже X–IX вв. до н.э. (памятники эпохи поздней бронзы), в середине VIII в. до н.э. (баиновские), конце VIII в. до н.э. (черновские), середине VI в. до н.э. (подгорновские), на рубеже V–IV вв. до н.э. (биджинские), в начале IV в. до н.э. (раннесарагашенские), начале II в. до н.э. (позднесарагашенские), середине I в. до н.э. (позднейшие сарагашенские – лепешкинские) (см. *рисунк**).

*К перечню исторических дат, приведенному Д.Г. Савиновым [1991, 2002], добавлены еще две: 215 г. н.э. (конец самостоятельной истории южных сюнну) и 235 г. н.э. (окончательный распад державы сяньби) [Гумилев, 1993,

Корреляция исторических, археологических и радиоуглеродных дат, характеризующих динамику культур Минусинской котловины в скифскую и гунно-сарматскую эпохи.
Пунктиром отмечены периоды, требующие дополнительного уточнения, стрелками – возможная связь между культурно-историческими событиями и появлением памятников новых типов.

Разграбление сарагашенских склепов (возможно, тесинцами) происходило, вероятно, не ранее чем во второй половине I в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 179–180]. Если это суждение верно, то дата определяет *terminus post quem* для тесинских грунтовых (впускных) могил. Но тесинские грунтовые могилы впускались и в насыпи также разграбленных (тесинцами ?) ранних тесинских курганов-склепов с бронзовыми миниатюрами. Захоронения, возможно, впускались в ранние тесинские курганы до просада деревянных перекрытий подземных склепов и насыпей, а также до полного разложения мягких тканей погребенных, что позволяет говорить об относительно небольшом времени, прошедшем после прекращения функционирования склепов.

Таким образом, можно предположить, что к середине I в. до н.э. ранние тесинские склепы уже не использовались и это время ориентировочно определяет окончание первого этапа тесинской культуры. К середине I в. до н.э. перестали функционировать и позднейшие сарагашенские курганы, сооруженные, в отличие от ранних тесинских курганов-склепов, в пределах са-

рагашенских курганных могильников. В инвентаре позднейших сарагашенских склепов встречаются бронзовые «оленные бляшки» и предметы неизвестного назначения, которых нет в ранних тесинских склепах (в южной из минусинских котловин). Синхронность названных памятников подтверждается наличием в них вещей-индикаторов – бронзовых обоюдоострых проколов с расширяющейся средней частью, пирамидальных подвесок, а также глиняных сосудов со специфическим орнаментом в виде свисающих треугольников, заполненных ямками [Kouzmene, 2005].

На втором этапе тесинской культуры помимо грунтовых могил, впускных в насыпи более древних курганов или сооруженных на отдельных кладбищах, возводились курганы-склепы. В инвентаре тех и других памятников находятся железные изделия и предметы «хуннского облика». Новые калиброванные радиоуглеродные даты для тесинских грунтовых могил укладываются в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. [Görsdorf, Parzinger, Nagler, 2004]. Этот же промежуток перекрывается и радиоуглеродными датами, полученными для кургана Новые Мочаги и могильника у д. Калы, при наличии и других, удрежняющих курган и омолаживающих могильник.

К третьему этапу тесинской культуры на основании стратиграфических данных отнесены грунтовые

с. 199–200]. Дополнительно показаны периоды правления китайских династий, т.к. время смены некоторых из них иногда совпадает со временем появления памятников нового типа в Саяно-Алтае.

тесинские могилы, впущенные в насыпи курганов-склепов второго этапа, а по результатам типологического анализа конструкций и инвентаря – наиболее поздние могилы отдельных грунтовых могильников и два кургана-склепа. Время их сооружения – вероятнее всего, II – начало III в. н.э. Видимо, ближе к концу этого периода появились и ранние таштыкские грунтовые могильники типа Комаркова, однако временное соотношение тесинских и таштыкских памятников требует уточнения: здесь возможны территориальные расхождения в динамике культурных процессов, происходивших в степной и лесостепной частях Минусинской котловины [Kouzmene, 2005]. Однако то, что таштыкские могилы появились позднее тесинских, подтверждают данные радиоуглеродного анализа. Современная калиброванная дата для мог. 4 могильника Оглахты (раскопки Л.Р. Кызласова), совпадающая с датой по импортной шелковой ткани, лежит в пределах последней трети III в. н.э. [Зайцева и др., 2007, с. 300–307].

Согласование археологического и радиоуглеродного методов датирования погребальных памятников скифской и гунно-сарматской эпох Минусинской котловины с одновременной «привязкой» наиболее значительных культурных изменений к конкретным историческим событиям позволяет выделить четыре археологические культуры (см. рисунок). Раннетагарская и позднетагарская (сарагашенская) культуры существовали в скифскую эпоху, тесинская – в ранний период гунно-сарматской эпохи, а таштыкская – в ее поздний период. Резкой смены культур не происходило; какое-то время памятники предшествовавших культур сооружались одновременно с памятниками нового типа. Эти периоды сосуществования памятников разных культур наиболее трудны для изучения.

Заключение

Сравнение таблиц периодизации и хронологии памятников трех регионов – Алтая, Тувы, Минусинской котловины [Савинов, 1991, 2002; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2002; рис. 1] – позволяет внести некоторые коррективы в существующую периодизацию:

1) начальный период сложения культур «раннескифского типа» в Саяно-Алтае охватывал как минимум IX в. до н.э. Сформировавшиеся культуры раннего типа просуществовали до конца VI в. до н.э.;

2) в VI в. до н.э. началось распространение новых культурных элементов, что может быть связано с созданием Ахеменидской империи и продвижением кочевых племен на восток. Возможно, во второй половине этого века и был возведен курган Аржан-2, в материалах которого сочетаются ранние вещи (конская упряжь, наконечники стрел) и характерные для памятников Саяно-Алтая более позднего времени бляшки в виде лошади

или оленя с подогнутыми ногами, деревянный ковш с ручкой в виде ноги копытного животного и др.;

3) формирование новых культур (пазырыкская, уюкско-саглынская, сарагашенская) происходило на фоне бытования традиции возведения памятников «раннего типа» и завершилось к рубежу VI–V вв. до н.э. Позже погребальные памятники «раннего типа» не сооружались;

4) погребальные комплексы, характерные для новых культур, создавались в V–III вв. до н.э. и в раннехуннский период (до начала – середины I в. до н.э.), когда уже начали возводить памятники новых типов (в Минусинской котловине – ранние тесинские курганы-склепы);

5) вероятно, ок. середины I в. до н.э. в Минусинской котловине началось сооружение тесинских грунтовых могил, сопоставимых с могилами улуг-хемского типа в Туве и некоторыми погребальными памятниками на Алтае [Савинов, 2002, с. 143–149].

Список литературы

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Начало хуннской эпохи на Саяно-Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 123–130.
- Боковенко Н.А., Красниченко С.В.** Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 23–45.
- Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А.** Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. – СПб.: ИИМК РАН, 1998. – 94 с. – (Археол. изыскания; вып. 59).
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. – 438 с. – (Archaeologica Petropolitana; VII).
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. – 1976. – № 3. – С. 137–149.
- Галибин В.А.** Состав стекла как археологический источник. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2001. – 216 с. – (Archaeologica Petropolitana; XI).
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 3–6.
- Гумилев Л.Н.** Хунну. Степная трилогия. – СПб.: Таймаут – Компас, 1993. – 224 с.
- Дергачев В.А.** Точные хронологические шкалы протяженностью свыше 10 тысяч лет и «статистическая хронология» А.Х. Фоменко // Радиоуглерод и археология. – 1997. – Вып. 2. – С. 52–69.
- Евразия** в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев, ван дер И. Плихт, В.А. Дергачев, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, Г. Кук, Г. Посснерт, А.А. Семенов, Е.М. Скотт, К.В. Чугунов. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.
- Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М., Панкова С., Васильев С.С., Дергачев В.А., Юнгер Х., Сонин Е.** Новые данные о хронологии памятника Оглахты-6 // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007. – С. 300–307.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. – (МИА; № 9).

Кузьмин Н.Ю. Основные традиции и особенности изменений погребальных памятников тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. – Кемерово, 1979. – С. 44–47.

Кузьмин Н.Ю. К методике изучения погребального обряда тагарской культуры // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: Тез. докл. Второй археол. конф. – Кемерово, 1984. – С. 148–151.

Кузьмин Н.Ю. Вопросы периодизации и хронологии тагарской культуры // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. – Кемерово, 1987а. – Ч. 2. – С. 68–71.

Кузьмин Н.Ю. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье: Тез. докл. – Омск, 1987б. – С. 112–116.

Кузьмин Н.Ю. Тесинская культура в степях Среднего Енисея // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. – Омск, 1992. – Ч. 2. – С. 72–74.

Кузьмин Н.Ю. Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н.э. – СПб.: ИИМК РАН, 1994а. – 60 с. – (Археол. изыскания; вып. 15).

Кузьмин Н.Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола»). – СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 1994б. – С. 127–138. – (Археол. изыскания; вып. 18).

Кузьмин Н.Ю. Некоторые итоги и проблемы изучения тесинских погребальных памятников Хакасии // Южная Сибирь в древности. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – С. 151–162. – (Археол. изыскания; вып. 24).

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). – СПб.: ИИМК РАН, 1993. – 94 с. – (Археол. изыскания; вып. 7).

Марсдалов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье: Сб. мат-лов конф., посвященной 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб.: Теза, 2002. – Кн. 2. – С. 93–103.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Европ. дом, 1998. – 233 с. – (Археол. памятники сунну; вып. 3).

Подольский М.Л. Минусинские древности: проблема датировки // Степи Евразии в древности и средневековье: Сб. мат-лов конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2002. – Кн. 1. – С. 64–66.

Пшеницына М.Н., Поляков А.С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. – 1989. – № 196. – С. 58–66.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1991. – С. 93–96.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 204 с.

Семенов В.А. Синхронизация памятников сунну Забайкалья и поздних скифов Тувы и Северо-Западной Монголии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1999. – С. 117–121.

Семенов В.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. – 240 с. – (Archaeologica Petropolitana; XV).

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. 3, вып. 2. – С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 41–62.

Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 167–203. – (МИА; № 115).

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 299 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224. – (Археология СССР).

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное захоронение кочевников раннего скифского времени в Туве // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 115–124.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. Открытия Российско-германской археологической экспедиции в Туве. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. – 16 с.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Arzhan 2 in Tuva // Eurasia Antiqua. – 2003. – Bd. 9. – S. 113–162.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ¹⁴C Datings of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // Impact of the Environment on Human migration in Eurasia. – 2004. – Vol. 42. – P. 83–89. – (NATO Science Series; IV Earth and Environmental Sciens).

Kuzmin N.Y. Burial mounds of nobles of the early scythian period in the Minusinsk hollow, Siberia // New archaeological discoveries in asiatic Russia and Central Asia. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – P. 44–47. – (Archaeological studies; № 16).

Kouzmine N.I. Les steppes de Sibérie du Sud: coutumes funéraires à l'époque scythe // Les Scythes. – P.: Fatou S.A., 1994. – P. 44–51. – (Les Dossiers d'Archeologie; № 194).

Kouzmine N. Grabdenkmäler der Frühen Hunnenzeit in den Steppen des mittleren Jenissej (die Tes'-Kultur): Doktorarbeit zur Erlangung des akademischen Grades D-r. Phil. vorgelegt an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt Universität zu Berlin. – Berlin, 2005. – Bd. 1. – 323 S.; Bd. 2. – 108 S. und 127 Tabel.

Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. Die Fürstengräber der Tagar-Kultur // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München; Berlin; L.; N.Y.: Prestel, 2007. – S. 102–115.

Материал поступил в редколлегию 15.08.07 г.

УДК 903

Н.А. Ткачёва, А.А. Ткачёв*Тюменский государственный нефтегазовый университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Россия**E-mail: sr424@mail.ru**Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625000, Россия**E-mail: sever626@mail.ru*

РОЛЬ МИГРАЦИЙ В РАЗВИТИИ АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ

В статье предлагаются новые подходы к проблеме сложения андроновской культурно-исторической общности в контексте миграционных процессов. Археологические материалы, полученные на огромных пространствах урало-енисейских степей, позволяют рассматривать миграции как один из инструментов формирования населения. В эпоху средней бронзы прослеживаются две миграционные волны с территории Казахского Прииртышья. В результате первой произошли сближение разнотипных этнических групп и сложение андроновской общности; вторая не только способствовала расширению территории, занятой носителями андроновских традиций, но и послужила основой для развития позднебронзовых валиковых комплексов и андронидных культур.

Введение

Миграция как универсальная форма существования людских сообществ представляет собой многоаспектное социально-историческое явление. Она выполняет функции перераспределения населения между регионами, трансляции культур, что детерминирует формирование новых культурных образований, которые, в свою очередь, способствуют сближению разнотипных групп и сложению новых народов. Кроме того, миграции – важный фактор трансформации социально-экономических процессов; они оказывали заметное влияние на демографические показатели: рождаемость, смертность, брачную и половозрастную структуры населения.

Становление новых культурных стереотипов на осваиваемых территориях тесно связано с культурно-хозяйственной деятельностью мигрантов. Поскольку эта деятельность реализуется в культуре, отражающей адаптацию населения к окружающей среде, то следы ее сохраняются в виде археологизированных материальных остатков. Складывавшиеся традиции наиболее полно проявляются в керамике, что дает возможность реконструировать миграционные процессы.

Археологические материалы, полученные в последние десятилетия, позволяют обратиться к изучению роли миграций в формировании и развитии андроновской культурно-исторической общности, занимавшей обширные территории степной и лесостепной зон от Урала до Енисея.

Вопросы миграций древнего населения не утрачивают своей актуальности. Чем значительнее корпус археологических источников, тем заметнее влияние миграционной теории в объяснениях трансформации культурного развития древних коллективов, общественных форм жизни. Изучение миграционных процессов в древних обществах обычно ведется в двух направлениях: с одной стороны, предпринимается попытка выявить причины миграции той или иной группы населения, с другой – определяются ее последствия для мигрантов и обитателей территории, где происходило взаимодействие этих групп [Черносвитов, 1999, с. 5].

У специалистов нет единого взгляда на причины миграций, но в основном преобладают два объяснения: давление избыточного населения при определенном уровне развития производительных сил и влияние природных процессов, прежде всего климата, в

условиях конкретной природно-климатической зоны. Воссоздать природную среду в евразийских степях в эпоху бронзы сложно, поскольку для большинства территорий отсутствуют палинологические данные. Как правило, археологи рассматривают палеогеографические материалы своего региона, исходя из общеклиматических эпохальных тенденций, экстраполируя их на локальные изменения ландшафта и климата в той или иной зоне (см., напр.: [Косарев, 1974]).

На миграционные процессы в отдельные периоды бронзового века могли оказывать влияние как давление избыточного населения, так и изменения климата. Миграции прослеживаются и в меридиональном, и в широтном направлениях встречными и пересекающимися потоками. Расселение мигрантов в одних и тех же районах, в инокультурном окружении, создавало определенную культурную пестроту. Контакты разнотипных групп приводили к появлению симбиотических образований, что способствовало прогрессу населения, обитавшему в евразийских степях.

Влияние климата на миграционные процессы

Для воссоздания климата центральной части Евразии особое значение имеет изучение данных, отражающих особенности колебания уровня Аральского моря. Являясь внутренним водоемом, Арал чутко реагировал на изменение общей увлажненности и иссушение климата региона. Единой точки зрения на причины колебаний уровня Аральского моря в прошлом нет. А.В. Шнитников считал, что уровень зависел от степени общей влажности климата, который, в свою очередь, подчинен 1850-летним циклам изменения солнечной активности. Временные рамки трех последних циклов он определял на основе исторических данных и материалов археологических памятников, изученных на территории Приаралья [Шнитников, 1969, с. 116, 136, 157, табл. 15]. Иную картину, опираясь на результаты палинологических исследований, реконструируют И.Г. Вейнбергс и В.Я. Стелле. По их мнению, в позднем плейстоцене – раннем голоцене Арал переживал регрессивную стадию своего развития. В это время для окружающей местности были характерны тундростепной ландшафт, сухой и холодный климат. Затем Арал вступил в трансгрессивную стадию развития, совпадающую с климатическим оптимумом. Следующая регрессивная стадия, относящаяся к эпохе бронзы, связана с некоторым усилением засушливости климата [Вейнбергс, Стелле, 1980, с. 177–180]. Несмотря на различие концепций, в основе построений А.В. Шнитникова, И.Г. Вейнбергса и В.Я. Стелле лежит признание изменчивости влажности климата, что и вызывало колебания уровня Аральского моря.

Другую точку зрения о причинах рассматриваемого явления высказали сотрудники Хорезмской архео-

лого-этнографической экспедиции. По их мнению, трансгрессии Арала наступали тогда, когда Амударья сбрасывала в него свои воды; когда же река меняла русло, происходила регрессия. До II тыс. до н.э. Аральское море находилось в регрессивном состоянии, т.к. Амударья все воды отдавала Сарыкамышскому озеру, и только в конце III – начале II тыс. до н.э. произошел первый ее прорыв через Акчадарью в Арал. Время этого события установлено по наличию в северной дельте Акчадарьи позднекемтеминарских и камышлинских стоянок. На протяжении II тыс. до н.э. формировалась приаральская дельта Амударьи, и уже с начала I тыс. до н.э. река отдавала свои воды Аралу, в результате произошла его последняя трансгрессия [Низовья Амударьи..., 1960, с. 14, 23, 80–81, 83–89; Кесь, Андрианов, Итина, 1980, с. 188–189].

Исследование флоры и фауны Устьюрта, междуречья Сырдарьи и Амударьи показало сходство климатических условий на отрезке времени от 10 до 4 тыс. л.н. с современными в степной зоне. В это время в северной части Средней Азии и Устьюрта была богатая травянистая и кустарниковая растительность, что делало данные территории благоприятными для жизни людей [Виноградов А.В., 1981, с. 19–46; Мамедов, 1980, с. 98, 170–171]. Позднее, в связи с иссушением климата, началось опустынивание [Марков и др., 1982, с. 235–240].

Реконструируемая климатическая ситуация на территории Средней Азии и Казахстана в голоцене имеет определенное сходство с предложенной Н.А. Хотинским схемой колебания климата в этот период в Западной Сибири [1977, с. 163–165, 180; Хотинский, Немкова, Сурова, 1982, с. 150–151]. Климатический оптимум, по мнению исследователей, начался в бореале и закончился на рубеже атлантика и суббореала. Суббореальная и субатлантическая фазы голоцена рассматриваются как относительно единый этап в развитии природы северной части Евразийского континента. В это время на территории Западной Сибири произошло некоторое похолодание по сравнению с атлантическим периодом, деградировали еловые и широколиственные леса, активизировалось заболачивание подтаежной и таежной зон. Указанные процессы не сопровождались значительным колебанием влажности климата и смещением границы между лесом и степью, установившейся еще в атлантический период.

Топография археологических памятников разных регионов Западной Сибири и Казахстана свидетельствует о существенной изменчивости климата в суббореале. Результатом увлажнения климата явилось смещение ландшафтно-растительных зон на север. Изменились границы не только между степью и лесостепью, но и между лесостепью и лесом [Косарев, 1974, с. 24–27; 1979; Молодин, Зах, 1979, с. 52; Потемкина, 1979, с. 59; Хабдулина, Зданович, 1984, с. 150]. Период средней и поздней бронзы (II – начало I тыс. до н.э.),

по мнению большинства специалистов, приходится на суббореал. Он характеризуется ксеротермическим и более континентальным климатом с температурой на 2–4 °С выше современной, в отличие от умеренно-влажного и умеренно-теплого климата предшествующего времени и умеренно-засушливого и умеренно-теплого в первые века раннего железного века [Евдокимов, 2000, с. 58; Потемкина, 1985, с. 28].

Сопоставление климатических процессов, протекавших на территории Северного Казахстана и Западной Сибири, с одной стороны, и на просторах Средней Азии – с другой, позволяет предполагать, что в промежуточных степных зонах развитие климата было во многом сходным. Это подтверждается наблюдениями на археологических объектах: поселения всех периодов эпохи бронзы приурочены к незатопляемым в половодье речным террасам; ямы-колодцы углублены ниже современного уровня грунтовых вод; культурные слои памятников на низких участках перекрыты аллювиальными отложениями.

Рассмотренные выше факторы позволяют говорить о том, что на общем фоне некоторого уменьшения влажности климата в эпоху бронзы условия для развития растительного и, соответственно, животного мира в суббореальный период были близки к современным. Температура воздуха была несколько выше современной, а продолжительность вегетационного периода – больше. Пространства между Уралом и Алтаем представляли собой разнотравную степь с хорошо развитой в долинах рек древесной растительностью, переходящую на севере в лесостепь с отдельными островными лесами. Таким образом, благоприятные для жизнедеятельности условия способствовали формированию в эпоху бронзы в пределах зауральской степи самобытных культурных образований на основе комплексного хозяйства, в т.ч. благодаря успешной адаптации мигрантов к местной среде.

Сложение андроновских культур в свете миграционного взаимодействия

История изучения бронзового века урало-казахстанских степей связана прежде всего с проблематикой андроновского культурного единства. К середине XX в. были сформулированы основные точки зрения на генезис, хронологию и судьбы андроновской культуры, высказана идея о длительной эволюции андроновских древностей в зауральских степях. Результатом изучения этих комплексов на разных территориях стало выделение своеобразных региональных культурных образований, объединенных в «андоновскую общность» [Формозов, 1951, с. 18]. В последующий период исследуются десятки андроновских памятников на огромных пространствах от Поволжья до Енисея и от кромки

южной тайги до Средней Азии, что поставило проблему концептуального подхода к определению места, времени функционирования и хронологической атрибуции артефактов в рамках единой андроновской культурно-исторической общности [Федорова-Давыдова, 1973, с. 152]. Дальнейшее накопление материалов по всему ареалу памятников этой общности привело к появлению разнообразных концепций о происхождении и взаимодействии входящих в нее культур [Матюшенко, 1973; Косарев, 1981; Кирюшин, 1985; Потемкина, 1985; Зданович, 1988; Аванесова, 1991; Варфоломеев, 1991; Кузьмина, 1994; Ткачев А.А., 2002].

Особую роль в развитии взглядов на последовательность и генетическую преемственность андроновских древностей играет концепция С.С. Черникова, разработанная на основе материалов Казахстанского Прииртышья [1960]. Позиция исследователя базируется на том, что в основе андроновских культурных традиций лежит широкий спектр материально-культурных проявлений в степной зоне Казахстана, откуда влияние носителей этих традиций распространялось на Зауралье, Верхнее Приобье, Енисей и Среднюю Азию. Культурное единство предопределяется общностью происхождения и сходством хозяйственно-культурной деятельности. Этнические различия отдельных андроновских групп отражают разносторонние культурные контакты в процессе их расселения. По мнению С.С. Черникова, развитие андроновской культуры показывает общность отдельных культурных или этнических групп, что особенно ярко проявилось на заключительном этапе их существования. Концепция исследователя объясняет не только культурно-хронологическое своеобразие андроновских племен, населявших Восточный Казахстан, но и последовательность исторических процессов в андроновской среде на огромной территории.

Современное андроноведение включает два основных направления в решении базовых проблем: миграционное и эволюционное. По мнению большинства исследователей, происхождение алакульской культуры связано с зауральским энеолитом [Матюшин, 1982, с. 297–300; Стоколос, 1983, с. 257; Логвин, 1991, с. 52–53; 2002, с. 35–37]. Исходной территорией считаются степи в бассейнах Тобола и Ишима [Потемкина, 1983, с. 13, рис. 1; 1985, с. 273], а с открытием синташтинских комплексов и выделением раннеалакульских (петровских) памятников – Южное Зауралье и прилегающие степные районы Казахстана [Ткачев В.В., 1998, с. 46; Виноградов Н.Б., 2007, с. 35–36]. Представители миграционного направления расходятся во взглядах на место формирования андроновской (федоровской) культуры. Следует отметить три взаимоисключающие версии: зауральскую [Потемкина, 1985, с. 272–273; Косарев, 1991, с. 81]; восточно-казахстанскую [Стоколос, 1972, с. 115; Максименков, 1978, с. 87; Ткачева, 1997; Ткачев А.А., 2002, с. 190]; центрально-казахстанскую [Кузьмина,

1994, с. 114–122; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 135] территории. Представители эволюционного направления рассматривают андроновские древности как результат последовательного, генетически преемственного развития культур андроновской общности [Сальников, 1967; Зданович, 1984; Аванесова, 1991; Матвеев, 1998].

Стратиграфическая ситуация, прослеженная на многослойных памятниках эпохи бронзы в Притоболье, Северном и Центральном Казахстане, показывает, что алакульско-атасуская и федоровско-нуринская посуда содержится в одних культурных горизонтах примерно в равном количестве [Зданович, 1974, с. 65, рис. 4; Потемкина, 1976, с. 101–105; 1985, с. 47, 83; Кадырбаев, 1983, с. 134–139; Ткачев А.А., 2002, табл. 22, 31]. Над ними в большинстве случаев залегают отложения с валиковыми алексеевско-саргаринскими комплексами. На многослойных западно-сибирских памятниках (Омская стоянка, Ирмень I, Красный Яр, Куделька-2) андроновский горизонт, находящийся в основании культурных напластований, перекрыт ирменским позднебронзовым [Грязнов, 1956, с. 30–36; Членова, 1955, с. 38–47; Зах, 1997, с. 66]. Таким образом, стратиграфических данных о соотношении алакульско-атасуских и федоровско-нуринских культурных отложений не выявлено.

Стратиграфия и планиграфия памятников, статистические выкладки о соотношении разнотипной керамики в поселенческих комплексах свидетельствуют, с одной стороны, о самостоятельном бытовании андроновской (канайской) культуры в междуречье от Иртыша до Енисея, с другой – о сосуществовании алакульско-атасуского и андроновско-канайского населения на протяжении средней бронзы в Тоболо-Иртышском междуречье. Данные о генетической преемственности носителей федоровских и алакульских (по К.В. Сальникову) или алакульских и федоровских (по Г.Б. Здановичу, Н.А. Аванесовой, А.В. Матвееву) традиций на сегодняшний день не выявлены. Керамические комплексы однослойных памятников андроновского круга фиксируют родственную подоснову раннеалакульских (синташтинских, петровских, нуртайских) и раннеандроновских (канайских) древностей и в то же время позволяют предполагать их формирование на смежных территориях, близких по основным природно-географическим показателям. Отличия между ними отражают специфику развития конкретных культурных образований.

В сложении андроновских комплексов Верхнего Прииртышья базовым элементом выступают доандроновские усть-буконские древности, выделенные в особый этап развития в эпоху бронзы на данной территории [Черников, 1960; Ткачёва, 1997]. По мнению М.Ф. Косарева, усть-буконская керамика имеет ряд оригинальных черт, сближающих ее с самусьской Западной Сибири [1981, с. 105]. Ю.Ф. Кирюшин высказал предположение об однокультурности доандроновских комплексов Восточного Казахстана, предгорий Алтая и верхней Оби

[2002, с. 84]. С этой гипотезой вряд ли можно согласиться, т.к. между восточно-казахстанскими и алтайскими памятниками больше различий, чем сходства. Отмеченная исследователем определенная близость керамических комплексов разных территорий – «явление скорее эпохальное» [Там же, с. 86], чем культурное.

Близкая усть-буконской керамика обнаружена на энеолитических стоянках Чемар I, Нурбай II и III на границе Верхнего и Павлодарского Прииртышья [Мерц, 2004, рис. 2]. Традиции, нашедшие отражение в материалах памятников типа Чемар I, по нашему мнению, лежат в основе формирования раннебронзовых комплексов усть-буконского облика. Эти памятники определяют северную границу ареала доандроновских древностей Восточного Казахстана, совпадающую с таковой Казахского мелкосопочника и юго-западными предгорьями Алтая. Севернее, в степной зоне Павлодарского Прииртышья, распространены комплексы, часть из которых имеет определенное сходство с елунинско-кротовскими [Мерц, 2003, с. 133, рис. 1, 1, 18–20]. Оставившие их группы были вытеснены или, скорее всего, ассимилированы верхнеиртышским раннеканайским населением на начальной стадии миграции на север по долине Иртыша.

Керамика усть-буконского типа сопоставима с посудой культур юга Западной Сибири: одиновской, крохалевской, елунинской, вишневской, но наибольшее сходство обнаруживает с сосудами вишневого типа Северного Казахстана, на которых широко распространены наклонные отгиски, округлые и треугольные вдавления, сочетающиеся с волнистыми и горизонтальными линиями [Татаринцева, 1984, с. 104–110, рис. 2, 2, 5, 4–15]. Большинство исследователей датируют раннебронзовые культурные образования в пределах последней четверти III – первой трети II тыс. до н.э. [Крижевская, 1977, с. 96; Косарев, 1981, с. 62; Татаринцева, 1984, с. 112; Молодин, 1985, с. 34; Кирюшин, 2002, с. 82].

Судьба усть-буконских комплексов, лежащих в основе андроновской культурной традиции, связана с канайской культурой, сформировавшейся на территории Восточного Казахстана и прошедшей в своем развитии три генетически связанных этапа [Ткачёва, 1997]. На раннем, канайском, этапе (XVIII–XVII вв. до н.э.) она развивалась в пределах горно-степного района Верхнего Прииртышья. Керамика этого времени еще имеет сходство с древностями окуневской культуры Минусинской котловины и кротовско-елунинскими комплексами западно-сибирской лесостепи. На следующем, марининском, этапе (XVII–XVI вв. до н.э.) началась экспансия канайского населения в степные районы Павлодарского Прииртышья и на прилегающие территории Алтая. Марининская керамика представлена баночными и горшечно-баночными сосудами, орнаментированными с использованием резной техники и гребенчатого штампа. В орна-

ментике постепенно начал преобладать геометризм, появились слабовыраженные «косые» треугольники.

Особое место среди разнообразного инвентаря марининского времени занимают «лапчатые» подвески с «бородавчатыми» выпуклостями. Они не только маркируют марининские древности канайской культуры, но и позволяют очертить территорию расселения ее носителей в конце второй четверти II тыс. до н.э. – это Казахстанское Прииртышье и прилегающие степные районы Алтая. Аналогичные подвески обнаружены в могильниках Мичурино I, Кенжеколь I, Ново-Александровка, Фирсово XIV, Кытманово, Рублево VIII. Близкое по форме изделие найдено в Барабинской лесостепи в кротовском захоронении могильника Сопка II [Молодин, 1985, рис. 34, 21]. За пределами Обь-Иртышского региона единственная находка подобного типа происходит из могильника Мурза-шоку в Центральном Казахстане [Маргулан, 1979, с. 311, рис. 226, 58].

Сходство керамических комплексов названных выше археологических объектов, расположенных компактно в одной природно-климатической зоне, определяет территорию формирования общеандроновских стандартов, откуда в процессе миграции населения андроновско-канайские культурные традиции распространялись по степной полосе Евразии. На марининском этапе в условиях прогрессирующего ксеротерма отдельные группы мигрантов продвинулись по степному коридору на восток до Енисея [Елькин, 1967; Максименков, 1978], по долине Иртыша – в лесостепь и подтаежную зону, где они взаимодействовали с кротовским населением, перенившим некоторые элементы узора и виды украшений [Молодин, 1985, с. 37, 115, рис. 34, 1, 16, 21]. Другие канайские коллективы мигрировали в степи Центрального Казахстана, и там возникли поселения со специфическим скотоводческо-металлургическим хозяйством (Атасу, Усть-Кенетай, Икпень I, Икпень III). На этой территории в результате взаимодействия местного и пришлого населения сформировались атасуская и нуринская культуры [Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, 1983, с. 139–142, рис. 2; Ткачѳв А.А., 2002, с. 18–29, 95–113, 191]. В Приишимье вследствие миграционных процессов и межплеменного противостояния у петровского населения появились укрепленные поселения (сосредоточены на левобережье Ишима) [Зданович, 1988, с. 133]. В лесостепном Притоболье ситуация, вероятно, была более стабильной. Здесь известно пока одно укрепленное поселение – Камышное II [Потемкина, 1985, с. 99]. На территории Кустанайского Притоболья они отсутствуют, что позволяет предполагать довольно позднее проникновение уже сложившихся федоровских групп из лесостепного Зауралья, где на основе культурных традиций канайских мигрантов сформировалась зауральская федоровская культура. В Тоболо-Ишимском междуречье взаимодействие пришлого и местного населения отражают многочисленные синкретичные

алакульско-федоровские памятники [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 8, 1, 3, 17–19; 10, 1–21; Стефанов, Корочкова 2006; Усманова, 2005].

Незначительность по количеству и площади петровских городищ, с одной стороны, и наличие могил с канайской посудой на эпонимном могильнике Петровка – с другой, свидетельствуют о хронологической совместимости прииртышских мигрантов и аборигенного петровского населения. Остается открытым вопрос о синташтинских городищах: с какой целью возводились эти укрепленные поселения? По утверждению исследователей зауральских «протогородов», их создатели имели более высокий социально-культурный уровень, чем окружавшие племена, и господствовали на степных пространствах от Волги до Ишима. Тогда тем более непонятно появление укрепленных поселений типа Аркаима и Синташты в степях Южного Урала. Здесь возможны два предположения: 1) оставившее данные памятники население было чужеродным в культурном пространстве Зауралья, пришло сюда с достаточно отдаленных территорий [Григорьев, 1999]; 2) городища были сооружены местным населением, вынужденным обороняться от носителей абашевских традиций, проникавших в Зауралье с запада [Потемкина, 1984], и от андроновско-канайских мигрантов с востока [Ткачѳва, 1997]. Первая гипотеза не может быть принята, т.к. в сопредельных с Зауральем и более отдаленных регионах (Казахстан, Северное Причерноморье, Средняя Азия, Ближний и Средний Восток, Балканы) нет комплексов, которые хотя бы в какой-то мере могли претендовать на роль подосновы синташтинских древностей. Вторая гипотеза более приемлема: в материалах всех исследованных синташтинских поселений и могильников довольно значительна примесь абашевской посуды и несколько меньше андроновско-канайской керамики [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992]. Это свидетельствует, с одной стороны, о сложном процессе культурогенеза синташтинского образования, имеющего в своей основе местные и пришлые культурные традиции, с другой – о сложной военно-политической ситуации в Зауралье, приведшей к появлению оборонительных сооружений, развитие которых связано со сложением милитаризованного общества. В то же время картографирование синташтинских укрепленных центров показывает, что они занимали узкую полосу вдоль восточных склонов Урала. Возможно, городища защищали от западных (абашевских) мигрантов глубинные степные районы Зауралья и Казахстана (Притоболье, Тургайские степи), являвшиеся исконной территорией обитания носителей синташтинско-петровских традиций. Изучение древностей данного типа в этой зоне только начинается, но уже открыты крупные оригинальные погребальные комплексы синташтинско-петровского облика.

Канайские мигранты, оторвавшиеся от своей прародины, на территории лесостепного Зауралья оказались в

инокультурном окружении и попали под влияние местных (синташтинско-петровских) культурных традиций. В процессе взаимных контактов начали формироваться алакульские и федоровские древности. Посуда, обнаруженная в могильниках федоровского круга в Зауралье (Федорово, Урефты I, Смолино), отличается от керамики с восточно-андроновских памятников: при сохранении формы и принципов размещения орнамента прослеживаются алакульские черты. Это выражается в обеднении орнамента и распространении характерного алакульского признака – неорнаментированной полосы между зоной шейки и туловом. Он присутствует как на посуде с классических федоровских памятников (Федорово [Сальников, 1940, табл. I, 1, 2, 5, 6, 11], Смолино [Сальников, 1967, рис. 48, 10], Синеглазово [Андроновская культура..., 1966, табл. VI, 8, 9]), так и в смешанных алакульско-федоровских комплексах (Черняки II [Стоколос, 1968, рис. 2, 1, 3–5], Субботино [Потемкина, 1973, рис. 3, 6, 7], Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 59, 8, 10; 60, 4], Приплодный Лог I [Малюткина, 1984, рис. 5, 4]). Наличие неорнаментированной полосы и менее нарядный декор отличают древности типа Федоровского могильника от восточно-андроновских типа Андроновского могильника, сложившихся на разных территориях и в разном культурном окружении.

Первая миграция канайского населения произошла до появления в его культуре серег с раструбом, которые не встречаются на памятниках федоровского круга в Зауралье. В то же время здесь в процессе саморазвития появились четырехугольные блюда, считающиеся характерным признаком федоровской культуры Зауралья. Канайские группы, попав в инокультурную среду, стремились сохранить себя как этнос: у формировавшегося федоровского населения произошла смена погребального обряда. Если в бассейне Иртыша кремация у носителей канайской культуры может рассматриваться как исключение, то с продвижением на запад она начинает преобладать, а в Зауралье господствует. Все это позволяет говорить о возникновении особой группы населения, характеризующейся специфическими чертами. Нам кажется, что федоровскими следует называть только зауральские памятники, как это предложил в свое время К.В. Сальников [1951, с. 109; 1967, с. 288], и не распространять данный термин на весь ареал андроновской культурно-исторической общности.

Федоровская керамика Зауралья и посуда кызылтаского типа заключительного этапа канайской культуры Верхнего Прииртышья, сформировавшиеся на основе марининского комплекса, имеют значительные различия. Кызылтаская керамика является естественным продолжением марининской; федоровская сложилась под сильным воздействием петровско-алакульских традиций.

Небольшие группы канайского населения, проникшие в лесную зону Западной Сибири, сохранили

черты сплошной орнаментации посуды, характерные для памятников Казахстанского Прииртышья (поселение Дуванское XVII [Корочкова, Стефанов, 1983, с. 147–148, рис. 1, 1, 2, 4, 7], Черемуховый Куст [Зах, 1995, рис. 8, 4; 17, 10; 20, 1, 5], Черноозерье [Викторов, Борзунов, 1974, с. 20–23, рис. 2, 6, 7]). В Черноозерье канайский коллектив, попав во враждебное окружение, был вынужден укрепить поселение рвом и валом с деревянным частоколом. Это единственный случай наличия внешней защиты поселка, где встречена посуда андроновско-канайского типа.

Контактная зона между степными районами Казахстана и Алтая исследована слабо, но, судя по всему, один из основных путей на восток начинался на р. Убе (правый приток Иртыша), истоки которой близко подходят к истокам р. Алей (левый приток Оби). В верховьях Алея изучен могильник Карболиха I, погребальные сооружения, обряд и инвентарь которого близки таковым памятников Прииртышья [Могильников, 1980, с. 155]. Между могильниками канайской культуры Казахстанского Прииртышья и андроновскими степного Алтая наблюдается значительное сходство: слабо выраженные надмогильные сооружения, наличие отдельных кладбищ детей и взрослых, общие черты погребального обряда и инвентаря. Если при движении на запад андроновско-канайские племена испытывали сильное воздействие алакульцев, стоявших с ними на одном уровне социального и культурного развития, то в лесостепном Прииртышье и Верхнем Приобье пришельцы вступили в контакт с елунинско-кротовским населением, находившимся на уровне обществ раннего металла. Продвижение из Приобья на восток, в енисейские степи, было достаточно быстрым. В степном коридоре между Обью и Енисеем, в Кузнецкой и Минусинской котловинах памятников андроновского облика значительно меньше, чем в Прииртышье или степном Алтае. Андроновское население Алтая и Казахстанского Прииртышья поддерживало постоянные связи; данная территория являлась геополитической основой развития андроновских культурных традиций. Отсюда андроновцы расселялись в сопредельные регионы, здесь они достаточно долго сосуществовали с елунинскими и кротовскими коллективами, занимая с ними разные экологические ниши.

На завершающем, кызылтаском, этапе канайской культуры в пределах степной зоны Казахстана и Алтая в развитии керамических комплексов прослеживается тенденция обеднения орнамента, увеличения доли баночных форм, уменьшения количества нарядно декорированных горшков, укрупнения гребенчатого штампа, распространения узоров в виде горизонтальной «елочки» в сочетании с разнообразными вдавлениями. Специфической чертой наиболее поздних кызылтаских комплексов являются сосуды с высокой цилиндрической шейкой. В вещевом инвентаре наиболее по-

казательным позднеканайским признаком являются серьги с раструбом. Данный тип изделий считается характерным для восточно-андоновских племен и за пределами ареала андроновской культурной общности не встречается [Аванесова, 1991, с. 50–53].

Вторая миграционная волна позднеканайских племен приходится на финальную стадию кызылтаского этапа (XIV – рубеж XIV–XIII вв. до н.э.), когда на территории Казахстана в условиях крайнего ксеротерма распространились сухие и полупустынные ландшафты сдвинулись на север [Косарев, 1974, с. 152]. Памятники этой миграционной волны маркируются комплексами, в которых имеются серьги с раструбом, появившиеся в начале второй половины II тыс. до н.э. Они встречены в могильниках Малый Койтас, Кызылтас, Березовский, Барашки, Зевакино, Меновное IX (Верхнее Прииртышье), Рублево VIII (Обь-Иртышское междуречье) [Киришин и др., 2006, рис. 1, 2–4], Кытманово (Причумышье) [Уманский, Киришин, Грушин, 2007, с. 27, 30, рис. 63, 17–19; 64, 18, 19]. За пределами степной зоны Казахстанского Прииртышья и Алтая серьги с раструбом найдены в незначительном количестве в могильниках на Енисее (Пристань I, Сухое Озеро I [Максименков, 1978, табл. 52, 2, 4]), в Северном (Соколовка [Зданович, 1988, табл. 10в, 20, 21], Боровое [Оразбаев, 1958, табл. IV, 1, 7; V, 14, 20]) и Центральном (Сангуыр II [Кадырбаев, 1961, табл. II, 2, 5]) Казахстане, Приобье (Еловка II [Матющенко, 2004, рис. 45, 6, 7; 235, 3, 4]). Наиболее поздними, на наш взгляд, являются литые серьги с шарообразным утолщением в основании раструба и кованные из гвоздевидных пластин. Появление последних относится к XIV – началу XIII в. до н.э. В керамических комплексах этого времени отмечаются сосуды, бедно орнаментированные однообразной «елочкой», защипами, ногтевидными вдавлениями (Зевакино, Березовский, Барашки). В переходный от средней к поздней бронзе период все виды серег сосуществовали, причем отдельные экземпляры продолжали бытовать и в позднебронзовую эпоху [Ермолаева, 1987, с. 69, рис. 31, 2].

В переходный от средней к поздней бронзе период небольшие группы позднеканайского (кызылтаского) населения вновь проникали в Минусинскую котловину, степи Северного и Центрального Казахстана, но основной миграционный поток был направлен в Среднюю Азию, Семиречье и южные районы Казахстана. Здесь известны многочисленные андроновские памятники, где найдены серьги с раструбом [Аванесова, 1991, рис. 44, 29–31; Горбунова, 1995, рис. 3, 9; Марьяшев, Горячев, 1999, рис. 5, 1–3; Потемкина, 2001, рис. 3, 11]. Именно в это время в южно-таежной зоне Приобья появились кратковременные поселения андроновского типа, маркирующие северную границу расселения канайских племен второй миграционной волны.

Заключение

Заселение и хозяйственное освоение огромных, малонаселенных просторов степной Евразии шло под воздействием большого числа разнообразных факторов: ландшафтно-климатических, географических, социально-экономических. Рассмотрев миграции как один из инструментов формирования населения, приходим к следующим выводам:

- протоалакульские и протоканайские группы развивались на сопредельных территориях;

- носители разнотрадиционных традиций принадлежали к одной северной индоиранской ветви и имели общую подоснову [Кузьмина, 1994, с. 221–222], хотя между ними наблюдаются и существенные различия в антропологическом облике [Дрёмов, 1997, с. 81; Багашев, 2000, с. 9–10], а также в особенностях развития гончарства [Ломан, 1993, с. 29; 1995, с. 97], элементах костюма и украшений [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 66–71; Хабарова, 1997, с. 93–94];

- результатом первой миграционной волны восточно-казахстанского населения (конец XVII – начало XVI в. до н.э.) явилось сближение разнотрадиционных этнических групп и формирование андроновской культурно-исторической общности;

- второе переселение из степей Казахстанского Прииртышья и Алтая (XIV – начало XIII в. до н.э.) не только расширило ареал этой общности, но и послужило основой складывания в степях Казахстана и Средней Азии позднебронзовых валиковых комплексов, а в лесостепной и южно-таежной зонах Западной Сибири – андронидных культур.

Список литературы

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.
- Андроновская культура:** (Памятники западных районов). – М.: Наука, 1966. – Вып. 1. – 104 с. – (САИ; вып. ВЗ-2).
- Багашев А.Н.** Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000. – 51 с.
- Варфоломеев В.В.** Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991. – 21 с.
- Вейнбергс И.Г., Стелле В.Я.** Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря и их связь с изменениями климатических условий этого времени // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980. – С. 175–181.
- Викторов В.П., Борзунов В.А.** Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 15. – С. 19–23.
- Виноградов А.В.** Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 174 с. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; вып. 13).
- Виноградов Н.Б.** Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э.:

(Памятники синташтинского и петровского типов): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – 46 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. – 1995. – Вып. 32. – С. 13–30.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: УрО РАН, 1999. – 443 с.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 27–42.

Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 264 с.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы: Ин-т археологии НАН РК, 2000. – 140 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Караганд. гос. ун-т, 2002. – 138 с.

Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1990. – С. 66–80.

Елькин М.Г. Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса // Изв. Лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1967. – Вып. 1. – С. 89–95.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 64–94.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1995. – 96 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Зданович Г.Б. Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (по раскопкам 1970 г.) // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 15. – С. 61–68.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. – 1984. – Вып. 177. – С. 29–37.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – 184 с.

Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 48–60.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 134–142.

Кесь А.С., Андрианов В.В., Итина М.А. Динамика гидрографической сети и изменения уровня Аральского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980. – С. 185–197.

Киришин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 35 с.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – 294 с.

Киришин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из

погребений андроновского комплекса могильника Рублево VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2006. – С. 33–44.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1983. – С. 143–151.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 220 с.

Косарев М.Ф. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 37–42.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. – 128 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии?: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.

Логвин А.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит – энеолит). – Алма-Ата: Каз. гос. пед. ун-т, 1991. – 63 с.

Логвин А.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита – энеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 40 с.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Ломан В.Г. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. 5, кн. 1. – С. 96–100.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Малютина Т.С. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1984. – С. 58–79.

Мамедов Э.Д. Изменение климата среднеазиатских пустынь в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980. – С. 170–175.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 453 с.

Марков К.К., Бурашникова Т.А., Муратова М.В., Суетова И.А. Климатическая модель и географические зоны времени голоценового оптимума на территории СССР // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. – М.: Наука, 1982. – С. 230–240.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья. – Алматы, 1999. – Вып. 1. – С. 44–56.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

- Матюшин Г.И.** Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
- Матюшенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. 3: Андроновская культура на верхней Оби. – 118 с.
- Матюшенко В.И.** Еловский археологический комплекс. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – Ч. 2. – 468 с.
- Мерц В.К.** О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. – Кн. 1. – С. 132–141.
- Мерц В.К.** Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана. – Алматы: Ин-т археологии МОН РК, 2004. – С. 165–169.
- Могильников В.А.** Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1980. – С. 155–159.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И., Зах В.А.** Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейне рек Оби, Ини, Оми и их притоков // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 51–53.
- Низовья Аму-Дарья, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения // Материалы Хорезмийской экспедиции. – 1960. – Вып. 3. – 348 с.**
- Оразбаев А.М.** Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1958. – Т. 5. – С. 216–294.
- Потемкина Т.М.** К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7. – С. 53–64.
- Потемкина Т.М.** Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. – 1976. – Вып. 147. – С. 97–106.
- Потемкина Т.М.** Топографическая и гидрографическая приуроченность поселений эпохи бронзы в Среднем Приобье // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1979. – С. 58–60.
- Потемкина Т.М.** Алакульская культура // СА. – 1983. – № 2. – С. 13–33.
- Потемкина Т.М.** Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1984. – С. 77–108.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Приобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Потемкина Т.М.** Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – Вып. 3. – С. 62–72.
- Сальников К.В.** Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // МИА. – 1940. – № 1. – С. 58–68.
- Сальников К.В.** Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. – 1951. – № 21. – С. 94–151.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006. – 160 с.
- Стоколос В.С.** Памятник эпохи бронзы – могильник Черняки II // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – 1968. – Вып. 191. – С. 210–223.
- Стоколос В.С.** Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М.: Наука, 1972. – 168 с.
- Стоколос В.С.** Существовал ли новокумакский горизонт // СА. – 1983. – № 2. – С. 257–274.
- Татаринцева Н.С.** Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1984. – С. 104–113.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. – 532 с.
- Ткачев В.В.** К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1998. – Вып. 2. – С. 38–56.
- Ткачева Н.А.** Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 19 с.
- Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.** Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. – 132 с.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда: Караганд. гос. ун-т; Лисаковский: Лисаков. музей истории и культуры Верхнего Приобья, 2005. – 232 с.
- Федорова-Давыдова Э.А.** К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 133–152.
- Формозов А.А.** К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. – 1951. – Вып. 39. – С. 3–18.
- Хабарова С.В.** Культурно-хронологическое соотношение алакульского и федоровского западного комплексов // Тобольский исторический сборник. – Тобольск: Тобол. гос. пед. ин-т, 1997. – Вып. 2, ч. 1. – С. 92–102.
- Хабдулина М.К., Зданович Г.Б.** Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. гос. ун-т, 1984. – С. 136–158.
- Хотинский Н.А.** Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
- Хотинский Н.А., Немкова В.К., Суrowa Т.Г.** Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1982. – С. 145–153.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 272 с.
- Черносвитов П.Ю.** Освоение Крайнего Севера: Опыт имитативного моделирования по материалам археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Ин-т археологии РАН, 1999. – 19 с.
- Членова Н.Л.** О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. – 1955. – № 23. – С. 38–57.
- Шнитников А.В.** Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. – Л.: Наука, 1969. – 244 с.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.2

И.В. Ковтун

Институт экологии человека СО РАН
пр. Ленинградский, 10, Кемерово, 650065, Россия
E-mail: ivkovtun@mail.ru

ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИЗОБРАЖЕНИЯ МЕДВЕДЕЙ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ СКУЛЬПТУРНОЙ МИНИАТЮРЕ И МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ II ТЫС. ДО Н.Э.

Статья освещает особенности изобразительного воплощения и семантику образа медведя, представленного в скульптурной миниатюре и металлопластике западно-сибирских культур первой половины II тыс. до н.э. Прослеживается связь формообразующих особенностей медвежьих изображений с различными культурными традициями эпохи бронзы Западной Сибири. Выделены четыре группы находок, запечатлевших образ медведя: жезлы, подвески, головы-«емкости» и головы. Ключевые положения работы связаны с выявлением контекста подвесок в виде фигурки медведя эпохи развитой бронзы, включенных в композиции-мизансцены, и с рассмотрением гипотезы о ритуально-обрядовой сопряженности образа медведя и бронзолитейных культов. С учетом новых археологических материалов существенно расширен ареал одной из самых загадочных западно-сибирских культур – самусьской, носители которой оставили и изображения медведей, и систему сложных идеографических знаков на керамике. Высказывается предположение о наличии самусьских наскальных рисунков на восточных склонах Кузнецкого Алатау, в районе обнаружения самусьского погребения.

Введение

В 2007 г. в с. Утинка Тисульского р-на Кемеровской обл. на берегу одноименного озера сотрудники лаборатории Института экологии человека СО РАН исследовали разрушенное самусьское погребение. В числе находок, которые были получены от местных жителей, обнаруживших захоронение в 2004 г., значатся миниатюрные каменные скульптурки птицы и медведя с отверстием для подвешивания, а также пять бусин, составлявших единое наборное ожерелье [Бобров, Герман, 2007, с. 178–179, рис. 1; с. 180, рис. 2, 6–10]. Индикатором культурной принадлежности комплекса является керамика с орнаментом, аналогичным декору на т.н. культовых (термин М.Ф. Косарева) сосудах с памятника Самусь IV [Там же, с. 179–181, рис. 2, 1–5]. В.И. Матющенко относил сосуды с таким орнаментом к третьему и четвертому типам самусь-

ской керамики, известной только на Самусе IV [1973, с. 31–33], а М.Ф. Косарев выделил их во вторую группу керамики этого памятника [1981, с. 97–99]. В.И. Молодин и И.Г. Глушков объединили подобную посуду в самусьский керамический комплекс – группу В, не имеющую «корней в предшествующих западно-сибирских культурах» [1989, с. 100–101]. Особое место такой керамике отводит и Ю.Н. Есин [2004].

Наличие у утинкинской керамики самусьских признаков особенно важно для определения восточной границы самусьской культуры. В.И. Молодин и И.Г. Глушков упоминают о фрагментах окуневского сосуда, украшенного по венчику рядами оттисков ромбовидного штампа, которые были найдены Ю.Г. Белокобыльским на северо-западе Минусинской котловины. Они полагают, что такой орнаментальный сюжет «достаточно характерен для керамики самусьской культуры», и считают его отражением «возможных

контактов самусьцев и окуневцев, населявших северо-западную часть Минусинской котловины» [1989, с. 113]. Похожие предметы обнаружены и в Назаровской котловине, самой северной из среднеенисейских межгорных котловин. Как отмечают С.В. Красниенко и А.В. Субботин, «на поселениях Инголь и Ашпыл... встречались и фрагменты керамики с орнаментом, характерным для племен самусьской археологической культуры: с горизонтальной мелкой елочкой, с орнаментированным дном и придонной частью, со спиралевидным узором на дне» [2006, с. 237]. Но в обоих случаях речь идет не об оригинальных чертах, определявших «лицо» самусьской культуры, а об элементах, встречающихся и в синстадиальных комплексах. Поэтому указанные находки невозможно считать неоспоримыми свидетельствами освоения самусьцами северо-запада среднеенисейских котловин. Материалы же утинкинского захоронения не оставляют сомнений в пребывании самусьцев за северо-восточным рубежом Кузнецкой котловины.

Известна попытка выделить самусьский погребальный комплекс на территории Шарыповского р-на Красноярского края. Здесь к западу от д. Большое Озеро А.С. Вдовиным исследован могильник, который авторами монографии о петроглифах Каратага и горы Кедровой был отнесен к самусьской культуре [Семенов и др., 2000, с. 37]. Но по информации автора раскопок, ничего самусьского, особенно в керамике, в материалах данного могильника нет. Отдельные находки с этого памятника демонстрируют черты, скорее близкие кротовскому культурному субстрату (устная информация А.С. Вдовина).

Самусьские захоронения вообще большая редкость. В.И. Матющенко выделяет в составе Еловского II могильника три погребения, «которые восходят к самусьскому горизонту» [2002, с. 105]. О принадлежности к самусьской культуре доандроновских захоронений на могильнике Заречное-1 и полуразрушенной могилы на памятнике Иня-4 сообщает В.А. Зах. Но он не подкрепляет свои определения безынвентарных комплексов убедительными доказательствами. Более того, исследователь утверждает: «Аналогии подобным захоронениям находят прежде всего в могильниках кротовской культуры...» [1997, с. 31–32]. Таким образом, перечисленные захоронения нельзя безоговорочно причислить к собственно самусьским. Что касается шести погребений на грунтовом могильнике Крохалевка-7А, то в них обнаружена бесспорно самусьская керамика, относящаяся, по классификации В.И. Молодина и И.Г. Глушкова, к группе Б из Самуся IV [Титова, Сумин, 2002]. Наряду с культовой посудой группы В керамика группы Б представляется надежным индикатором самусьской культуры. Следовательно, утинкинское захоронение является еще одним погребальным памятником собственно самусь-

ской культуры. С учетом его удаленности от культурного центра, локализованного в Нижнем Притомье и Верхнем Приобье, границы ареала самусьской культуры существенно расширяются на восток: от низовий р. Томи до бассейна р. Кии, левого притока р. Чулым. Предположения о самусьско-окуневских контактах подтверждаются данными о существовании за пределами Кузнецкой котловины самусьского очага, генерировавшего такое межкультурное взаимодействие. Таким образом, захоронение в Утинке обозначает восточный рубеж зоны распространения собственно самусьских древностей; оно представляет удаленную от центра самусьскую культурную периферию в Ачинско-Мариинской лесостепи. Восточнее простирается территория, отмеченная упоминавшимися межкультурными контактами. Здесь на северо-западе среднеенисейских котловин исследователями фиксируется, вероятно, некий самусоидный компонент в составе инокультурных комплексов, но собственно самусьских памятников нет. Ареал «чистых» самусьских и «субстратных» (с самусьскими элементами) комплексов (Ашпыл, Инголь) укладывается в границы Кузнецко-Салаирской горной области и прилегающих к ее северо-западной оконечности районов Новосибирского Приобья. Это исторически объяснимо и обусловлено тем, что самусьские группы находились в инокультурном окружении: на севере располагалась зона таежных, в т.ч. печатно-гребенчатой (степановской) и гребенчато-ямочных, культур, на юге – верхнеобский, или алтайский, культурный центр эпохи бронзы, на западе – ареал кротовской культуры, на востоке – среднеенисейский поликультурный очаг.

О культурных группах, сосуществовавших с самусьцами в этой части Ачинско-Мариинской лесостепи, известно пока немного. Окуневские вещи обнаружены здесь на поселениях Большой Берчикуль I и Тамбарское Водохранилище, а керамические комплексы третьяковского типа – на поселениях Шестаково Ia, Тамбарское Водохранилище и Третьяково II [Бобров, 1992, с. 11–12]. На последнем представлены, в частности, материалы погребения неустановленной культурной принадлежности, но по ряду признаков их можно отнести к синстадиальным утинкинским [Там же, с. 12; Бобров, 2003, с. 86–93]. По времени к ним близок орнаментированный поясом из треугольников и гирляндой ромбов бронзовый кельт сейминско-турбинского, а не самусьско-кижировского типа, найденный в 1960-х гг. на горе Арчекас на правом берегу р. Кии в 3 км. от г. Мариинска [Баухник, 1970, с. 49, 53, рис. 4, 1].

Изображения медведей

Особый интерес представляет найденное в утинкинском захоронении ожерелье из каменных скульптурок

медведя, птицы и пяти каменных бусин. Украшение состоит из семи элементов: пять из них типологически идентичные, два (изображения представителей животного мира) разнятся между собой. Причем и фигурки животных, и знаковые символы имеют параллели в сибирской этнографии. Так, образ ворона обыгрывался в обряде медвежьего праздника у эвенков. Нашедший берлогу охотник, возвратившись на стойбище, изображал ворона, а его соплеменники, подыгрывая ему, выражали готовность «клевать» найденную добычу. Вытащив убитого зверя из берлоги, охотники, повторяя движения слетевшихся к добыче воронов, криками созывали «сородичей» [Туров, 2000, с. 51]. Одна из сюжетных линий угорских мифов, воплощенная в «медвежьих песнях», – о том, как «медведь грабит дом Филина, и в результате охотники из рода Филина убивают медведя» [Люцидарская, 2000, с. 81]. Вероятно, неслучайно и количество бусин в утинкинском ожерелье. У обских угров с культом медведя и медвежьим праздником связано число «пять», символизирующее пять душ у мужчины – медведя, в отличие от четырех у женщины – медведицы [Кулемзин, 2000, с. 72].

Наличие фигурки медведя в утинкинском погребении послужило поводом для классификационного обобщения подобных изображений, найденных на юге Западной Сибири и предположительно относящихся к эпохе развитой бронзы, т.е. не позднее XVII–XV вв. до н.э. Более широкая территориально-хронологическая группировка медвежьих образов предлагалась ранее [Кириллова, 2006, с. 124–126; 2007, с. 25–27]; ее типологические принципы пересекаются с некоторыми критериями нашей классификации.

Итак, скульптурные изображения медведя, в т.ч. керамические и металлопластику, можно разделить на четыре группы. По формообразующим и функциональным признакам выделяются: А) жезлы (рис. 1), Б) подвески (рис. 2, 1–6)*, В) головы-«емкости» (рис. 3, 4)**, Г) головы (рис. 5). Не включены в этот ряд: жезлоподобная статуэтка из Самусьского могильника, относящаяся к более раннему, энеолитическому, времени [Кирюшин, 2004, с. 7–12] (рис. 6), и стилизованная многофигурная пластическая композиция, включающая голову медведя, из окуневского могильника Стрелка (рис. 7).

Изделия группы А отражают слияние двух традиций. Первая представлена северо- и центрально-азиатскими степными культурами сейминско-турбинского времени. С этим культурным субстратом связано про-

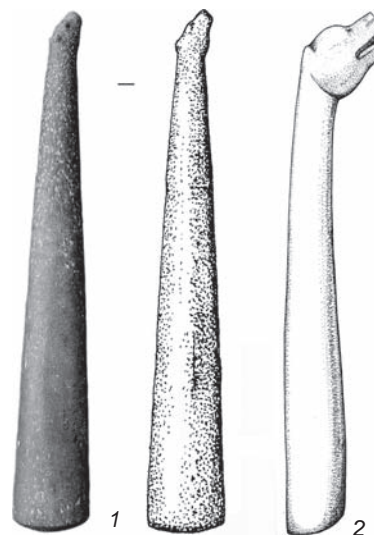

Рис. 1. Изображения медведей группы А.
1 – оз. Иткуль (по: [Ченченкова, 2004]); 2 – окрестности Братска (по: [Студзицкая, 1987]).

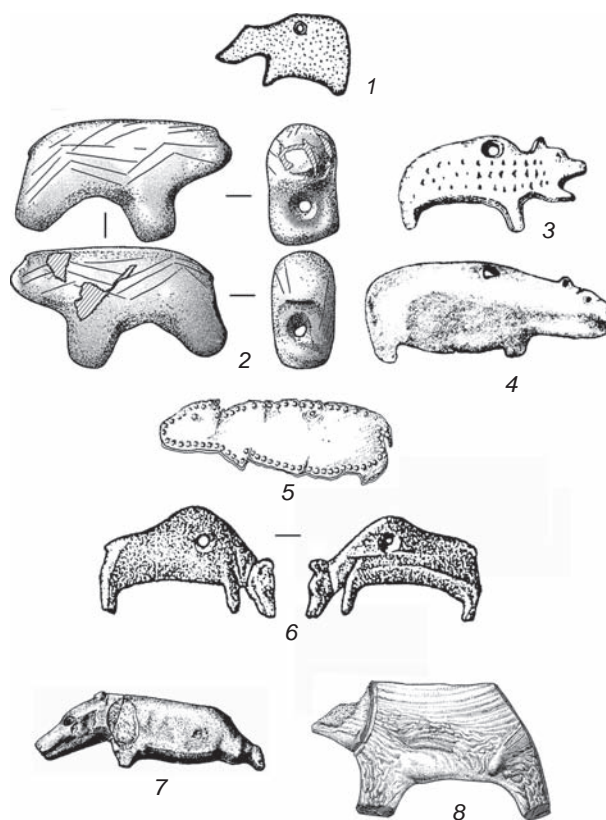

Рис. 2. Изображения медведей группы Б и медвежьи скульптурки эпох энеолита и поздней бронзы.
1 – Айдашинская пещера (по: [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980]); 2 – погребение у с. Утинка (по: [Бобров, Герман, 2007]); 3 – Карасук II (по: [Комарова, 1981]); 4 – Крохалева-13 ([Троицкая, Дураков, Савин, 2001]); 5 – Крохалева-1 (по: [Молодин, Глушков, 1989]); 6 – Сопка II (по: [Молодин, 1992], фото автора); 7 – Старое Мусульманское Кладбище (по: [Кирюшин, 2004]); 8 – Торгажак (по: [Савинов, 1996]).

*Автор благодарен академику В.И. Молодину и заведующей музейно-источниковедческим сектором ИАЭТ СО РАН И.В. Сальниковой за помощь в организации фотокопирования предметов изобразительного искусства.

**Автор признателен директору Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ Ю.И. Ожерелову за помощь в изучении коллекций.

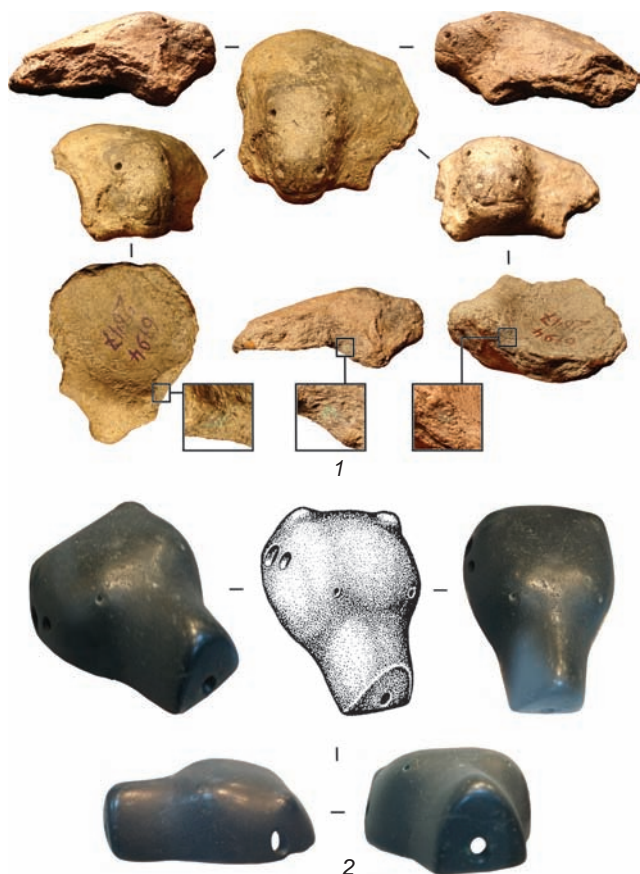

Рис. 3. Изображения медведей группы В – головы-«емкости».

1 – Самусь IV (фото автора); 2 – Усть-Куюм (по: [Молодин, 2006], фото автора).

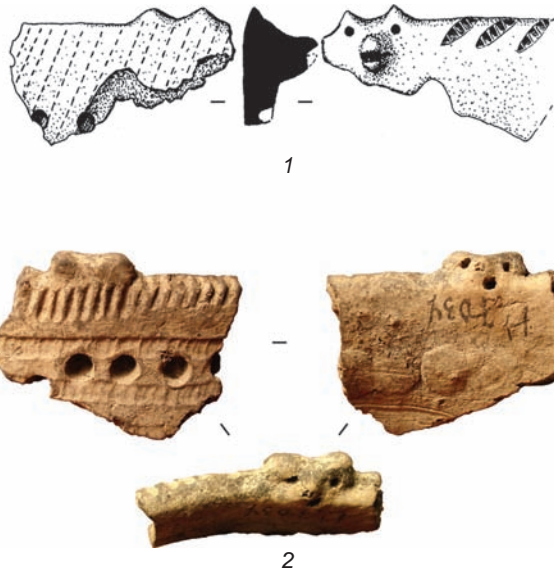

Рис. 4. Изображения медведей группы В на венчиках керамических сосудов.

1 – Игреково I (по: [Кирюшин, 2004]); 2 – Самусь IV (фото автора).

Рис. 5. Изображения медведей группы Г.

1 – Самусь IV (фото автора); 2 – Сопка II (по: [Молодин, 1992], фото автора).

Рис. 6. Скульптурка медведя.

Самусьский могильник (фото автора).

исхождение самой идеи статуарной миниатюры. Но запечатленный в ней образ медведя является одним из самых популярных в традиционных верованиях и культах сибирских аборигенов. Следовательно, оба изделия группы А – уникальный продукт синтеза изобразительных и мировоззренческих стереотипов двух различных миров. Указанная особенность выделяет эти находки среди прочих западно-сибирских изображений медведя (мелкая пластика и/или миниатюрная скульптура) эпох энеолита – бронзы (см. рис. 2–7).

Наиболее органична группа Б. Изображения кротовских, самусьских и окуневских медведей выполнены из разных материалов: камня, бронзы и рога (см. рис. 2, 2–6). Все они имеют отверстие для подвешивания. Эта особенность указывает на неотделимость таких скульптурок от каких-то вещей или аксессуаров индивида, которые, в свою очередь, могли быть неотделимы от своего хозяина. Возможно, таким образом реализовывалась неочевидная функция изображений медведя – быть амулетом или персонифицированным символом их владельца. При этом проявлялся и характер культурной традиции, допускавшей отождествление владельца подвески в виде фигурки медведя с изображением сакрального персонажа. Черты хозяина тайги, образ которого сопровождал человека повсюду, проецировались на индивида. Правда, возможна и иная трактовка: не образ зверя «растворился» в человеке, а живой человек «включался» в инобытие героя, воплощенного в скульптурке медведя. Присутствие в этой связке реального человека – вместилища жизненной силы – обусловлено необходимостью придания носимому им изображению медведя динамики и «одушевленности». Но не только это объединяет подвешиваемые изображения медведей из Карасука II, Утинки, Крохалевки-1, -13, и Сопки II. Подвешивание представляется стадияльно-общим способом обращения с подобными фигуративными миниатюрами. Но гораздо важнее то, куда и с чем подвешивались фигурки кротовских, самусьских и окуневских медведей. Утинкинская скульптурная миниатюра является элементом изобразительной системы; вероятно, такой же статус имели все прочие скульптурки группы Б. Образ медведя в наборном украшении из Утинки сочетается с образом птицы и пятью бусинами, которые также могли иметь символическое значение. Подобное предложение В.И. Молодин высказывал по поводу изображения медведя из Сопки II: «Скульптурка, которую носили на низке бус, была, очевидно, амулетом» [1992, с. 41]. Таким образом, подвешиваемые изображения медведей являлись частью более сложных композиций. Именно для этого они включались в наборные нательные украшения или прикреплялись на одежду и иные аксессуары, возможно, с апплицированными, вышитыми или фигуративными изображениями других персонажей и символов. Поэтому главное общее качество всех рас-

Рис. 7. Многофигурная композиция. Стрелка (по: [Савинов, 1981], фото автора).

сматриваемых миниатюр – «включенность» медвежьих образов в символическую композицию, истолкование которой предполагало повествовательность, фабулу сюжета и развертывание содержания действия. Это уже не просто стадияльный, а, по сути, стилистический признак, отличающий одну культурную традицию от другой. Сказанное иллюстрирует синхронная изображения группы Б композиция из окуневского могильника Стрелка. В ней запечатлены медведь, лось и стилизованные зооморфные существа (см. рис. 7). Возможно, к числу изделий группы Б относится и костяная подвеска в виде медведя из Айдашинской пещеры (см. рис. 2, 1). Она «в равной степени может датироваться и эпохой неолита, и бронзовым веком. В данном случае важно, что предмет служил частью шейного гарнитура или нашивался на одежду. Он был брошен в вертикальную пещеру, которая на протяжении столетий служила святилищем как у таежного, так и у степного населения» [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000, с. 26].

Совсем иная конструктивная концепция у жезлов с головой медведя. Эти статуарные миниатюры олицетворяют более высокий уровень абстрагирования, принципиально иное мировосприятие, а следовательно, иную мировоззренческую и культурную традицию. Подобному типу изображений созвучна жезлоподобная статуэтка медведя из Самусьского могильника. В ней сфокусированы все основные содержательные и формообразующие признаки, присущие миниатюрной статуарной скульптуре, к которой относятся и каменные жезлы. Своеобразие подобных портативных изваяний определяют единичность персонажа, статичность образа и парциальность изображения. Конструкция и функции жезлов не позволяют предполагать, что запечатленным на них головам медведей сопутствовали иные образы. Поэтому «самодостаточность» персонажа «дополнялась» только личностью владельца изделия. Парциальность также отличает

жезлы от включенных в композицию полноразмерных кротовских, самусьских и окуневских подвесок.

Голова медведя получила воплощение в фигурах еще двух групп. Группа Г выделена условно (см. рис. 5). Группа В заслуживает особого внимания. Она включает изображения медвежьих голов, сопряженных с полыми и емкостными формами различного назначения (см. рис. 3, 4). Большая часть этих находок давно знакома специалистам, но единого мнения об их функции пока нет. Голова усть-куюмского медведя (см. рис. 3, 2) интерпретировалась Е.М. Берс как «полая скульптурка-лячка для разливки металла в форме головы медведя». Исследовательница указывала: «Вещь сделана из диорита и заполирована до блеска. В центре лячки видны царапины от соскабливания металла, дно покрыто пятнами от сильного прокала, на конце морды и по бокам сквозные отверстия» [1974, с. 25]. П.М. Кожин и В.И. Молодин высказали предположение, что усть-куюмская голова-«емкость» являлась каменной поясной пряжкой [Кожин, 1987, с. 100; Молодин, 1994; 2006, с. 277]. Обе версии небезынтересны и обоснованны, при этом одна не исключает другую. В качестве лячки подобное художественное изделие могло использоваться только в ритуальных целях, т.е. сравнительно редко. Все остальное время этот предмет, связанный с культовыми таинствами бронзолитейного дела, возможно, служил пряжкой, которая символизировала прерогативы, особые статус и профессиональные навыки своего обладателя. Е.М. Берс предложила реконструкцию обрядовой ситуации с участием усть-куюмской находки. «В найденной лячке с головой медведя, — отмечала исследовательница, — мы имеем уникальную вещь, с помощью которой можно восстановить ритуал первых плавок меди. Дробленая руда или королек меди, вторично расплавленный в лячке, переливались через отверстие сбоку; и на медвежьем празднике наглядно показывалось, как с помощью духа медведя — тотема родоплеменных групп — из камня получается металл» [1974, с. 27–28]. Вероятно, это первое предположение о существовавшей в западно-сибирских культурах эпохи бронзы связи металлургических ритуалов с культом медведя. Имеются и другие предположения. Например, С.В. Студизкая

допускает использование усть-куюмского изделия в роли маски или маскетки [1987, с. 321].

Не исключено, что в обрядовых церемониях бронзолитейщиков использовалась и керамическая «ложка» с изображением головы медведя из Самуся IV (см. рис. 3, 1). На нижней боковой грани (сломе) этого изделия П.В. Герман обнаружил отчетливо различимый патинизированный участок. По мнению С.В. Кузьминых, этот зеленый окисел на сломе может являться следом от затека меди или бронзы в трещину в момент разрушения лячки при плавке. Исследователь не исключает, что на внутренней поверхности лячки ближе к краю есть следы слабой ошлакованности. Специалисты по-разному определяли назначение самусьской находки: крышка сосуда, керамическая ложка, фрагмент сосуда типа ковшика и т.д. Но как атрибут культовых действий бронзолитейщиков это изделие никогда не интерпретировалось. Кстати, в материалах Самуся IV имеется еще одна подобная «ложка», только вместо головы медведя у нее схематичная голова птицы [Матюшенко, 1973, рис. 13] (рис. 8). Именно фигурки медведя и птицы сочетаются в утинкинском ожерелье; изображения голов этих же персонажей украшают обе уникальные самусьские емкости. Думается, приведенные совпадения не случайны. Известны этнографические свидетельства участия орнитоморфного персонажа в медвежьем празднике. Ритуально-обрядовое пересечение образа медведя и представлений о металлообработке находит этнографические параллели. Так, в русском народном искусстве в одном из сюжетов, связанных медвежьей тематикой, противопоставляются образы медведя и кузнеца [Майничева, 2000, с. 91–93, рис. 4]. В мансийской «Медвежьей песне о младшей дочери кузнеца» медведь, связанный «медвежьей клятвой», убивает сначала невинного кузнеца, а затем и толкнувшую его на неоправданную жестокость дочь умерщвленного им человека [Люцидарская, 2000, с. 82]. Вероятно, и в этом сюжете профессиональный статус и родственные узы погибающих персонажей обусловлены не только воображением авторов песни.

Ю.И. Михайлов полагает, что «в представлениях сибирских народов медведь выступал покровителем кузнецов» [2001, с. 144], а «материалы самусьских поселений (Самусь IV, Крохалевка-2) демонстрируют связь культа медведя с комплексом сакральных представлений в сфере металлургии и металлообработки» [Там же, с. 145]. Последнее предположение, к сожалению, оставлено исследователем без аргументации. Но в обоснование покровительствующей роли хозяина тайги приводится интересный пример отражения в археологических материалах из Преображенки III ритуальной практики обращения с медвежьими черепами. На этом поселении в двух хозяйственных ямах обнаружено шесть медвежьих черепов, на одном из них сохрани-

Рис. 8. Орнитоморфная скульптурка-«емкость». Самусь IV (фото автора).

лись следы бронзового окисла [Молодин, 1977, с. 51]. По мнению В.И. Молодина, «ямы были жертвенными» [Там же]. Поэтому контекстуально заслуживает внимания параллель между медвежьим черепом с бронзовым окислом из кротовского жертвенника, самусьской «ложкой»-лялячкой с изображением головы медведя и следами аналогичного окисла и усть-куюмской «пряжкой-лялячкой», использовавшейся предположительно в ритуалах алтайских бронзолитейщиков. Сейчас Усть-Куюмский могильник относят к каракольской культуре [Молодин, 2006, с. 277], хронологически близкой окуневским, самусьским и кротовским древностям. Следовательно, подобно отражающим ритуалы различных культур подвескам в виде медвежьих фигурок, культ головы медведя, связанный с металлургическими обрядами, также транскультурен.

Другая категория изображений медведя группы В представлена скульптурками голов на венчиках керамических сосудов (см. рис. 4). В.И. Мошинская разделила подобные зооморфные образы на обращенные: а) мордами внутрь сосуда, б) мордами наружу [1976, с. 26–27]. Традиция создания таких керамических мини-барельефов восходит к раннебронзовому, а возможно, и к энеолитическому времени. Сходные с западно-сибирскими фрагменты сосудов, украшенных медвежьими головами, обнаружены в уральских комплексах [Сериков, 2002, с. 132, рис. 3, 1–3]. Обычай «помещать зверя или часть его на краю сосуда... мог быть связан с широко распространенным представлением о необходимости охранять содержимое сосудов» либо, учитывая различную пищевую «специализацию» сосудов, «изображения на них могли указывать, для чего тот или иной сосуд предназначался» [Мошинская, 1976, с. 29, 32]. Но на игрековской и самусьской керамике морды животных обращены не наружу, как на уральских изображениях, а внутрь сосуда (см. рис. 4). Возможно, цель такого расположения медвежьих скульптурок – «кормление» души убитого и/или почитаемого зверя. Само же обособление головы изображаемого животного объясняется ее особым статусом. Согласно этнографическим данным, многие сибирские аборигены особо относились к голове умерщвленного медведя. Вероятно, аналогичные представления способствовали появлению парциальных скульптурок группы Г (см. рис. 5), которые также соответствуют упомянутому мировоззренческому контексту.

Заключение

1. Открытие самусьского погребения в Ачинско-Мариинской лесостепи позволило «отодвинуть» рубеж ареала одноименной культуры на восток приблизительно на 200–300 км. Ранее считалось, что самые восточные надежно идентифицированные собственно

самусьские памятники локализованы в Кузнецкой котловине на левом и правом берегах р. Томи в ее среднем и нижнем течении [Бобров, 1992, с. 11]. В Нижнем Притомье сосредоточены петроглифические местонахождения, один из древнейших комплексов которых представлен рисунками самусьской изобразительной традиции. Но к утинкинскому захоронению ближе расположены не нижнетомские писаницы на западе, а петроглифы Каратага на востоке [Семенов и др., 2000, с. 37–54, табл. 21–33]. Последние обнаружены на скалах Большого озера в Шарыповском р-не Красноярского края, которые находятся приблизительно в 60–70 км от Утинки. Здесь зафиксированы изображения, стилистически и/или содержательно близкие некоторым нижнетомским петроглифам самусьского времени. Поэтому можно предположить, что в районе обнаружения утинкинского погребения имеются местонахождения наскальных изображений самусьского времени, например, в пределах восточных склонов Кузнецкого Алатау. Проверить это можно лишь в ходе полевых изысканий, которые ранее здесь не проводились.

2. Кротовские, самусьские и окуневские изображения медведя близки по времени, но они не связаны общим иконографическим каноном. Однако единой транскультурной чертой данных изображений является их приспособленность для подвешивания. Эта особенность характеризует эпохальный прием обращения с медвежьими миниатюрами. Необходимость подвешивания фигурок медведей обуславливалась их «включенностью» в более сложные композиции-мизансцены. В этом принципиальное сходство кротовских, самусьских и окуневских медвежьих подвесок и в этом же их кардинальное отличие от внешне напоминающих такие изделия моносюжетных статуэток эпохи энеолита и поздней бронзы.

3. Предположение о ритуально-обрядовой связи медвежьих образов с бронзолитейным делом нуждается в дополнительных подтверждениях. «Медвежьих лялячек» из Усть-Куюма и Самуся IV, а также череп медведя со следами бронзового окисла из Преображенки III интересны, но недостаточны для однозначного вывода об их предназначении. Поэтому проблема роли и места образа медведя в ритуалах западно-сибирских бронзолитейщиков остается открытой.

Список литературы

- Баухник И.И. Археологические находки с горы Арчекас // Изв. Лаборатории археол. исследований. – Кемерово, 1970. – Вып. 2. – С. 49–53.
- Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 18–31. – (Материалы по истории Сибири; вып. 4).

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В. Погребение эпохи ранней бронзы в Мариинской лесостепи // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово: Радуга, 2003. – С. 82–97.

Бобров В.В., Герман П.В. Погребение сейминско-турбинского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 178–183.

Есин Ю.Н. Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Кириллова Ю.В. К вопросу о назначении изображений медведя (эпоха неолита – бронзы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 124–127.

Кириллова Ю.В. Скульптурные изображения медведя эпохи неолита – бронзы (прагматический аспект) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 25–27.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 295 с.

Кожин П.М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. – М.: Наука, 1987. – С. 80–107.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 76–90.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Окуневские памятники на территории Назаровской котловины // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 235–241.

Кулемзин В.М. Культ медведя и шаманизм у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 72–77.

Люцидарская А.А. Медвежий песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 78–83.

Майничева А.Ю. Образ медведя в русском прикладном искусстве // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 90–99.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 210 с. – (Из истории Сибири; вып. 10).

Матюшенко В.И. Самусьские материалы в составе еловского археологического комплекса // Северная Евразия

в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 103–106.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.

Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 82–86.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 273–282.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23–36.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 132 с.

Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 111–117.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 112 с.

Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2000. – 66 с.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. – 2002. – Вып. 24. – С. 127–150.

Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 318–326. – (Археология СССР).

Титова М.В., Сумин В.А. Открытие могильника самусьской культуры в крохалевском археологическом микрорайоне // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 4. – С. 77–83.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалевка-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 91–93.

Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 48–59.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.; ил.

Материал поступил в редколлегию 18.03.08 г.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ИМЕНИ В ТРАДИЦИОННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются обряды и ритуалы, связанные с основными этапами жизненного пути человека в традиционном японском обществе. В обрядовых схемах при рождении, пубертатных инициациях и погребении значительное место занимали манипуляции с личным именем. Акт первого имянаречения («вечер седьмого дня») символизировал вступление нового человека в общество и давал ему определенный статус. Инициационные обряды, включавшие смену имени, прически и одежды, приходились обычно на отрочество, однако в аристократических семьях нередко совершались в более раннем возрасте. Новое имя «встраивало» подростка в родовую иерархию. Значимые события в пору зрелости сопровождалась сменой личного имени либо принятием псевдонима. Наконец, в погребальном ритуале предусматривалась последняя смена имени на посмертное, которое определяло статус покойного в потустороннем мире, причисляя его к когорте предков. Эта традиция восходит к первым легендарным японским императорам и существует благодаря буддизму по сей день.

Введение

Представления о жизни и жизненном пути традиционного японского общества определяла идея о внутренней эволюции человека. По мере продвижения индивида от рождения к старости личность структурно усложнялась, происходило наращение признаков и атрибутов, определяющих социальный возраст. В традиционном японском обществе жизненный путь довольно четко подразделялся на этапы детства, вступления в зрелость, зрелости, старости и смерти. Границы между ними преодолевались с помощью скрупулезно соблюдавшихся разнообразных ритуальных и обрядовых действий, направленных на индивида со стороны общества. Именно социальная легализация личности, набор пройденных ею социальных ступеней определяли сущность и позицию человека в обществе. Строго регламентированное поступательное течение событий придавало смысл жизни человека в культуре, ориентированной на стабильность [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 87].

Такие события в жизни, как имянаречение (рождение), пубертатные инициации и смерть, обычно

сопровождались манипуляциями с личным именем. Вкупе с другими ритуальными действиями и предметами имя выполняло главную роль обозначения присутствия человека в мире.

Рождение и первый год жизни

Согласно универсальным нормативным схемам традиционного общества, рождение человека находилось в центре сложных взаимоотношений семьи, рода и общества. Появление ребенка изменяло статус родителей и приветствовалось как семьей, так и общиной. Девять месяцев, предшествующих физическому появлению на свет, были периодом скрытого движения от мифического прамира к людскому обществу [Иорданский, 1982, с. 235].

Вера японцев в то, что душа *тамасии* вселяется в ребенка задолго до его рождения, отразилась в ритуальном повязывании *ивата-оби* – «пояса материнства» (длинный кусок материи из белого шелка-сырца), которое проводилось за два, три, четыре или семь месяцев до родов. Слово *ивата* – «скала» явля-

лось своего рода магическим заклинанием и пожеланием жизненной силы и стойкости. Другое название ритуального пояса *сируси-но оби* – «пояс с меткой» объясняется тем, что на нем начертан иероглиф «долголетие». Для совершения ритуала обычно избирался день собаки по лунному календарю, поскольку этот знак считался покровителем легких родов и здоровья матери. Эффективность магии усиливало строгое соблюдение последовательности действий: муж подавал жене пояс левой рукой, она принимала правой, а мать жены или повивальная бабка обматывала его вокруг живота будущей матери (рис. 1). При наличии на поясе нарисованного иероглифа он должен был оказаться в районе пупка [Dunn, 1977, р. 173]. Считалось, что белый шелк охраняет ребенка в утробе и обеспечивает ему здоровье и безопасность. В Новое время в Японии встречались хлопчатобумажные *ивата-оби* белого, красного и желтого цвета, которые олицетворяли чистоту, счастье и силу противостоять злу. Пояс играл роль оберега, призванного защитить будущего ребенка и мать [Маркарян, Молодякова, 1990, с. 130].

К беременным женщинам традиционное японское общество относилось с особым уважением, поскольку они обеспечивали продолжение рода. Вместе с тем их не освобождали от повседневных обязанностей. В преддверии родов, а также на несколько месяцев после рождения ребенка мать изолировалась в отдельном помещении, куда имели доступ только самые близкие люди. Из дневников придворных дам XI в. известно, что императрица, «по старинной традиции», отправлялась рожать в дом своих родителей. Когда роды приближались и возрастала опасность активности мифического мира, принимались меры по защите роженицы: «люди кричали как можно громче, чтобы отпугнуть злых духов», «в храмы... направлялись гонцы, чтобы заказать чтение молитв» [Дневники..., 2002, с. 97, 148]. Одной из причин обособления роженицы было представление о ее ритуальном осквернении, особой близости к мифическим силам, что требовало от женщины

и окружающих соблюдения многих запретов. Изоляция завершалась только по истечении определенного срока. Для XI в. имеются данные о периоде в 50 дней, после которого мать с ребенком могла вернуться в дом мужа [Там же, с. 138–140]. В Новое время установилась традиция выносить празднично одетого младенца на показ гостям на 120-й день после рождения [The Nihon, 1986, р. 504]. В обоих случаях изоляция снималась обрядом *табэ-дзомэ* – «первого кормления»: мать или бабушка перед всеми клали младенцу палочками в рот маленький комочек риса или рисовой лепешки. Смысл обряда состоял в том, что ребенок уже перешагнул опасную черту между мифическим и социальным миром и мог принимать людскую пищу.

Согласно традиционным представлениям японцев, новорожденный не только не имел пола, статуса и других признаков человека, но и вообще не являлся таковым. Он еще не принадлежал всецело своим родителям, и божества *ками* наблюдали за его развитием и управляли его поступками. Маленький ребенок, не достигший семи лет, считался в Японии посланником божества, что подтверждает пословица «*Нанацу маэ ва ками но ути*» – «До семи лет – среди богов» [Михайлова, 1983, с. 90].

Наиболее важной в жизни новорожденного считалась первая неделя жизни, особенно ее нечетные дни – первый, третий, пятый и седьмой. Вечерами в эти дни проводились специальные обряды: перерезание пуповины, очистительное омовение (купание), захоронение последа (возвращение его в мифический мир), первое одевание, первое обрезание волос. Во всех ритуальных действиях, согласно существующим описаниям ритуалов XI–XIX вв., доминировала одна тема – очищения, разрыва контакта с мифическим пространством и возвращения матери и ребенка в мир людей.

Наиболее важным в детском цикле был обряд, совершавшийся вечером седьмого дня, – *о-сития* («седьмая ночь») или *надзукэ-но иваи* (праздник по случаю наречения именем). В этот вечер ребенка впервые официально представляли родственникам и друзьям и нарекали именем либо сообщали всем заранее выбранное имя. Акт имянаречения традиционно считался одним из важнейших событий в жизни человека. Лишь после него ребенок обретал человеческую сущность, поэтому до седьмого дня мать или повитуха давала ему временное прозвище. В ряде районов страны эти обряды совершались спустя месяц или даже более после рождения ребенка [Бан Ко:кай, 2001, с. 34]. Имя для новорожденного могли выбирать родители, старшие родственники, нередко с помощью гадалок и прорицателей, либо синтоистский священник. Избранное имя писалось на узких полосках бумаги, одну из которых помещали у изголовья ребенка и впоследствии сохраняли вместе с отсохшей пуповиной (рис. 2). Остальные полоски дарили родственникам и соседям вместе с дву-

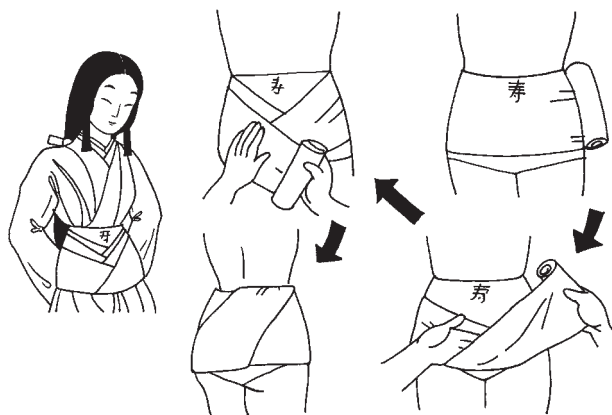

Рис. 1. Повязывание *ивата-оби* («пояс материнства»).

мя рисовыми лепешками *моти* – белой и красной. В ответ родственники, знакомые и соседи делали подарки в знак уважения и радости, которую принес в семью новорожденный. Церемония завершалась трапезой, песнями и танцами [The Nihon, 1986, p. 504–505]. Имя обозначало первый статус ребенка в сообществе людей и было наиболее действенным символом, отдалявшим его от мира духов. Поэтому со дня имянаречения младенца можно было безопасно выносить из дома. Таким образом, в первую неделю жизни ребенок последовательно получал знаки принадлежности к социальному сообществу: первую одежду, первое имя, подарки. В его честь готовилась пища, исполнялись песни и танцы, словно он был маленьким божеством.

Обряд «представления божеству», совершаемый через месяц после рождения (на 32-й или 33-й день), известен с конца XVII в. Ребенка впервые приносили в синтоистский храм и представляли покровителю рода *удзигами* или покровителю домашнего очага *убусо-но kami*. После подношений божеству храма с просьбой о покровительстве новорожденному священник от лица божества совершал ритуал очищения и благословления ребенка – размахивал над головой младенца жезлом *гохэй*, украшенным нарезанными полосками бумаги, отгоняя злых духов. После посещения храма (*мия-маури*) младенца можно было носить с собой в гости и показывать в домах друзей и знакомых, где от имени ребенка родители одаривали всех сладким лакомством *амэ* и получали в ответ фигурки собачек *инухарики* как магический символ здоровья и быстрого роста. Когда ребенку исполнялся год, перед ним раскладывали различные инструменты: серп, молоток, японские счеты, кисточку для письма и т.д. По тому, какой предмет он возьмет первым, предсказывали его будущее [Маркарьян, Молодякова, 1990, с. 131–132].

Взросление

По мере взросления человек традиционного японского общества проходил через ряд возрастных инициаций, часть которых влекла за собой смену имени. Инициационные ритуалы являлись необходимой составляющей развития личности ребенка, отрока и юноши. Легализуя переход подростка во взрослое состояние, обряды точно определяли его социальный и сексуальный статус. Инициация помогала подростку овладеть культурными и социальными правилами и гарантировала ему признание со стороны окружающих [Громов, 2000, с. 103].

Инициационные обряды младшего возраста в Японии проводились по случаю достижения трех, пяти и семи лет (для мальчиков – трех и пяти). Нечетные числа, согласно традиционным верованиям, приносят счастье. С момента наступления трехлетнего возраста

Рис. 2. «Седьмая ночь» – праздник имянаречения.

и совершения специальных обрядов начинался новый период жизни ребенка, что подчеркивалось с помощью новой одежды, прически, пищи и имени. До трех лет детей стригли коротко в целях охранения, ибо верили, что болезни «цепляются за волосы». В трехлетнем возрасте проводился важный обряд *камиоки* – начала отращивания волос. Один из уважаемых членов общины брал ножницы и делал вид, что срезает три пряди с левой стороны, три – с правой и три – надо лбом. Затем голову обвязывали белой полосой ткани (через лоб концами назад), свивая ее с цветными нитками. В некоторых областях ленту заменяли белой шапочкой с нашитыми листьями осоки и цитрусового дерева *татибана*, при этом желали, чтобы «волосы были густыми, как горная осока, и крепкими, как вечнозеленый цитрус». Белые лента и шапочка «символизировали седые волосы, до которых ребенку желали дожить». По-новому одетых и причесанных детей вводили в круг взрослых [Маркарьян, Молодякова, 1990, с. 133].

В средние века в аристократических семьях, когда мальчику исполнялось три года, ему впервые надевали широкие мужские шаровары *хакама* и давали отведать рыбы. Считалось, что с этого момента заканчивался период младенчества: «Когда мальчику исполнилось три года, ему впервые надели шапку и дали взрослое имя – Ёсимунэ (Тайра)» [Повесть..., 1982, с. 546]. Хотя инициационное изменение имени обычно практиковалось в отрочестве, памятники XIII в. свидетельствуют о том, что оно совершалось и при обрядах в более младшем возрасте. Для аристократии, в силу социально-политических причин, было важно как можно раньше

заявить ребенка как взрослого и полноправного члена рода, способного наследовать права и имущество, заключать сделки, вступать в союзы. В самурайских семьях церемония надевания *хакама* и перемена имени проводились как в три года, так и в пять лет, когда самураи представляли детей своим военачальникам, заявляя о наличии в роду нового воина.

Семилетний возраст японцы считали критическим. Согласно их верованиям, в данный период боги, если их правильно умиловить, даруют ребенку право на существование. С этой целью детей приводили в синтоистский храм. Девочкам семи лет впервые надевали кимоно, перехваченное жестким *оби*

Рис. 3. Детская прическа юноши.

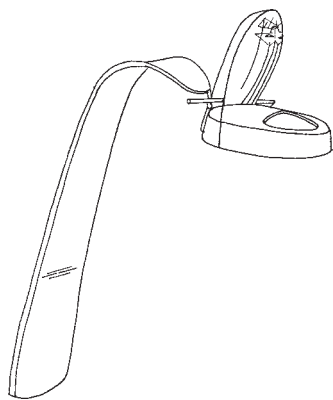

Рис. 4. Головной убор каммури.

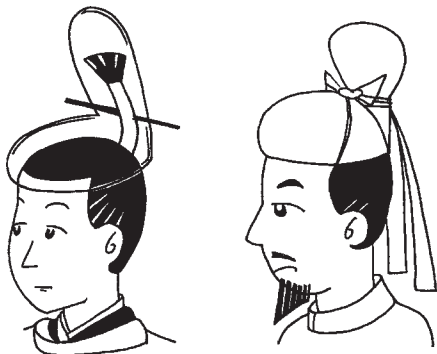

Рис. 5. Юноша и мужчина в каммури.

(пояс для кимоно) со шнурами, и *гэта* (национальная обувь), украшали и подкалывали волосы. Мальчиков одевали в *монцу* (короткое верхнее кимоно с фамильными гербами) и *хакама*. Данные письменных памятников свидетельствуют о том, что обряды, связанные с возрастом три, пять и семь лет, существовали уже в XII–XIII вв.: «Вот исполнится тебе семь лет, и после обряда совершеннолетия отдам тебя на службу во дворец»; «Когда ему исполнилось семь лет, отпраздновали его совершеннолетие и нарекли Дайта в честь деда, которого звали Дайтаю» [Там же, с. 108, 362]. Традиция синтоистского праздника *ситигосан* (15 ноября), когда японцы организованно приводят трех-, пяти- и семилетних детей в храмы, насчитывает более 300 лет [Маркарян, Молодякова, 1990, с. 132].

Обряды в семилетнем возрасте непосредственно подвели ребенка к статусу взрослого члена социума. Согласно магии чисел, следующий благоприятный возраст – 13 лет, именно на него приходились подростковые инициации.

В период Нара (710–794) брачный возраст начинался с 13 лет для девушек и с 15 – для юношей. В IX–XVI вв. основная инициация проводилась (в аристократических семьях) в 11–15 лет, когда мальчик, по мнению родителей, достигал физической и духовной зрелости. Однако строгой привязки к определенному возрасту не наблюдается. Среди 14 императоров от Монтоку (850–859) до Го-Итидзё: (1016–1036) пятеро прошли инициацию, когда им было 11 лет, пятеро – 15, остальные – 14, 16 и 18 лет [Окагами..., 2000, с. 39–50].

Обряд совершеннолетия *гэмпукэ* предусматривал изменение прически и головного убора. Инициации мальчиков часто совершались публично [Мещеряков, Грачев, 2002, с. 314]. Юноши, принадлежавшие к аристократическому обществу в эпоху Хэйан (794–1185), до совершеннолетия назывались *варава* и не покрывали головы. Во время обряда *гэмпукэ* сначала распускали детскую прическу (волосы разделены посередине пробором и закручены с двух сторон под ушами (рис. 3)), выстригали волосы спереди, а сзади завязывали узлом на макушке либо собирали в хвост и оплетали шнурком, затем надевали головной убор *каммури* (рис. 4, 5). Церемония называлась также «покрытие головы» (*уикобури*, *микобури* или *каммури рэй*) [Повесть о Гэндзи, 1992, с. 73]. После нее торжественно возглашали новое, взрослое имя: «В краю Синано, в местности Кисо, объявился отпрыск рода Минамото по имени Ёсианака. Тринадцати лет он... совершил обряд совершеннолетия и дал обет: “Предок мой в четвертом колене, благородный Ёсииз, провозгласил себя сыном этого бодхисаттвы (Хатимана) и принял имя Таро Хатиман. Я пойду по его стопам!” <...> и взял себе имя Дзиро Ёсианака из Кисо» [Повесть..., 1982, с. 285].

Девочка носила детское имя до 7 либо 13 лет, до того момента, когда ей впервые надевали *мо* (складчатый

шлейф, привязывающийся сзади к поясу лентами, – принадлежность женского парадного одеяния) и *оби*, как взрослой женщине. Обряд совершеннолетия девочек в аристократических кругах носил название *тякумо* или *моги* (надевание *мо*). Во время него на девочку надевали шлейф *мо* и подвязывали волосы, которые до этого были распущены по плечам. После обряда совершеннолетия она считалась взрослой, пригодной для замужества [Повесть о Гэндзи..., 1992, с. 74].

Инициация представляла собой превращение ребенка в полноценного члена рода, наделенного самостоятельностью и полным (или почти полным) набором прав и обязанностей. Детское имя (*дзимэй* или *дзимё:*) менялось на новое (*дзиммэй*), которое и считалось единственно настоящим.

В самурайском сословии эпох Хэйан – Муромати (IX–XVI вв.) церемония посвящения называлась *эбосигирэй*. *Эбоси* (черная шапочка из шелка – головной убор придворных (рис. 6)) надевал на юношу т.н. *эбосиоя* – «шапочный отец». После церемонии *эбосигирэй* юноши меняли свое детское имя (*варавана*) на настоящее взрослое (*эбосина*). Для его образования часто брали один или несколько знаков из имени *эбосиоя*. Это называлось *итидзикакидаси* – «пожалование одного знака» [Кида Дзюньгитиро., 1999, с. 65]. Пожалование знака практиковалось и при усыновлении. В памятнике «Окагами» («Великое зеркало», XI в.) говорится: «Сын сего господина Тадатоси был усыновлен своим дедом, министром Оно-но мия, который называл его Санэсукэ и очень ласкал». Иероглиф *санэ* здесь взят из имени этого министра – Санэёри [Окагами..., 2000, с. 70]. Подтверждает существование данного обычая и «Повесть о доме Тайра» (XIII в.): «Я – Мунэдзанэ, младший сын князя Сигэмори Комацу. Трех лет от роду отдали меня в приемные сыновья левому министру Цунэмунэ. Я получил другое имя» [Повесть..., 1982, с. 589]. Пожалование знака имени может быть расценено как попытка передачи «по наследству» части жизненной силы, которой, без сомнения, обладало имя взрослого, знатного и успешного мужчины, каких обычно приглашали исполнить роль *эбосиоя*.

Об обряде инициации в низших сословиях, например в деревнях, достоверно известно только начиная с эпохи Камакура (1185–1333). Так, в д. Курияма (преф. Тотиги) он проводился 21 января для всех юношей, которым исполнилось 20 лет – возраст совершеннолетия в современной Японии. Этот обряд в том виде, в каком он практиковался в эпоху Эдо (1600–1868), причислен японцами к разряду «важнейших национальных неизменных культурных ценностей» [Нива Мотодзи, 1975, с. 48]. Из числа самых достойных жителей деревни выбирался мужчина, который брал на себя ответственность за дальнейшее воспитание и образование юношей данного года. Вместе с родителями он давал молодым людям новые имена, вводил их

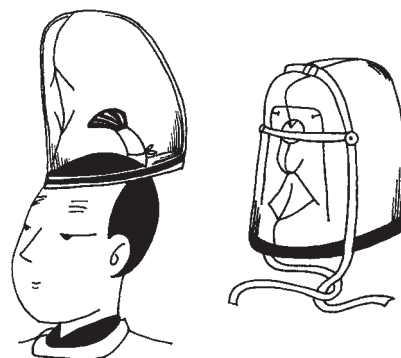

Рис. 6. Головной убор *эбоси*.

в круг взрослых обязанностей и посвящал в таинства общины. Юноши, одетые в одинаковые новые короткие хлопковые куртки с поясом, проходили торжественной процессией по главной улице. Шествие чередовалось с имитацией боевых стычек и ритуальными танцами. Деревянными мечами или палками наносились удары так, чтобы на теле остались синяки или ссадины, которые считались обязательными в процессе инициации. Формирующие поколения инициационные обряды определяли возрастную структуру общины, служили средством сплочения коллектива, распределения прав и обязанностей между поколениями [Нихон-но..., 1992, с. 138].

Зрелость

По законам традиционного общества, только прошедший все детские и подростковые инициации индивид считался полноценным членом социума и приобретал право на взрослое имя. Универсальным признаком зрелости человека являлось вступление в брак. Создание семьи значительно повышало статус как мужчины, так и женщины. Заключение брака никогда не было частным делом юноши и девушки. Это был союз представителей двух родов, устанавливающих между собой отношения сотрудничества и взаимопомощи. Особенно важным являлся брак для женщины; она достигала всей полноты существования и могла исполнить свое предназначение лишь в семейной жизни, родив и воспитав детей [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 130].

Ни свадьба, ни развод в традиционном японском обществе не предполагали смены родового либо личного имени. Принадлежность к определенному роду и связь с родовым божеством была настолько сильной и значимой, что никто не мыслил разорвать ее, сменив родовое имя. О личных именах женщин известно не так много вследствие традиции их табуирования и почти полного отсутствия в письменных памятниках, однако можно предположить, что они также не менялись. После

замужества женщина обычно переходила в дом мужа и жила со свекровью, но все равно оставалась членом своего рода и возносила молитвы своему родовому божеству. Среди мужчин смена родового имени при женитьбе встречалась в случае «усыновления» – принятия в семью более бедного зятя для продолжения семейного бизнеса [Нихон дзиммэй..., 2001, с. 16].

Повышение статуса после заключения брака и рождение ребенка никак не сказывалось на личном имени мужчины. Однако такие события, как военные победы, получение (либо, наоборот, лишение) должностей или титулов, нередко сопровождалось его изменением. Смена имени больше зависела от других факторов – получения титула мужем, сыном или воспитанником. Так, известно, что жену Тоётоми Хидэёси (1537–1598) звали Ясуко, но когда он стал сёгуном, она сменила имя на Ёсико, что подчеркивало повышение ее статуса. Кормилица третьего сёгуна Токугава Иэмицу (1604–1651) получала новые имена каждый раз, когда ее воспитанник продвигался в карьере [Там же, с. 23]. В религиозно-магических целях имя меняли при затянувшейся тяжелой болезни или после выздоровления.

Номинационная модель наследников-сыновей (особенно в знатных семьях) строилась по очень сложной формуле: «детское» имя, имя после инициации, имя типа *адзана*, данное наставником после курса наук, которым юноша представлялся при знакомстве, наконец, имя, полученное или взятое в связи с выдающимся событием в жизни (или несколько таких имен). Она могла включать также псевдонимы (до нескольких десятков), уменьшительные имена, прозвища. Выглядела полная модель, например, следующим образом (середина XIX в.): Араи Хакусэки Сиё Кими Аринака Норинами Дэндзо Кагёю (родовое имя, псевдоним, «настоящее имя», имя типа *адзана* и обиходное) [Бакумацу..., 1994, с. 13–14].

Развитая традиция псевдонимизации в Японии была связана, возможно, с табуированием личного имени. Не только люди искусства, но и воины, крестьяне, торговцы были чаще известны под псевдонимами. Для людей искусства они подбирались чаще всего из китайского языка: Нацумэ Со:сэки* (1867–1916), Токутоми Рока** (1868–1927). В средние века поступлению в университет предшествовала церемония принятия студенческого псевдонима [Гобэцумэй..., 1990, с. 11–17].

*Нацумэ – настоящая фамилия; Со:сэки – псевдоним, взятый из китайской фразеологии. Выражение *со:сэки тин-рю*: дословно означает «полоскать рот камнем и класть голову на ручей», т.е. делать нечто несуразное, идти своим путем, не учась на чужих ошибках, «изобретать велосипед».

**Токутоми – настоящая фамилия; Рока – псевдоним, «цветок тростника».

В эпоху Эдо (1600–1868) был принят обычай, по которому люди искусства и ремесленники наследовали имена своих наставников или кумиров с прибавлением форманта «такой-то по счету»: Намики Гохэй (Намики пятый), Цуруя Намбоку (Цуруя седьмой), Итикава Дандзюро (Итикава десятый) [Чхартишвили, 2000, с. 15]. Японский художник-график и поэт Кацусика Хокусай (1760–1849) сменил более 50 псевдонимов, самый известный из которых – Хокусай – впервые появился в 1796 г. [Кацусика Хокусай, 1972, с. 2–11].

Именования буддийского и синтоистского духовенства также следует отнести к профессиональным псевдонимам. После посвящения в сан монахи и священники отрекались от мирской жизни, семьи, принимая новое имя. В разных религиозных школах принципы выбора имени различались; в некоторых из них преимущественно использовались традиционные знаки: «солнце» (школа Нитирэн), знак из иероглифической записи имени Будды (Синкю), «честь» (Дзёсо) и т.д. Последователи конфуцианского учения выбирали псевдонимы по китайскому образцу, часто используя знаки «радость» и «счастье»: Огю Сорай, Буцу Сорай, Кан Тядзан и др. [Ватанабэ Мицуо, 1958, с. 187].

В целом, анализ псевдонимов известных личностей Японии позволяет выделить несколько их типов: 1) наследственные (порядковые); 2) топонимические (по месту жительства); 3) должностные (по месту службы, учебы); 4) фантазийные (по эстетическим пристрастиям, шутливые именованья); 5) характерные (по внешнему виду, поведению); 6) дезидеративы; 7) монашеские. Как видно, общие принципы конструирования псевдонимов практически полностью повторяют мотивы выбора личных имен и прозвищ, что позволяет ставить псевдонимы в один ряд с другими типами именованья. Факты смены личного имени подчеркивали важные этапы в жизни человека, и его судьбу можно было проследить по цепочке имен.

Смерть

Последняя важная веха в жизни человека – уход его в мир мертвых, в представлении человека традиционно-общества – в мир духов-предков. В Японии достойное завершение жизни воспринимается как духовное возвышение. В традиционном обществе значимость жизни человека определялась многообразием социально-родовых связей. Показателями статуса и места в иерархии этих связей служили наследственное и личное имена. Поэтому люди стремились заработать себе достойное имя, которым могли бы гордиться потомки.

Погребальный ритуал в Японии включал омовение, переодевание и присвоение посмертного имени. В известном смысле он повторял обряды, связанные с рождением. Если основная функция первого имяна-

речения состояла в том, чтобы привязать человека к миру людей, то покойник-дух должен был избавиться от людского имени, которое рассматривалось как материальная субстанция и несло на себе отпечаток судьбы. Все, что принадлежало покойному, включая имя, отныне переходило в потусторонний мир и не могло использоваться среди живых людей. Поэтому имена покойников не давались новорожденным членам рода, их избегали упоминать в разговоре. Говоря об умершем, употребляли термины родства с прибавлением слова «покойный» либо посмертное имя, если речь шла об императоре или знатных особах [Дзю:гаку Акико, 1979, с. 112].

Первые посмертные имена (*окурину*) отмечены у японских правителей начиная с первого императора Дзимму (660–585 гг. до н.э.). Вплоть до императора Дзюнна (умер в 840 г.) они были многосоставные, подобно древним именам японских богов. Позднее возобладали китайская модель посмертных имен – из двух знаков, преимущественно с абстрактным значением. Эта система была принята только в период Хэйан (794–1185), когда китаизированные имена были приписаны японским правителям древности задним числом. Например, посмертное японское имя легендарного императора Дзимму (660 г. до н.э.) – Камуямато Иварэбико Хоходэми-но Сумэрамикото, а имя «китайского типа» – Дзимму («божественный воин») – было присвоено ему, так же как и другим ранним правителям, только во второй половине VIII в. Посмертное японское имя императора Тэмму было Ама-но Нунахара Оки-но Махито, где Оки (кит. Инчжоу) – одна из священных даосских гор-островов, на которых обитали бессмертные [Мещеряков, Грачев, 2002, с. 386].

Интересна гипотеза складывания генеалогических списков японских правителей – наиболее раннего прототипа летописей. В погребальном обряде VI–VII вв. чрезвычайно важную роль стали играть «траурные речи», где перечислялись предки покойного государя, возводимые к верховному солярному божеству. В условиях, когда порядок престолонаследия не был четко отрегулирован, они служили обоснованием прав наследника на престол. Такие генеалогические предания императорского рода поначалу оглашали устно, затем стали записывать [Бакшеев, 2001, с. 14].

С укреплением позиций буддизма и проникновением материковой обрядности в VII–VIII вв. наблюдается изменение погребальных ритуалов. Согласно буддийской практике, к алтарю, поставленному в честь умершего, приносили сутры и на могильном камне гравировали посмертное буддийское имя (*каймё*), состоящее из иероглифов морально-правового значения. Имя должно было служить верующему путеводной звездой, освещающей его дальнейший путь в ином мире. В настоящее время *каймё* пишется на особой деревянной табличке (*ихай*), которая считается воплощением духа

усопшего и ставится на домашний алтарь (*буцудан*) для совершения поминальных обрядов (рис. 7, 8).

Согласно архаичным представлениям, существование после смерти не прерывалось, а лишь переходило в другое измерение, где покойному приходилось жить среди духов под своим посмертным именем. Как в мире живых, так и в мире мертвых важным являлся прежде всего статус человека, поэтому неудивительно, что в буддийской традиции сложилась практика «повышения» ранга умершего путем присвоения «хорошего» буддийского имени. Забота о покойном после смерти была делом чести семьи и отражала уважение к предкам [Тоёда Такэси, 2000, с. 50].

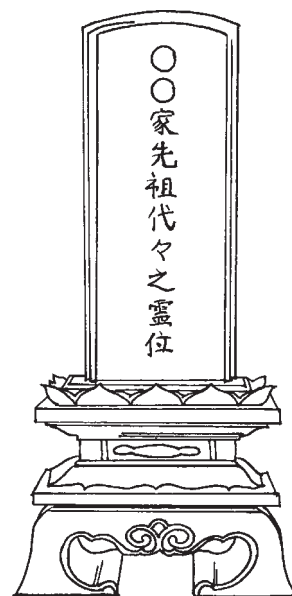

Рис. 7. Поминальная табличка *ихай*.

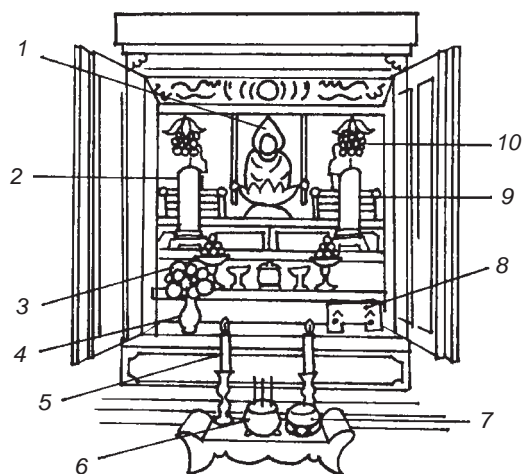

Рис. 8. Домашний алтарь *буцудан*.

1 – статуэтка Будды; 2, 9 – поминальные таблички *ихай*;
3–8, 10 – ритуальная утварь.

Заключение

Таким образом, от рождения до смерти вся жизнь человека в традиционном японском обществе была строго упорядочена и окружена многочисленными обрядами и сложными ритуалами. Имелось несколько поворотных точек, когда личность внутренне преображалась. В первые дни после появления на свет в ребенке умирало дикое, безымянное, вынесенное из мифического пространства существо. Социальное «рождение» человека было связано с наделением его именем.

Во время обряда инициации каждый посвящаемый ритуально умирал через отказ от старого имени и вновь возрождался уже в качестве социально ответственного человека, носящего «взрослое» имя. Поднимаясь выше по социальной лестнице, он создавал собственную семью, воспитывал детей.

Смерть воспринималась не как полное исчезновение, а как переход в другое состояние, приравняемое символически к рождению для новой жизни, когда человек вступал в когарту предков. «Земное» имя отбрасывалось, и покойный получал посмертное, более возвышенное, по общественным представлениям. В основании культа предков в Японии лежала убежденность в том, что человек продолжает свою жизнь в потомках и умирает окончательно лишь тогда, когда его род прерывается. Позднее в связи с постепенным ослаблением родственных и общинных связей этот культ держится преимущественно на традиции, сохраняемой как культурная норма.

Существование разветвленной системы имен было вызвано потребностью закодировать подлинное имя, назвать которое означало позволить овладеть собой. Возможность смены имен на протяжении жизни привела к появлению достаточно сложной антропимической модели, функционировавшей с раннего средневековья вплоть до «фамильной революции» 1872 г.

Отголоски представлений о независимом существовании имени и его идентичности с называемым объектом зачастую прослеживаются и в современном японском обществе.

Список литературы

Бакумацу исин дзиммэй дзитэн (Биографический словарь исторических персоналий XVI–XIX вв.) / под ред. Миядзаки Томихати, Ясуока Акио. – Токио: Синдзимбуцу Орайся, 1994. – 544 с. (на яп. яз.).

Бакшеев Е.С. Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. – М.: Крафт+, 2001. – С. 7–25.

Бан Ко:кай. Киндай но нингэн то дэнто: (Человек и традиция в Новое время). – Токио: Иванами сётэн, 2001. – 178 с. (на яп. яз.).

Ватанабэ Мицуо. Нихондзин-но намаэ: Соно рэкиси то самадзамана ката (Имена японцев: История и различные типы имен). – Токио: Хокусиндохан, 1958. – 247 с. (на яп. яз.).

Гобэцумэй дзитэн кодай-кинсэй (Словарь псевдонимов от древности до Нового времени). – Токио: Кинокунья сётэн, 1990. – 623 с. (на яп. яз.).

Громов Д.Н. Возрастные инициации: пути историко-психологической реконструкции (по фольклорным и историческим источникам) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Тез. докл. Междунар. конф. – Петрозаводск, 2000. – С. 100–103.

Дзю:гаку Акико. Нихондзин-но намаэ (Имена японцев). – Токио: Дайсинкан сётэн, 1979. – 253 с. (на яп. яз.).

Дневники придворных дам древней Японии. – Минск: Харвест, 2002. – 320 с.

Иорданский В.Б. Хаос и гармония. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. – 343 с.

Кацусика Хокусай. Графика. Искусство. – Берлин: Гос. изд-во ГДР, 1972. – 168 с.

Кида Дзюнъитиро:. Намаэ но нихонси (История Японии через имена). – Токио: Кокусёкан Ге:кай, 1999. – 371 с. (на яп. яз.).

Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. – М.: Наука, 1990. – 248 с.

Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.

Михайлова Ю.Д. Традиционная система социализации детей в Японии // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Юго-Восточной Азии. – М.: Наука, 1983. – С. 89–110.

Нива Мотодзи. Нихон-но мё:дзи (Японские фамилии). – Токио: Кокубунся, 1975. – 348 с. (на яп. яз.).

Нихон дзиммэй дайджитэн (Большой словарь японских имен). – Токио: Хэйбонся, 2001. – 2238 с. (на яп. яз.).

Нихон-но мацури (Праздники Японии) / под ред. Ивасаки Тосио: в 8 т. – Токио: Коданся. – 1992. – Т. 2. – 175 с. (на яп. яз.).

Окагами – Великое зеркало / пер. с древнеяп., исслед. и коммент. Е.М. Дьяконовой. – СПб.: Гиперион, 2000. – 288 с.

Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моноготари) / вступ. ст., сост., пер. с яп. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. – М.: Наука, 1992. – 192 с.

Повесть о доме Тайра: Эпос XIII в. – М.: Худ. лит., 1982. – 703 с.

Тоёда Такэси. Мё:дзи но рэкиси (История фамилий). – Токио: Тюокорон, 2000. – 359 с. (на яп. яз.).

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.

Чхартишвили Г. Театр на все времена // Японский театр. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 2–32.

Dunn C.J. Everyday Life in Traditional Japan. – L.: Tuttle Publishing, 1977. – 208 p.

The Nihon. Visual Human Life. – Токио: Коданся, 1986. – 1334 с. (на яп. яз.).

Р.М. Еркинова, Е.П. Маточкин

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина

ул. Чорос-Гуркина, 46, Горно-Алтайск, 649000, Россия

E-mail: musey_anohin@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ Г.И. ЧОРОС-ГУРКИНА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Статья знакомит с экспедиционными зарисовками Г.И. Чорос-Гуркина, которые в начале XX в. он делал во время своих путешествий по Горному Алтаю, Монголии, Хакасии, Туве. Графическое наследие Г.И. Чорос-Гуркина – первого профессионального художника из коренных народов Сибири, ученика И.И. Шишкина, литератора, общественного деятеля, просветителя – включает более 2 тыс. листов. Это своего рода художественная энциклопедия алтайского народа. Среди зарисовок археологических объектов – могильные курганы, каменные изваяния, петроглифы, часть из которых ныне утрачена. В этнографических рисунках художник с документальной точностью отразил жизнь и быт своих соплеменников, их верования, внешний облик.

В ходе характерных для настоящего времени поисков коренными этносами Сибири исторических корней пробудился интерес к судьбам и творчеству тех представителей культуры, которые стояли у истоков изучения национального наследия. Выдающимся деятелем, внесшим большой вклад в изучение Алтая, был замечательный художник Григорий Иванович Чорос-Гуркин (1870–1937). Алтаец из рода Чорос, выпускник иконописной мастерской Алтайской духовной миссии, ученик И.И. Шишкина, литератор, общественный деятель, просветитель, он сумел полнокровно выразить духовные чаяния своего народа, красоту и богатство древней алтайской земли (рис. 1). Стихия архаики, языческого мировосприятия, этнографическая достоверность, живущие в образной структуре живописных и графических произведений мастера, определили неповторимое своеобразие его художественного наследия.

Формированию творческого кредо Г.И. Чорос-Гуркина способствовал зародившийся в российских академических и творческих кругах еще в конце XIX в. интерес к фольклору, истории и культуре народов, населявших огромную территорию за Уральским хребтом. Сотрудничество с учеными и публицистами Сибири – Г.Н. Потаниным, А.В. Адриановым, А.В. Анохиным – во многом

определяло исследовательские устремления Г.И. Чорос-Гуркина. В одном из своих писем он признавал: «На Алтае как художник я изучал жизнь и быт своих туземцев. Я первый, по совету уважаемого мною, да и всем Алтаем Гр. Ник. Потанина – профессора Томского университета, начал в Сибири устраивать художественные выставки своих рисунков и картин, знакомя через них русское общество с жизнью и природой Алтая. Я верил, что только через образование и искусство народы тесно познают друг друга» (цит. по: [Эдоков, 1994, с. 127]).

На протяжении многих лет в сферу интересов Г.И. Чорос-Гуркина входило изучение археологии и этнографии Алтая. Это нашло отражение в его огромном графическом наследии, включающем более 2 тыс. листов. Значительная часть рисунков была сделана во время экспедиций по Алтаю в 1902–1903, 1908, 1911–1912, 1926, 1930 гг., а также в период пребывания в Монголии, Хакасии и Туве. Художник вел полевые исследования, а также занимался изучением археологических материалов в сибирских музеях – Омском (1918), Минусинском (1922), делал там зарисовки скифских котлов, бронзовых топоров, глиняных сосудов, наконечников стрел, древнетюркских изваяний [Кочеев, 1993, с. 227]. Сохранились гуркин-

Рис. 1. Г.И. Чорос-Гуркин, 1910-е гг.

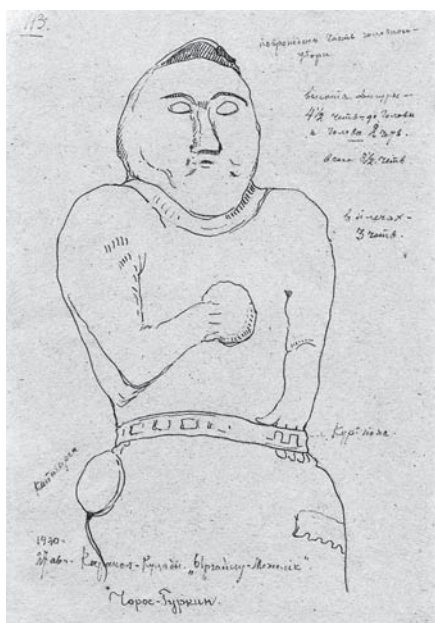

Рис. 2. Изваяние в окрестностях Кулады, 1930 г.

ские прорисовки рельефов знаменитой кульобской вазы, находящейся в Эрмитаже. Известно, что в 1918 г. Г.И. Чорос-Гуркин содействовал приобретению археологической и палеонтологической коллекций, архива и библиотеки известных исследователей Сибири Гуляевых, с которой, собственно, и началась история Национального музея Республики Алтай.

Г.И. Чорос-Гуркин не был профессиональным археологом, но никогда не упускал возможности запечатлеть встречавшиеся могильные курганы, петроглифы, камен-

ные изваяния. На одном из рисунков, хранящихся в Национальном музее Республики Алтай, представлена карта расположения двух курганов по Куюму (НМРА, фонд Г.И. Чорос-Гуркина, инв. № 1278), на другом – план кургана и девяти отходящих от него балбалов в долине Аргута, выше Кеме-Кечу (Там же, инв. № 1272). В этих местах художник, совершая длительный маршрут вокруг Белухи, был в 1908 г. Он зарисовал уникальное каменное изваяние, ранее стоявшее на правом берегу Катунки выше с. Иня, перед спуском на бом Бичикту-Кая (Там же, инв. № 1062). Возможно, оно относится еще к эпохе энеолита [Кубарев В.Д., 1988, с. 88]. Верхняя его часть с зооантропоморфной личиной, которая была отбита в середине 1960-х гг., сейчас находится в Национальном музее Республики Алтай (Там же, инв. № 1006).

Позднее, будучи в Монголии, Г.И. Чорос-Гуркин составил план находящегося на перевале Харга-Нур большого керексура с четырьмя ориентированными по сторонам света лучами и кольцом вокруг памятника. Рядом изображены квадратная и кольцевая каменные выкладки типа плиточных могил (Там же, инв. № 1272). Зафиксирован также курганный могильник в Уланкоме у горы Дженим-Эн (Там же, инв. № 1117). В 1922 г. в Минусинской степи Г.И. Чорос-Гуркин запечатлел два объекта – большой «старый курган с 9-ю столбами» (вероятно, в урочище Салбык [Киселев, 1951, с. 189]) и огромную стелу около Угольных копий (Там же, инв. № 1118).

В конце августа 1930 г. во время поездки по заданию Общества по изучению Сибири и ее производительных сил Г.И. Чорос-Гуркин в полевом альбоме зарисовал четыре древнетюркских изваяния, стоявших возле поминальных оградок в окрестности с. Кулада в Онгудайском р-не (Там же, инв. № 1272). Каждое из них представлено на отдельном листе крупным планом, указаны размеры и дано описание некоторых деталей (рис. 2). Одно из четырех изваяний в настоящее время находится в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул), другое – во дворе школы с. Кулада; местонахождение двух других неизвестно [Евтюхова, 1952, с. 73–74, № 6–9; Кубарев В.Д., 1984, с. 112–113, № 48, 50, 52, 53].

На рисунке Г.И. Чорос-Гуркина, датированном 20 сентября 1917 г., можно увидеть изваяние бронзового века, находившееся в местечке Кожоголоу около с. Купчегень (Там же). Художник дал его полное профильное изображение, а также отдельно верхнюю часть антропоморфного изваяния в фас и профиль. В настоящее время сведений об этой скульптуре не существует.

Ценность рисунков Г.И. Чорос-Гуркина в том, что некоторые памятники, запечатленные на них, ныне утрачены или разрушены и что они изображены в естественном окружении. Безусловно, это важно для научных реконструкций.

Археологические зарисовки служили мастеру основой для художественного творчества. В 1903 г.

Г.И. Чорос-Гуркин сделал натурный рисунок антропоморфного каменного изваяния и снабдил его надписью: «Выше Эдегана» (Там же, инв. № 1271) (рис. 3). Возможно, это древнетюркское изваяние, вошедшее в сводный каталог В.Д. Кубарева под номером 10 [Кубарев В.Д., 1984, с. 104, 180]. Та же скульптура показана на эскизе, где изображен древний мастер, высекающий фигуру из камня (Там же, инв. № 1272).

На картине «Кезер Таш» (1912; Там же, инв. № 7134) Г.И. Чорос-Гуркин изобразил известное древнетюркское изваяние, стоявшее на левом берегу Чуи. Художник достоверно передал цвет и фактуру камня, все детали круглой скульптуры, окружающий ландшафт. В какой-то мере он оживил творение прошлого с помощью пейзажного фона, подчеркнул «психологизм» каменного лика. В произведении «Жертвенник» (1909; Там же, инв. № 7137) художник показал современное бытование древнетюркского изваяния, которое стало культовым центром алтайцев.

Рисунок «Из эпохи бронзового века» (ГХМАК), выполненный тушью в 1914 г., интересен как отражение представлений Г.И. Чорос-Гуркина о древнейшей эпохе; на самом деле изображенные изваяние, ряд балбалов, петроглифы относятся к более позднему времени. В центре листа, как в центре истории, художник поместил стелу с рисунками, подобными тем, которые по традиции наносят на шаманские бубны. Надо полагать, для Г.И. Чорос-Гуркина эти магические изображения были своего рода незыблемыми символами, скрижалями завета, вечными, как вечны сами рисунки на скалах. Бесписьменной истории для него нет: сакрально-ритуальные памятники – вот подлинные знаки прошлого. Земная же человеческая история с ее постоянной межплеменной борьбой, которую художник рисовал в манере древнетюркских граффити, – это лишь преходящее явление.

Рисунок «Скифы на охоте» (ГХМАК, инв. № Г-1613) создан Г.И. Чорос-Гуркиным под впечатлением от поездки на пазырыкские курганы, которую он совершил в 1930 г. вместе с А.В. Анохиным. Художник, вероятно, был знаком с материалами раскопок скифских захоронений, проводившихся экспедициями во главе с С.И. Руденко и М.П. Грязновым. Рисунок своими отдельными, сюжетно не связанными изображениями, отсутствием пейзажного фона и пространственной глубины напоминает фрагмент скалы с петроглифами. Композиция с хищником и копытным животным в центре напоминает сцену терзания в скифо-сибирском зверином стиле. Блистательному искусству ранних кочевников декоративизмом линий соответствуют фигуры трех всадников.

Г.И. Чорос-Гуркин сделал зарисовки изображений писаниц, расположенных напротив устья Сумульты (1902–1903), на камнях около скалы Кок-Кан в устье Урсула и у д. Каянча (1911) [Окладникова, 1984, с. 5]. Е.А. Окладникова в исследовании, посвященном пет-

Рис. 3. Изваяние «выше Эдегана», 1903 г.

роглифам средней Катунь, отмечала, что копии петроглифов, несмотря на то, что они сделаны «на глаз», представляют большую научную ценность, поскольку к настоящему времени часть рисунков погибла, хотя в целом ансамбли сохранили свой прежний вид [Там же].

В 1908 и 1912 гг. художник запечатлел наскальные рисунки Бичикту-Кая близ с. Иня, изображения на скале Калбак-Таш и в долине Аргута [Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, с. 4].

В 1930 г. Г.И. Чорос-Гуркин сделал многочисленные копии с резных граффити святилища Бичикту-Бомы [Еркинова, Кубарев Г.В., 2004, с. 88–97]. Альбом включает 12 листов, на каждом из которых представлено несколько петроглифов (НМРА, фонд Г.И. Чорос-Гуркина, инв. № 1272) (рис. 4). К сожалению, ни одно из скопированных художником изображений к настоящему времени не сохранилось и не вошло в недавно изданный массив наскальных рисунков Бичикту-Бомы [Мартынов, Елин, Еркинова, 2006].

Г.И. Чорос-Гуркиным сделаны зарисовки петроглифов, которые пока не известны археологической науке (Там же). На обороте одного из листов из собрания НМРА рукой художника написано: «По речке Эрбоку в 11 верстах есть Скала, близ дороги на мельницу, из-под скалы вытекает Ключик. Скала высоты сажень 8-и. На ней, на приступках много резных из дерева лошадей, овец и пр. жив. и квадр. плиты с надписями. Вас. Суханов» (рис. 5). Вероятно, в последней записи художник зафиксировал имя и фамилию информатора.

Большая часть графических изображений, выполненных Г.И. Чорос-Гуркиным карандашом, тушью пером, акварелью, отражает жизнь и быт алтайцев. Этнографическая направленность рисунков очевидна: это не подготовительный материал для живописных произведений, а документальное свидетельство,

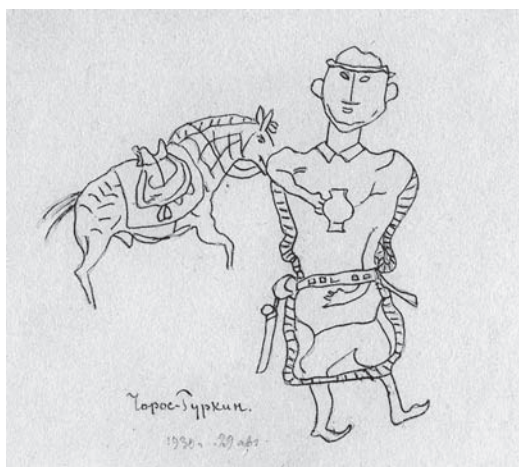

Рис. 4. Граффити Бичикту-Бомы, 1930 г.

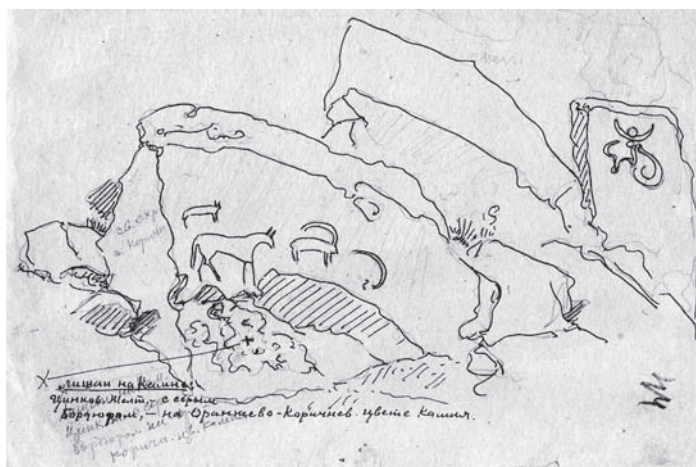

Рис. 5. Петроглифы «по реке Эрбоку», дата не установлена.

зафиксированное рукой художника. Каждый лист, как правило, датирован, указано место, дано описание изображаемых предметов или позирующих людей. Тематический диапазон рисунков очень широк – от жилища, национальной одежды, утвари до антропологического типажа. В целом собрание графики Г.И. Чорос-Гуркина – это своеобразная художественно-этнографическая энциклопедия Алтая начала XX в. Приходится только сожалеть, что это бесценное наследие до сих пор не введено в научный оборот.

Типичный пример «художественной» документалистики – рисунок, сделанный 23 июля 1912 г в Чаган-Узы в юрте дочери кама (Там же, инв. № 1232). На нем представлено восемь предметов быта: три кожаных сосуда *тажуура*, украшенных орнаментальным тиснением, деревянное ведро *кёнок*, резной крючок *илбек*, курительная трубка *канза*, огниво *отук*, кожаный мешочек *баиштык* и деревянные ножны *бичак* (рис. 6). Рисунки Г.И. Чорос-Гуркина точны и информативны. Они содержат не только этнографическую информацию, но и краткие сведения о людях, их родовой принадлежности, составе семей и т.д. В тексте, который сопровождает изображения предметов, нередко указаны их утилитарная и эстетическая ценность, а также ритуальное назначение. Значительный интерес для науки представляет рисунок, созданный 18 июля 1912 г. на маршруте экспедиции около оз. Ташту-Гол (совр. Эшту-коль) на левом берегу Чуи (Там же, инв. № 1151). На нем запечатлены сидящая с трубкой алтайка Кискэ-Калтыр и отдельно крупным планом ее ритуальная подвеска *бельдуш*. Ниже следует текст: «Матери-алтайки шьют сами и носят на поясе. Сюда, когда родится ребенок, его пупок “кин” зашивается в кожаный маленький калта – кисетик разного орнамента и форм. По бельдушу и числам “кин” можно узнать, сколько у матери было детей. Когда сын или дочь женится или выходит замуж, то мать передает ему его “кин” как талисман. Кладет

его в ящик или сумы, где и бережет его сын. Если дитя умирает, то “кин” кладут с умершим в гроб. Если дети живы, то мать бельдуш носит на поясе. Женатому сыну или дочери, вышедшей замуж, мать их “кин” может отдать или нет. На то ее материнская воля» (рис. 7).

До конца своих дней Г.И. Чорос-Гуркин делал портретные зарисовки алтайцев. Высокое мастерство рисовальщика позволяло ему передавать не только характерный тип людей, но и их психологическое состояние. Помимо даты и места художник всегда указывал возраст человека, его имя и принадлежность сеоку. Такая информация имеется, например, на акварельных рисунках, относящихся к 1930 г. и запечатлевших 70-летнего Кызыка Пустогачева, устремившего на зрителя свой умудренный взгляд, сидящую в задумчивости Эрке Кайбашеву, кумандинку Веркэ Акпыжакову в красной косынке на голове и светлом халате с поясом, похожим на старообрядческий (Там же, инв. № 1930). В этом уважительном отношении к человеку Г.И. Чорос-Гуркин продолжает традиции гуманизма, характерные для русской науки и культуры.

Особый интерес вызывают рисунки Г.И. Чорос-Гуркина на шаманскую тему и записанные им тексты мистерий. Эти материалы собраны в папке под названием «Алтай. Эрлик и камы» (Там же, инв. № 1274). Они систематизированы по разделам: «Камлание Эрлику. 1911 г. авг. 12-го», «Картины мистерии», «Вид Эрлика», «Общая картина», «Камлание Эрлику». Тексты сопровождаются рисунками: шаман с бубном, Эрлик с *ай-малта* (алебадра), препятствия, через которые проходит шаман. К мистерии «Камлание Эрлику» художник сделал построчный перевод. Этот текст на русском языке значительно отличается от текста «Мистерия Эрлику» шамана Мампыя, опубликованного А.В. Анохиным [1994, с. 64–88]. Вероятно, запись камлания производилась и Г.И. Чорос-Гуркиным, и А.В. Анохиным одновременно – 12 октября 1911 г. [Еркинова, 1999, с. 16].

юрты, уничтожает скот, насылает волков, охотников лишает добычи, замораживает их насмерть» [1935, с. 165]. До конца жизни Г.И. Чорос-Гуркин оставался верен традиционным образам. В 1936 г. он вновь пишет картину «Хан-Алтай» (НМРА, фонд Г.И. Чорос-Гуркина, инв. № 1887). Горы на этом полотне выглядят не мертвыми каменными громадами, а уподобляются живым великанам. Да и по рисунку они более условны, тяготеющие к народной изобразительности.

Воскрешая традиционные представления, Г.И. Чорос-Гуркин первый из профессиональных художников Сибири обратился к мифологической поэтике и в соответствии с представлениями современной ему эпохи выразил ее на языке реалистического искусства, сохраняя преемственную связь с древней символикой. Глубокое знание национальной культуры Г.И. Чорос-Гуркина находило практическое применение в его просветительской деятельности. Еще в начале XX в. он проиллюстрировал несколько книг: поэму Г. Зелинского «Киргиз» (1910), «Алтайский альманах» (1914) и «Аносский сборник» (1915). Позднее были созданы эскизы для первого «Тувинского букваря» (1924) и первого «Алтайского букваря» (1925); художник проиллюстрировал «Алтайские сказки» Г. Вяткина (1926), а также книгу А. Меркита на алтайском языке «Ээзи кандый болзо, ады-да ардый-ок болор» (1928). С иллюстрациями Г.И. Чорос-Гуркина в 1930 г. вышли два школьных учебника на алтайском языке: Н.А. Каланаков «Наша школа: букварь» и Г. Токмашев, П. Чевалков «Советский путь: книга для малограмотных» [Алушкина, 2006, с. 123–126].

В феврале 1927 г. Г.И. Чорос-Гуркин написал эссе «Мой долг. Мои задачи и планы! (пред родиной – Алтайем и Народом)». В нем были сформулированы его творческая программа и гражданская позиция: «Первой моей неотложной задачей, заветной мечтой, которая должна служить для благополучия и культурного развития моей родины – “Отчизны” Алтая и его народа Ойрот-нации, – это основать, заложить, организовать художественную школу изобразительного искусства» (Там же, инв. № 1145).

Ее цель заключалась в том, чтобы, развивая художественное творчество алтайского народа, возможно шире и полнее собрать «древние памятники народного алтайского творчества». Обращение к народным традициям, по мнению Г.И. Чорос-Гуркина, могло помочь обновлению сибирского искусства в целом.

Г.И. Чорос-Гуркин был первым преподавателем художественной школы в Ойротии, которая открылась в 1931 г. и просуществовала до Великой Отечественной войны [Маточкин, 1988]. Она воспитала много молодых талантливых художников, продолживших просветительскую работу Г.И. Чорос-Гуркина. Обра-

щение к археологическим памятникам, этнографии стало частью их творчества и вылилось ныне в крупное художественное течение – археоарт, ориентированное на синтез ценностей древнего и современного искусства Сибири.

Список литературы

- Алушкина М.М.** Г.И. Чорос-Гуркин: Библиографические издания и разыскания // Оносские встречи. – Горно-Алтайск: НМРА, 2006. – С. 121–127.
- Анохин А.В.** Материалы по шаманству у алтайцев. – Репр. воспр. текста изд. 1924 г. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 152 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – Т 1, № 24. – С. 72–120.
- Еркинова Р.М.** Материалы Г.И. Чорос-Гуркина по алтайскому шаманству // Кан-Алтай. – 1999. – № 18. – С. 14–21.
- Еркинова Р.М., Кубарев Г.В.** Граффити Бичикту-Бом (из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики, 2004. – Вып. 2. – С. 88–97.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с. – (ТИЭ; т. 22).
- Каруновская Л.Э.** Представления алтайцев о Вселенной // СЭ. – 1935. – № 4/5. – С. 160–183.
- Каталог** выставки картин Г.И. Гуркина. – Томск: [Б.и.], [1915]. – 15 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Кочеев В.А.** Г.И. Гуркин и археология Горного Алтая // Возвращение: Сб. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность», Горно-Алтайск – Анос, 11–12 янв. 1991 г. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 225–228.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
- Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М.** Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Ред.-изд. отдел Горно-Алт. гос. ун-та, 2006. – 346 с.
- Маточкин Е.П.** Горно-Алтайская художественная школа // Художественная культура Сибири: особенности освоения и развития. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 101–113.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы Средней Катуни. – Новосибирск: Наука, 1984. – 111 с.
- Потапов Л.П.** Культ гор на Алтае // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 145–160.
- Эдоков В.И.** Возвращение мастера. – Горно-Алтайск: Чаптыган, 1994. – 240 с.

Материал поступил в редколлегию 25.12.07 г.

УДК 069:01

В.М. Кимеев

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: kimeev@mail.ru

ЭКОМУЗЕИ СИБИРИ КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ

Этноэкологические музеи, или экомuzeи, это новый тип комплексных музеев под открытым небом, создающихся непосредственно в среде обитания социума. Их деятельность направлена на решение социокультурных и экологических проблем территории на основе активного участия местного общества в сохранении и использовании своего этнокультурного и природного наследия как частей единого целого. Зародившись во Франции в начале 1970-х гг., идея экомuzeя широко распространилась по всем континентам. Своеобразную форму она приняла в Сибири, где находится в сильной зависимости от этнополитической конъюнктуры местных национальных общин и региональных властей. Такие сибирские экомuzeи, как, например, «Тазгол» и «Калмаки», открывают для общества широкие возможности. Привлечение местного населения и специалистов позволит разработать и осуществить взаимовыгодные проекты, нестандартно подойти к решению важнейшего вопроса современности – возрождению многонациональной культуры народов данного региона в нормальной жизненной среде.

Введение

Глобальная тенденция современного музейного развития – поиск новых форм музеефикации этнокультурной и природной среды как единого целого в составе музеев под открытым небом. В новых музеях наиболее полно проявляется стремление к открытости общества, к слиянию с жизнью местных этнических групп. Среди музейных специалистов активно развиваются идеи «новой музеологии», «экомuzeя», «интегрированного музея», «общинного», «средового», «народного» музеев, «сельского этномuzeя». Новый тип музея рассматривается как социокультурный институт, значительно выходящий за традиционные рамки интерпретации наследия и культурно-образовательной деятельности, что позволяет ему полнее интегрироваться в окружающую среду и обеспечить сохранение исчезающих этнокультурных особенностей населения в местах его компактного проживания.

Главные цели статьи – выявление предпосылок создания экомuzeев и определение принципиальных их отличий от других типов музеев под открытым небом,

исследование хода и последствий экомuzeификации как фактора сохранения этнокультурного наследия аборигенов и русских старожилов Западной Сибири в окружающей природной среде. Это поможет концептуально осмыслить сущность экомuzeя как национально-культурного центра по сохранению наследия Сибири, включая этнокультурный ландшафт.

Экомuzeи – это разновидность музеев под открытым небом, в которых архитектурно-этнографические, археологические, историко-мемориальные и другие памятники восстанавливаются на первоначальном их местонахождении в естественной жизненной и природной среде, в привычном окружении человека. Сам термин впервые употребил в 1971 г. на Девятой генеральной конференции Международного совета музеев, а затем ввел в научный оборот французский музеолог Ю. Варин [1985, с. 5]. Другой основатель движения за создание экомuzeев французский этнограф и музеолог Ж.А. Ривьер называл их одновременно зеркалом, в котором местные жители заново могут увидеть себя и прошлое своих предков, а приезжие – познакомиться с их традициями; лабораторией для изучения прошлого

и настоящего местного населения и окружающей среды, прогнозирования будущего округа; заповедником по сохранению и мониторингу природного и культурного наследия, а также интерпретации пространства; школой, осуществляющей культурно-образовательную деятельность [1985, с. 2–3].

В мировой музейной типологии экомузеи как особый тип учреждения, отличный от скансена (этнографический музей под открытым небом), стали выделять с середины 1980-х гг. В 1983 г. в Монреале состоялся первый День экомузеев. Важнейшую роль в становлении теории экомузеологии сыграл Первый международный семинар «Экомузеи и новая музеология», проведенный в Квебеке в 1984 г., где была принята Квебекская декларация, содержащая основные положения «движения за новый тип музейного учреждения», характеризующегося ярко выраженной социальной направленностью [Мейран, 1985, с. 20]. На Втором международном семинаре в Лиссабоне в 1985 г. была создана Международная федерация в поддержку «новой музеологии». В 1998 г. в Фурине на очередной международной конференции высказывались идеи создания национальных и интернациональных сетей экомузеев – системы, которая обеспечила бы эффективный обмен информацией и сотрудничество между экомузеями разных стран. Другой задачей конференции было уточнить определение экомузея и его функций; отделить этнографический музей-скансен, связывающий экспонаты из разных мест, от экомузея, экспонирующего «сами места» такими, какими их создала история; а также экомузей от обычного историко-культурного и природного музея-заповедника.

Возникновение нового движения явилось протестом против консервативного подхода большинства музейных учреждений к решению вопросов культурного, социального и политического развития, недостаточной активности и затрудненной коммуникативности, несостоятельности выдвигаемых музейщиками реформ, отказа от каких-либо экспериментов и участия в политической жизни округа [Давыдов, 1989, с. 10].

Создатели первых экомузеев своей главной целью считали оптимальное сохранение и развитие социокультурной и природной среды как единого целого с учетом экологических проблем и особенностей данного региона. Экологический подход требовал интеграции дисциплин, чтобы выявить и охарактеризовать отношения между природными условиями и техническим, экономическим, культурным развитием округа. Региональный характер первых французских экомузеев проявился прежде всего в том, что они были адресованы местным жителям и создавались при их непосредственном участии совместно со специалистами и при активной поддержке региональных властей.

Структура экомузея обычно включает стационарные экспозиции в архитектурно-исторических памят-

никах или современных зданиях; подлинные реставрированные или реконструированные по проектам уже утраченные археолого-этнографические объекты, историко-мемориальные памятники, сведенные в комплексы экспозиций под открытым небом. В некоторых из них отсутствует традиционно-бытовая экспозиция, а этнографические предметы после их научной фиксации и изучения остаются в естественной среде у сотрудников и местных жителей для использования их по своему прямому назначению.

Экомузей трудно вписывается в традиционную классификацию музеев, в первую очередь, из-за междисциплинарного подхода при создании научной концепции. Он имеет ряд принципиальных отличий от скансенов, музеев-заповедников [Варин, 1985, с. 5; Юренева, 2003, с. 459; Каулен, 2005, с. 35].

1. Экомузей создается непосредственно в среде обитания человека для сохранения, реставрации (с частичной реконструкцией), музеефикации объектов наследия местного населения – народной архитектуры и этнографии, археологии и естественной среды, а также движимых музейных предметов.

2. Создание экомузея является практическим выражением согласия населения с властями и общественными организациями в необходимости изучения и сохранения памятников, документирования, интерпретации и реконструкции этнокультурного наследия округа.

3. Ресурсом развития экомузея является социальная энергия местных жителей, их заинтересованность и активное участие в разработке проектов, создании экспозиций, деятельности экомузея по охране жизненной среды.

4. Экомузей, созданный в условиях диалектического противоречия населением, стремящимся одновременно сохранить и преобразовать окружающий мир на пути общественного развития, существует благодаря этому противоречию.

5. Экомузей не имеет четко определенных границ, он охватывает территорию, объединенную не административно, а в силу единства традиций, природной среды и производственной деятельности (например, речная долина, сельскохозяйственный район или промышленная зона).

6. Кроме недвижимых музеефицированных объектов, коллекциями экомузея являются коллективное материальное историко-культурное наследие и нематериальные формы социокультурной деятельности, включая религию; природная среда всей территории проживания данного социума; а сами местные жители становятся живыми экспонатами и постоянными посетителями. Все это не изымается из среды бытования, а продолжает функционально использоваться в культурно-образовательных и других целях, не противоречащих режиму их содержания и сохранности.

7. Сотрудники экомuzeя больше нацелены не на сбор и консервацию материальных объектов, а на их научное изучение и музеефикацию для сохранения в естественной жизненной среде, а также на реанимацию и демонстрацию традиционных навыков, ремесел, образа жизни и способов взаимодействия человека с природой.

8. В экомузее четко зафиксирована социальная миссия, направленная:

- на культурную самоидентификацию и реанимацию механизма воспроизводства традиционных жизненных ценностей, этнокультурных традиций и национальной самобытности; причем воспроизводство этих традиций становится потребностью самого населения, что обеспечивает их преемственность и межпоколенную передачу;

- на творческое развитие местного сообщества, решение его насущных социальных проблем путем рекомендаций общественным и государственным структурам, участия сотрудников экомuzeя в разработке и реализации долгосрочных социокультурных программ по социальному переустройству общества.

Сегодня экомузей крепко привязан к реалиям современной жизни, стремится соответствовать времени, отражать его и служить источником гуманизма. В основе экомuzeя, как и других музеев-заповедников, лежит историко-культурное и природное наследие, спасенное от естественного забвения или бессознательного уничтожения.

Экомузеи Сибири

В Сибири создание экомузеев началось с середины 1980-х гг. в основном в промышленно развивающихся регионах – Ханты-Мансийском округе и Кузбассе. Это отчасти объясняется экологическим кризисом на данных территориях, активной позицией лидеров нарождавшейся национально-политической элиты и возможностями инвестиций в культуру. Экомузеи Сибири создавались по инициативе идеологов «этнокультурного возрождения» – национальных писателей и поэтов Е.Д. Айпина, Юрия Айваседы (Ю.К. Вэллы), Ю.Н. Шесталова, этнографов И.Н. Гемуева, В.И. Сподиной, В.М. Кимеева – главным образом усилиями местных жителей в силу их внутренней потребности в национально-культурном возрождении, самоутверждении себя равноправным народом России. В Ханты-Мансийском округе, в отличие, например, от Горной Шории, где доминируют этнополитические проблемы, национально-интеллектуальная элита обратилась к институту сельского экомuzeя, видя в нем эффективное средство возрождения, формирования национального самосознания и общественно-политической манифестации.

Первым в Ханты-Мансийском округе появился экомузей «Стойбище рода Вела» (ненецкого поэта Ю.К. Веллы) площадью 30 га у пос. Варьеган на р. Улька, ставший составной частью Регионального историко-культурного и экологического центра (Экоцентра) «Мегион». В Экоцентр были включены также краеведческий музей в г. Мегион, в фондах которого хранятся ценные этнографические экспонаты коренных народов Севера, и музейно-туристический комплекс «Югра» с турбазой в 40 км от г. Ханты-Мансийска [Гнедовский, 1994, с. 8; Коростина, 2000, с. 30].

В экомузее у пос. Варьеган открылась первая и единственная в мире «стойбищная школа», где работали три учителя. На экологических тропах проводятся познавательные «экскурсии на ощупь» для инвалидов, школьные краеведческие экспедиции для знакомства с традиционной культурой хантов р. Аган и оказания посильной помощи в реставрации хозяйственных стойбищ. Методом непосредственного наблюдения как в «зеркале» – изучается традиционный уклад жизни; как в «заповеднике» – туристы проникают в гармонию отношений человека и природы; как на практических занятиях в «школе» – учатся сооружать каркасные жилища, готовить национальную пищу; как в «лаборатории» – фиксируют и анализируют элементы традиционной культуры [Гаевская, 1999, с. 80].

Второй ханты-мансийский экомузей «Торум-Маа» создавался на территории памятника природы республиканского значения «Ханты-Мансийские холмы» методом народной стройки по инициативе и при непосредственном участии работников окружного Дома творчества народов Севера в несколько этапов. Главной целью было сохранение памятников народной архитектуры (постройки жилого, хозяйственного и культового назначения) хантов и манси в условиях промышленного освоения территории округа и вытеснения традиционного уклада жизни коренных народов – охотников-оленьеводов и рыболовов.

Первоначальный объект экомuzeя – «Парк-музей югорского искусства», генплан которого отражал конфигурацию границ и ландшафт Ханты-Мансийского округа с его главной водной артерией Обью (как центральной «дорожкой») и ее притоками (как боковыми «тропами»), – начал создаваться в 1985 г. в центре г. Ханты-Мансийска в сквере у краеведческого музея. Из разных мест были привезены и реконструированы жилые и хозяйственные постройки хантов и манси. В составе комплекса предполагались административное здание с «Югорским музеем» и искусственный водоем с лодками хантов по берегам. При этом игнорировался один из главных принципов экомuzeя – сохранение памятников в среде бытования, что, по сути, сделало его обычным архитектурно-этнографическим комплексом с элементами транслкации, т.е. скансеном.

В дальнейшем коллектив авторов проекта экомuzeя «Торум-Маа», Е.Д. Айпин, Ю.К. Велла, Т.А. Молданова, Э.И. Косполов, Ю.Н. Шесталов, предложил дополнительно создать семь секторов, исходя из регионального принципа размещения комплексов: аганский, мансийский, казымский, ваховский, сургутский, октябрьский, нижевартовский. Планировалась также организация туристической тропы с видовой площадкой на р. Иртыше и кооператива национальной кухни. Однако к 1992 г. разработчики проекта признали ошибку при выборе территории. Все экспозиции в сквере и административное здание стали использоваться как обычный культурно-развлекательный центр для проведения обрядов, ритуалов, праздников, концертов, экскурсий, для «сохранения живой культуры» хантов и манси в музейной среде. Посетители знакомятся с предметами традиционной культуры аборигенов, слушают их живую речь, приобщаются к музыкальному и хореографическому искусству фольклорных ансамблей. В последние годы деятельность музейного комплекса все более сводится к псевдонациональным мероприятиям, не влияющим на сохранение и развитие культуры коренного населения округа [Ользина, 1997].

Сибирские экомuzeи могут дополниться бурятским селом Усть-Орда; Пихтинским, Ёрдынским комплексами-резерватами в Иркутской обл.; селами Тальменка, Зуделово и Сростки Алтайского края; населенными пунктами по Чуйскому тракту в Республике Алтай; поселками русских старожилов Ярки и Половинка в Ханты-Мансийском окр.; поселками Тура Эвенкийского окр. и Верхняя-Гутара Республики Тывы. По схеме экомuzeя могут развиваться археологический музей-заповедник «Древний Эмдер» у г. Нягань Ханты-Мансийского окр. с подлинным городищем – бывшим центром княжества обских угров, историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник «Найван» на Чукотке, музей-заповедник «Ушки» на Камчатке, музей «Тункинская долина» в Бурятии [Шагжина, 1996; Шульгин, 2002; Тихонов, 2003; и др.].

Экомuzeй «Кызыл-Тофа» расположен в пос. Верхняя Гутара в верховьях р. Гутара, долина которой считается исконной территорией кочевий тофаларов. Проект его создания целиком опирается на традиционные представления аборигенов, что позволит формировать социальную политику и демографическую ситуацию в регионе с учетом интересов местных жителей. Первой очередью экомuzeя явились несколько стационарных историко-этнографических экспозиций в трех совмещенных залах клуба в пос. Верхняя Гутара. В дальнейшем предполагается создание экомuzeя под открытым небом на берегу р. Гутара с включением отдельных историко-культурных памятников в поселке и его окрестностях.

В 1990–1999 гг. группа архитекторов и этнографов при участии местных жителей разработала проекты

шести экомuzeев в промышленном Кузбассе с его многонациональным составом населения. Это шорский экомuzeй «Тазгол» в пос. Усть-Анзас Таштагольского р-на, телеутский «Чолкой» в с. Беково Беловского р-на, татарский «Калмаки» в пос. Юрты Константиновы Яшкинского р-на, русских сибиряков «Брюханово» и «Ишим» в одноименных селах по Сибирскому тракту, экомuzeй-заповедник «Тюльберский городок» в пос. Городок Кемеровского р-на [Кимеев, Афанасьев, 1996, с. 5; Кимеев, 2002, с. 14].

Создание экомuzeя «Тазгол» (рис. 1, 2) в пос. Усть-Анзас Таштагольского р-на – результат совместных усилий этнографов Кемеровского государственного университета (КемГУ), районных властей и местных шорцев по спасению поселка от запустения и сохранению многочисленных памятников историко-культурного и природного наследия в его окрестностях по долине р. Мрассу. В состав экомuzeя вошли прибрежная терраса с остатками средневекового ритуального могильника и поселения эпохи бронзы, куда были включены реконструкции средневековой мастерской с плавильными печами и кузницей, шорского улуса и орехопромыслового стана начала XX в. На нижней террасе сохранился комплекс архитектурно-исторических памятников, связанных с деятельностью Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX в. На окраине пос. Усть-Анзас можно осмотреть остатки золотого прииска начала XX в., в окрестном охраняемом природном ландшафте полюбоваться живописными скалами Ак-Кая и Айган, а также Сагинским водопадом [Кимеев, Шатилов, 1997].

В 1990–2005 гг. по р. Мрассу были проведены комплексные археолого-этнографические и биологические экспедиции КемГУ, раскопаны и частично реконструированы археологические памятники как на территории самого экомuzeя, так и в пределах его зон охраны. Сделан анализ архитектурно-планировочной организации пос. Усть-Анзас, его исторического центра и окружающей застройки с позиций определения сохранности ценных элементов исторического ландшафта, отдельных памятников истории и культуры, а также выявления элементов, нарушающих выразительность историко-архитектурной и природной среды. Осуществлена оценка функциональной структуры поселка и его опорной застройки. В 2003–2005 гг. был заново проведен этносоциологический опрос населения для сравнения с данными начала 1980-х гг. и анализа современных этнических процессов [Кимеев, Арзютов, 2005, с. 325]. Продолжается создание новых экспозиций согласно генплану.

Экспозиции под открытым небом телеутского экомuzeя «Чолкой» первоначально проектировались в поросшей ивняком пойме р. Бачат, в центральной части пос. Беково Беловского р-на московским архитектором А.Г. Афанасьевым и этнографами КемГУ при со-

Рис. 1. Экомузей «Тазгол» в Горной Шории (фото В. Кимеева).

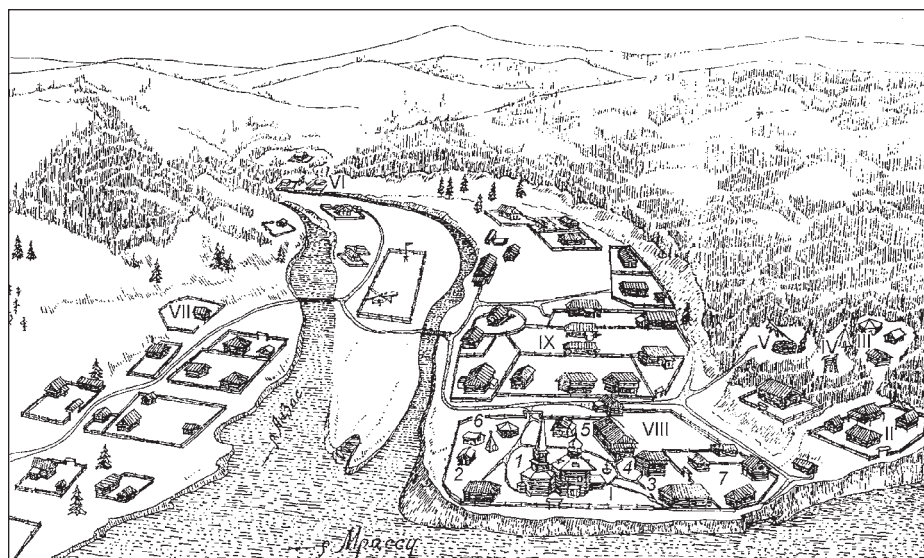

Рис. 2. Генплан экомузея «Тазгол» в пос. Усть-Анзас (рисунок Е. Попова).

I – Миссионерский стан: 1 – Троицкая церковь, 2 – миссионерская школа, 3 – дом миссионера, 4 – амбар миссионера, 5 – дом псаломщика, 6 – традиционные жилища, 7 – усадьба паштыка; II – усадьба Иванова; III – поселок литейщиков; IV – Ореховый стан; V – жертвенник; VI – золотой приск; VII – дом ученых; VIII – клуб; IX – пос. Усть-Анзас.

действию лидеров Ассоциации телеутского народа. Сам поселок представлял собой тогда три слившихся воедино населенных пункта: старинный телеутский улус Чолкой (*Ары-Паят*), ставший к началу XX в. селом Челухоево, деревни Верховская (*Сас*) и Беково – со смешанным телеутско-русским населением.

Организация экомузея целиком опиралась на традиционные представления телеутов, что позволило

разработать научную концепцию с учетом интересов местных жителей, а затем и населения всего района. Финансирование строительства осуществлял Департамент культуры Облисполкома на основании Решения Кемеровского областного Совета народных депутатов № 274 от 22.07.1991 г. «О первоочередных мерах по возрождению телеутской народности». Проект прошел экспертизу на Всероссийской научной кон-

ференции в пос. Беково в августе 1992 г. [Афанасьев, Бедин, Кимеев, 1994, с. 7].

Площадь территории экомuzeя определялась в 5 га в пос. Беково, 1 и 2 га соответственно в деревнях Улус (Заречное) и Шанда (филиалы экомuzeя). Главная часть экомuzeя с национально-культурным центром в виде деревянной срубной юрты и реконструкцией телеутского стойбища первоначально проектировалась в д. Верховской в левобережной пойме р. Малый Бачат. Еще в 1992 г. в двух комнатах местного Дома культуры был открыт Историко-этнографический музей «Чолкой», в котором кроме краеведческого материала экспонировались предметы быта телеутов. Основой этого музея стала Комната боевой славы, созданная в 1970-х гг. в одном из кабинетов конторы местного колхоза «Сибирь». В 1998–2000 гг. этнографами КемГУ с директором музея В.И. Челухоевым было создано несколько совмещенных экспозиционных залов с художественными росписями и диорамами, в которых представлены этноэкология телеутов, древности Телеутской земли, традиционный быт и искусство, обряды и обычаи телеутов, декоративно-прикладное искусство, современная история [Челухоев, 2004, с. 449]. Эта экспозиция не отвергает дальнейшую реализацию проекта путем включения отдельных историко-культурных и традиционно-бытовых памятников телеутов бассейна р. Бачат и окрестностей Бекова. В 2004–2005 гг. директором экомuzeя на площади у Дома культуры были реконструированы несколько построек: деревянная дозорная башня из калиброванных бревен, конусообразная алтайская юрта *аланчик*, полуземлянка, срубные изба, баня, восьмиугольная юрта. Последняя постройка с традиционным интерьером используется директором для приема гостей. Во время народных праздников здесь можно познакомиться с фольклором, национальными играми и развлечениями телеутов, поучаствовать в конных скачках, прокатиться в санях или телеге по окрестностям.

В жилой зоне сохраняются подлинные объекты экомuzeя: кирпичная Пантелеимоновская церковь с церковно-приходской школой, дом народного просветителя Г.М. Токмашова и несколько жилых домов исторической застройки по ул. Набережной. На экскурсионных маршрутах по территории с. Челухоева, пос. Беково и д. Верховской намечена реставрация отдельных построек, восстановление фронтонов, оконных наличников, ворот и заборов, что составляет историческую среду села. Проектом также предусмотрен вывод за пределы экомuzeя диссонирующей жилой застройки вблизи каменной Пантелеимоновской церкви и в пойменной части правого берега р. Малый Бачат.

Основой татарского экомuzeя «Калмаки» является историческая часть пос. Юрты Константиновы Яш-кинского р-на, представленная комплексом архитектурно-этнографических памятников и археологичес-

ким средневековым поселением. Поселок расположен на возвышенном правом берегу р. Томи, медленно текущей в живописной широкой пойме с лугами и старицами. Название экомuzeя получил по самоназванию местной этнографической группы сибирских татар, родственной телеутам [Кимеев, 1998, с. 124].

Анализ состояния пос. Юрты Константиновы и округа с позиций определения сохранности памятников истории и культуры, ценных элементов окружающего ландшафта, а также выявления элементов, нарушающих выразительность историко-архитектурной и природной среды проведен московским архитектором А.Г. Афанасьевым в 1991 г. Осуществлены оценка функциональной структуры села и его опорной застройки, этносоциологическое обследование населения, раскопки Сосновского казачьего острога. Все работы финансировались Департаментом культуры Облисполкома на основании Решения Кемеровского областного Совета народных депутатов № 85 от 16.03.1990 г. Площадь экомuzeя по проекту должна была составить 9,5 га и включить центральную часть пос. Юрты Константиновы, где расположены наиболее ценные в архитектурном отношении общественные здания и частная застройка, а также террасу Томской Курьи [Кимеев, Кривоногов, 1996, с. 125; Кимеев, Ширин, 1998, с. 35]. Несмотря на то что проект разрабатывался при непосредственном участии местных жителей, прошел экспертизу и согласование с местными органами власти и татарским Национально-культурным центром, реализация его так и не началась. Руководителю фольклорного ансамбля «Дуслык» удалось только развернуть небольшую стендовую выставку в одной из комнат переданного экомuzeю кирпичного здания. Памятники архитектуры (деревянное здание бывшей мечети, двухэтажная изба-связь – ранее мусульманская школа-медресе, ныне жилой дом, несколько других жилых домов XIX – начала XX в., сохранившихся на центральной улице поселка) продолжают разрушаться.

Основой экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского р-на является средневековое городище предков тюркоязычных притомских тюльберов с хорошо сохранившимися валом, рвом, остатками сгоревших жилых построек, металлургических мастерских и культовым жертвенником, расположенное на окраине дачного поселка Городок (рис. 3). Впервые памятник был открыт в 1910 г. землемером из г. Барнаула и местным крестьянином Николаем Бурдиным, затем вновь неоднократно «открывался», но не исследовался [Ширин, 1995, с. 60]. Планомерные археологические раскопки городища проводились в 1997–2000 гг. новокузнецким археологом Ю.В. Шириним.

Решением администрации Кемеровского р-на в 1998 г. вся прилегающая к городищу территория (2,7 га) была передана КемГУ под учебно-научный центр и базу летних практик. Результаты археолого-

этнографических и этноэкологических исследований послужили основой для разработки в 2000–2006 гг. архитектором В.Н. Усольцевым и томским институтом Сибспецпроект-реставрация (В.Р. Новиков) проекта зон охраны и генплана экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок». Распоряжением главы администрации Кемеровского р-на А.И. Глебова от 10.12.2002 г. за №1735-р в начале 2003 г. было создано Муниципальное учреждение Экомuzeй-заповедник «Тюльберский городок». Его территория определена в 12,7 га, из которых 2,7 га принадлежат учебно-научному центру КемГУ, 10 – непосредственно экомuzeю. Между экомuzeем и КемГУ заключен Договор о совместной деятельности по созданию экспозиций.

При музеефикации археологического памятника использовался реконструктивный метод. На отдельных раскопанных и изученных участках реконструированы часть бревенчато-земляного оборонительного вала с воротами, смотровыми площадками и мостовой перемышкой через ров; две каркасные юрты древних металлургов с плавильными печами внутри; навес с тремя плавильными печами, ящиками с рудой и древесным углем; сруб с подлинными каменными наковальнями; в центре городища – святилище с ритуальным жертвенником (*тайелга*) в виде столба, к которому приставлена жердь с конской шкурой, свисающей над срубом-лабазом из двух-трех венцов, стоящим на четырех столбах. Снаружи оборонительного вала частично сохранились два конных спуска по склону оврагов к р. Томи [Кимеев, 2002, с. 20].

Пространственное моделирование изначальной структуры позволило представить объекты как часть природно-физического феномена измененной историко-культурной среды. Это создает уникальную визуально-пространственную модель на базе экспонируемого памятника. Остальная часть городища представлена в «натурной консервации» для сохранения первоначального облика памятника. На одном из раскопанных участков с жилищем допустимо сооружение временных защитных навесов. Такой «открытый» показ позволит представить городище как часть рекреационной системы историко-ландшафтного комплекса экомuzeя [Кимеев, 2001а, с. 65].

Рис. 3. Городище «Городок» (фото А. Вяргизова).

Рис. 4. Реконструкция башен острога экомuzeя «Тюльберский городок» (фото А. Вяргизова).

В выставочном павильоне на территории учебного центра КемГУ был оборудован Музей истории Притомья с археологическими находками в витринах и диорамой – интерьерами русской избы и тюльберской юрты. К юго-западу от городища вниз по течению Томи на береговой террасе реконструируются три из девяти раскопанных у д. Порываевки средневековых кургана, воссоздаются надземные и культовые погребальные сооружения народов Западной Сибири. В 50 м к западу от городища при раскопках обнаружены основания нескольких жилищ с очагами эпохи раннего железа, которые также подлежат частичному восстановлению.

В экомузее «Тюльберский городок» музеифицированы реконструкции типичных для сибирских острогов проездной и трех угловых срубных башен с забором-частоколом (рис. 4). Этот оборонительный комплекс, а также реконструированные под жилые и хозяйственные постройки острога современные деревянные здания учебно-научного центра КемГУ создают собирательный образ сибирского казачьего острога XVII–XVIII вв., органично вписывающийся в окружающий исторический ландшафт [Кимеев, 2001б, с. 225].

Архитектурно-этнографические экспозиции экомuzeя размещаются в выставочном павильоне, реконструированных оборонительных, общественных и жилых сооружениях острога, а также в воссозданных по имеющимся аналогам традиционных постройках тюльберско-телеутского улуса. В дальнейшем информационный центр экомuzeя с выставками по истории сибирского казачества и аборигенов, костюмерной, фотосалоном, трактиром будет организован в проходной башне у лестничного спуска к реке.

Непосредственно на территории экомuzeя выделены особо охраняемые природные зоны: «заповедный грибной лес» и скальные выходы с береговыми террасами и оврагами – местообитания редких видов животных и растений, занесенных в Красную книгу Кузбасса.

К концу XX в. только в отдельных исторических селах Кузбасского Притомья сохранились традиционная планировка вдоль реки или Сибирского тракта и разнофункциональные общественные здания и жилые строения. Они, будучи памятниками самобытной культуры, в то же время связаны с историческими событиями и знаменитостями России.

В 1992–1993 гг. московский архитектор А.Г. Афанасьев совместно с этнографами КемГУ по заказу Департамента культуры Администрации Кемеровской области, в соответствии с областной программой «Историко-культурное наследие Кемеровской области», разработал проект зон охраны и генплан экомuzeя «Ишим» Яйского р-на. Схема развития экомuzeя была ориентирована на выявление, реставрацию, воссоздание и использование исторического наследия – характерной сельской среды общественного центра с сохранившейся на приречном участке центральной улицы Декабристов застройкой начала XX в. (комплекс деревянных домов и каменная Спасская трехпрестольная церковь), протянувшейся вдоль бывшего Московского тракта, а также элементов культуры, традиционного уклада жизни, народных промыслов и ремесел русских сибиряков [Кимеев, Афанасьев, 1996, с. 82]. Местные власти полагали, что создание экомuzeя с отдельной формой хозяйствования будет способствовать возрождению самобытной национальной культуры с характерными этническими особенностями русских

переселенцев, восстановлению конфессиональных традиций, повышению духовной насыщенности жизни. Интеллектуальные запросы местных жителей планировалось удовлетворить путем приобщения к разносторонней деятельности экомuzeя, находящегося в среде их обитания. Однако всеобщий кризис российского общества не позволил приступить к реализации проекта. Продолжают разрушаться памятники архитектуры, в т.ч. редкая для сел Западной Сибири каменная Спасская трехпрестольная церковь.

Основой еще одного притрактового экомuzeя – «Брюханово» – может стать Музей истории крестьянского быта, созданный в 1993 г. в деревянном доме «торгующего крестьянина» Пьянкова, являющемся памятником архитектуры, в центре с. Красного (прежнее название – Брюханово) Ленинск-Кузнецкого р-на Кемеровской обл. Этот музей планировался как районный краеведческий, но получил указанное официальное название, т.к. его экспозиции состояли в основном из предметов ремесел и быта русских старожилов и переселенцев.

Еще в 1995 г. архитектор А.Г. Афанасьев с участием кузбасских историков разработал проект музея под открытым небом в исторической части с. Красного. В число его зон охраны включались дом Пьянкова, другие сохранившиеся памятники народной архитектуры, отреставрированная и действующая каменная Троицкая церковь начала XX в. В 1996 г. сотрудники КемГУ в одной из комнат Музея истории крестьянского быта создали на основе его фондов стационарную археолого-историческую экспозицию и откорректировали состав планируемых архитектурно-этнографических экспозиций под открытым небом. Местные власти из-за отсутствия финансовых средств к реализации проекта так и не приступили, и памятники продолжают разрушаться [Кимеев, 1997, с. 188].

В настоящее время в экомuzeях Притомья «Тюльберский городок» и «Тазгол» действуют круглогодичные учебно-научные центры КемГУ, где отработывается методика сохранения и музеификации природной и культурной среды как взаимосвязанных частей единого целого в рамках концепции экомuzeя, проводятся комплексные этноэкологические экспедиции по выявлению и исследованию памятников историко-культурного и природного наследия. Одновременно создаются условия для саморегуляции социальных отношений, сохранения и передачи национальных традиций, формируется экологическая культура населения Притомья на основе современных научных знаний и изучения исторического опыта. Все это позволило перейти совместно с местными органами власти к практическим мероприятиям по организации экомuzeев-заповедников как национально-культурных, учебно-научных и природно-рекреационных центров Притомья [Кимеев, 2006, с. 43].

При реализации программы создания экомузеев «Тазгол» и «Тюльберский городок» было создано более 50 рабочих мест, проложена гравийная дорога Таштагол – Усть-Анзас протяженностью 60 км. Объект экомузея с гостевыми домами включены в автомобильно-водные маршруты и активно используются. По проекту экомузея «Тюльберский городок» предусмотрено возрождение пос. Городок с надлежащей инфраструктурой – магазином, школой, фермерскими хозяйствами, что даст дополнительно несколько десятков новых рабочих мест. Уже сейчас значительно улучшилась экологическая обстановка окрестностей поселков Усть-Анзас и Городок.

Следует отметить, что экомузеи Сибири явились добровольным культурным заимствованием местного сельского населения в отличие от навязываемых им в советский период других «общественных институтов» – школ-интернатов и колхозов с сельскими клубами. Естественность вхождения экомузея в этнокультурное поле аборигенов свидетельствует о существовании в прошлом в их культуре подобного института. Это родовые и семейные святилища, восходящие к культу предков. Побудительные мотивы создания как святилищ, так и современных экомузеев лежат в сфере группового религиозного и этнического самосознания [Кошурникова, 2002, с. 67].

Сопричастность природной стихии, породившей этническую культуру аборигенов Сибири, проявилась в выборе места под экомузей и создании парковой музейной экспозиции. Выбираемое место в сознании местных жителей было значимым в связи со священным почитанием предков и являлось этнокультурным центром пересечения торговых путей и промысловых троп, где путниками обычно совершаются жертвоприношения. Так, главный объект экомузея «Тазгол» (ритуальный комплекс) находится на перекрестке двух транспортных магистралей – р. Мрассу и древнего сухопутного торгового пути Улуг-Чол, соединявшего Алтай с Хакасией. Ритуальное средневековое городище экомузея «Тюльберский городок» также расположено на пересечении сухопутного пути из бачатских степей по долине р. Уньга в Кузнецкий Алатау и водного по р. Томи. Средневековые курганы и поселения цепью окружают ядро экомузеев «Чолкой» на берегу р. Бачат и «Калмаки» на правом берегу Томи.

Заключение

Тенденция создания экомузеев в Сибири остается до сих пор из-за стремления местных властей и национально-интеллектуальной элиты возродить этнические культуры, воссоздать и сохранить естественную среду обитания и быт малочисленных народов Сибири. Экомузеи удалось создать в основном в удаленных

и труднодоступных местах, где еще не утрачена национальная культура в близких к традиционным формам. В дальнейшем важнейшей задачей станет создание условий для сохранения уникальных традиций малочисленных этнических групп в естественной среде обитания в обстановке наступления индустриальной цивилизации.

Для современных экомузеев Сибири сохраняются как охранительная, так творческая установки культурного освоения, что и делает их частью живой культуры. Именно музей этого типа может предложить интересные и разнообразные нетрадиционные формы интерпретации этнографических источников. Экомузей выполняет функции лаборатории, готовит специалистов, оказывает помощь в организации других заповедников, вовлекает жителей в свою деятельность по сохранению прошлого, а также побуждает их к творческой переоценке настоящего и к осознанию будущего. Именно здесь возможно наиболее полное «погружение» в культуру и культурную среду.

Идея экомузея, принятая в местах компактного проживания аборигенов Сибири в силу особой рефлексии как следствия отчуждения от культурных корней, оказалась привлекательной в критической ситуации осознания разрушений и утрат, понесенных их этническими культурами. Экомузеи ориентированы, в первую очередь, на потребность аборигенов в сохранении, реанимации и воспроизводстве культурной самобытности и этнокультурном развитии, в улучшении экологии, экономики, социальной жизни, в активизации рекреационно-туристской деятельности как возможности создания новых рабочих мест.

Экомузеям, создающимся в индустриальных районах, труднее стать частью настоящего, т.к. социальные противоречия усугубляются там различиями в культуре и уровне жизни сельского и городского населения, аборигенов и русских сибиряков. В таких сибирских экомузеях, как, например, «Торум-Мая», «Природы и Человека», «Тюльберский городок», можно предложить лишь искусственно созданную «самобытность» лишенных корней местных жителей, взгляды которых чужды мировоззрению аборигенов.

Некоторые заявленные и создающиеся экомузеи Притомья, например «Тазгол» и «Калмаки», открывают для общества широкие возможности. Привлечение местного населения и специалистов позволит разработать и осуществить взаимовыгодные проекты, нестандартно подойти к решению важнейшего вопроса современности – возрождению многонациональной культуры народов данного региона в нормальной жизненной среде. Хотя экомузей не призван решить всех региональных проблем глобального характера, он способен улучшить условия жизни местных жителей и предоставить им дополнительные рабочие места. А главное – только экомузей способен реанимировать

механизм самовоспроизводства жизненных ценностей и культурных традиций для населения округа, сохранить среду их обитания.

Список литературы

- Афанасьев А.Г., Бедин В.И., Кимеев В.М.** Экомузей «Чолкой» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 1994. – С. 7–13.
- Барин Ю.** Термин и его значение // Museum. – 1985. – № 148. – С. 5.
- Гаевская Е.** Все это в памяти останется: Легенды и были Деревянной речки. – Мегион: Регион. ист.-культурол. и экол. центр, 1999. – 83 с.
- Гнедовский М.Б.** Тайны под открытым небом: (Музей в Варьегане) // Мир музея. – 1994. – № 3. – С. 8–19.
- Давыдов А.Н.** Экоскансен: Социальная активность музея под открытым небом в свете теории «нового музееведения» // Традиционные и новые обряды народов СССР и их отражение в музеях под открытым небом. – Архангельск: Арханг. музей деревянного зодчества, 1989. – С. 9–11.
- Каулен М.Е.** Средовый музей: современные проблемы и перспективы развития // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: Мат-лы IX Всерос. науч. конф. (Бородино, 16–17 ноября 2004 г.). – М., 2005. – С. 37–54.
- Кимеев В.М.** Касьминские чалдоны. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 250 с.
- Кимеев В.М.** Экомузей «Калмаки» // Притомские калмаки. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – С. 124–148.
- Кимеев В.М.** Опыт музеефикации средневекового культового городища в экомузее «Тюльберский городок» // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. – Кемерово: Природ. ист.-культ. музей-заповедник «Томская Писаница», 2001а. – С. 64–66.
- Кимеев В.М.** Проблема реконструкции и музеефикации казачьих острогов Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнауль. гос. пед. ун-та, 2001б. – С. 224–226.
- Кимеев В.М.** Экомузей-заповедник «Тюльберский городок» // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 14–41.
- Кимеев В.М.** Экомузей-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Притомья // Экологические проблемы развития музеев-заповедников. – М.: Институт Наследия, 2006. – С. 43–49.
- Кимеев В.М., Арзютов Д.В.** Современные этнокультурные процессы в шорском улусе Усть-Анзас // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы Шестых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. / отв. ред. Е.Г. Фёдорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 322–330.
- Кимеев В.М., Афанасьев А.Г.** Экомuzeология: Национальные экомuzeи Кузбасса: Учеб. пособие. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – 135 с.
- Кимеев В.М., Кривоногов В.П.** Трансформация этнического самосознания калмаков // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 2. – С. 125–139.
- Кимеев В.М., Шатилов Н.И.** Экомuzeи «Тазгол» в Горной Шории // Шорский сборник. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – Вып. 2: Этноэкология и туризм в Горной Шории. – С. 150–162.
- Кимеев В.М., Ширин Ю.В.** Сосновский казачий острог // Притомские калмаки. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – С. 25–42.
- Коростина Т.В.** На пути к экомuzeю // Западная Сибирь: История и современность: Краевед. зап. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. – Вып. 3. – С. 28–31.
- Кошурникова А.Ю.** Особенности фондово-экспозиционной работы в деятельности сельских этномuzeев // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Мат-лы Всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – С. 65–70.
- Мейран П.** Новая музеология // Museum. – 1985. – № 148. – С. 20–21.
- Ользина Р.С.** Торум-Маа: его прошлое и настоящее // Словцовские чтения-96: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. – Тюмень: Тюм. обл. краевед. музей им. И.Я. Словцова, 1997. – С. 29–31.
- Ривьер Ж.А.** Эволюционное определение экомuzeя // Museum. – 1985. – № 148. – С. 2–3.
- Тихонов В.В.** Анализ методической базы музеев под открытым небом России. – Иркутск: ИП «Макаров С.Е.», 2003. – 180 с.
- Челухов В.И.** Телеуты: История народа // Тр. Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2004. – Т. 1. – С. 449–451.
- Шагжина З.А.** Концепция экомuzeя «Тункинская долина» // Историческое, культурное и природное наследие: состояние, проблемы, трансляция. – Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств, 1996. – Вып. 1. – С. 139–143.
- Ширин Ю.В.** Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. // Тр. Том. гос. объедин. историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 49–60.
- Шульгин П.М.** Работа Института Наследия над комплексными региональными программами // Наследие и современность: десять лет Института Наследия: Информ. сб. – М., 2002. – Вып. 10. – С. 19–43.
- Юренева Т.Ю.** Музей в мировой культуре. – М.: Рус. слово, 2003. – 536 с.

Материал поступил в редколлегию 25.01.07 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

КАЗАХИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ. БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ЛЕТНИХ КОЧЕВИЙ

Становление и развитие номадизма в Центральной Азии – одна из приоритетных тем в исследованиях ИАЭТ СО РАН. В 1990-е гг. она изучалась в рамках международного проекта «Пазырык» на материалах, собранных на плато Укок в юго-восточной части российского Алтая, на границе с Монголией. Комплексная программа исследований культур ранних и поздних кочевников предполагала проведение этнографических работ среди казахского и алтайского сообществ на границах российского Алтая.

В 2004–2006 гг., согласно договору между ИАЭТ СО РАН, Германским археологическим институтом и Институтом археологии АН Монголии, развернулись исследования на северо-западе Монголии, где в высокогорном районе на границе с российским Алтаем были обнаружены комплексы пазырыкской культуры. Результаты работ по данному проекту были изложены в серии публикаций [Молодин, Парцингер, 2007; Молодин, 2007] и доложены летом 2007 г. на Международном конгрессе в Берлине [Molodin, Parzinger, Tseveendorj, 2007].

Международной экспедицией были проведены этнографические исследования среди казахов региона. Сохранившая язык, бытовую культуру, ритуалы и верования, эта локальная группа казахского этноса представляет огромный интерес для исследований и как наследница древних кочевых традиций, и как народ, интегрированный в современные этнополитические структуры Центрально-Азиатского макрорегиона.

* * *

Конец XX в. был ознаменован созданием независимых государств на постсоветском пространстве Центральной Азии, что стало причиной развития трансконтинентальных миграционных процессов.

Казахстан вошел в число государств, которые встали на путь разработки национальной концепции репатриации.

Начало массового переселения казахов на историческую родину из евразийских государств приходится на 1991 г. В первые годы суверенитета темпы притока мигрантов в республику были очень высокими. За десять лет независимости Казахстан принял более 200 тыс. переселенцев-оралманов из разных стран мира. В 1990-е гг. наиболее многочисленная группа казахов, проживавших в дальнем зарубежье, прибыла в республику из Монголии; только за 1991–1992 гг. оттуда переселилось более 7 тыс. семей, или 40 тыс. казахов. Выходцы из Монголии составляли свыше 80 % от общей численности казахов-оралманов.

В связи с ростом миграционной активности национальная политика Казахстана в последние десятилетия была ориентирована на консолидацию общества на основе этнических ценностей. С опорой на этничность в Республике Казахстан разработана диаспоральная стратегия, учитывающая интересы казахов всего мира. В 1995 г. была принята, а в 1996 г. утверждена президентом Государственная программа поддержки казахской диаспоры. При огромной заинтересованности властных и общественных структур Казахстана и Всемирной ассоциации казахов с конца 1990-х гг. в стране получили развитие программы культурного, научного, экономического сотрудничества, охватывавшие трансграничные области Большого Алтая, в т.ч. территорию Монгольского Алтая, где был широко представлен казахский этнос.

Интерес официального Казахстана к потенциалу казахов сопредельных стран и регионов нашел отражение в серии межгосударственных соглашений, увязывающих решение проблем соотечественников с проблемами стабилизации политической ситуации на евразийском пространстве. В государственных программах казахи зарубежья были представлены состав-

Отряд Российско-Монгольско-Германской экспедиции под руководством В.И. Молодина.

ной частью единого казахского сообщества, имеющего общие исторические и культурные корни.

В 2003 г. в Республике Казахстан была принята комплексная фундаментальная программа «Казахи Монголии (историко-этнографическое исследование)». Ее идеологию определило отношение к культуре казахов Монголии как к творческому ресурсу в развитии казахской нации.

Сегодня казахи Монголии, несмотря на сокращение численности в ходе эмиграции в последнее десятилетие, составляют вторую по численности (после казахов Китая) группу за рубежом Республики Казахстан. Согласно данным на июль 2006 г., из более чем 2,8 млн жителей Монголии монголы составляли 85 %, казахи и кыргызы – ок. 7, другие этнические группы – 3,4 %. Местами компактного проживания казахского населения являются Баян-Ульгейский и Кобдоский аймаки. Кобдоский аймак был создан в 1931 г.; его территория достигает почти 76 тыс. км². По данным за 2004 г., в Коб-

доском аймаке проживало 91,8 тыс. представителей 19 этнических групп, казахи составляли ок. 10 %. Баян-Ульгейский аймак на административной карте страны появился в 1940 г.; его площадь равняется примерно 46 тыс. км². Аймак входит в Западно-Монгольский округ. Основное его население – казахи [Kazinform...; Википедия...].

Проникновение казахов в пределы Монголии началось после падения Джунгарского государства. Особенно активно степи Западной Монголии осваивались во второй половине XIX – начале XX в. казахами-кереями, двигавшимися со стороны Восточного Туркестана, Восточного Казахстана и российского Алтая.

Демаркация государственных границ в Центральной Азии в конце XIX в. обострила проблему кочевий в приграничных районах.

В начале XX в. в ходе военно-политических конфликтов с участием России и Китая активизировались трансграничные миграции. В 1911–1913 гг. обстанов-

ка осложнилась в связи с борьбой за независимость Халхи. В военно-политический конфликт были втянуты казахи приграничных районов Монголии: несколько тысяч казахов, пытаясь уйти из зоны конфликта, пересекли российскую границу. К 1915 г. «монгольский вопрос» был решен. Тройственная русско-китайско-монгольская конференция в Кяхте приняла соглашение об автономии Внешней Монголии в составе Китайской республики. Тогда же началась обратная миграция казахских родов за пределы российского Алтая.

Массовый характер эмиграция российских казахов вновь приобрела в 1916 г. в связи с постановлением правительства Российской империи о призыве иностранцев на тыловые работы. Смена государственных режимов, революционные социальные преобразования, этнические противоречия и внешнеполитические конфликты в пограничных регионах Центральной Азии 1920–1930-х гг. во многом определили развитие этнополитической и миграционной ситуации в регионе. Активные межрегиональные и трансграничные миграции продолжались до 1930–1940-х гг.

В июле 1921 г. в г. Урге (ныне г. Улан-Батор) была провозглашена независимость Монголии. В 1924 г. парламент страны – Великий Народный Хурал – объявил о создании Монгольской Народной Республики. В состав многонационального сообщества этого государства был интегрирован казахский этнос. Будучи вовлеченными в противоречивые процессы социально-политической и экономической модернизации, развернувшиеся в стране в XX в., казахи Монголии сохраняли традиционные формы и механизмы самоорганизации. В их составе и сегодня выделяются родоплеменные группировки кереев, найманов, аргынов и уаков при значительном преобладании кереев, которых чаще всего называют *абак керейми*.

Абак керейи делятся на 12 родов; наиболее многочисленными среди них являются ители, жантекей, жадик, шеруши, молкы. У каждого рода есть свой боевой клич – *уран*: у ители – «Букарбай!», у жантекеев – «Шакабай!», у жадиков – «Жанат!», у шеруши – «Байталак!», у молкы – «Машан!». Ураны казахских родов восходят к именам предков. У каждого казахского рода есть также свое знамя, тамга, «земли предков» и кладбище. Только на территории Баян-Ульгейского аймака этнографическими экспедициями Республики Казахстан зафиксированы 16 старинных крупных и средних кладбищ с семейными усыпальницами, основанными в конце XIX – XX в., – Карасу, Согак, Кок-Мойнак, Аккол, Бектемир, Караган, Елеш-аулие и др.

Родовые отношения у казахов Монголии имеют очень устойчивый характер. Их традиционные структуры использовались при административном структурировании государства в ходе социально-экономи-

ческих преобразований в XX в. В 1921 г. Монголия стала социалистическим государством. Первые колхозы казахов в стране имели родовой характер. Среди них были такие объединения, как «Сумон Шеруши», «Бакат», «Толек», «Ботакара», «Санырау» [Бикумар, 1995, с. 143–153].

Знание родовых символов и семи колен предков по сей день является обязательным для казахов Монголии. Устная история хранит верность прошлому и народным традициям. Согласно существующим у казахов представлениям, каждое родоплеменное объединение имеет свои достоинства. Найманы, например, прославились умением строить мечети и обжигать кирпичи; о них помнят как о знахарях, предсказателях и проповедниках ислама. Аргыны известны как потомки четырех предков – Баймухамета, Байзикира, Кусайына, Смагула. Они до сих пор славятся хранителями знаний. Их тамга – «зрочок» [Там же]. По историческим преданиям, в прошлом уаки – многочисленный народ, который утратил независимость после нашествий Чингисхана и вошел в состав Среднего жуза. С древности уаки Монголии широко известны как мастера художественной обработки дерева. Устойчивость традиционных социальных структур и культурных стандартов позволяет казахам сохраниться при всех политических перипетиях и экономических преобразованиях [Там же].

Стратегии создания плановой экономики и колхозного строя и сопутствовавшая им политика секуляризации религиозных практик в Монголии 1921–1990-х гг. определяли тенденции трансформации культур населявших ее народов. Ускоренная индустриализация, опиравшаяся на освоение природных ресурсов, завершила формирование облика страны во второй половине XX в. Но при всех изменениях пастбищное животноводство всегда оставалось главным направлением хозяйственной деятельности народонаселения государства. В конце XX в. страна входила в число мировых лидеров по поголовью скота в расчете на душу населения – приблизительно 12 голов на человека. При общей ориентированности на животноводство, согласно данным на 2004 г., в Кобдоском аймаке, где традиционно были расселены казахи, насчитывалось 17 884 372 ед. скота (верблюды, лошади, коровы, овцы, козы). Здесь имели скот 11 992 семьи, из них 2 887 семей (24 %) владели стадом более 500 голов, 3 255 семей (27,2 %) – свыше 200, 2 493 семьи (20,8 %) – свыше 100 голов [Википедия...].

В начале 2000-х гг. в Баян-Ульгейском аймаке было порядка 1,4 млн голов скота. Ежегодно на внешние и внутренние рынки аймак поставлял свыше 2 тыс. т мяса, 850–900 т овечьей шерсти, 130 т козьего пуха, 280–300 тыс. шт. шкур всех видов скота. Казахы аймака, как и Монголии в целом, из века в век специали-

зировались на полукочевом отгонном скотоводстве и вели подвижный образ жизни. Современные кочевники, сохраняя традиции прошлого, существенно модернизировали свой быт, но по-прежнему их хозяйство основано на разведении лошадей, яков, верблюдов, коз и овец [Там же].

Дополнением к скотоводству казахов Монголии является охота, в частности охота с ловчими птицами, которая в наше время переживает возрождение. Монголия всегда была богата пушным зверем; в некоторых частях страны добыча меха сурков-тарбаганов, белок, лисиц являлась важным источником дохода. Сегодня охота с беркутом из отрасли традиционной экономики превращается в престижный вид спорта и является основанием для международных фестивальных практик, которые пользуются большой популярностью в рекреационном пространстве Центральной Азии.

В годовом хозяйственном цикле казахов охота соотносится преимущественно с осенне-зимними циклами кочевания. Систему перекочевок казахов Монголии традиционно формируют сезонное распределение и вертикальное зонирование пастбищ. Зимние стоянки располагаются в закрытых от ветров низинах по берегам рек; летники находятся в зоне высокогорных степей.

Смена кочевий определяет хозяйственный календарь и образ жизни казахов Монголии. Циклу кочевания подчинены все хозяйственные технологии этого народа и сопутствующие им ритуалы. Рациональные знания казахов Монгольского Алтая неотделимы от их мистических представлений. Зоотехнические приемы и навыки сочетаются с верованиями в святых пайгамбаров – покровителей отдельных видов скота. С культами стихий переплетается народный ислам казахов; он сосуществует с институтом баксы – прорицателей и знахарей, которые обретают сакральное знание, находясь в состоянии транса, в ритуалах гадания и исцеления используют домбру, плеть и саблю.

Синкретичными являются представления казахов Монголии о предках – мифических и реальных. Исполнение музыкальных поэтических произведений, посвященных героям и событиям прошлого, входит во все наиболее значимые ритуалы и праздники. Одно из главных событий года для казахов Монголии – перекочевка на летние пастбища.

Скотоводческий весенне-летний цикл включает обряды, сопровождающие первое ягнение, рождение первого верблюжонка, появление жеребят, получение первого кумыса и др. В день отделения дойных кобылиц от косяка казахи устраивают торжества. Люди с ближайших стоянок приносят с собой гостинцы. Кобылиц с жеребятами выгоняют утром, когда рассеивается предрассветный сумрак. Привязью служит

длинный волосяной аркан, в традиционной культуре играющий роль оберега. Прежде чем подпустить жеребенка к матери, на него устраивают облаву. С этой задачей без труда может справиться один человек, но обычаи требуют коллективного загона.

Первый день привязывания кобылы в Казахстане именуется *кумыс мурындык*, у казахов Монголии – *бие байлар*. Этот обычай называют также *алгайкы кулыннын тойы* (первое торжество жеребенка), *кулын байлар* (привязывание жеребенка). В этот день привязь смазывают маслом и первый кумыс в сабе (кожаный бурдюк) взбивают всем кочевьем. В ритуале участвуют и аксакалы, и маленькие дети. Первую дойку кобылиц на летнем пастбище традиционно сопровождает большое угощение. С этого дня, в прежние времена, каждое утро люди со стоянки собирались в юрте, где находилась саба, пробовали молодой кумыс. Его питье превращалось в веселый праздник.

В наши дни многие церемонии упростились, но общее настроение радости по-прежнему сопровождает начало летнего этапа кочевий. Летом праздники следуют один за другим, хотя у обитателей кочевых стоянок в этот период особенно много работы. Мужчины ухаживают за молодняком, метят и клеймят скот, снимают шерсть с верблюдов. Женщины заняты доением: кобылиц и верблюдиц доят четыре-пять раз в день, овец и коз – два-три раза. С наступлением осени по существующей у казахов Северо-Западной Монголии практике кочевания скотоводы перемещаются ближе к зимникам. Там производится стрижка овец. Хозяйственный год завершается в ноябре – декабре, когда происходит забой скота на зиму. Как прежде, так и сегодня это дни развлечений и коллективных застолий. Впереди у скотоводов – суровая зима.

В целом культура жизнеобеспечения казахов Монголии адаптирована к условиям зоны высокогорных степей. Основными формами поселений казахов Монгольского Алтая были и остаются стационарные стоянки – *кыстау* (зимники). Они представляют собой хозяйственно-жилые комплексы, включающие не только саманное жилище – *ысты уй*, но и хозяйственные постройки: *тошал уй* – помещение для хранения мяса и других продуктов, *сарашы кора* – помещения для скота, *уста уй*, или *дукен уй*, – мастерские. Все глинобитные и каменные строения находятся внутри большого двора. Иногда в его пределах располагаются два дома: *улкен уй* – дом главы семьи и *отау уй* – дом выделившегося сына. Принципы освоения пространства имеют глубокие традиции в кочевой культуре и до сих пор сохраняются у казахов Монголии.

На летних стоянках казахи устанавливают войлочную юрту – *киз уй*. Ее размеры определяются количеством сегментов решетки, которая образует стены,

и купольных жердей – *уыков*. Наиболее распространенными у казахов Монголии были юрты, имеющие 60–70 уыков. До сих пор войлочное жилище – неотъемлемая часть быта казахов Монголии. Своеобразие современной казахской юрты придают аппликационные и стеганные войлоки, цветные циновки и яркая вышивка, украшающая детали ее интерьера.

Быт кочевников во все времена был предельно функционален, вещи легки и компактны. В системе питания преобладал мясо-молочный рацион. В ряд основных продуктов казахов Монголии входят молоко, сливочное масло, сыр, творог, баранина, ячменная крупа, мука и чай. Особенно почитается кумыс, который делают из кобыльего молока. Процесс вызревания напитка символизирует возрождение природы, а получение первого кумыса отмечается как большой праздник. С практикой изготовления кумыса у казахов Монголии связано производство кожаной утвари, предназначенной для хранения напитка. Обработка кожи принадлежит к числу традиционных ремесел казахов Монголии. Она производится по старинным технологиям.

В казахских семьях бережно хранят наследие предков – потемневшие от времени серебряные украшения, расшитые чепраки, домашнюю утварь. По старинным образцам изготавливают новые вещи, которые одновременно выступают украшениями быта, этническими символами или предметами престижного экспорта. Ремесленные традиции казахов Монголии для казахов Российского Алтая являются образцом для подражания.

К женским видам домашнего производства относятся ткачество и изготовление покрывал, полос и лент для перетяжки юрты, камышовых циновок с обивкой цветной шерстью (*ала ши* и *ораулы ши*), войлока для покрытия юрты, ковров: *текемет*, *сырмак*, *сауалды сырмак* (с бахромой) и др. Начало изготовления войлока сопровождают благопожелания. Для войлоков, которые катают летом, казахи используют осеннюю шерсть – она более эластична. Чтобы получить кусок войлока размером 20 м², требуется обработать шерсть более 10 овец. По традиции многие женские работы выполняются коллективно, в рамках домашних промыслов. В современной Монголии известны искусные мастерицы (*шебер*), которые работают на заказ.

У казахов Монгольского Алтая очень высоко ценится искусство изготовления традиционной одежды и украшений. Многие элементы национального костюма сохраняются в качестве статусной одежды преимущественно старшего поколения.

Среди мужских ремесел казахов выделяются изготовление конского снаряжения и поясов, кузнечное ремесло (*усталык*) и ювелирное искусство, которым занимаются мастера-*зергеры*. Частью повседневного

быта является деревообработка – производство деталей юрты, мебели, бытовых предметов и т.д.

Ремесло в казахской среде имеет различный уровень товарности и вариативные формы организации – от домашнего производства до кустарных промыслов. Это обеспечивает устойчивость различных социально-экономических структур – от семейного кочевья до кооперированного хозяйства.

Находящиеся на высокогорных пастбищах, вдали от центров цивилизации, казахские аулы способны решать текущие производственные проблемы, привлекая весь арсенал технологий, связанных с использованием и современных машин, и спутниковой связи, и старинных кузнечных практик.

За чередой повседневных дел казахских кочевий подступает летний праздник Наадам, приуроченный ко Дню победы народной революции (11–12 июля). Это самый большой праздник в Монголии. Он отмечается с размахом и на общегосударственном уровне, и на уровне каждого аймака. Праздник сопровождают соревнования по степным единоборствам, включая стрельбу из лука, борьбу и скачки, которые проводятся по старинным правилам. К конным состязаниям во время Наадама казахи готовятся особенно тщательно. Лошади для скачек отбираются за месяц до начала праздника. Участниками скачек становятся подростки 10–12 лет. По несколько часов в день они проводят в седле, готовясь к соревнованиям, на которых им предстоит защищать честь родных кочевий.

Общегосударственный праздник Наадам объединяет полиэтническое сообщество Монголии в единое целое и манифестирует культурное богатство и многообразие страны. Казахи являются частью этнополитического сообщества современной Монголии. В стране много делается для того, чтобы этот народ, наряду с титульным этносом, имел возможность жить и развиваться в стабильных экономических и политических условиях, сохраняя родной язык, культуру и веру.

В 1990 г. для возрождения религиозных традиций казахского этноса в стране создано Общество монгольских мусульман. На национальном общественном телевидении работает редакция казахских программ, организованная при поддержке дипломатической миссии Республики Казахстан в Монголии. В правительственных кругах обсуждается вопрос о придании казахскому языку статуса официального в местах компактного проживания казахов.

Знаком признания вклада казахов в развитие Монголии стало событие, о котором в 2007 г. сообщили все средства массовой информации, – президент страны побывал в гостях у самого старого казаха Монголии – 92-летнего Ануара. Уроженец Баян-Ульгейского аймака, он 30 лет прослужил в рядах вооруженных сил,

его сын стал одним из самых известных в Монголии врачей и лауреатом государственной премии.

Оставаясь этническим меньшинством, казахи Монголии включены в социально-экономическую и социокультурную инфраструктуру государства. Они представлены в парламенте и силовых структурах, в культурных, образовательных и научных сферах страны. В последние десятилетия сообщество казахов Монголии является активным участником диаспоральных контактов на межгосударственном уровне. Развитие дипломатических отношений Монголии с Россией, Казахстаном, Турцией и Китаем делает возможным выполнение программ, ориентированных на обеспечение стабильности этноса, ставшего органичной частью полиэтнического сообщества Центрально-Азиатского макрорегиона.

Список литературы

Бикумар К. Моноголиядагы казактардын салт-дәстүрлери (этнологиялык зерттеулер). – Өлгей, 1995. – 344 с.

Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (21.04.2008).

Молодин В.И. Исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции на Северо-Западе Монголии летом 2006 г. // РА. – 2007. – № 4. – С. 42–50.

Молодин В.И., Парцингер Г. Ледяной воин Алтая // National Geographic. – 2007. – Июнь. – С. 58–71.

Kazinform [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/stowarticle>

Molodin V., Parzinger H., Tseveendorj D. Das Kriegergrab von Olon-Kurin-Gol // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Szythen. – München; Berlin; L., N.Y.: [S.l.], 2007. – S. 148–155.

**Молодин В.И., Мыльников В.П.,
Октябрьская И.В.**

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090,
Россия*

E-mail: SIEM405@archaeology.nsc.ru

* * *

Фоторепортаж подготовлен В.П. Мыльниковым.

В.П. Мыльников родился в 1948 г. в г. Новосибирске. Окончил Кемеровский государственный университет. С 1969 г. по настоящее время работает в ИАЭТ СО РАН. Сферой его научных интересов являются проблемы технологий эпохи палеометалла. В 2003 г. В.П. Мыльникову присвоена ученая степень доктора исторических наук, с 2005 г. он заведует отделом музее-

ведения ИАЭТ СО РАН. В.П. Мыльников принимал участие в археологических экспедициях под руководством академиков А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.И. Молодина на территории Дальнего Востока, Сибири, Алтая, Забайкалья, Монголии, Казахстана, Урала. В экспедиционных странствиях фотография стала для него второй профессией. Его снимками оформлены многие научные и научно-популярные издания.

1. Казахи сомона Улан-Хус на летних кочевьях в долине р. Олон-Курийн-Гол.

Долина р. Олон-Курийн-Гол, закрытая с двух сторон горными хребтами и перевалом Улан Даба, – традиционное место кочевий казахов сомона Улан-Хус. Их зимники расположены преимущественно на южных склонах гор, на высоких террасах, в защищенных от ветров местах. Юрты летних кочевий поставлены в 10–15 км от зимников вверх по течению горных речек.

2. Зимняя казахская стоянка в долине р. Олон-Курийн-Гол.

3. Казахское кочевье начала XXI в.

В 160 км к северо-западу Баян-Ульгейского аймака, в 45–50 км от сомона Улан-Хус расположился лагерь международной археологической экспедиции. Соседями ученых стали казахи-кереи, перекочевавшие на летние пастбища в середине июня. На высоте 2 500–2 700 м над ур.м. среди высокогорных степей расположились их аулы.

4. В юрте на летнем пастбище. Пиала с кумысом для казаха – знак уважения гостю.

5. Беркутчи Мухтар из сомона Улан-Хус Баян-Ульгейского аймака.

Размеренную жизнь казахских кочевий формируют повседневные заботы о стаде. Несколько сотен голов овец, коз, яков, лошадей находится в ведении семейной общины. Летний день проходит от утренней до вечерней дойки. Иногда в кочевье заезжают гости. В этот день Мухтар и его брат охотились с ручным беркутом на степных лисиц и сурков в окрестностях аула. Во время охоты они заехали в знакомый аул и навестили археологов.

6. Дойка овец на летней стоянке.

7. Начало праздника первого кумыса.

С перекочевкой на летние пастбища казахи начинают делать кумыс. Это важное событие отмечают как праздник. В долине Олон-Курийн-Гола он проходил 5 июля. С утра на берег горной речки пригнали два десятка кобылиц с жеребятами. Жеребят привязали к длинной веревке, натянутой между кольями. Женщины стали доить кобылиц. Им помогли ребята: они подводили жеребенка к вымени матери. Казахи Монголии до сих пор сохраняют древние скотоводческие традиции; одна из них – доение с подпуском – отражает уважение человека к животным, с которыми он делит свою жизнь.

8. Подготовка к дойке кобылиц.

9. Дастархан на поляне возле ручья.

Праздник первого кумыса для казахов связан с началом лета, ростом трав и животных. Это праздник жизни. Его содержание определяют идеи обновления и плодородия. Праздник сопровождается большим угощением – дастархан, во время которого звучат музыка и песни. Казахский аул отмечает начало долгожданной летней поры, которая принесет много забот, но обернется приращением богатства.

10. Первые шаги будущей хозяйки долины.

11. Дойка яка.

За повседневными заботами казахи не забывают о подготовке к главному празднику Монголии – Наадаму, который отмечается 11 июля. За две недели до этого в ауле отлавливают самых резвых скакунов. Молодых лошадей обьезжают подростки – один наездник и трое-четверо помощников. Через неделю испытаний будущие участники праздника скачут во весь опор по долине по несколько часов; предстоящие скачки требуют серьезной подготовки.

12. Молодой казах – будущий участник скачек во время Наадама.

13. Казахская кузница.

В казахских кочевьях начала XXI в. органично сочетаются элементы индустриальной культуры и кочевой архаики. Время от времени рядом со спутниковой антенной, установленной возле юрты, разворачивают свои инструменты местные кузнецы. Валун-наковальня, молот, горн, угли в большом плоском тазу, в ведре вода для заковки изделий – это и есть мобильная кузница, обеспечивающая автономность кочевья. Опытный мастер быстро подкует скакуна.

14. Ковка коня.

15. Казахская семья в юрте на летнем кочевье в долине Олон-Курийн-Гола.

27 июля 2006 г. стало особенным днем в жизни казахских аулов в долине Олон-Курийн-Гола. Лагерь международной археологической экспедиции во главе с академиком В.И. Молодиным посетил Президент Монголии Намбарын Энхбаяр. Около курганов его ждал народ во главе со старейшинами казахских родов. Президент, осмотрев находки, выступил с речью о крепкой дружбе казахов, монголов и русских. Начался дождь. Старейшины отметили, что это к счастью и, произнеся благопожелания в честь президента, пригласили его к дастархану.

16. Президент Монголии Намбарын Энхбаяр с казахами Баян-Ульгейского аймака.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПАМИРА В САКСКОЕ ВРЕМЯ

В работе представлены результаты изучения обширных краниологических материалов сакского времени из Восточного Памира. Население этого периода характеризуется комбинацией признаков европеоидной восточно-средиземноморской расы. Представлен в основном матуризованный долихокраний вариант с высоким сводом мозговой коробки, узким и высоким лицом; он позволяет судить о генетических связях с энеолитическим населением Южного Туркменистана, Северного Таджикистана и Центрального Ирана. В меньших масштабах распространен грацильный вариант с небольшой высотой свода черепа, узким и сравнительно невысоким лицом; к нему относятся носители намазгинской, сапаллинской, заманбабинской и чустской культур Средней Азии и тюринго-гиссарской культуры Северо-Восточного Ирана. Представителей матуризованного, длинноголового типа с очень высоким и широким лицом, характерного для скотоводческих племен бишкентской культуры Южного Таджикистана, на Памире не выявлено. Максимальная выраженность европеоидных особенностей при очень сильной долихокрании позволяет определенно говорить о передне-, средне- и южно-азиатских аналогиях.

Исследования погребальных памятников Восточного Памира сакского времени имеют более чем полувековую историю, связанную с именем крупнейшего археолога А.Н. Бернштама. С 1946 по 1956 г. на Восточном Памире им выявлено и раскопано свыше 60 культовых и могильных сооружений. В 1948 г. были раскопаны два могильника (Тамдинский (первый из исследованных в данном регионе сакских могильников) и Харгуш (два кургана)) V–IV вв. до н.э., на которых обнаружен не только археологический, но и антропологический материал. На этих археологических объектах исследователем отмечены следы влияния культур населения Тянь-Шаня, Алая и Семиречья. По его предварительному заключению, памятники принадлежали сакским племенам хаумоварга, кочевья которых находились и на Восточном Памире [Бернштам, 1952]. Сводка фактов и теорий, относящихся к памирским сакам, представлена в монографии Б.А. Литвинского [1972].

Позднее на крайнем юго-востоке Памира, у Кзыл-Рабата, А.Н. Бернштам обнаружил могильник VI–IV вв. до н.э. Ак-Беит. Могильник при некотором своеобразии имел большое сходство с Тамдинским. Существенные различия между памятниками А.Н. Бернштам [1956] объяснял принадлежностью объектов к разным племенам, культурные и этнические связи которых развивались в разных направлениях. По мнению А.Н. Бернштама, Ак-Беит отражает преимущественно связи с южными и юго-восточными, а Тамди – с северо-восточными культурами. Исследователь полагал, что в формировании этнического состава населения Восточного Памира приняли участие племена Тянь-Шаня, Алая и Семиречья, Восточного Туркестана, Тибета и Переднего Востока.

Серия из Тамдинского могильника, представленная 14 черепами и 17 скелетами, изучена В.В. Гинзбургом [1960]. Расовый тип погребенных определен им как восточно-средиземноморский. По скелетным остаткам

был восстановлен рост: у мужчин в среднем он составлял 168,9 см, а у женщин – 157,6 см. Остеологические материалы сакского времени из всех объектов, изученных на Памире позднее, не исследовались.

Краниологические материалы из Ак-Беита (хорошо сохранившиеся пять мужских и пять женских черепов) также изучены В.В. Гинзбургом [Там же]. Эта серия, как и тамдинская, была отнесена им к восточно-средиземноморской расе.

Археологические работы на Памире были продолжены в конце 1950-х гг. Б.А. Литвинским. Им вскрыты ок. 250 культовых и могильных сооружений середины I тыс. до н.э. В 1958 г. были раскопаны могильники Яшилкуль и Аличур в центральной части Памира, закончены раскопки Ак-Беита, выявлены и изучены новые памятники Тегирмансу и Можуташ в Юго-Восточном Памире. В 1959 г. проводились работы на могильниках у оз. Сарезского (Кокуйбель, Рангуль, Зоркуль) и пос. Джартыгумбез, продолжались раскопки могильников Тегирмансу, Можуташ в районе Кзыл-Рабата и около Харгуша. Исследован небольшой высокогорный могильник Андемин. В 1960 г. велись раскопки могильников у Харгуша, в районе Кзыл-Рабата, в долине р. Джаушангоз и у оз. Рангуль [Литвинский, 1972].

Весь палеоантропологический материал из этих памятников (34 мужских и 29 женских черепов) исследовался Т.П. Кияткиной. Ею были опубликованы средние данные [1965, с. 6–7] и индивидуальные измерения [1976]. Черепа резко долихокранные, длинные, узкие, средневысокие. Лоб среднеширокий, наклонный, со среднеразвитым надпереносьем. Лицевая часть ортогнатная, узкая, высокая, лептопрозопная, со значительной горизонтальной профилировкой. Нос узкий, очень сильно выступающий. Орбиты средневысокие. Расовый тип определен исследователем как европеоидный восточно-средиземноморский. По мнению Т.П. Кияткиной [Там же], саки Восточного Памира являются потомками населения прикопетдагской полосы эпох энеолита и бронзы.

В 2003 г. М.А. Бубновой были получены три черепа из сакских курганных могильников Караарт I и II на Юго-Восточном Памире. Эти черепа, как и предыдущие, характеризуются чертами восточно-средиземноморской расы [Ходжайов, 2004].

Исследовался палеоантропологический материал сакского времени и из других регионов Средней Азии и Казахстана. Наибольший интерес представляют находки сакского времени из сопредельных регионов: из раскопок А.Н. Бернштама в западной части Алайской долины и в примыкающих к ней ущельях (Шарт, Чак, Карашвак), исследованные В.В. Гинзбургом [1950, 1954, 1960]. Палеоантропологический материал саков и ранних усуней Алая из раскопок И.К. Кожомбердыева и А.А. Абетекова был изучен Н.Н. Мик-

лашевской [1959, 1964], а из раскопок Ю.Д. Баруздина – И.В. Перевозчиковым [1967]. Этими исследователями саки Алая, представленные вышеперечисленными материалами, отнесены к мезокранной европеоидной расе с незначительной монголоидной примесью. В ней выделено несколько морфотипов; наряду с мезобрахикранными (более $\frac{1}{3}$ черепов) отмечены долихокранные варианты. В целом по морфологическим особенностям это население занимает промежуточное положение между саками Памира и Тянь-Шаня [Гинзбург, Трофимова, 1972].

В Центральном Тянь-Шане в местностях Чакмак, Ала-Мышик, Кырчин, Джергатаал А.Н. Бернштам обнаружил 14 черепов сакского времени, которые В.В. Гинзбург [1954] отнес к европеоидному брахикранному типу с монголоидной примесью. Однако у жителей Центрального Тянь-Шаня монголоидная примесь проявилась в меньшей степени, чем у саков Казахстана, что позволяет сделать вывод о сравнительно небольшом участии пришлых представителей монголоидного типа в формировании морфологического состава населения этой территории [Гинзбург, Трофимова, 1972].

В основе антропологического типа саков Казахстана лежит андроновский, присущий населению эпохи бронзы. Такие особенности саков Казахстана, как более высокое лицо, меньшая высота мозговой коробки, менее выступающий нос по сравнению с населением эпохи бронзы, обусловлены, видимо, монголоидной примесью, которая проявляла себя в сакское время [Дебеч, 1948; Гинзбург, 1950, 1952, 1954, 1961; Исмагулов, 1970; Гинзбург, Трофимова, 1972; Алексеев, Гохман, 1984].

Сакская группа из Приаралья и Северного Туркменистана, представленная в могильниках Тагискен, Уйгарак, Чирик-Рабат, Асар, Тумек-Кичиджик, Сакарчага, Тарымкая и др., характеризуется смешанными признаками антропологических типов местного тазабагыбско-андроновского и пришлого центрально-азиатского монголоидного населения. Можно констатировать, что уже с VII–V вв. до н.э. население Приаралья представляло собой смешанную популяцию: в ней отразились европеоидный, преимущественно андроновский, пласт и значительная примесь монголоидных форм центрально-азиатского происхождения [Трофимова, 1963а, б, 1967; Яблонский, 1991, 1996, 1999; Итина, Яблонский, 1997].

Основной комплекс антропологических особенностей саков Северного Туркменистана, Юго-Восточного Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана, Тянь-Шаня и Алая в общем достаточно однороден. Для саков этих территорий характерны брахикrania, широкое, несколько уплощенное лицо и средневыступающие носовые кости. Представители этнических групп, проживающих на Тянь-Шане, име-

ют сильнее профилированное лицо и более выступающие носовые кости, чем население равнин.

На основании сказанного можно сделать вывод о наличии монголоидной примеси в составе саков Приаралья и Казахстана. Таким образом, различия между территориальными группами заключаются в том, что монголоидная примесь присутствует у равнинных саков и отсутствует у горных. Особое место занимают саки Восточного Памира, имеющие, видимо, иные генетические корни.

Археологические объекты сакского времени широко представлены на территории Восточного Памира. Могильники приурочены к озерам и речным долинам, где расположены основные участки пастбищ сакских племен. Поэтому имеется возможность охарактеризовать морфологические особенности групп, которые были расселены на основных участках пастбищ, а также выделить локальные варианты. Кроме того, можно провести сравнительный анализ серий, принадлежащих локальным группам Памира, а также рассмотреть вопросы сходства и родства с населением Передней, Средней и Южной Азии.

Имеющийся в нашем распоряжении антропологический материал относится к IX–I вв. до н.э. Значительная часть его датируется в пределах V–III вв. до н.э. Остальной материал можно разделить на относящийся к более раннему периоду (IX–VI вв. до н.э.) и более позднему (III–I вв. до н.э.). Это позволяет рассмотреть динамику антропологического состава населения Восточного Памира не только в территориальном, но и хронологическом аспекте.

Черепя эпохи поздней бронзы (могильники Кзылрабат на Восточном Памире и Южбок II – Западном) (табл. 1) и первой половины I тыс. до н.э. (отдельные погребения могильников Яшилкуль, Кунтимуш, Айдынкуль, Можуташ, Тегермансу I, Шаймак) (табл. 2) относятся к европеоидному долихокравному восточно-средиземноморскому типу. Можно сделать вывод, что население сакского времени и эпохи бронзы характеризуется одним комплексом антропологических особенностей, различия между ними не существенны.

Черепя поздних саков (последние века I тыс. до н.э.) Восточного Памира (могильники Чильхона, Аличур I

Таблица 1. Индивидуальные размеры и указатели черепов эпохи бронзы из Памира

№ п/п	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm
<i>Мужчины</i>											
1	201	129	64,2	–	91	132	70	53,0	47	133,5	–
2	205	127	61,9	–	92	–	83	–	–	–	–
n	2	2	2	–	2	1	2	1	1	1	–
x	203,0	128,0	63,1	–	91,5	132,0	76,5	53,0	47,0	133,5	–
s	2,8	1,4	1,6	–	0,7	–	9,2	–	–	–	–
<i>Женщины</i>											
1	178	130	73,0	119	91	116	69	59,5	30	141	129
2	170	150	88,2	132	91	120	65	54,2	–	135	115
3	189	135	71,4	–	94	148	70	47,3	–	–	132
n	3	3	3	2	3	3	3	3	1	2	3
x	179,0	138,3	77,5	125,5	92,0	128,0	68,0	53,7	30,0	137,8	125,2
s	6,7	7,8	7,1	6,5	1,3	13,3	2,0	4,2	–	2,8	6,8

Таблица 2. Индивидуальные размеры и указатели позднесакских черепов из Восточного Памира

№ п/п	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm
<i>Мужчины</i>											
1	187	137	72,0	–	–	131	73	55,7	–	–	–
2	181	136	75,1	123	92	135	75	55,6	31	135	128
3	184	131	71,2	132	88	128	66	51,6	41	–	–
<i>Женщины</i>											
1	193	148	78,3	–	–	139	81	58,3	–	–	–

и Харгуш I) немногочисленны. Поздние саки, как и ранние, – европеоиды восточно-средиземноморского типа. Антропологический состав населения Памира в позднее сакское время, по нашему мнению, существенно не изменился по сравнению с предшествовавшим периодом. Это особенность рассматриваемого региона. Известно, что в Средней Азии в конце I тыс. до н.э. массовое движение кочевых племен европеоидного облика с монголоидной примесью из северных степных в южные регионы сыграло значительную роль в этнической истории населения последних.

Антропологическими данными установлены пути миграции представителей степной зоны. Один из них, вероятно, лежал из районов Приаралья через Восточный Прикаспий в Южный Туркменистан и Северный Афганистан. Другой – также из районов Приаралья, но через Центральные Кзылкумы в Центральный и Южный Согд и далее в Северную Бактрию. Одна часть кочевническо-скотоводческих племен, пришедших в Северную Бактрию, расселилась компактно на границе оазисов и степей (могильники Поздний Тулхар, Арук Тау), другая – осела в городах и крупных укрепленных поселениях (Дальверзинтепа, Айртам, Тепаи Шах, Старый Термез), у нее прослежены генетические связи с местным городским населением.

Пришлые племена характеризовались крупными размерами головы с лобно-затылочной деформацией, с широким и высоким лицом, с ощутимой монголоидной примесью. Отметим, что наиболее ранние проявления обычая лобно-затылочной деформации [Ходжайов, 2000а, б] зафиксированы в Приаралье и относятся к середине I тыс. до н.э. С II в. до н.э. этот обычай распространяется и среди части городского и кочевническо-скотоводческого населения Центрального и Южного Согда, Северной Бактрии и Маргианы [Ходжайов, 1981а, б].

Полное отсутствие следов аналогичной деформации головы у сакских племен Восточного Памира, равно как и комплекса антропологических признаков, характерного для кочевых племен северной степной полосы Средней Азии, позволяет утверждать, что последние не оказали влияния на формирование позднесакского населения Восточного Памира. Отсутствуют следы такого влияния и среди современных памирских народностей – горанцев, ишкашимцев, ваханцев, рушанцев.

Сакские могильники на Восточном Памире, как было отмечено, сосредоточены в местах, наиболее благоприятных для кочевого скотоводства – в долинах рек и вокруг озер. Сведения по основным участкам пастбищ на Восточном Памире опубликованы Б.А. Литвинским [1972], а группировка палеоантропологического материала по участкам пастбищ представлена археологом М.А. Бубновой: участок I – Кальтатур, II – Кокуйбель и долина р. Пшарт, III – Гунт,

Яшилькуль, Аличур, IV – Джаушангоз (Южбок), V – долина р. Пяндж, VI – долина р. Памир, VII – долина р. Истык, VIII – верховья р. Аксу (табл. 3, 4).

Участок I – краниологические материалы сакского времени отсутствуют, имеются лишь единичные черепа эпохи бронзы из могильника Кзылрабат.

Участок II – один мужской череп из могильника V–IV вв. до н.э. Бака-Баши. Естественно, по одной находке нельзя составить представление о морфологических особенностях населения всего региона. Можно лишь отметить, что этот череп гипердолихокранный, узкий, длинный и высокий. Лоб средней ширины. Лицо гиперлептопрозное, очень узкое, средней высоты с сильной горизонтальной профилировкой. Носовые кости выступают сильно. Такое сочетание основных краниометрических признаков позволяет отнести его к восточно-средиземноморскому типу.

Участок III – 12 черепов (семь мужских и пять женских) из могильников Гунт I, II, Аличур I, II и Кунтимуш VII–II вв. до н.э.; основная часть черепов датируется V–III вв. до н.э. Мужские черепа долихокранные, очень длинные, узкие и низкие. Лоб сравнительно узкий. Лицевая часть лептопрозная, очень узкая и высокая с сильной горизонтальной профилировкой в подносовой и ослабленной в верхней ее части. Нос выступает сильно. Те же морфологические особенности характерны и для женской группы. В мужской группе величины квадратического отклонения завышены по продольному диаметру черепа, наименьшей ширине лба и по скуловому диаметру. В группе представлены черепа не только основного варианта, резко долихокранные и узколикие, но и мезокранные, со сравнительно широким лицом. В женской же части разнородность наблюдается по высоте черепа и назомаллярному углу. В ней представлены низко- и очень высокоголовые индивиды. По горизонтальной профилировке лица выделяются черепа как с очень сильными, так и с ослабленными формами, но величины их находятся в пределах европеоидной расы. В целом черепа из могильников Гунт, Яшилькуль и Аличур, как и предыдущие, относятся к восточно-средиземноморской расе.

Участок IV – пять черепов (два мужских и три женских). Материал из могильника Джаушангоз IV датируется V–III вв. до н.э. Мужские и женские черепа относятся к восточно-средиземноморской расе. В ней представлены долихо- и мезокранные формы, различающиеся в основном по высоте лица. Женские черепа более гомогенны, чем мужские.

Участок V – три черепа (один мужской и два женских) из могильников Дарай-Абхарв и Чильхона, Западный Памир. Краниологический материал из первого памятника датируется VIII в. до н.э., из второго – III–II вв. до н.э. Черепа могут быть отнесены к представителям восточно-средиземноморской расы.

Таблица 3. Индивидуальные размеры и указатели черепов, относящихся к территориальным группам Восточного Памира. Мужчины

№ п/п	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	OPB	УД	УБ	УГ
<i>II. Кокуйбель и долина р. Пшарт</i>															
1	187	126	67,4	138	96	120	73	60,8	29	130	126	264,4	141,8	78,4	89,9
<i>III. Гунт, Яшилъкуль, Аличур</i>															
1	207	137	66,2	139	110	136	84	61,8	—	—	—	284,5	150,0	80,8	82,5
2	184	131	71,2	130	97	121	72	59,5	35	142	120	260,6	141,0	84,7	83,7
3	181	136	75,1	123	92	135	76,6	55,6	31	135	128	257,7	139,9	91,1	78,4
4	196	134	68,4	134	87	122	76,6	58,7	42	147	127	272,6	146,3	82,7	82,7
5	184	127	69,0	127	92	130	78	60,0	22	147	125	257,1	144,9	83,1	83,1
6	191	135	70,7	131	91	125	72	55,8	—	142	134	268,1	143,6	85,3	81,6
7	182	138	75,8	128	94	128	77	59,7	41	146	125	261,8	136,9	90,4	80,8
n	7	7	7	7	7	7	7	7	7	6	6	7	—	—	—
x	189,3	134,0	70,9	130,3	94,7	128,1	76,6	58,7	34,2	143,2	126,5	266,0	143,3	85,3	81,8
s	9,5	3,8	3,5	5,2	7,4	5,9	4,1	2,3	8,2	4,6	4,6	9,9	4,3	3,9	1,8
<i>IV. Джаушангоз (Южбок)</i>															
1	180	135	75,0	—	95	—	79	—	30	149	—	—	—	—	—
2	195	141	72,3	134	90	123	69	56,1	45	132	119	275,4	141,9	87,2	—
n	2	2	2	1	2	1	2	1	2	2	1	1	1	1	1
x	187,5	138,0	73,7	134,0	92,5	123,0	74,0	56,1	37,5	140,5	119,0	268,6	137,9	87,1	83,3
s	10,6	4,2	1,9	—	3,5	—	7,1	—	10,6	12,0	—	—	—	—	—
<i>V. Долина р. Пяндж</i>															
	187	137	72	—	—	131	73	55,7	—	—	—	—	—	—	—
<i>VI. Долина р. Памир</i>															
1	189	133	70,4	134	96	130	81	62,3	38	—	—	267,1	141,6	83,6	84,5
2	175	125	71,4	133	90	132	70	57,4	31	—	—	252,9	135,7	81,9	89,9
3	193	154	79,8	145	92	130	77	59,2	33	—	—	—	—	—	—
4	175	128	73,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	184	131	71,2	132	88	128	66	51,6	41	—	—	261,6	139,9	84,1	85,0
6	195	139	71,3	129	—	130	60	46,2	34	—	—	272,0	145,6	87,6	78,4
7	184	137	74,5	137	88	134	86	64,2	28	141	—	267,2	134,3	86,3	86,3
8	191	126	66,0	135	96	117	76	65,0	38	129	114	265,7	146,4	78,5	87,0
n	8	8	8	6	6	7	7	7	7	2	1	6	6	6	8
x	185,8	134,1	72,2	135,0	91,7	128,7	73,7	58,0	34,7	135,0	114	265,9	138,0	84,7	85,5
s	7,7	9,4	3,9	5,1	3,7	5,5	9,0	6,9	4,5	8,5	—	13,2	10,9	151,4	59,5
<i>VII. Долина р. Истык</i>															
1	188	141	75,0	132	99	134	74	55,2	35	143	130	269,5	137,8	89,5	81,1
2	194	131	67,5	126	89	126	75	59,5	31	143	132	265,8	151,0	83,8	79,0
3	186	130	69,9	138	93	131	81	61,8	34	138	123	265,6	138,9	81,1	88,7
4	188	139	73,9	135	107	135			43	136	122	270,0	137,2	87,3	83,5
5	187	139	74,3	135	97	134	78	58,2	23	143	127	269,3	136,5	87,5	83,7
6	182	131	72,0	134	92	132	69	52,3	35	147	133	261,2	137,4	83,9	86,8
7	190	134	70,5	—	97	—	71	—	—	—	—	232,5	—	—	—
n	7	7	7	6	7	6	6	5	6	6	6	7	7	7	7
x	187,9	135,0	71,9	133,3	96,3	132,0	74,7	57,4	33,5	141,7	127,8	267,0	140,0	85,3	83,7

№ п/п	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	ОРВ	УД	УБ	УГ
s	3,7	4,6	2,7	4,1	5,9	3,3	4,4	3,7	6,5	4,0	4,6	13,4	5,5	3,1	3,6
<i>VIII. Верховья р. Аксу</i>															
1	–	137	–	136	91	–	–	–	–	–	–	193,0	–	–	–
2	196	136	69,4	136	94	129	73	56,6	41	137	126	274,6	144,1	83,3	83,3
3	192	135	70,3	138	96	129	76	58,9	33	–	–	272,3	140,7	82,9	85,7
4	192	135	70,7	138	97	132	78	59,1	31	139	124	272,3	140,7	82,9	85,7
5	192	135	70,3	138	96	129	76	58,9	33	–	–	272,3	140,7	82,9	85,7
6	185	140	75,7	123	104	145	74	52,5	36	139	134	262,6	141,0	92,8	76,4
7	200	128	64,0	–	98	–	–	–	–	–	–	237,5	–	–	–
8	193	130	67,4	133	97	126?	81	64,3?	–	128	124	268,0	146,8	81,1	84,0
9	187	130	69,5	133	96	130?	74?	56,9	–	139	126	263,7	142,2	82,4	85,3
10	185	135	73,0	135	94	129	69	53,5	–	135	133	265,8	137,0	85,4	85,4
11	196	129	65,8	148	94	121	68	56,2	–	135	125	277,4	141,9	75,7	93,1
12	191	138	72,3	135	–	132	77	58,3	31	–	125	271,6	139,9	85,9	83,2
13	190	134	70,0	131	96	121	73	60,3	43	132	124	266,9	143,4	84,9	82,1
14	190	134	70,5	131	96	121	78	65,0	–	–	–	266,9	143,4	84,9	82,1
15	210	136	64,8	–	94	–	79	–	–	–	–	250,2	–	–	–
16	196	135	68,9	133	97	139	81	56,7	29	144	135	272,6	146,3	83,6	81,8
17	194	138	71,1	–	98	142	–	–	–	140	134	238,1	–	–	–
18	201	133	66,2	–	–	–	–	–	–	–	–	241,0	–	–	–
19	200	139	69,5	127	–	–	–	–	–	–	–	274,7	150,5	87,2	76,2
20	200	130	65,0	–	87	133	74	55,6	43	139	131	238,5	–	–	–
21	189	138	73,0	137	99	132	76	56,8	32	140	125	271,2	137,5	85,8	84,8
22	181	136	75,1	123	92	135	75	55,6	31	135	128	257,7	139,9	91,1	78,4
23	175	125	71,4	133	90	122?	70	57,4	31	–	–	252,9	135,7	81,9	89,9
24	184	131	71,2	132	88	128	66	51,6	41	–	–	261,6	139,9	84,1	85,0
25	201	129	64,2	–	91	135	70	53,0	47	133	–	238,8	–	–	–
26	182	131	72,0	134	92	132	69	52,3	35	147	133	261,2	137,4	83,9	86,8
27	192	137	71,3	136	91	134	–	–	30	144	–	272,3	140,7	84,8	83,9
28	192	135	70,3	138	96	129	76	58,9	33	–	–	272,3	140,7	82,9	85,7
29	205	127	61,9	–	92	–	83	–	–	–	–	241,2	–	–	–
n	28	29	28	22	26	23	23	21	17	16	15	29	21	21	21
x	192,5	133,7	69,5	134,0	94,5	131,4	74,6	56,7	35,3	137,9	128,5	270,0	143,9	84,3	84,0
s	7,7	3,9	3,4	5,3	3,7	6,3	4,6	3,2	5,5	4,9	4,3	18,3	3,5	3,4	3,9

Примечание: ОРВ – общая ростовая величина черепной коробки, УД – указатель долихоидности, УБ – указатель брахиоидности, УГ – указатель гипсоидности.

Участок VI – 14 черепов (семь мужских и семь женских) V–III вв. до н.э. из могильников Памирская I на Восточном Памире и Харгуш I, II, III – Западном. Некоторая разнородность группы наблюдается по черепному указателю, продольному и высотному диаметру черепа, а также по высоте лица.

Участок VII – 17 черепов (шесть мужских и 11 женских) из могильников Сарыгуроз, Андемин I, Джар-тыгумбез II, III, Айдынкуль I, Истык, Мал. Ис-

тык, Тугурук-Баман, датирующихся VII–VI и V–III вв. до н.э. Группа довольно однородная, почти по всем показателям, кроме угла выступания носа – он сильно варьирует.

Участок VIII – 41 череп (30 мужских, 11 женских) из могильников Акбеит I, III, VI, VII, Аличур I, Айдынкуль I, Тегермансу III, V, Тохтамыш, Можуташ II, Кызылрабат, Шаймак, Памирская I, Харгуш I, Джар-тыгумбез IV, Караарт I, II. Для них характерны гипер-

Таблица 4. Индивидуальные размеры и указатели черепов, относящихся к территориальным группам Восточного Памира. Женщины

№ п/п	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	OPB	УД	УБ	УГ
<i>III. Гунт, Яшилкуль, Аличур</i>															
1	184	121	65,8	139	91	127	77	60,6	–	–	–	260,4	141,9	75,7	93,2
2	179	132	76,0	122	91	124	71	57,3	–	–	–	253,7	141,1	89,3	79,4
3	172	128	74,4	121	101	124	68 ?	55,6?	–	138	133	246,2	138,2	88,7	81,5
4	171	127	74,3	129	91	117	78?	66,7?	32	141	–	249,0	133,6	85,5	87,5
5	177	130	73,4	132	88	119	67?	56,3?	36	151	131	256,2	135,1	85,0	87,0
n	5	5	5	5	5	5	5	5	2	3	2	5	5	5	5
x	176,6	127,6	72,8	128,6	92,4	122,2	74,0	59,0	34,0	143,3	132,0	253,1	138,0	84,9	85,7
s	5,3	4,2	4,0	7,4	5,0	4,1	4,2	2,3	2,8	6,8	1,4	5,7	3,6	5,5	5,4
<i>IV. Джаушангоз (Южбок)</i>															
1	178	137	77,0	131	93	119	68	57,1	27	142	128	260,0	132,9	89,7	83,9
2	183	130	71,0	134	91	127	79	62,2	29	131	–	261,4	138,7	83,0	86,9
3	182	132	72,5	133	91	119	–	–	–	–	–	261,2	137,4	84,8	85,8
n	3	3	3	3	3	3	2	2	2	2	1	3	3	3	3
x	181,0	133,0	73,5	132,7	91,7	121,7	73,5	59,7	28,0	136,5	128,0	260,9	136,3	85,9	85,5
s	2,6	3,6	3,1	1,5	1,2	4,6	7,8	3,6	1,4	7,8	–	0,8	3,0	3,5	1,5
<i>V. Долина р. Пяндж</i>															
1	197	147	74,6	138	97	135	–	–	–	–	–	281,9	138,3	89,2	81,1
2	193	148	78,3	–	–	139	81	58,3	–	–	–	–	–	–	–
n	2	2	2	1	1	2	1	1	–	–	–	1	1	1	1
x	195,0	147,5	76,5	138,0	97,0	137,0	81,0	58,3	–	–	–	281,9	138,3	89,2	81,1
s	2,8	0,7	2,6	–	–	2,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>VI. Долина р. Памир</i>															
1	181	130	71,8	138	89	129	74	57,4	32	–	–	262,1	135,1	82,3	90,0
2	168	126	75,0	130	91	120	68	56,7	29	–	–	247,0	131,3	85,3	89,4
3	173	134	77,5	126	90	122	72	59	26	–	–	252,5	133,1	90,8	82,8
4	175	128	73,1	–	100	120	72	60	–	–	–	216,8	–	–	–
5	192	137	71,3	121	97	121	76	62,8	26	131	121	265,1	149,1	89,9	74,6
6	174	128	73,6	120	91	114	70	61,4	–	142	133	247,1	140,4	88,6	80,4
7	181	132	76,3	131	93	120	67	55,0	26	146	122	259,5	137,6	85,7	84,8
n	7	7	7	6	7	7	7	7	5	3	3	7	6	6	6
x	177,7	130,7	74,1	127,7	93,0	120,9	71,3	58,9	27,8	139,7	125,3	254,9	137,8	87,1	83,6
s	7,8	3,9	2,3	6,8	4,0	4,4	3,2	2,7	2,7	7,8	6,7	16,3	6,4	3,2	5,8
<i>VII. Долина р. Истык</i>															
1	184	131	71,2	128	95	123	73	59,3	28	138	128	259,6	142,1	85,4	82,4
2	175	132	75,5	–	92	122	68	56,7	–	141	120	219,2	–	–	–
3	179	136	76,0	137	97	125?	68	54,4	–	–	130	263,3	131,1	86,8	87,8
4	179	130	72,6	123	85	122	–	–	40	145	–	253,1	141,6	87,6	80,6
5	188	141	75,0	132	99	134	74	55,2	35	143	130	269,5	137,8	89,5	81,1
6	175	128	73,1	135	95	125	66	52,8	34	138	–	255,4	133,1	83,3	90,2
7	177	137	77,4	134	96	120	70	58,3	28	144	119	260,9	130,6	89,0	86,1
8	187	133	71,1	–	–	138?	77	55,8	–	–	–	229,5	–	–	–
9	180	136	75,6	–	93	127	71	55,9	30	148	128	225,6	–	–	–

№ п/п	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	ОРВ	УД	УБ	УГ
10	191	121	63,3	143	90	125	76	—	—	135	133	267,5	145,2	73,2	94,1
11	185	—	—	130	—	120?	76	63,3	—	—	—	226,1	—	—	—
n	11	10	10	8	9	11	10	9	6	8	7	11	7	7	7
x	181,8	132,5	73,1	132,8	93,6	124,8	71,9	56,9	32,5	141,5	126,9	248,2	137,4	85,0	86,0
s	5,5	5,6	4,0	6,0	4,2	4,3	3,9	3,1	4,7	4,3	5,3	19,0	5,8	5,6	5,0
<i>VIII. Верховья р. Аксу</i>															
1	172	128	74,4	120	—	126	—	—	—	—	—	245,7	138,8	89,1	80,9
2	183	139	75,9	—	96	124	—	—	40	137	138	229,8	—	—	—
3	189	125	66,1	144	102	—	—	—	—	131	—	268,5	140,9	75,8	93,7
4	178	134	75,3	131	93	128	75	58,6	30	142	121	258,5	134,3	87,8	84,8
5	189	135	71,4	—	94	148	70	47,3	—	—	132	232,3	—	—	—
6	180	131	72,8	—	98	124	70	56,4	—	140	131	222,6	—	—	—
7	180	131	72,8	130	96	135	71	52,6	—	141	128	257,8	137,9	85,6	84,7
8	183	133	72,7	—	90	126	68	54,0	—	148	126	226,2	—	—	—
9	181	130	71,8	136	95	129	70	54,3	29	137	132	261,1	136,1	82,9	88,7
n	9	9	9	5	8	8	6	6	3	7	7	9	5	5	5
x	181,7	131,8	72,6	132,2	95,5	130,0	70,7	53,9	33,0	139,4	129,7	244,7	137,6	84,2	86,5
s	5,3	4,1	2,9	8,8	3,5	8,1	2,3	3,8	6,1	5,3	5,4	17,3	2,5	5,3	4,9

См. примеч. к табл. 3.

Таблица 5. Средние значения признаков на черепах, сгруппированных по основным участкам пастбищ Восточного Памира. Мужчины

Участок	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	ОРВ	УД	УБ	УГ
II	187,0	126,0	67,4	138,0	96,0	120,0	73,0	60,8	29,0	130,0	126,0	264,4	141,8	78,4	89,9
III	189,3	134,0	70,9	130,3	94,7	128,1	76,6	58,7	34,2	143,2	126,5	266,0	143,3	85,3	81,8
IV	187,5	138,0	73,7	134,0	92,5	123,0	74,0	56,1	37,5	140,5	119,0	268,6	137,9	87,1	83,3
V	187,0	137,0	72,0	—	—	131,0	73,0	55,7	—	—	—	231,8	—	—	—
VI	185,8	131,8	72,2	135,0	91,7	130,5	71,7	57,9	34,7	135,0	114,0	264,8	139,3	83,2	86,3
VII	187,9	135,0	71,9	133,3	96,3	132,0	74,7	57,4	33,5	141,7	127,8	267,0	140,1	85,3	83,7
VIII	192,1	134,1	69,8	134,0	94,5	131,4	74,6	56,7	35,3	137,9	128,5	269,9	143,3	83,6	83,5
n	7	7	7	6	6	7	7	7	6	6	6	7	6	6	6
x	188,1	133,7	71,1	134,1	94,3	128,0	73,9	57,6	34,0	138,1	123,6	261,8	140,9	83,8	84,7
s	2,1	4,0	2,0	2,5	1,8	4,7	1,6	1,7	2,8	4,9	5,8	13,4	2,2	3,0	2,9

См. примеч. к табл. 3.

долихокрания, длинный, узкий и средневысокий череп, узкое и высокое резко профилированное лицо и сильно выступающий нос. В целом группа довольно однородная, различия проявляются по показателям – продольный и высотный диаметр черепа, скуловой и верхнелицевой диаметр. В группе представлены как узковысоколистые, так и узконизколистые формы, относящиеся к различным вариантам восточно-средиземноморской расы.

Таким образом, для представителей всех территориальных групп Восточного Памира характерна комбинация признаков европеоидной восточно-средиземноморской расы с двумя ее вариантами – матуризованным и грацильным (табл. 5).

Среди населения Передней, Средней и Южной Азии эпохи энеолита и бронзы в пределах восточно-средиземноморской расы выделены варианты, условно названные «восточно-средиземноморский I, II, III»

[Ходжайов, 1981а, б]. Представители восточно-средиземноморского варианта I довольно матуризованные, длинноголовые, узко- и высоколицы. Представители варианта II также длинноголовые, однако от предыдущего их отличают значительная грацильность, сравнительно низкий свод черепа, невысокое и узкое лицо. Представители варианта III матуризованные, длинноголовые, с исключительно высоким и широким лицом.

К восточно-средиземноморскому варианту I относится энеолитическое население Южного Туркменистана (Карадепе и Геоксюр), Северного Таджикистана (Саразм) и Центрального Ирана (Сиалк). Особенности варианта II присущи носителям намазгинской, сапаллинской, заманбабинской и чустской культур Средней Азии и тюринго-гиссарской культуры Северо-Восточного Ирана. Чертами варианта III характеризуются носители бишкентской скотоводческой культуры Южного Таджикистана (Ранний Тулхар), ареал которой небольшой. Признаки варианта III в виде примеси присутствуют у занимавшихся земледелием носителей сапаллинской и намазгинской культур Средней Азии.

Преобладающее большинство черепов сакского времени Памира имеют особенности варианта I: долихокранный с высоким сводом череп, узкое и высокое лицо. Такие морфологические особенности присутствуют у индийского варианта М. Каппиери [Cappieri, 1969]. В меньших масштабах в памирских группах представлен грацильный вариант II (троянский по М. Каппиери): с небольшой высотой свода череп, узкое и сравнительно невысокое лицо. Вариант III, характерный для носителей бишкентской культуры, на Памире не отмечен.

Этнокультурные связи Памира с Восточным Туркестаном, установленные А.Н. Бернштамом, на антропологическом материале выявить трудно, т.к. че-

репа сакского времени из Восточного Туркестана (у оз. Лобнор) малочисленны, они восточно-средиземноморского типа, со следами кольцевой деформации [Hjortsjö, Walander, 1942]. Эта источниковая база не дает возможности составить полное представление об антропологическом составе сакского населения Восточного Туркестана.

Таким образом, сакское население Восточного Памира, вероятно, не испытывало заметного влияния саков Восточного Туркестана. Обнаруженные в его составе варианты восточно-средиземноморской расы определяют направление связей с земледельческими культурами эпохи энеолита и бронзы Передней, Средней и Южной Азии.

Необходимо отметить, что на Восточном Памире встречаются черепа с такими признаками, как широкое либо широкое и уплощенное лицо, либо небольшой угол выступания носа. Однако эти признаки не представлены в комплексе у одних и тех же черепов. В частности, отдельные широколицы формы, имеющие долихомезокранную черепную коробку, отмечены у населения верховьев р. Аксу, а также у женщин, проживавших в долинах Пянджа и Истыка (табл. 6). Видимо, Памирское плато не было полностью изолировано от влияния северных и северо-восточных соседей, хотя масштабы этого воздействия были небольшими.

Для саков Восточного Памира характерна максимальная выраженность европеоидного комплекса при очень сильной долихокрании. Это и позволило основным исследователям саков Памира В.В. Гинзбургу и Т.П. Кияткиной определенно говорить о переднеазиатских, среднеазиатских и южно-азиатских аналогиях. Генерализованные показатели, характеризующие общую величину и форму черепной коробки [Пестряков, 1997; Пестряков, Григорьева, 2004], дают следующие результаты (табл. 7–9).

Таблица 6. Общая величина и форма черепной коробки в территориальных группах Восточного Памира

Участок	ОРВ	УД	УБ	УГ	ОРВ	УД	УБ	УГ
	<i>Мужчины</i>				<i>Женщины</i>			
III	266,0	143,3	85,3	81,8	253,0	137,9	84,7	85,7
IV	—	—	—	—	260,9	136,2	85,8	85,5
VI	264,8	139,3	83,2	86,3	254,8	137,6	86,7	83,8
VII	267,0	140,1	85,3	83,7	260,5	137,8	85,8	84,6
VIII	269,9	143,3	83,6	83,5	260,5	137,7	85,0	85,4
n	4	4	4	4	5	5	5	5
x	266,9	141,5	84,4	83,8	257,9	137,4	85,6	85,0
s	2,18	2,10	1,11	1,86	3,75	0,70	0,78	0,79

См. примеч. к табл. 3.

Таблица 7. Средние значения признаков на черепах, сгруппированных по основным участкам пастбищ Восточного Памира. Женщины

Участок	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	ОРВ	УД	УБ	УГ
III	176,6	127,6	72,8	128,6	92,4	122,2	74,0	58,9	34,0	143,3	132,0	253,0	137,9	84,7	85,7
IV	181,0	133,0	73,5	132,7	91,7	121,7	73,5	59,7	28,0	136,5	128,0	260,9	136,2	85,8	85,5
V	195,0	147,5	76,5	138,0	97,0	137,0	81,0	58,3	–	–	–	280,8	136,7	89,9	81,4
VI	177,7	130,6	73,6	127,7	91,8	120,8	72,0	58,7	27,8	139,7	125,3	254,8	137,6	86,7	83,8
VII	181,8	132,5	73,1	131,3	93,6	124,7	71,9	56,9	32,5	141,5	126,9	260,5	137,8	85,8	84,6
VIII	181,7	131,8	72,6	132,2	95,5	130,0	70,7	53,9	33,0	139,4	129,7	260,5	137,7	85,0	85,4
n	6	6	6	6	6	6	6	6	5	5	5	6	6	6	6
x	182,3	133,8	73,7	131,8	93,7	126,1	73,9	57,7	31,1	140,1	128,4	261,7	137,3	86,3	84,4
s	6,6	7,0	1,4	3,7	2,2	6,3	3,7	2,1	2,9	2,5	2,6	9,9	0,7	1,9	1,6

См. примеч. к табл. 3.

По абсолютной ОРВ саки Памира занимают промежуточное положение между синхронным им сакским населением равнинной части Средней Азии (особенно ранние саки Приаралья и Северной Туркмении) и современным населением Памира (горанцы, ишканимцы, ваханцы, рушанцы) [Рычков, 1969]. Первые имеют очень большую величину черепной коробки, а вторые – очень малую. Саки Тянь-Шаня, Алая и Казахстана по этому параметру близки к сакам Памира, т.е. они попадают в рубрики средних величин этого параметра по мировому масштабу. У большинства серий эпохи бронзы Средней Азии ОРВ значительно больше, чем у памирских саков. В то время как серии эпохи бронзы более южных территорий, в частности Пакистана (Тимаргарха и Буткара II), а также энеолитические серии из Средней Азии (Карадепе, Геоксюр, Гонур, Саразм и др.) по ОРВ близки к сакам Памира.

По форме черепная коробка саков Памира удлиненная и находит аналоги среди серий эпохи бронзы более южных районов, а также среди некоторых серий эпохи энеолита и бронзы Средней Азии (Карадепе, Геоксюр, Сапаллитепа, Джаркутан, Алтындепе). Значение УД современного населения Памира, имеющего брахикранную черепную коробку, существенно меньше, чем у саков Памира.

Относительная ширина черепной коробки по УБ у саков Памира не слишком отличается или такая же по величине, как у серий эпохи бронзы, несколько меньше, чем у равнинных саков и тем более у современного населения Памира. По относительной высоте черепной коробки (УГ – указатель гипсоидности) саки Памира в целом мало отличаются от саков равнинной части. Однако этот показатель у равнинных саков часто меньше, чем у серий эпохи бронзы.

Подобные по форме черепа встречались и в материалах более ранней эпохи с территории Средней Азии, в т.ч. равнинной. Отмечено сходство с сериа-

ми ранней эпохи Южного Туркменистана (Карадепе, Геоксюр, Гонур и др.). Черепная коробка представителей этого региона указанного периода крупнее, чем у более позднего населения Памира. Данный признак особенно характерен для населения верховьев Аксу на Восточном Памире, что может рассматриваться как последствие гетерозиса в результате смешения популяций с различными типами черепной коробки.

Подобная тенденция обнаружена и в женской серии, но в более мягкой форме. По указателям формы женские серии более близки друг другу, чем мужские, но по абсолютным показателям – наоборот. Таким образом, по размерам и форме черепной коробки саки памирского высокогорья проявляют сходство с южно-европеидными популяциями бронзового века, что подтверждает мнение основных исследователей саков Восточного Памира*.

Рассмотрим антропологические особенности, характерные для различных территориальных групп саков Памира, а также их взаимоотношения (см. табл. 7). Эти группы представлены сериями различной численности. Большие группы из Гунта, долин Памира и Истыка, с верховьев Аксу. Материалы из Кокуйбея, Джаушангоза, Пянджа немногочисленны, но они также включены в межгрупповой анализ.

Кластерные схемы для межгруппового анализа территориальных групп саков Памира построены на основе следующих краниометрических параметров – продольный, поперечный, высотный диаметр черепа, черепной указатель, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, скуловой диаметр, верхнелицевой указатель, назомаллярный и зигомаксиллярный углы и угол выступления носа. Дендрограмма, вычисленная для мужских групп, состоит из двух четко выраженных кластеров (рис. 1). В одном кластере объединились се-

*Автор признателен А.П. Пестрякову за консультацию.

**Таблица 8. Серии из различных географических зон Восточного Памира
и сравнительные данные. Мужчины**

Серия	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	ОРВ	УД	УБ	УГ
Вариант II. Кокуй-бель, долина р. Пшарт	187,0	126,0	67,4	138,0	96,0	120,0	73,0	60,8	29,0	130,0	126,0	264,4	141,8	78,4	89,9
Вариант III. Гунт, Яшилкуль, Аличур	189,3	134,0	70,9	130,3	94,7	128,1	76,6	58,7	34,2	143,2	126,5	266,0	143,3	85,3	81,8
Вариант IV. Джошангоз (Южбок)	187,5	138,0	73,7	134,0	92,5	123,0	74,0	56,1	37,5	140,5	119,0	268,6	137,9	87,1	83,3
Вариант V. Долина р. Пяндж	187,0	137,0	72,0	134,1	94,3	131,0	73,0	55,7	34,0	138,0	123,6	267,8	138,0	86,5	83,8
Вариант VI. Долина р.Памир	185,8	131,8	72,2	135,0	91,7	130,5	71,7	57,9	34,7	135,0	114,0	264,8	139,3	83,2	86,3
Вариант VII. Долина р. Истык	187,9	135,0	71,9	133,3	96,3	132,0	74,7	57,4	33,5	141,7	127,8	267,0	140,1	85,3	83,7
Вариант VIII. Верховья р. Аксу	192,1	134,1	69,8	134,0	94,5	131,4	74,6	56,7	35,3	137,9	128,5	269,9	143,3	83,6	83,5
1. Саки Восточного Памира (суммарно)	190,4	133,6	70,0	133,6	93,8	129,2	74,8	56,2	34,3	138,6	126,5	268,2	142,5	83,8	83,8
2. Саки Алая	181,0	138,4	76,9	133,0	94,3	135,0	70,7	52,8	30,3	142,7	128,6	263,8	133,4	89,2	84,0
3. Саки Тянь-Шаня	178,0	147,0	82,8	134,0	98,5	137,0	71,0	52,7	31,0	141,8	132,0	266,9	126,8	95,2	82,8
4. Саки Казахстана (сборная)	181,2	144,7	80,2	131,6	99,6	138,8	71,4	51,5	29,5	141,8	129,8	266,6	131,3	93,7	81,3
5. Саки Приаралья (ранние)	183,5	147,4	80,5	139,0	98,2	141,8	75,6	53,4	26,7	142,1	135,3	273,3	128,2	92,3	84,5
6. Саки Приаралья (поздние)	180,3	148,1	82,4	132,5	100,7	136,7	71,6	52,6	28,3	141,7	132,1	268,3	128,7	95,8	81,1
7. Северная Туркмения (тумекская группа)	191,3	142,2	74,4	131,7	102,0	137,3	70,3	51,2	34,7	134,6	132,4	272,3	139,8	89,6	79,9
8. Северная Туркмения (тарымская группа)	184,3	139,7	75,7	141,7	99,2	138,2	71,8	50,9	29,3	135,9	126,9	271,2	131,0	86,4	88,3
9. Тимаргарха	190,2	132,0	69,4	136,0	93,8	133,0	70,2	52,9	30,0	134,1	121,7	268,5	142,0	82,1	85,8
10. Буткара II	190,7	129,7	67,4	138,5	97,5	123,5	66,8	53,9	31,0	133,0	122,0	269,0	142,3	79,8	88,1
11. Гонур	186,9	133,1	71,3	134,1	95,4	126,7	67,8	53,5	32,6	133,6	123,8	265,8	139,9	84,1	85,0
12. Карадепе	194,8	134,9	69,4	143,7	95,2	129,9	72,6	55,9	31,4	134,2	126,0	277,1	139,9	80,6	88,6
13. Геоксюр	195,3	136,2	70,0	138,2	98,9	132,0	72,4	54,8	31,8	135,9	126,5	275,3	142,4	82,9	84,7
14. Алтындепе	189,5	136,0	71,6	134,6	95,6	129,1	70,6	54,7	34,4	137,1	123,1	269,3	140,1	85,2	83,8
15. Сапаллитепа	187,7	136,3	73,3	133,5	96,9	130,5	71,5	54,8	34,1	135,6	122,9	267,6	139,1	86,1	83,5
16. Джаркутан	189,0	138,6	73,3	134,5	93,6	131,7	75,2	57,1	32,0	136,8	125,4	270,2	138,4	86,9	83,1
17. Тепегиссар III	188,9	134,3	71,1	135,4	95,6	128,3	70,2	54,7	32,0	136,7	124,3	268,4	140,1	84,0	85,0
18. Сарайхола	183,2	141,9	77,5	130,1	98,4	133,1	68,8	51,7	30,0	136,0	122,0	265,8	134,8	91,9	80,7
19. Тигровая Балка, Маконимор	188,4	136,9	72,8	134,9	97,3	131,8	71,8	54,5	39,6	133,6	127,7	269,1	138,6	85,9	84,0
20. Горан	173,2	140,8	81,3	132,2	97,2	132,8	70,6	53,2	29,6	138,5	126,9	259,4	126,9	93,0	84,7
21. Ишкашим	172,2	141,5	82,2	131,9	95,5	131,1	70,4	53,7	31,0	139,8	127,8	259,0	126,0	93,9	84,5
22. Вахан	173,1	140,1	80,9	130,1	95,9	127,6	67,6	53,4	31,7	142,2	127,1	257,9	128,2	93,4	83,5
23. Рушан	166,4	143,6	86,3	132,7	93,9	128,0	69,0	54,0	31,3	139,3	127,9	256,7	120,5	96,6	85,8
24. Шахдара	177,0	146,8	82,9	128,7	95,5	136,7	73,1	53,6	30,0	144,0	133,1	263,5	128,8	97,3	79,8

См. примеч. к табл. 3.

Таблица 9. Серии из различных географических зон Восточного Памира и сравнительные данные. Женщины

Участок	1	8	8/1	17	9	45	48	48/45	75(1)	77	∠ Zm	OPB	УД	УБ	УГ
Вариант III. Гунт, Яшилкуль, Аличур	176,6	127,6	72,8	128,6	92,4	122,2	74,0	58,9	34,0	143,3	132,0	253,0	137,9	84,7	85,7
Вариант IV. Джоушангоз (Южбок)	181,0	133,0	73,5	132,7	91,7	121,7	73,5	59,7	28,0	136,5	128,0	260,9	136,2	85,8	85,5
Вариант V. Долина р. Пяндж	195,0	147,5	76,5	138,0	97,0	137,0	81,0	58,3	31,1	140,1	128,4	—	—	—	—
Вариант VI. Долина р. Памир	177,7	130,6	73,6	127,7	91,8	120,8	72,0	58,7	27,8	139,7	125,3	254,8	137,6	86,7	83,8
Вариант VII. Долина р. Истык	181,8	132,5	73,1	131,3	93,6	124,7	71,9	56,9	32,5	141,5	126,9	260,5	137,8	85,8	84,6
Вариант VIII. Верховья р. Аксу	181,7	131,8	72,6	132,2	95,5	130,0	70,7	53,9	33,0	139,4	129,7	260,5	137,7	85,0	85,4
1. Саки Восточного Памира (суммарно)	180,6	131,3	72,4	129,8	94,2	122,2	70,4	57,6	31,4	139,8	127,4	258,3	138,3	85,8	84,3
2. Саки Алая	178,3	135,8	76,4	130,3	95,0	127,2	67,5	52,7	24,1	141,5	127,5	259,3	134,0	89,1	83,7
3. Саки Тянь-Шаня	171,0	138,8	80,1	125,0	94,5	125,3	69,2	55,2	23,0	150,7	129,5	253,2	129,8	94,9	81,1
4. Саки Казахстана (сборная)	174,5	140,5	80,9	125,6	93,6	129,6	70,0	53,7	24,5	140,7	130,4	256,8	131,4	94,9	80,2
5. Саки Приаралья (ранние)	177,9	137,7	77,5	127,2	91,7	129,0	72,4	56,2	22,0	144,2	130,8	258,4	134,4	91,5	81,3
6. Саки Приаралья (поздние)	171,8	142,0	82,7	127,0	97,0	127,1	67,4	53,1	25,9	141,0	129,2	256,5	127,9	96,1	81,3
7. Северная Туркмения (тумекская группа)	176,8	140,8	79,1	131,3	94,3	123,6	65,0	51,0	24,3	140,0	126,7	261,4	130,0	92,4	83,2
8. Карадепе	183,0	132,1	72,2	134,9	92,2	123,8	67,5	54,9	25,8	136,9	126,1	262,9	137,1	84,1	86,8
9. Геоксюр	184,8	132,5	71,6	130,5	93,5	123,3	69,9	57,2	29,1	137,9	123,4	262,2	140,5	85,3	83,4
10. Алтындепе	183,7	135,1	73,4	133,0	92,4	122,8	71,6	52,1	29,0	136,5	116,7	264,0	137,0	86,4	84,4
11. Сапаллитепе	181,1	133,1	73,5	128,9	93,4	121,8	68,7	56,6	32,5	135,0	121,3	259,1	138,3	87,1	83,0
12. Джаркутан	183,2	134,5	73,0	130,8	94,6	123,8	68,4	55,7	30,0	137,6	125,8	262,2	138,1	86,9	83,3
13. Тепегиссар III	181,2	132,0	72,8	128,8	92,9	121,8	66,8	54,8	30,0	136,0	124,1	258,5	139,0	86,4	83,3
14. Тигровая Балка, Маконимор	179,8	133,2	74,5	130,4	93,3	124,5	69,2	55,2	33,7	138,0	126,8	259,0	136,4	87,0	84,3
15. Тимаргарха	180,2	130,9	72,9	129,2	91,7	122,3	66,6	52,2	23,3	139,5	130,6	257,5	138,6	85,8	84,1
16. Горан	168,4	134,4	79,8	127,1	94,8	125,4	67,7	54,0	27,4	140,0	128,5	250,2	128,8	91,9	84,5
17. Ишкашим	167,7	133,6	79,7	127,8	92,0	121,6	67,7	55,7	27,9	139,8	126,6	249,6	128,3	91,3	85,4
18. Вахан	167,9	136,0	81,0	125,4	92,1	122,9	66,0	54,0	28,3	143,8	126,6	249,8	128,6	93,7	83,0
19. Рушан	163,8	135,7	82,7	127,3	90,3	121,2	66,2	54,6	25,4	138,8	129,7	247,9	124,6	94,0	85,4
20. Шахдара	172,1	139,7	81,4	124,1	93,8	127,3	70,0	54,4	21,9	142,8	130,2	254,0	130,7	95,6	80,0

См. примеч. к табл. 3.

рии из долин Пянджа и Истыка. К ним примыкают серии из Гунта, Яшилкуля, Аличура и долины верховьев Аксу. В другом кластере сгруппировались серии из Джаушангоза и долины Памира. Женская группа представлена также двумя кластерами (рис. 2). В одну под-

группу объединились серии из долины Истыка и Аксу, в другую, как в мужской группе, – серии из Джаушангоза и долины Памира. Серии из Гунта, Яшилкуля, Аличура заняли промежуточное положение между перечисленными выше двумя кластерами. Нам представ-

ляется, что население, кочевавшее на западе и юго-востоке Памира, наиболее близко между собой.

Проведен кластерный анализ мужских (см. табл. 8) и женских (см. табл. 9) групп на основе матрицы расстояний Махаланобиса (рис. 3, 4). Привлеченные для межгруппового анализа серии из Передней, Средней и Южной Азии разделились на два больших кластера. В первом объединились все территориальные группы саков из Восточного Памира, а также серии эпохи энеолита и бронзы из Северо-Восточного Ирана, с юга Средней Азии и Северной Индии. Внутри этого кластера выделились четыре подгруппы. В первую подгруппу вошли серии эпохи энеолита и бронзы из Юго-Восточного Ирана (Тепегиссар III), Южного Туркменистана (Карадепе, Геоксюр, Гонур) и Северного Пакистана (Тимаргарха, Буткара II), а также саки Северного Памира (Кокуйбель). Вторая подгруппа включает саков Центрального (Гунт, Яшилкуль, Аличур) и Юго-Восточного (долина Истыка и Аксу) Памира, а также серию эпохи бронзы из Древней Бактрии (Джаркутан). В третью подгруппу объединились саки Юго-Западного Памира (долина Пянджа) и серии намазгинской, сапаллинской и вахшской культур (Алтындепе, Сапаллитепа, Тигровая Балка и Маконимор). Четвертую подгруппу составили серии из Южного Памира (Джаушангоз, долина Памира). Для серий первой и второй подгрупп характерны долихокрания с высоким сводом черепной коробки, узкое и высокое лицо. Третья подгруппа объединяет серии эпохи бронзы юга Средней Азии (Сапаллитепа, Алтындепе, Тигровая Балка и Маконимор), а также саков из долины Пянджа, Памира и Джаушангоза. В этой группе преобладают грацильные долихокраны, имеющие относительно низкий свод черепа, узкое и невысокое лицо.

Таким образом, в первый и второй кластеры вошли в основном представители варианта I восточно-средиземноморской расы, а в третий и четвертый – варианта II. Вариант III восточно-средиземноморской расы, который был представлен племенами бишкентской скотоводческой культуры, в составе саков Восточного Памира не фиксируется.

Во втором кластере самостоятельную подгруппу образовали современные памирские народности – горанцы, ишкашимцы, ваханцы, рушанцы, за исключением шугнанцев, которые демонстрируют ощутимую монголоидную примесь, позднюю по происхождению. Горные народы Западного Памира отличаются значительной узколицестью и умеренной брахикранией. Круглоголовость могла сформироваться в более поздний период. Восточно-памирское население раннего железного века также узколицее, но длинноголовое. Непосредственная связь его с современным населением Западного Памира пока не имеет твердой фактологической базы и проблематична, но вероятна.

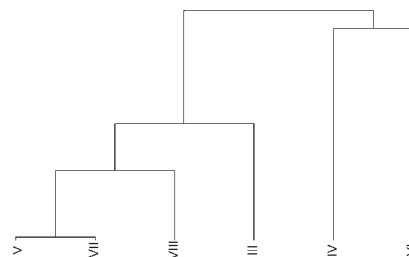

Рис. 1. Результаты сравнения территориальных групп Восточного Памира на основе кластерного анализа. Мужчины.

III – Гунт; IV – Джаушангоз; V – долина р. Пяндж; VI – долина р. Памир; VII – долина р. Истык; VIII – верховья р. Аксу.

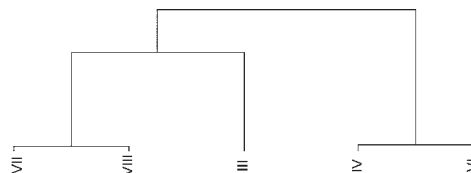

Рис. 2. Результаты сравнения территориальных групп Восточного Памира на основе кластерного анализа. Женщины.

III – Гунт; IV – Джаушангоз; V – долина р. Пяндж; VI – долина р. Памир; VII – долина р. Истык; VIII – верховья р. Аксу.

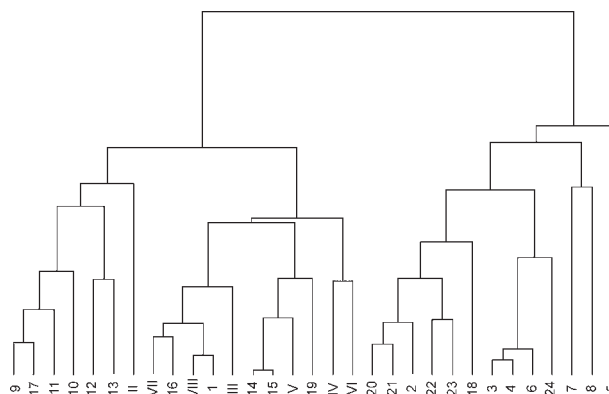

Рис. 3. Результаты сравнения краниологических групп саков Восточного Памира и серий из Передней, Средней и Южной Азии. Мужские черепа. Нумерацию групп см. в табл. 8.

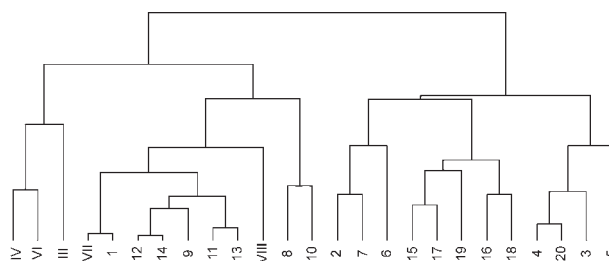

Рис. 4. Результаты сравнения краниологических групп саков Восточного Памира и серий из Передней, Средней и Южной Азии. Женские черепа. Нумерацию групп см. в табл. 9.

Сакские племена Тянь-Шаня, Алая, Семиречья, Казахстана, Приаралья и Северного Туркменистана оказались в другой подгруппе. Основной комплекс антропологических особенностей в общем достаточно однороден на всей данной обширной территории: это брахикранный, достаточно широколицый комплекс с несколько уплощенным лицевым скелетом и средневыступающими носовыми костями. Кластерный анализ демонстрирует значительную морфологическую и расовую особенность ранних кочевников северных степных областей Средней Азии и Казахстана, отличающую их от саков Восточного Памира.

Список литературы

- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 207 с.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – Вып. 26. – 172 с.
- Бернштам А.Н.** Саки Памира // ВДИ. – 1956. – № 1. – С. 47–49.
- Гинзбург В.В.** Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (гунны и саки Тянь-Шаня, Алая и Южного Памира) // КСИЭ. – 1950. – Вып. 11. – С. 83–96.
- Гинзбург В.В.** Материалы к изучению древнего населения Восточного Казахстана // КСИЭ. – 1952. – Вып. 14. – С. 73–87.
- Гинзбург В.В.** Древнее население Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 354–412. – (ТИЭ (нов. сер.); т. 21).
- Гинзбург В.В.** Антропологическая характеристика саков Южного Памира // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 26–39.
- Гинзбург В.В.** К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана // Антропологический сборник, III. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 125–130. – (ТИЭ; т. 11).
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 370 с.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с. – (ТИЭ; т. 4).
- Исмагулов О.** Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука, 1970. – 237 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: ИА РАН, 1997. – С. 73–98.
- Кияткина Т.П.** Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1965. – 17 с.
- Кияткина Т.П.** Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976. – 186 с.
- Литвинский Б.А.** Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.
- Миклашевская Н.Н.** Палеоантропология Киргизии // Тр. комплекс. археол.-этногр. экспедиции АН СССР. – Фрунзе, 1959. – Т. 3. – С. 77–83.
- Миклашевская Н.Н.** История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. – Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. ун-та, 1964. – С. 67–85. – (Науч. тр. Ташкент. гос. ун-та; вып. 235: История науки, кн. 49).
- Перевозчиков И.В.** Антропологический тип «кенкольцев» // Вопр. антропологии. – 1967. – № 25. – С. 138–139.
- Пестряков А.П.** Географическая и хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа на территории СССР // Единство и многообразие человеческого рода. – М.: Наука, 1997. – Ч. 1. – С. 243–281.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.** Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. – М.: Наука, 2004. – [Вып.] 30. – С. 86–131.
- Рычков Ю.Г.** Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 221 с.
- Трофимова Т.А.** Приаральские саки (краниологический очерк) // Материалы Хорезмской экспедиции. – 1963а. – Вып. 6. – С. 117–124.
- Трофимова Т.А.** Приаральские саки (новые краниологические материалы) // Anthropos. – Brno, 1963b. – N 15 (N. S. 7). – С. 45–48.
- Трофимова Т.А.** Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos. – Brno, 1967. – N 19 (N. S. 11). – С. 51–56.
- Ходжайов Т.К.** Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1981а. – 44 с.
- Ходжайов Т.К.** Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1981б. – Т. 1. – 342 с.
- Ходжайов Т.К.** Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. – М.: Старый сад, 2000а. – С. 48–57.
- Ходжайов Т.К.** Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // Этногр. обозрение. – 2000б. – № 2. – С. 124–137.
- Ходжайов Т.К.** Результаты изучения новых антропологических материалов из сакских погребений Восточного Памира // Археологические работы в Таджикистане. – 2004. – Вып. 29. – С. 258–263.
- Ходжайов Т.К.** География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Opus. Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: ИА РАН, 2006. – Вып. 5. – С. 12–21.
- Яблонский Л.Т.** Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1991. – 37 с.
- Яблонский Л.Т.** Саки Южного Приаралья (Археология и антропология). – М.: ИА РАН, 1996. – 184 с.
- Яблонский Л.Т.** Некрополи древнего Хорезма (Археология и антропология могильников). – М.: Вост. лит., 1999. – 325 с.
- Cappleri M.** The Mediterranean race in Asia before the Iron age // Field Research Project, Occasional Paper. – 1969. – № 8. – P. 118–121.
- Hjortsjö C.-H., Walander A.** Das Schädel- und Skelettgut der archäologischen Untersuchungen in Ost-Turkestan // The sino-swedish Expedition. – 1942. – Vol. 7, Pt. 3. – 89 S.

ПЕРСОНАЛИИ

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ МОЛОДИН

Выдающемуся ученому и прекрасному человеку академику Вячеславу Ивановичу Молодину – 60 лет. Он из тех людей, которые честно и безгранично преданы избранному делу. Вячеслав Иванович – профессионал высокого класса, круг интересов которого включает не только археологию. Его отличают академичность в полемике, тактичность, доброжелательность, внимание и высокая требовательность к ученикам.

Почти 40 лет жизнь Вячеслава Ивановича тесно связана с наукой. В 27 лет (1975) он стал кандидатом наук, в 35 (1983) – доктором, в 39 (1987) – членом-корреспондентом АН СССР, в 49 (1997) – действительным членом Российской академии наук.

Вячеслав Иванович Молодин родился 26 сентября 1948 г. в с. Орхово Домачевского р-на Брестской обл. в семье офицера-пограничника. Его детские годы прошли в военных городках на границе с Польшей, Финляндией, Турцией. В 1963 г. семья Молодиных переехала в Новосибирск. В 1966 г. после окончания школы Вячеслав поступил на отделение истории историко-филологического факультета Новосибирского государственного педагогического института. На его выбор жизненного пути оказал влияние Алексей Павлович Окладников, лекцию которого пытливому старшекласснику посчастливилось услышать в Новосибирском отделении Географического общества СССР.

С первого курса Вячеслав серьезно занимался археологией, азы которой постигал под руководством Татьяны Николаевны Троицкой. Он активно участвовал в полевых исследованиях, в работе археологического кружка, выступал с докладами на всесоюзных и региональных студенческих конференциях в Москве, Свердловске, Уфе, Петропавловске, Новосибирске. В 1969 г., будучи студентом третьего курса, В.И. Молодин получил свой первый Открытый лист на право проведения археологических разведок. В студенческие же годы он опубликовал свою первую научную работу «Раскопки жилища поселения Ордынское-б».

В 1971 г. В.И. Молодин с отличием окончил вуз и был направлен на работу в школу с. Елбань Маслянинского р-на Новосибирской обл. В том же году он поступил в аспирантуру заочной формы обучения Института истории, филологии и философии СО АН СССР. С декабря 1973 г. Вячеслав Иванович полно-

стью связывает свою жизнь с наукой. По результатам исследований, проводившихся в студенческие и аспирантские годы, им была подготовлена кандидатская диссертация на тему «Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышского междуречья». Ее защита состоялась в 1975 г. Материалы диссертации легли в основу первой монографии молодого ученого, опубликованной в 1977 г. Главный итог многолетних исследований – открытие кротовской археологической культуры, разработка периодизации культурно-исторического развития на территории лесостепного Обь-Иртышья в эпоху неолита и бронзы.

В семидесятые годы под руководством академика А.П. Окладникова В.И. Молодин прошел академическую школу формирования специалиста. Алексей Павлович учил работать одновременно по нескольким направлениям, постоянно развивать научный кругозор и не только в области археологии. Во вре-

мя подготовки кандидатской диссертации, молодой ученый проводил исследования памятников русских переселенцев в Сибирь (Казымский и Илимский остроги), в составе экспедиции А.П. Окладникова участвовал в изучении палеолитических памятников в пустыне Гоби (Монголия), стоянок Варварина Гора, Усть-Кяхта (Забайкалье) и писаниц в Баргузинской долине. В ходе уникальных зимних экспедиций А.П. Окладникова он изучал древнее наскальное искусство в Тофаларии и Горном Алтае. Так формировались широта научных взглядов, навыки работы одновременно над несколькими научными темами.

После защиты кандидатской диссертации перед молодым ученым была поставлена новая задача – написание докторской диссертации. А.П. Окладников обозначил тему – «Бараба в древности». Вячеславу Ивановичу предстояло проследить историю обширного региона от начальных этапов его освоения до формирования современных коренных народов. Для этого требовались новые источники, получить которые было возможно только во время полевых исследований. Не случайно во второй половине семидесятых годов полевой сезон В.И. Молодина длился более полугода. В этот период были открыты и исследованы десятки памятников, разных по времени и культурной принадлежности. Среди них особо следует отметить могильник Кыштовка-2 и погребально-культовый комплекс Сопка-2. В.И. Молодин руководил также исследованиями, которые не были напрямую связаны с темой его диссертации (Шестаковская палеолитическая стоянка (Кемеровская обл.), Айдашинская пещера (Красноярский край), тагарские курганы на юге Хакасии). Много времени и сил было отдано созданию археологической карты Кубы.

В 1983 г. В.И. Молодин успешно защищает докторскую диссертацию. Впоследствии материалы исследования получили отражение в четырех монографиях, подготовленных В.И. Молодиным как индивидуально, так и в соавторстве с коллегами и учениками: «Бараба в эпоху бронзы» (1985), «Бараба в тюркское время» (1988), «Бараба в I тыс. н.э.» (1991), «Бараба в эпоху позднего средневековья» (1990). В настоящее время издаются материалы уникального памятника Сопка-2.

После защиты докторской диссертации последовали крупные зарубежные экспедиции и научные командировки в Канаду, Японию, Швейцарию, Францию, Германию. В конце девяностых годов В.И. Молодин начинает активно сотрудничать с Германским археологическим институтом – старейшим и одним из авторитетнейших научных центров Европы. В 1996 г. он избран членом-корреспондентом Германского археологического института.

Особое место в научной деятельности В.И. Молодина занимает изучение древних памятников Гор-

ного Алтая. Вячеславом Ивановичем исследованы голоценовые комплексы Денисовой пещеры, раскопаны курганы афанасьевской и пазырыкской культур, проведены работы по изучению петроглифов на р. Кучерле. Открытия мирового уровня на плато Укок связаны с реализацией программы «Пазырык», соруководителем которой являлся В.И. Молодин. Работы, проведенные на основе мультидисциплинарного подхода, дали результаты, беспрецедентные в мировой археологической практике. За эти исследования в 2005 г. В.И. Молодин вместе с Н.В. Полосьмак был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий.

В.И. Молодин активно занимается научно-организаторской деятельностью. С 1992 г. по настоящее время он является заместителем директора Института археологии и этнографии СО РАН по научной работе, возглавляет сектор и отдел палеометалла.

В 1997 г. Вячеслава Ивановича избирают заместителем Председателя Сибирского отделения РАН, а в 2003 г. – первым заместителем Председателя Сибирского отделения РАН. Одновременно он становится членом Президиумов Российской академии наук и ее Сибирского отделения, членом Бюро отделения исторических и филологических наук. Несмотря на большую загруженность на административной работе, В.И. Молодин продолжает активные научные исследования. Экспедиции под его руководством ведут изыскания в Барабе, Монголии, на Алтае. В сферу научных интересов Вячеслава Ивановича входят также проблемы истории науки, науковедения, отечественной истории, первобытного искусства, этнографии, ставрографии. В 2000 г. за исследования ранних культур Сибири от палеолита до средневековья он был удостоен Международной премии им. А.П. Карпинского (Германия). До настоящего времени В.И. Молодин – первый и пока единственный гуманитарий, удостоенный этой престижной награды.

Академик В.И. Молодин является автором и соавтором более 750 публикаций, в т.ч. 23 монографий. Им написаны отдельные главы и разделы 21 коллективной монографии; свыше 80 работ, среди них две монографии, напечатаны за рубежом (Англия, Венгрия, Германия, Казахстан, Китай, Корея, Куба, Монголия, США, Турция, Украина, Франция, Швейцария, Япония).

Значителен вклад В.И. Молодина в подготовку высококвалифицированных научных кадров. Им подготовлены 8 докторов и 27 кандидатов наук. В 1990 г. В.И. Молодин удостоен звания профессора. Он преподает в Новосибирском государственном университете, участвует в подготовке энциклопедических изданий, является членом редакционных коллегий ряда престижных отечественных и зарубежных журналов («Российская археология», «Ар-

хеология, этнография и антропология Евразии», «Вестник древней истории» и др.). Он является со-руководителем нескольких научно-исследовательских программ РАН и СО РАН, работает в руководстве Российского гуманитарного научного фонда, ВАКа и других организаций.

Заслуги В.И. Молодина отмечены руководством страны и научным сообществом. В 1999 г. В.И. Молодин награжден орденом Дружбы, а в 2007 г. – орденом Почета. В 1996 г. за патриотическое воспитание молодежи и научно-популяризаторскую деятельность ему вручена медаль «300 лет Российскому флоту». В 2006 г. В.И. Молодин награжден медалью «Дружбы» Монгольской Народной Республики. В 2007 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)»,

он также отмечен многими региональными и ведомственными наградами.

Свой юбилей Вячеслав Иванович встречает, как всегда, в экспедиции. У него большие планы. Среди них на первом месте – подготовка к изданию монографий по материалам памятников Барабы и Горного Алтая и, конечно, поле, которое давно стало для него образом жизни. Желаем Вячеславу Ивановичу – ученому, другу и замечательному человеку больших успехов.

**А.П. Деревянко, А.В. Бауло, В.В. Бобров,
В.И. Бойко, Н.И. Дроздов, Ю.Ф. Кирюшин,
А.И. Курбатов, Г.И. Медведев, О.И. Новикова,
Н.А. Томилов, М.В. Шуньков**

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГИИKN РК – Государственный институт культурного наследия Республики Кореи
ГХМАК – Государственный художественный музей Алтайского края
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР
ДВО АН СССР – Дальневосточное отделение АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН (АН СССР)
ЛАП ИГУ – Лаборатория археологии и палеоэкологии Иркутского государственного университета
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НИИЯЛИ ЯАССР – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ЯАССР
НМРА – Национальный музей Республики Алтай
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии
ТОХМ – Томский областной художественный музей
ТГУСУР – Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЦДЮТиТ – Центр детско-юношеского туризма